

II-10.
P-150.

О П

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1846.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя
1846.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. КУКОЛЬНИКОВА
ТЕАТРАЛЬНАЯ

6007.758
4954.7009

РЕПЕРТУАРЪ

ПАМЯТНИКЪ

В. МЕЖЕРИНСКІЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
законенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 31 Марта 1846 года.

Ценсоръ *А. Никитинъ*.

1846

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1846

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

№ 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

1846.

- I. NOSTURNO. Стихоть. *А. Фети*. 481
 II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА. Василій Ивановичъ Голловинъ, одинъ изъ русскихъ драматурговъ первой четверти настоящаго вѣка. (*Изъ записокъ М. Н. Макарова*) . . . 482
 III. ВѢЖЬ. Стихотвореніе. . . . 495
 IV. ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ. Разсказъ въ трехъ эпизодахъ. Эпизодъ первый: Любовь женщины. *А. А. Григорьева*. 497
 V. НАУКА И ЖЕНЩИНА. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *В. З.* 548
 VI. ПЕСТРЕТЬ ЗАДЪ. Стихотвореніе *В. И. Золотницкаго*. . . 585
 VII. МАСКАРАДЪ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. 586
 VIII. ГИДАЛЬГО. СТИХ. *А. Н. Плещеева*. 615
 IX. МУЗЫКАВТЬ И КНЯГИНЯ. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. 617
 X. ЮМОРИСТИКА. Пьеса о томъ, какъ Петербургъ занимается

- пизанными искусствами и зачѣмъ онъ ходитъ на выставку. — Осмь Юмористическая всякая всячина *А. Карра* и друг. 649
 XI. СМЪСЬ. О такъ-называемой «классической» трагедіи. — Недѣля работницы. (*Разск. Делорда*). — Операторъ. (*Истинное происшествіе*). — Трогательная исторія. (*Разсказъ вѣнскаго полицейскаго комиссара*). — Краткій историческій очеркъ театра въ Италіи. — Происхожденіе названія «Незабудки». — Отъ-чего пришла Раймунду въ голову идея написать своего «Расточителя» (*der Verschwender*). — Кто цѣлуетъ лучше всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ. — Статистика танцоровъ въ большей части европейскіихъ государствъ. — Дѣйствіе совѣти. — Клубъ холостяковъ. — Анекдоты и Мелочи. 678

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (МАЙ.)

- I. ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ. — Парижскіе. *La femme électrique*, водевилъ Корнѣ и Клервилля. — *Les ennemis*, водевилъ Форнье. — *Une nuit au Louvres*, драма Вандербюрка. — *Juanita*, комедія водевилъ Болра и Камберуса. — *Echec et mat*, комедія Фѣлье и Боважа. — *Le petit fils*, водевилъ Болра 75
 II. РУССКІЕ ТЕАТРЫ
 С. Петербургскіе.
 Александринскій театръ. *Бенефисъ г-жи Осеницкой*. — *Эсмальда*, драма — Чего на свѣтѣ не бываетъ? водевилъ. — *Бенефисъ г. Марковецкаго* —

- Пансіонерка*, трагедія — Лото въ клубѣ или на которой-то номеръ съѣсть, водевилъ. — *Ворона въ павлиньихъ перьяхъ* или слуга графъ, графъ слуга, водевилъ. — *Горе отъ ума*. — *Разбойники*, трагедія Шиллера. 79
 Михайловскій-театръ. а) Итальянскіе спектакли. *Дебютъ г-жи Бернорфъ*. — *Das Tagebuch*, комедія. — Французскія спектакли. О г-жѣ Шлесси, по случаю послѣдняго ея представленія . 93
 2) Провинціальныя театры. *Благородные спектакли въ Кременчугѣ*. — *Одесскій театръ* . . 105
 III. Разныя извѣстія 119

NOCTURNO.

Ты спишь одинъ, на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь,
Твой сводъ упалъ: кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.
И стекломъ нѣтъ, и свищетъ вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющъ растеть, да устремляетъ очи
Полночная луна.
И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ —
Блеститъ его уборъ,
И слышатся на помостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.
И грустную симфонію печали
Звучитъ во тьмѣ органъ....
То стихнетъ все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны и органъ.

А. ФЕТЬ.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА.

Василій Ивановичъ Головинъ,

одинъ изъ русскихъ драматурговъ первой четверти настоящаго вѣка *).

(Изъ записокъ М. Н. Макарова.)

I.

— Ёдемте, сударь! ёдемъ! На что это похоже, такъ долго лежать прохлажаться, спать! рѣзко-пронзительнымъ голосомъ кричалъ кто-то съ шумомъ за дверью моего кабинета, и, съ тѣмъ же вмѣстѣ, моя кабинетная дверь отворилась и у самаго моего носа появился человѣкъ средняго роста, плотненькой, толстенной, но чрезъ-чуръ живой, говорливый; а въ добавокъ и съ небольшою тетрадью, завернутою, въ бѣломъ, какъ снѣгъ платкѣ.

*) Прочитавъ этотъ отрывокъ изъ любопытныхъ записокъ М. Н. Макарова, мы не рѣшились ничего измѣнять въ немъ: пускай въ статьѣ этой не будетъ журнальной легкости, за то есть своя добродушная оригинальность, которая, вѣроятно, понравится многимъ.

— Головинъ! крикнулъ и я, протирая глаза: говори-же, что такое! Зачѣмъ? Куда? Я заснулъ, извини! Вчера, ты знаешь, мы прыгали вмѣстѣ у **!

— А нынче, продолжалъ, почти не слушая меня, мой ранній гость: а нынче, повторялъ онъ, въ десять часовъ должны мы быть у Кокошкина и тоже неврознь. Честное слово далъ я Федору Федоровичу дочитать передъ нимъ моихъ Писателей! Пуцинь и Писаревъ (*) у меня въ каретѣ. Вставай-ко, вставай!....»

Я вскочилъ, коѣ-какъ одѣлся, и вотъ уже вся наша четверка, прескорехонько торопилась по высокой лѣстницѣ къ кабинету незабвеннаго директора московскихъ театровъ, торопилась, а не въ попадъ; оттуда попросили насъ къ параду, въ боярскую Кокошкинскую гостиную, памятную и прежними владѣльцами своими — Мамоновыми (**), замѣченными нѣкогда, во времена оны, очень, очень-хорошо Екатериною Великою. — А ея замѣтки не шутка!

Кромѣ насъ четверыхъ и хозяина, въ гостиной были Щепкинъ, Львова-Синецкая, Сабуровъ и еще другіе актеры. Въ числѣ литературныхъ лицъ отличилъ я С. В. Смирнова, переводчика Шиллеровой трагедіи *Коварство и Любовь*, старика Карцева (***) неизмѣнно, на весь свой вѣкъ, поклонника Вольтеру, и мало-ли кого!

Радущіе хозяина и чай встрѣтили насъ еще прежде чтенія, выскочившаго изъ батиста Головинскаго; но однакожь, послѣ чая и чтеніе не замедлилось. Комедія *Василія Ивановича* называется: «Писатели между собою» (****). Она пяти актная, мѣрная, пра-

*) Писаревъ, Александръ Ивановичъ; водевилей его, до сей минуты, едва-ли не должно почитать (у насъ) лучшими; Пуцинь, Александръ Семеновичъ, принадлежалъ къ числу самыхъ вѣрныхъ друзей Кокошкина, цѣнителей всего драматическаго, единственно Кокошкинскимъ приговоромъ Имѣя своевременную извѣстность въ Москвѣ, Пуцинь, вмѣстѣ съ В. А. Полеистневымъ и другими умѣлъ мастерски разглашать славу не только драматурговъ нашихъ, но даже и поэтовъ!....

***) Матьельма Васильевна и сыномъ его.

****) Объ этомъ старецъ Карцевъ нѣкогда была напечатана статья въ С. П. Бургской *Литературной Газетѣ* (Барона Дельвига) и въ *Молодѣ*.

*****) Головинъ ее напечаталъ въ Москвѣ, въ типографіи Семена 1827 года, а первое представленіе ея было на Московскомъ-же Петровскомъ театрѣ, въ бенефисъ актрисы Лисицкой 1826, декабря 31 дня.

вильная по стихамъ, неоспоримо, во многихъ мѣстахъ сухимъ, не виолнѣ легкая! Ея содержаніе составляютъ интриги между авторами, бой полемическій одного противъ другаго, слѣное умнчанье женщины автора, почти главной основы всей піесы, принадлежавшей, по времени, уже къ упадку на нашей сценѣ классической комедіи *Князюнина*, *Канниста* и самого *Коккошкина*, точныхъ еще послѣдователей (разумѣю по ихъ возможностямъ) *Мольера*, *Расина*, *Реньяра* и другихъ драматическихъ французскихъ классиковъ. Все это было въ славіи прежде, а теперь водевилъ сильно вытѣснялъ классическую комедію. Въ Парижѣ жилъ Скрибъ, и за нимъ уже ни одинъ Французъ не видалъ даже самого Вольтера: подлѣ Скриба непрестанно рождались новыя водевилысты и передъ классицизмомъ составляли изъ себя стѣну неприступную: тоже должно было послѣдовать и у насъ!... Мы Головина одобряли, поощряли; одинъ только Писаревъ, гдѣ приходилось кстати, изъ-подтишка, перечитывалъ свои куплеты на счетъ и въ счетъ писателей, впрочемъ, тѣже куплеты вторилъ и коѣ-кто изъ другихъ. *Пуцинъ*, и то и сѣ причисляя къ *свѣденію*, записывалъ; онъ готовилъ, можетъ-быть, славную статью для своей *словесной* газеты завтрашней, а станется и для *черезъ-минутной*. Ужъ таковъ былъ выходъ неровныхъ думеровъ его газеты! Головинъ задыхался, мучился, уставалъ! Не вспомню, у кого-то выметѣло слово *о силахъ возраста новаго* нашего поколѣнія, смотрѣвшаго на точную послѣдовательность устарѣлымъ, прежнимъ манерамъ и мнѣніямъ безъ разбора, какъ на каррикатуру, — у *Головина* сорвалась эпиграмма; онъ вдругъ проговорилъ:

Въ честь балагановъ не пишу,
 Я не беру примѣръ съ *яяса*,
 Не прыгаю и не пляшу
 Въ угодность *дѣтскаго* Парнасса.
 Старался я для *взрослыхъ* пѣть
 И *взрослымъ* нравиться успѣть.

Эпиграма довольно продолговата и достаточно шереховата, однакожь Писаревъ умолкъ! *Коккошкинъ* и другіе знатоки наши тутъ-же нашли, что въ піесѣ Головина было много хорошаго. На томъ-же остановился толкъ и *Пушина* и веѣхъ его товарищей; слѣдовательно, это принято было летучею дневною газетою цѣлой *Москвы*, имѣвшею великое вліяніе, даже на-переговоръ

московскому Английскому-клубу!... При чтеніи въ особенности замѣчены слѣдующіе хорошіе стихи:

Кто другу поболелъ полезный дать совѣтъ,
Чтобъ не поссориться, пустяя мелить фразы,
Подлѣй, по моему, того на свѣтъ нѣтъ!

или:

Какое заблужденіе!

Какъ, ты надѣешься что умный человекъ
Успѣеть чѣмъ-нибудь въ нашъ просвѣщенный вѣкъ?

— На это обнадеженный въ будущихъ успѣхахъ поэтъ говоритъ :

Всѣ авторы меня поддержать, какъ друзья!

А ему возражаютъ :

Эхъ! Авторозъ друзей не знаю кто-то я!

При подобныхъ выходкахъ, нѣкоторые изъ литераторовъ всей нашей честной компаніи перешептывались или переглядывались одинъ съ другимъ. Пущинъ тихонько аплодировалъ и повторялъ очень-часто:

Эхъ! Авторозъ друзей не знаю кто-то я!

Головинъ оставался довольнымъ: всѣ общество друзей и недрюговъ его было весело!

Сцена, (въ «Писателяхъ» же), при избраніи дамы-автора предсѣдательницею ученаго общества, очень-забавна: авторскія пикировки скупаются градомъ; здѣсь нашъ Василій Ивановичъ выдержалъ прекрасно свое опредѣленіе, что *авторовъ-друзей нигдѣ не существуетъ!* Тонъ и приличія модъ, такъ деспотически теперь у насъ въ Москвѣ разлетающія, въ *Писателяхъ между собою* какъ-бы предеказываются вездѣ, по особенному пророчеству; болтовня по французски идетъ въ гору: во молодая вдова, княгиня *Турекая*, начинаетъ судить еще по-старинѣ, она рѣшилась сказать было, что *тамъ, гдѣ нѣтъ взаимной страсти, нѣтъ и*

счастія! Продолженіемъ самой этой своей сентенціи она, можетъ быть, высказала-бы многое, ея же днямъ современное, а въ наши дни для насъ, весьма, любопытное; но вдругъ и неожиданно ее перебилъ авторъ *Тонской*, начавши говорить, что

«... Всѣ горести, напасти....»

Въ замужствѣ отъ того!....

И не домогивилъ *отъ чего* потому, что и ему *Тонскому* была опредѣлена участь *Тирской-же*, его тоже перебилъ, и уже съ жаромъ *Пламеновъ* (другой писатель). Этотъ опредѣлили замѣтки *Тонскаго* тѣмъ, что всѣ горести, напасти въ *замужество* отъ того,

«Что часто *котильонъ*.

Мундиръ, *усы*, *лорнетъ*, какой-то глупый *тонъ*,

У многихъ дамъ въ глазахъ даютъ намъ вѣсь и цѣну!

И если-бъ самъ *Вольтеръ* явился къ намъ на сцену,

Чтобъ здѣсь себя въ Москвѣ, хоть мало показать....

Чѣмъ и какъ? Вы спрашиваете, но и *Пламеновъ* уже, какъ завелось, перебитъ также, какъ и *Тонской*. Въмѣсто его вамъ объясняетъ про *Вольтера*, другъ *Тонскаго*, *Любимъ*: этотъ увѣренъ, что и *Вольтеръ* явившись къ намъ на сцену — *французскую кадрили* (обязанъ) *танцевать*.

Именно такъ; а нынче-бы, можетъ, для мудреца *Фернейскаго* и еще вонакладиѣ было, его-бы заставляли

«То *польку*, то *канканъ*, въ честь моды, отжигать.»

На все время: — французская кадрили уже препорядочно смята нашими польками, точно также, какъ нѣкогда и *ею*, французскою кадрилию, были заняты *манимаски* и кадрили *англійскія!*..

Не выбирая еще многихъ и премногихъ другихъ замѣчательныхъ стиховъ изъ комедіи *В. И. Головина*, скажемъ, что она точно имѣла свои достоинства; да на сценѣ, уже привыкавшей къ *водевиллямъ*, уснѣха имѣть не могла, и хотя разыгрывалась самыми лучшими московскими артистами, (назовемъ ихъ: *Ленскій*, *Лисицына*, *Львова-Синецкая*, *Мочаловъ*, *Сабуровъ*, *Щепкинъ*), а совсѣмъ тѣмъ, послѣ двухъ или трехъ представленій, строгая классика не защитила ее отъ упадка: она пропала и давно уже

лежитъ подъ *Хвастуномъ*, подъ *Чудаками*, чуть-чуть пробиваясь изъ-подъ *Ябеды*, гораздо болѣе для нашихъ актеровъ сподручной, нежели писатели.

II.

Къ напечатанной комедіи Головина приложено имъ что-то, въ родѣ предисловія; въ этомъ предисловіи накинаны также пророчества объ успѣхѣ самаго сочиненія, и пророчества-же о многомъ будущемъ (теперешнемъ) въ нашей литературѣ; тутъ есть даже и такой вопросъ, какъ на-примѣръ:» къ чему-же или зачѣмъ-же намъ *комедія*? не лучше ли *опера*, или, по-крайней-мѣрѣ, *мелодрама*?... «На подобные вопросы въ *кромѣ* нашей публки и доселѣ еще обыкновенно слѣдуетъ безотвѣтное молчаніе, и потому-то, на свой-же вопросъ, авторъ самъ себя отвѣчаетъ... Вы любопытствуете знать «какъ?» я отвѣчаю: *никакъ!*» Да и что вы отвѣтите на многіе такіе наши вопросы, которые, не руководствуясь здравымъ смысломъ, идутъ только за прихотью уже сбившейся и съ толку и съ правилъ публики! Далѣе поэтъ говоритъ, что и нашъ (русской) разборчивый зритель требуетъ именно изящнаго: сильныхъ характеровъ, обдуманной интриги, дѣйствія, морали, не въ словахъ, а на дѣлѣ, и прочаго... а совѣмъ не *ковриковъ-самолетовъ*.

«Однакожъ они есть и будутъ эти *коврики-самолеты!*» замѣчаетъ одинъ изъ дѣйствующихъ противниковъ нашего поэта. — Да, именно есть, скажемъ и мы, и къ-сожалѣнію такъ и случилось — Западъ и денно и ночно отпускаетъ ихъ къ намъ (и земно, и воздушно) цѣлыми тысячами. Быстро формируется у насъ вѣкъ *надуваль*, и этотъ вѣкъ *надуваль* уже въ выигрышѣ.

Всего хорошаго изъ *пяти-актной*, большой, очень-большой пьесы Головина выписывать не берусь; — повторю только, что эта его пьеса, по своимъ авторскимъ спорамъ, по своимъ авторскимъ замѣткамъ и по другимъ, авторскимъ-же интригамъ, особенно по страсти литературной *авторши Пюниной*, имѣетъ много занимательнаго для нравственности. Конечно въ *Писателяхъ*-же *Головинскихъ*, какъ проговорили и мы, есть *то тамъ, то сямъ сухость*, и сухость утомительная, особенно для слуха всѣхъ любителей всего *самолетнаго*, (отъ-чего, должно сознаться, и драматическій трудъ почтеннаго *Василія Ивановича*, даже при самой

отличной игрѣ Щепкина, Мочалова — отца, Львовой Синецкой, Ленскаго, не могъ выдержать и трехъ представленій). Но на это смотрѣть-ли въ историческихъ фактахъ нашего театра? Кстати: вспомните и *водевиль*; онъ уже шелъ у насъ могучѣе всякой комедіи. Извините, и я сбиваюсь, какъ наша-же кроха-публика; повторенія у меня непрестанно; да они-же могли-бы остаться у меня-же вѣчными — до конца моей жизни; я самый несчастный борець съ легкостью правовъ французскихъ, намъ ненужныхъ, намъ ненадобныхъ, также, какъ и философія нѣмецкая!...

III.

Кромѣ поименованной мною комедіи, Головинъ написалъ нѣсколько драматическихъ статей для журналовъ и нѣсколько водевилей, изъ коихъ первыя печатаны были въ *Вѣстникъ Европы*, въ *Телескопъ* и въ другихъ такихъ-же повременныхъ изданіяхъ; изъ вторыхъ нѣкоторыя, были представляемы на театрахъ. *Василій-эне Ивановичъ* хлопоталъ много о вызовѣ своего земляка М. С. Щепкина на московскую сцену.

Вотъ нѣсколько строкъ изъ писемъ Головина ко мнѣ: этими строками еще кое-что объясняется о Головинѣ, мною недосказанное. Нескучно, — читайте ихъ, вотъ онѣ:

4-го сентября 1827, Неплюевка (*).

«Любезный и почтенный другъ М. Н!»

«Какъ человѣкъ, любящій васъ душою, все дождался я письма вашего. Я писалъ къ вамъ *то и се*, съ посылкою двухъ тысячъ на удовлетвореніе усильныхъ требованій неумолимой ростовщицы. (**). Живутъ-же этакіе люди на свѣтѣ! Разбой таинственный, и потому-то нѣтъ, и долго, долго не будетъ ему суда отъ свѣта. — Но это дѣло здѣсь стороннее, мнѣ остается только на-

(*) Название *Путивльскаго* имѣнія, принадлежавшаго Головину.

(**) Любопытное письмо о *ростѣ*, ростовщикахъ и ростовщицахъ, писанное ко мнѣ Головинымъ, затерялось какъ-то въ бумагахъ; но, можетъ-быть, комизмъ его еще отысканъ будетъ. —

помните, вамъ о другихъ порученіяхъ: 1-й пришлите мнѣ *дипломъ* на избраніе меня Членомъ вашего Словеснаго Общества (*). Оно кажется, согласилось, что *по печатному* и я болтувъ препорядочный: «*тискаю!*» 2-е Похлопочите о моемъ отпускѣ (**), и наконецъ 3-е и послѣднее, похлопочите-же о напечатаніи моего *Похищеннаго Офицера* (***) ; не полѣнитесь отобрать самый вѣрный отвѣтъ отъ *Степанова*, (+) допросите его хорошенько, почему и для чего онъ удерживаетъ мое бѣдное дѣтище въ станкѣ типографскомъ; напомните ему-же, *Степанову*, что наши *Петровскія* кресла достаточно похлопали *моему благородію*, самъ рай не дремалъ при немъ и даже изъ многихъ ложъ торчали хорошенькіе головочки, ожидая, что-то будетъ съ *Похищеннымъ*? Впрочемъ я понимаю *Степанова*, онъ знаетъ что у меня нѣтъ связей съ Сѣверомъ, что я не прикормилъ еще ни одного журналиста, и вотъ мой *офицеръ* никогда не найдется для торговаго разчета выгоднымъ; онъ пропалъ, пропалъ навѣчно, безъ окупа!

Что-то вы, любезный другъ, какъ и чѣмъ уладили съ А. С. Ш? даль-ли онъ вамъ *объщанное*, или всё еще *сидите у моря, да ждёте погоды*? Наша малороссійская погода покажетъ живеть на порядкѣ; у васъ-же, на Руси *великой*, полно можно-ли и говорить о погодѣ, что она *живетъ на порядкахъ*! При томъ не забудьте, что васъ-же приписали къ *приходу* Карамзинскому, что вы также большая или мѣньшая *выдержка изъ фактовъ моихъ уже заснувшихъ писателей*.

Любовь Михайловна (++) благодаритъ васъ и вашу *Мар. Из.* за воспоминаніе объ насъ, бѣдныхъ отшельникахъ. Хорошо бывало и здѣсь при *Балнахъ*; а теперь, гдѣ наловимъ соловьевъ

(*) Общество *Любителей Россійской Словесности*, вѣкогда, существовавшее при Московскомъ Университетѣ.

(**) *Головинъ* служилъ тогда.

(***) Названіе водевиля, съ довольномъ успѣхомъ игравшаго на московскомъ театрѣ.

(+) Извѣстный московскій типографчикъ, имѣвшій тогда типографію подъ покровительствомъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ, да и теперь имѣющій одну изъ лучшихъ типографій въ Москвѣ.

(++) *Василій Ивановичъ* былъ женатъ на *Любови Михайловнѣ Бакуминой*, родной сестрѣ извѣстной нашей писательницы, *Прасковьи Михайловны Бакуминой*.

древнихъ лѣтъ? — старики померли, а потомство ихъ все разлетѣлось, иное обитальянилось, другое онпмечилось, третье все еще грезится и даже туречится!...

Я еще ни за что не принимался, — то-то, то-се; но это-же то и се не у меня одного, согласитесь, что оно же расселено и въ общей массѣ нашего мало-мальски грамотнаго людетва, особенно въ нѣсколько высшихъ сферахъ; тамъ есть время для многого, даже время *бостонное, вистовое*, для одной литературы тамъ какъ-то нѣтъ ни одной свободной минуточки. Хочется почитать, хочется пописать — спрячься, читай и пиши тайкомъ, а не то и Боже упаси! Что объ васъ скажутъ? — Грамота на міру, неполономъ грамотѣямъ, бѣда-бѣдовая! Другая рѣчь мы съ вами: — не уклончивы, все пишемъ да пишемъ!... Пѣсни, пословицы и все достойное вниманія по нашему Путивлю присылать къ вамъ буду и проч. Прощайте. —

IV.

Изъ другаго письма, отъ 22 сентября 1828 года, видно, что *Василій Ивановичъ* хлопоталъ у себя въ вотчинѣ о возобновленіи древняго храма; но въ тоже время писалъ и романъ; названіе этого романа неизвѣстно; а вотъ о немъ слова нашего *Головина*: Нельзя-ли мнѣ доставить пословицъ *Снегирева*? Что онѣ будутъ стоить, напишите, деньги за нихъ получите съ первой почтою. Исполняйте-же мое требованіе поспѣшиѣе, а не то на васъ падеть вина великая: вы, сударь, будете душегубцемъ моего романа!»

Въ 1832 году видно, что тотъ-же романъ *Головинскій* не былъ еще оконченъ: тутъ Головинъ жилъ въ Москвѣ и одною изъ записокъ своихъ требовалъ еще отъ меня, для того-же романа: *Димитрія Самозванца* (*Булгарина*) и *Юрія Милославскаго* (*Загоскина*), а наконецъ дополнилъ все это слѣдующимъ:» Ожидая отъ васъ себѣ возможныхъ литературныхъ пособій, вооружился я перомъ и сижу надъ цѣлою дестью бумаги, около меня развернулся *Карамзинъ*, въ оригиналѣ *Маржеретъ* и даже *Успенскій*:

Богать, какъ Крезъ, я стариною,

Пословицы мнѣ *Снегиревъ* поеть:

И мой романъ летитъ, не йдетъ
Съ своей нагнкою чужою!

Въ другой, слѣдующей за тѣмъ запискѣ и еще отъ меня-же требованіе, и опять для романа-же: «Не можете-ли», писалъ *Василій Ивановичъ*, — «прислать скорѣе — Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, изданное Протоіереемъ *Андреемъ Иоанновымъ* въ 1799 году? Я совѣщусь васъ тормошить; впрочемъ, когда авторъ дѣйствуетъ на своей литераторской службѣ, тогда уже ему извыше дается право, безъ всякой политической совѣстливости *тормошить* своего брата-литератора, пріятеля и требовать отъ него книгъ, книгъ, рукописей, рукописей и проч. и проч. Безъ того-же, сирѣчь, не занимствуясь другъ отъ друга *чужбиною*, какихъ-бы мы лишились грамотевъ, теперь только чужбиною и славныхъ! — Вы ихъ знаете... Особенно *Исторія Карамзина*, какъ матеріалъ, принята уже многими нашими романистами къ себѣ *въ-половину*; повозись только съ нею, и два, и три тома вашего историческаго романа какъ тутъ: вамъ останется кое-какъ придѣлать одинъ четвертый томъ. Вотъ по тому-то самому присылайте-ко скорѣе, какія у васъ тамъ есть книги, рукописи. Вы знаете какія, мы ужъ съ вами объ нихъ поговорили. Не думайте также, чтобъ я книгу и рукопись почиталъ ничтожествомъ и усвоивалъ ихъ, подъ часть, себѣ. — Нѣтъ! нѣтъ! Я придаю ей цѣну денежную, и въ случаѣ бѣды плачу за нее, какъ по векселю, что требуется. Жаль однако-жъ, что у насъ нѣтъ еще на усвойку богатства *литературнаго* статьи законной; и даже въ самыхъ описяхъ имуществъ *драгоценнѣйшая* книга или рукопись — пустякъ; а послѣ, за зотъ-же пустякъ знатокъ не жалѣетъ золота!...»

У.

1833 года, января 25 дня, *Василій Ивановичъ*, изъ своего *Путевля*, прислалъ ко мнѣ еще слѣдующее, весьма-любопытное письмо: «Любезный другъ М. Н. (говоритъ онъ): озадачивъ васъ важными, нетерпящими отлагательствъ порученіями, ни словечка, въ послѣднемъ моемъ письмѣ не поговорилъ я съ вами о нашей *общей*

бользни, метро и неметроманіи! Давно-ли вы, сударь, стали объясняться пивически, то-есть: загадками? Что вы за Свинксы, и что я за Эдинъ? Какимъ образомъ узнали вы, что У...ву понравилась моя Комета (*)? У...въ нашъ начальникъ: его мнѣніе слишкомъ-лестно и важно для меня! Опишите мнѣ все это чисто, ясно, беззагадочно!.. Нельзя-ли мнѣ выслать номеръ того журнала, въ которомъ мое Святотреставленіе (**), напечатано! Узнайте также, была-ли помѣщена статья моя въ Телескопъ, подъ названіемъ: «Что такое умъ?» Если нѣтъ, то я вышлю ее нашему почтеннѣйшему Князю **, а то гг. Телескопоуправщики держутъ наши статьи по пяти да по шести мѣсяцевъ подъ спудомъ! Мой «Концертъ въ ульздѣ» (***) былъ напечатанъ у нихъ черезъ полгода. Водится-ли это? Я пишу мои бездѣлки въ два, три дня, слѣдовательно, желаю, чтобы онѣ передавались и публикѣ скоро! Послѣ одобренія ученнѣйшаго въ Россіи человѣка У—а, кажется, и безъ мнѣній самонадѣянности, можно сказать, что нѣкоторыя мои статьи брели-бы не хуже другихъ, и слѣдовательно, журнальная растяжка времени не есть-ли кабала, подкопъ, мина подъ фортеціи правды, подъ малый талантъ мой? Такая догадка безошибочна, ибо, если мое писанье недостойно занимать мѣсто въ журналѣ — не печатайте ихъ вовсе; а не черезъ нѣсколько мѣсяцевъ! Вы сами писатель, знаете, какъ этотъ народъ щекотливъ! не видѣвши поспѣшности отъ издателя передать публикѣ мое сочиненіе, натурально не пошлешь ему новаго; а если еще чувствуешь самъ себя цѣну, то, въ добавокъ ко всему, взбѣсившись, охолодѣешь, и вотъ такимъ-образомъ въ матушкѣ Россіи погибаетъ тьма талантовъ (****)!

Поговорите съ княземъ: если угодно будетъ ему присылать мнѣ свой журналъ, то я постараюсь во всякій номеръ его залучать которую-нибудь изъ моихъ бредней, и проч.

P. S. Мой романъ, по несчастному обстоятельству, сталъ.

(*) Статья юмористическая. Не знаю, была-ли она въ печати, но читана была съ успѣхомъ въ домѣ О. О. Кокошкина.

(**) Та-же статья Комета.

(***) Статья юмористическая.

(****) Мысли весьма комическихкія и не вездѣ вполне справедливы; но искренность ихъ — оригиналь драматическій.

Ангель мой М... (*) занемогъ въ ту самую секунду, когда я описывалъ повѣрья народныя и говорилъ о печальныхъ обрядахъ— Не имѣю духа продолжать! Не переломлю себя!... Что за *Аскольдова Могила*? Какъ-бы ее достать (**)?

Въ 1842 году *Головинъ* прислалъ мнѣ довѣренность на полученіе изъ Дирекціи московскихъ театровъ, двухъ драматическихкихъ его сочиненій одобренныхъ ценсурою: 1) оперу-водевилъ *Трохимъ Ехремовичъ Кадура* и 2) драму *Виконтъ Вальморъ*; по занятіямъ служебнымъ, я не могъ хлопотать по этому порученію, какъ-бы слѣдовало; *Головинъ* скорбѣлъ, а я не могъ добиться въ дѣлахъ его толку. Дирекція измѣнилась, не было *Загоскина* — «Виконтъ Вальморъ» пропалъ, «Кадура» мелькалъ на нѣкоторыхъ сценахъ удачно, — *Головину* хотѣлось все это собрать и напечатать; да дѣла семейныя, смерть достойной супруги разстроили нашего драматурга до нельзя. Последнее его сочиненіе были сцены изъ *Разбойниковъ русскихъ*. Въ половинѣ прошлаго 1845 года, *Василій Ивановичъ* скончался, и лежитъ на земляхъ *Путивля*, подлѣ *Баяновъ*.

Не поговорить о *Головинѣ* для «Репертуара и Пантеона» я почтичитаю грѣхомъ на совѣсти; въ исторіи нашего театра, какъ видите, и *Головинъ* необходимъ; онъ ревностно служилъ русской *Талии* и отдавалъ ей все, что только имѣлъ за-душою, онъ же участвовалъ, какъ сказано (и ревностиѣе многихъ), въ переводѣ на московскую сцену *М. С. Щепкина*. Опять скажу: тутъ подарокъ *Талии* драгоценный — фактъ незабвенный!

Многимъ памяты литературные вечера *Князя Ивана Михайловича Долгорукова*, поэта оригинальнаго, о которомъ, однако-жъ, до сего времени еще почти никто не сказалъ ни слова, и о которомъ, въ исторіи нашей поэзіи, за одинъ *Каминъ* его въ *Пензѣ*, за его *Я*, за его *Завѣщаніе*, должно-бы говорить много, много!

(*) Сынъ *Головина* — ребенокъ прелестный!

(**) Тутъ еще блеснула любопытная оригинальность моего поэта: — посмотрите, кончина единственнаго тогда сына, милаго ребенка, разстроила все въ бѣдномъ *Головинѣ*: его романъ пропалъ, всю его письменность замянула слезы, рыданія. — Но передъ поэтомъ-драматургомъ лежитъ новость, вѣсть о появленіи *Аскольдовой могилы*, и любопытство авторское закрываетъ на минуту всю печаль сердечную — авторъ-драматургъ тотчасъ спрашиваетъ: «Что это за *Аскольдова могила*?»

Василій Ивановичъ Головинъ въ *Вечерахъ* Долгорукаго также принималъ участіе, читалъ и слушалъ тамъ, въ нашей поэзіи незабвенное. — Мы о *Вечерахъ* Князя Ивана Михайловича напомнимъ минуту поговорить особо — въ отношеніи къ драмѣ, въ отношеніи къ самому хозяину вечеровъ, какъ къ знатоку, актеру и поэту *)!

МАКАРОВЪ.

Января 28, 1846 г.

Поварская.

(*) Покорнѣйше просимъ. Ред.

ВАМЪ.

Je ne puis signer ma lettre, mais votre
cœur vous dira mon nom.

Зачѣмъ въ часъ знойной бальной ночи

Стоите вы передо мной,
И черныя живыя очи
Устремлены ко мнѣ съ тоской?
Или порой невольно руки
Сожмете въ трепетныхъ рукахъ,
И сколько страсти, сколько муки
Въ поступкахъ вашихъ и рѣчахъ!
То новый Сафьевъ*), полный мщенья,
Смиривъ души печальный бредъ,
Стоите съ мной сожалѣнья
И грустно мнѣ глядите въ слѣдъ.
А я молчу!... Но грудь тоскою
Томится страшно и болитъ,
Зачѣмъ, что страстию живою
Я не могу васъ полюбить.
Я помню, было время: съ вами
Желанной встрѣчи я ждала,
Я помню, робкими устами
Я васъ по имени звала;
Но это время было прежде,
Теперь его простылъ и слѣдъ:

*) Дѣйствующее лицо въ повѣсти Гр. Сологуба *Балъ*.

Зачѣмъ-же вѣрны вы надеждѣ,
 Когда любви во мнѣ ужъ нѣтъ?
 Какъ часто съ вздохомъ сожалѣнья
 Я мыслю: О, когда-бы вновь
 Во мнѣ хоть на одно мгновенье
 Зажглась къ вамъ прежняя любовь,
 Чтобъ снова молча, и несмѣло,
 Любила я, какъ въ первый разъ,
 Но чтобы болѣе ужъла
 Душою одѣнить я васъ!
 Нѣтъ, прошлое невозвратно!..
 Какъ стало жаль его мнѣ вдругъ...
 Я васъ люблю, но такъ любимы
 Быть могутъ только — братъ и другъ.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ТРЕХЪ ЭПИЗОДАХЪ.

ЭПИЗОДЪ ПЕРВЫЙ.

(*Любовь женщины*).

Savez-vous qu'est ce que c'est que la vertu ?

— La vertu c'est le front d'airain.

Correspondance inédite.

Въ саду Куселева-Безбородко игралъ оркестръ Германа, старо, но вѣчно-живаго Германа, котораго Гунгль вытѣснилъ изъ Павловска. Народу было очень-много, тѣмъ больше, что вечеръ стоялъ чудесный. По обыкновенію, было больше охотниковъ слушать музыку даромъ, т. е. за оградой, нежели въ предѣлахъ ограды; впрочемъ народъ этотъ принадлежалъ или къ обыкновеннымъ жителямъ дачи, или къ обыкновеннымъ фланерамъ пе-

тербургскимъ, которые садятся на Невскомъ въ первый свободный дилижансъ, и ѣдутъ куда пошло: въ этомъ есть очень-много наслажденія, которое, не знаю, испытали-ли мои читатели.

Было уже восемь часовъ. Раздался оглушительный и непріятный крикъ огромнаго насѣкомаго, которое зовутъ дилижансомъ.

Дверь ограды отворилась, и оттуда вышелъ человѣкъ.

При появленіи этого человѣка, одна изъ гувернантокъ, которыхъ всегда такъ много на дачахъ, высокая, длинная и худая, приставила къ глазу лорнетку. Ея примѣру послѣдовала и другая, низенькая и довольно-толстая, съ которой любезничалъ какой-то поручикъ.

Только впрочемъ и было замѣчательнаго при выходѣ изъ ограды этого человѣка.

Одна изъ гувернантокъ скоро обратилась съ лорнетомъ въ другую сторону, другая замѣтила сквозь зубы:

— On le voit très-souvent.

— C'est un habitué, подхватилъ офицеръ.

Разговоръ тѣмъ и кончился.

Человѣкъ, который вышелъ изъ за ограды, вѣроятно, на призывъ дилижанса, былъ довольно-высокъ ростомъ и одѣтъ очень-изящно, хотя немного странно, немного эксцентрически. На немъ былъ черный бархатный однобортный сюртукъ, застегнутый почти до верху, небрежно повязанный легкій шолковый платокъ съ большими отложными воротничками; черныя перчатки обтягивали его до невѣроятности маленькую руку; въ правой была у него палка огромной величины съ искусно-вырѣзаннымъ черепомъ изъ слоновой кости, вмѣсто ручки. Черная бархатная фуражка безъ козырька, густая черная борода, довольно-живописно падавшая на голландскую рубашку, и гладко остриженные волосы придавали ему какой-то особенный, оригинальный видъ. Въ его физиономіи, очень-выразительной, не было ничего особенно-непріятнаго, но блѣдныя, тонкія губы, сжатые въ вѣчную улыбку, но что-то слишкомъ-дерзкое въ выраженіи большихъ черныхъ глазъ, возбуждали чувство невольной антипатіи во всемъ петербургскомъ народонаселеніи, такъ привыкшемъ къ уровню однообразныхъ виць-мундирныхъ физиономій, такъ искренно-непріязненнымъ всему, что смѣетъ носить печать какого-либо нравственнаго превосходства. Увы! таковы все мы отъ перваго до послѣдняго; во великомъ немного выдающемся выраженіи физиономіи, во всякомъ непозволительно-рѣзкомъ очертаніи профиля, мы готовы видѣть всегда что-то зловѣщее, что-то враждебное намъ,

чадамъ посредственности; мы хотимъ непременно уровня, хотя бы уровня безобразія.

Человѣкъ въ черномъ бархатномъ сюртукѣ пошелъ дѣйствительно къ мѣсту отправления дилижансовъ.

Когда онъ пришелъ туда, мѣста были уже почти всѣ заняты, и на остальные было множество претендентовъ.

Но онъ вынулъ изъ бокового кармана сюртука билетъ, и показавши его кондуктору, безпрепятственно вступилъ на подножку.

Пробраться къ мѣсту было ему, кажется, довольно-трудно, потому-что мѣста были заняты дамами или почтенными чиновниками, которыхъ физическая оболочка любить, какъ извѣстно, просторъ.

Наконецъ онъ пробрался въ самый уголъ и сѣлъ, не обращая ни накого особеннаго вниманія. Онъ два раза зѣвнулъ, сжалъ губы съ особенно-непріятнымъ чувствомъ, и обратился къ окну.

Я сказалъ, что въ дилижансѣ сѣдѣли все чиновники и дамы, вѣроятно, супруги или дочки чиновниковъ, какъ можно было предполагать по выраженію лица, по цвѣту глазъ, по форменнымъ очертаніямъ профилей.

Все это были добродѣтельные матери и вѣрныя супруги, настоящія или будущія.

Но подлѣ моего незнакомца сѣдѣли мужчина и женщина, по-видимому, не принадлежащія къ чиновному люду.

Мужчинѣ было лѣтъ 28; его лицо, чрезвычайно свѣжее и нѣжное, было благородно и открыто, въ голубыхъ глазахъ свѣтилось много добродушія и ума; вообще, онъ былъ-бы чудно хорошъ, если-бъ былъ женщиной, ибо тогда не такъ ярко выступала-бы дюжинность, повседневность его природы. Одѣтъ онъ былъ очень-порядочно и просто, хотя уже слишкомъ-изысканно-просто, слишкомъ, такъ-сказать, по-московски-просто, именно по-московски, — другаго слова я не придумаю для этой заѣзжей простоты, которой порядочное, почти аристократическое чувство за-прещаетъ брать примѣръ элегантности съ посѣтителей кандитерскихъ Невскаго-проспекта, но которая попадаетъ часто въ другую крайность. Онъ былъ съ головы до ногъ въ черномъ, и воротнички, de rigueur не болѣе ни менѣе какъ на $\frac{1}{10}$ пальца, выданы изъ-за чернаго атласнаго галстука.

Женщина... ибо я не хочу назвать ее казеннымъ словомъ «дама», этимъ несноснымъ именемъ, добиваясь котораго, чиновницы часто уничтожаютъ въ себѣ всю свою природную женственность, — женщина, говорю я, была закрыта черной флеровой мантилей

и потому я могу сказать нѣсколько словъ о ея лицѣ, но и то только нѣсколько словъ: черты этого лица были слишкомъ тонки, даже до болѣзненности тонки; не одна природа такъ ярко очертила эти синія жилки на прозрачномъ облакѣ, не одна природа такъ фосфорически освѣтила эти голубые большіе глаза, создала эти блѣдные, длинныя, худые пальцы, сообщила что-то мягкое, сладострастное и вмѣстѣ утомленное положенію этого слабого тѣла.

— Который часъ, Жоржъ? обратилась она усталымъ тономъ къ сидѣвшему подлѣ нея мужичиѣ.

При звукахъ этого голоса, какъ-то странно, какъ-то ребячески рѣзкаго, незнакомецъ, неподвижно смотрѣвшій въ окно, невольно полуоборотился.

Тотъ, къ кому относился вопросъ, досталъ часы изъ кармана жилета, и, поглядѣвши на нихъ, сказалъ:

— Huit heures et demi, Marie.

Дилижансъ тронулся. Незнакомецъ сталъ барабанить пальцами по стеклу кареты. Молчали только онъ и его сосѣди. Все остальное разсуждало довольно-шумно о новомъ начальникѣ отдѣленія и о счастіи семейной жизни.

Незнакомецъ сидѣлъ неподвижно, грустно смотря на мелькавшую передъ нимъ бѣдную петербургскую природу.

— Миѣ душно, Жоржъ, сказала опять его сосѣдка мужичиѣ, который, по веѣмъ вѣроятностямъ, долженъ былъ быть ея мужемъ.

Незнакомецъ, предупредивши отвѣтъ его, машинально опустилъ стекло кареты. Въ эту минуту онъ оборотился совершенно, и при первомъ взглядѣ на него, тотъ, котораго женщина звала Жоржемъ, почти вскричалъ:

— Званецъ!

Незнакомецъ спокойно протянулъ ему руку съ тою-же неизмѣнною, сжатою улыбкою, хотя глаза его засвѣтились на минуту ярче обыкновеннаго.

— Ты-ли это? какими судьбами? продолжалъ съ радостью Жоржъ.

— Судьбами очень-простыми, полусутиливо отвѣчалъ Званецъ: скорѣе я въ-правѣ спросить тебя.... Онъ не договорилъ и взглянулъ на его жену, но взгляды этотъ былъ такъ быстръ, что могъ быть замѣченъ только той, къ кому онъ относился.

Что касается до нея, она слишкомъ-замѣтно вздрогнула въ первый разъ, когда мужъ ея произнесъ фамилію незнакомца, и блѣдная, какъ-бы еще болѣе ослабѣвшая, сидѣла, склонивши го-

лову. Только украдкою, на лету почти, былъ пойманъ ею бѣглый взглядъ Званинцева, и потомъ она снова потупила въ землю свои яркіе глаза.

И что-то странное отиготѣло надъ этими тремя лицами, отяготѣло даже надъ мужемъ, котораго веселое восклицаніе смѣнилось принужденной, суетливой радостью, и самый невнимательный наблюдатель прочелъ-бы дѣлую, можетъ-быть, давно минувшую повѣсть на этихъ трехъ лицахъ, на суровомъ, грустномъ, гордомъ челѣ Званинцева, въ болѣзненно свѣтвишихся изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ глазахъ женщины, въ неловкихъ, несвязныхъ рѣчахъ ея мужа.

— Вотъ моя жена, Званинцевъ, сказала наконецъ мужъ съ натянутою улыбкою, вы, надѣюсь, знакомы?

Званинцевъ молча наклонилъ голову такъ, что это было вмѣстѣ и утвердительнымъ знакомъ и поклономъ.

Она на него взглянула.... Въ скорбномъ ея взглядѣ отразился тяжелый упрекъ.

Но Званинцевъ встрѣтилъ его покойно. Глаза его безтрепетно впялись въ нее, — и она опустила взглядъ первая.

— Какъ-же тебѣ не стыдно, Званинцевъ?... началъ мужъ, но замаялся, встрѣтивъ его спокойный, неподвижный взоръ.

— Чего? равнодушно спросилъ его Званинцевъ.

— Ты зналъ, что я здѣсь, продолжалъ мужъ.

— Вовсе не зналъ, отвѣчалъ тотъ: но кстати, давно вы изъ Москвы?

Вопросъ этотъ ясно относился къ мужу и женѣ.

Но отвѣта на него не было, потому-что въ слѣдъ за этимъ отворились двери дилижанса, остановившагося на одномъ изъ мостовъ при въѣздѣ въ городъ — и знакомый Званинцева радъ былъ случаю обратить вниманіе на новоприбывшее лицо.

Жена его не поднимала глазъ.

Званинцевъ также склонилъ голову, сжавши двумя руками костяной черепъ своей палки.

Въ двери дилижанса вошелъ молодой человекъ, лѣтъ 18-ти, съ длинными мягкими бѣлокурыми локонами, падавшими на плеча, одѣтый довольно-пестро, но чрезвычайно-мило и граціозно. При первомъ взглядѣ онъ показался — бы вамъ прекрасной женщиной, надѣвшей изъ прихоти мужской костюмъ: такъ былъ нѣженъ цвѣтъ его лица, еще неизрытаго страстями, такъ бархатны и влажны были его темно-голубые глаза — но, взглянувъ пристально въ угловатое очертаніе его висковъ, въ длинный

чисто-германскій овалъ лица, вы нашли-бы въ немъ чрезвычайно-рѣдкій мужескій типъ... Въ его движеніяхъ было много еще почти дѣвической стыдливости, много робости, происходящей отъ молодого, смиреннаго чувства недосоздавшейся природы, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ его лицо свѣтило благородною гордостію. Онъ былъ въ той порѣ жизни, когда не довѣряютъ себѣ и вѣрятъ другимъ, когда благородная природа жадно стремится къ совершенству, и готова мучиться, проклинать, пожалуй даже презирать себя за слабость, и вѣрять глубоко въ существованіе избранниковъ, которымъ доступно созерцаніе совершенства, въ существованіе вождей, озаренныхъ свѣтомъ неба, вождей, за которыми должно идти, если нужно, въ самую бездну. И потому его прекрасный ликъ еще дышалъ довѣріемъ ко всему и ко всѣмъ, еще не былъ сжатъ гордостію, непризнающею ничего, кромѣ себя въ мірѣ.

По погамъ чиновниковъ и по платьямъ чиновницъ онъ протѣснился въ сосѣдство къ Званинцеву, на незанятое подлѣ него мѣсто, и сѣлъ на него, не обративши особеннаго вниманія на физиономію сосѣда, которой впрочемъ и нельзя было хорошо видѣть, потому-что начинало уже темнѣть.

Но Званинцевъ поднялъ голову — и почти тотчасъ-же обратился къ нему.

— Здравствуйте, Сѣвскій, сказалъ онъ ему.

— М-г Званинцевъ! отвѣчалъ тотъ, съ какимъ-то непріятнымъ чувствомъ, и какъ-бы не-хотя протягивалъ ему руку, обтянутую жолтой перчаткою.

— Мы вѣчно встрѣчаемся, съ легкой провіей замѣтилъ Званинцевъ.

— Вѣчно! потворилъ почти съ досадою Сѣвскій.

— Да... продолжалъ Званинцевъ, улыбувшись: и тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся... Но кстати, перервалъ онъ, не докончивъ своей фразы: здорова-ли ваша матушка?

Это *кстати* имѣло, вѣроятно, тайную связь съ неоконченною фразою, потому-что молодой человекъ сказалъ обычное «по-корно васъ благодарю, слава Богу», измѣнившимся отъ досады голосомъ.

Званинцевъ очень-нецеремонно засмѣялся, и оставилъ молодого человека рвать свою перчатку.

— Послушай, Воловскій, обратился онъ къ своему московскому знакомцу: когда тебя *находятъ* дома?

— Дома? отвѣчалъ тотъ съ худо-скрытымъ замѣшательствомъ, и взглянулъ на жену, которая поблѣднѣла слишкомъ-замѣтно:

Дома? продолжалъ онъ, старался выдти изъ своего неловкаго положенія: но, любезный другъ, — всегда, т. е. почти всегда, хотѣлъ я сказать...

— Я спросилъ тебя потому, что мнѣ хотѣлось-бы къ тебѣ заѣхать, сказалъ Званищевъ, глядя пристально на его жену.

— Очень-буду обязанъ, перервалъ мужъ.

Ужасное положеніе, когда нельзя, когда неприлично отдѣлаться отъ посѣщенія чловѣка, котораго видѣть у себя неприятно.

— Хотя, право, продолжалъ тихо Званищевъ: я не знаю, когда я успѣю къ вамъ заѣхать.

Молодая женщина подняла на него взглядъ глубокой, стѣсненной грусти.

— Я самъ у тебя буду, сказалъ Воловскій, вѣроятно, проклиная внутренно визиты и контрвизиты. Гдѣ ты живешь?

— На Большой-Мъщанской, въ домѣ подъ № 14, отвѣчалъ Званищевъ.

Дилижансъ остановился еще на одномъ мосту.

— Кажется, намъ пора выдти, Маріе? обратился Воловскій къ женѣ.

Та медленно встала.

Званищевъ пожалъ руку мужу, и потомъ протянулъ руку женѣ.

Нерѣшительно и робко подала она ему свои блѣдные пальцы, и всякой третій могъ-бы видѣть, какъ они дрожали въ его рукѣ.

Онъ крѣпко пожалъ ихъ, эти блѣдные пальцы — и, устремивъ на нее долгій, почти испытующій взглядъ, сказалъ громко и рѣзко:

— Я къ вамъ буду.

Къ кому относились эти слова? Богъ знаетъ.

Но въ отвѣтъ на нихъ, она послала ему взглядъ, полный болѣзненнаго упрека, и опираясь на руку мужа, вышла изъ дилижанса.

Званищевъ долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ; сжимая черепъ своей палки. Потомъ, какъ-бы опомнившись, обратился къ своему сосѣду, съ вѣчно-неизмѣнною сжатою улыбкою:

— Давно вы были у Мензбира?

— Въ послѣдній разъ мы были съ вами вѣсть, отвѣчалъ тотъ, скрывая досаду.

— Лидія замѣтно подрастаетъ, продолжалъ равнодушно Званищевъ....

— Кажется, сухо сказалъ Сѣвскій.

— Вы, вѣроятно, давно это замѣтили? спросилъ Званинцевъ, не забывая скрыты насмѣшливость своего вопроса.

— Почему-же я, — а не вы? грубо возразилъ молодой человекъ.

— Мнѣ некогда, — вы это знаете, — я всегда играю.

— И, кажется, счастливо, перерывъ Сѣвскій, сдѣлавши особенное удареніе на слово кажется.

— Да, въ послѣдній разъ я выигралъ пять тысячъ у этого барона... какъ-бишь его? — совсѣмъ забылъ его имя... ну вотъ у того, который всегда привозитъ что-нибудь Лиди.

Сѣвскій всыпнулъ.

— Очень-весело имѣть хорошенькую дочку, продолжалъ равнодушно Званинцевъ: этотъ Мензбиръ, право, пресчастливый человекъ. Какъ вы думаете?... Да, скажите пожалуйста, кто была ея мать, Гречанка, что-ли? Вамъ это должно быть извѣстно.

Сѣвскій не отвѣчалъ. Дилижансъ остановился на Невскомъ.

— Пойдемте вмѣстѣ, сказалъ Званинцевъ Сѣвскому, выходя изъ дилижанса: намъ по-дорогѣ.

— Нѣтъ, сухо отвѣчалъ тотъ: я еще зайду къ одному знакомому.

— Такъ поздно?.. Что-же скажетъ ваша маменька? спросилъ Званинцевъ съ явнымъ сарказмомъ.

Но Сѣвскій былъ уже въ десяти шагахъ отъ него.

Званинцевъ грустно улыбнулся въ слѣдъ ему, и повернулъ на Мѣщанскую.

— Говорятъ, въ Петербургѣ очень-весело зимою: — можетъ-быть! Я не рѣшаю этого вопроса, потому-что вообще плохой судья въ весельи; — но что я знаю слишкомъ-хорошо, такъ это то, что льтомъ въ Петербургѣ необычайно-скучно, особенно тому, кого не благословилъ рокъ службою въ какой-нибудь канцеляріи... Театровъ нѣтъ; ѣздить на дачи не стобитъ хлопотъ, потому-что тамъ точно также играютъ въ преферансъ; въ кондитерскихъ пароду мало и только въ одной изъ нихъ каждый вечеръ толкуютъ объ Англій и Франціи, о Невскомъ-проспектѣ и т. п. Тамъ есть всегда безсмѣнные члены, и когда вы ни придите, вы всегда найдете тамъ сѣдаго человѣка съ очень-

умной и насмѣшливой физиономіей, — и моего пріятеля ***, съ мѣфистофелевскою улыбкою на тонкихъ губахъ, съ болѣзненно-искаженными чертами, съ сгорбленною и усталой походкой, съ цинизмомъ въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи, съ вѣчно-злыми и страшными остротами, съ вѣчными аневризмами сердца и боязнью за драгоценную для человѣчества жизнь, — и другаго моего пріятеля ***, котораго благородная физиономія больше и больше покрывается густымъ слоемъ флегматизма, и низенькаго толстаго человѣка съ лицомъ птицы — великаго мастера круглаго билиарда, спокойно поощряющаго подвижниковъ искусства.

Но утромъ и въ этой кондитерской очень-мало народу. Одинъ мой пріятель циникъ сидитъ иногда въ угловыхъ креслахъ и читаетъ новую «Presse», да по временамъ бросаетъ ее съ досадою, говоря будто-бы про-себя: «Скверно на свѣтѣ жить!»

Разъ—это было въ свѣтлое, довольно-раннее лѣтнее утро, — въ кондитерскую вошелъ, или точнѣе, вбѣжалъ уже знакомый моднѣ читателямъ Сѣвскій. Онъ быстро подошелъ къ прилавку и спросилъ какой-то Конфекты-карикатуры, которой на лицо не оказалось и за которой надобно было послать въ другую кондитерскую.

— Warten sie nur einen Augenblick! сказалъ ему прислужникъ.

— Ja, wohl! отвѣчалъ Сѣвскій и, положивъ соломенную фуражку, сталъ ходить по первой комнатѣ; потомъ, сбросивши свое легкое пальто, отворилъ дверь въ другую и вошелъ въ нее.

Спиною къ нему сидѣлъ человѣкъ въ черномъ бархатномъ сюртукѣ, по очертанію гладко-остриженной головы котораго ему не трудно было узнать Званинцевъ.

— Вѣчно? сказалъ Сѣвскій почти въ-слухъ — и хотѣлъ уже затворить дверь; но Званинцевъ, услыхавши шумъ за собою, оборотился къ нему съ живостію и засмѣялся.

— Да, вѣчно, вѣчно, мой молодой другъ, сказалъ онъ, протягивая ему черезъ стулъ руку: — Вѣчно, вездѣ, гдѣ-бы вы ни были, вы меня встрѣтите; таковъ рокъ.

Озадаченный этой насмѣшливостію, но смущенный сильно тѣмъ, что онъ далъ вырваться изъ себя слову, которое, по всѣмъ расчетамъ, должно было остаться на днѣ души, молодой человѣкъ машинально пожалъ протянутую ему маленькую и бѣлую руку, и тотчасъ-же почувствовалъ всегда непріятную ему манеру Званинцева пожимать указательнымъ пальцемъ чужой пульсъ.

— Да, таковъ рокъ — повторилъ Званинцевъ, не выпуская его

руки и продолжая щекотать его пульсъ указательнымъ пальцемъ,—впрочемъ вовсе уже ненасмѣшливо, а скорѣе важно и холодно: — Послушайте, сказалъ онъ, вперивши въ молодого человѣка неподвижный, сильный, магнетическій взглядъ: вы очень меня ненавидите? А? признайтесь по совѣсти, — вѣдь, очень? — не правда-ли?

И говоря эти слова, онъ положилъ его руку на ладонь своей лѣвой руки и, глядя правою вѣжную и мягкую руку Сѣвскаго, глядѣлъ ему въ глаза съ какимъ-то скорбнымъ, странно-умоляющимъ и вмѣстѣ обаятельнымъ выраженіемъ.

Молодой человѣкъ молчалъ, опустивши глаза въ землю; на его щекахъ пробился огнемъ румянецъ стыда.

— Ну да... оно и понятно, продолжалъ Званинцевъ: вамъ вѣли меня ненавидѣть?.. И онъ холодно засмѣялся.

Сѣвскій вспыхнулъ и съ негодованіемъ выдернулъ изъ рукъ Сѣвскаго свою руку.

— Я васъ развращаю, не правда-ли? говорилъ Званинцевъ, пристально смотря ему въ лицо съ насмѣшкою: Ваша маменька...

Онъ остановился, ожидая, какое дѣйствіе произведетъ это слово: онъ возился взглядомъ въ свою жертву, какъ тигръ, готовый къ вѣчной оборонѣ.

Натура Сѣвскаго была не изъ тѣхъ слабыхъ натуръ, которыя покоряются ласковому слову: онъ ненавидѣлъ всякое наставничество, хотя-бы въ самыхъ тонкихъ, обаятельныхъ формахъ.

Онъ отступилъ... онъ поблѣднѣлъ внезапно, какъ бываетъ со всякимъ человѣкомъ слишкомъ-нервнаго сложенія.

Огненный взглядъ Званинцева не упускалъ изъ виду ни одного его движенія.

— Иванъ Александровичъ, сказалъ наконецъ молодой человѣкъ, сжавши физиономію, но дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ: кто далъ вамъ право говорить мнѣ дерзости? Что вамъ отъ меня нужно?

Званинцевъ быстро прислонился спиною къ стулу и смотрѣлъ на него, какъ смотритъ художникъ на прекрасное произведеніе искусства.

— Ничего — сказалъ онъ потомъ медленно, отвѣчая на вопросъ: я—васъ люблю.

— Я не хочу вашей любви, — почти вскричалъ молодой человѣкъ, судорожно сжавши спинку стоявшаго возлѣ стула.

— Да мнѣ-то что до этого? продолжалъ Званинцевъ, полусутливо, полугрустно: я васъ люблю, вотъ и все тутъ,—я—

картежный игрокъ, я, ужасъ вашей матушки,—я васъ люблю,— я въ васъ люблю самого-себя, свою молодость.

Сѣвскій молчалъ: чувство отвращенія боролось въ немъ съ чувствомъ довѣрчивости его благородной натуры.

— Да, *дитя мое*, началъ опять Званинцевъ трепетнымъ, почти умоляющимъ тономъ:—я васъ люблю. Вамъ это странно?— И мнѣ понятно, почему это странно вамъ, у котораго есть на свѣтѣ привязанности.

И онъ вновь замолчалъ, ожидая дѣйствія своихъ словъ.

Чувство симпатіи, чувство состраданія явно побѣждало къ душѣ молодаго человѣка.

Званинцевъ замѣтилъ это, но вмѣсто того, чтобы пользоваться слабостію противника, онъ вдругъ перемѣнилъ тактику.

— Да, *дитя мое*, сказалъ онъ съ немного-насмѣшливымъ удареніемъ на словахъ «*дитя мое*»: я хочу руководить васъ въ жизни, я хочу быть вашимъ лучшимъ другомъ.

Онъ опять ежася, какъ пантера на добычу.

Сѣвскій снова вспыхнулъ — но скоро, выправившись, сказалъ очень-гордо:

— Нѣтъ, намъ не быть друзьями.

Угловатыя линіи его лба обозначились рѣзко. Онъ былъ мужествененъ, прекрасенъ.

Званинцевъ лежалъ въ креслахъ, скрестивши руки и смотря на него съ глубокой задумчивостію.

— Итакъ — мы не друзья, сказалъ онъ наконецъ медленно и тихо... Такъ, такъ — иначе и быть не могло: это воля рока. И сказать-ли вамъ откровенно, продолжалъ онъ, горько улыбаясь: я-бы презиралъ васъ, если-бы вы согласились играть когда-либо второстепенную роль. Потому-то я и имѣю причины васъ любить, что ваша натура, какъ моя-же, не признаетъ надъ собою высшей.

Онъ замолчалъ. Сѣвскій съ невольнымъ смущеніемъ глядѣлъ на это высокое чело, осѣненное тяжолою думою.

— Итакъ, мы не друзья, повторилъ опять Званинцевъ, послѣ минуты молчанія, вставая со стула. Мы не друзья — мы враги.

Послѣднія слова онъ произнесъ съ безотчетной тоской и съ какой-то вѣмой покорностію рока. Въ этомъ человѣкѣ хитрость тигра безпрестанно смѣняла пылкіе, женственные порывы.

— По-крайней-мѣрѣ — *вы* хотѣли быть моимъ врагомъ, — я васъ люблю, продолжалъ онъ.

— Я сказалъ вамъ, что не хочу вашей любви, отвѣчалъ Сѣвскій тихо и сосредоточенно-грустно.

— Да я не спрашиваю вашего позволенія, сказалъ Званинцевъ: — я васъ люблю, и буду любить, но, не погибайте, любить по-своему. Я васъ люблю, и люблю въ васъ себя, и сдѣлаю васъ собою.

Такая страшная увѣренность господствовала въ холодномъ тонѣ Званинцева, что молодой человѣкъ отступилъ съ невольнымъ ужасомъ.

— Да, я васъ сдѣлаю собою — и тогда моя роль на свѣтѣ кончена, продолжалъ спокойно Званинцевъ... Вы — и Лидія будете моими послѣдними созданіями.

Сѣвскій, не въ силахъ совладѣть съ своимъ гнѣвомъ, сильно толкнулъ стулъ.

— Какъ вы еще молоды, дитя мое, вскричалъ съ циническимъ хохотомъ Званинцевъ.

Но молодой человѣкъ былъ уже за дверью столовой.

Званинцевъ съ большимъ удовольствіемъ погладилъ свою густую черную бороду и спокойно уѣлся за принесенную ему *coquette à la sauce Robert*.

Онъ сѣлъ котлету, по-видимому, съ большимъ апетитомъ, взглянулъ потомъ на часы, стрѣлки которыхъ показывали полчаса перваго, — спросилъ себѣ рюмку рейнвейна, выпилъ и заказалъ себѣ еще что-то.

Но вотъ опять отворились двери первой комнаты и въ столовую вошли два новыхъ лица.

Одному изъ нихъ было лѣтъ двадцать-семь. Въ его наружности было что-то наглое; его походка, быстрая и рѣзкая, напоминала полетъ ястреба, — самое лицо его создано было по типу головы хищной птицы. Кстати замѣчу, что, вовсе не будучи фizioномистомъ и послѣдователемъ Лафатера, я привыкъ распределять человѣческія лица по сходству ихъ съ головами животныхъ — и вотъ что извлекъ я изъ моихъ наблюдений: люди, похожіе на хищныхъ птицъ, обыкновенно, очень смѣлы, даже дерзки — это ихъ общее качество, но ястребиныя фizioноміи принадлежать по большей части трактирнымъ героямъ. Другое дѣло фizioномія орлиная, которую только слишкомъ-неопытной наблюдатель не различитъ отъ ястребиной. Итакъ, одинъ изъ вошедшихъ былъ, какъ я сказалъ, очень похожъ на ястреба, — и это почти все, что можно сказать о немъ; прибавить развѣ можно только то, что онъ былъ одѣтъ очень-богато, но пестро и безвкусно, и по-

силъ перчатки не на рукахъ, а въ рукахъ, вѣроятно, отъ непри-
вычки носить ихъ.

Наружность другаго, пришедшаго съ нимъ лица, была до того
неопредѣленна, что на ней трудно было-бы прочесть что-нибудь.
Онъ былъ молодъ, но его блѣдное лицо было изрыто слишкомъ
рано развившимся страстями, его глаза были тусклы и безжиз-
ненны, какъ тупой взглядъ трупа, его длинные темнорусые во-
лосы висѣли по щекамъ и по плечамъ сальными палками. Вооб-
ще какое-то отупѣнiе отражалось въ его чертахъ, какое-то не-
обычайное разсѣянiе выказывалось во всѣхъ движенiяхъ, то не-
вѣроятное разсѣянiе, которое равно принадлежитъ или человѣку,
занятому слишкомъ одною какою-либо мыслию, или человѣку ко-
торый вовсе не имѣетъ въ головѣ никакой мысли. По време-
намъ въ отупѣломъ взглядѣ выражалось что-то похожее на бо-
жественную искру свѣтлаго, высокаго ума — но помрачалось тот-
часъ же бессмысленнымъ развратомъ. Вообще, по первому взгля-
ду на него, можно было заключить одно только, что этотъ чело-
вѣкъ или вовсе потерялъ центръ и равновѣсiе или еще тщетно
искалъ ихъ.

Онъ не шелъ, а скорѣе влекся первымъ изъ пришедшихъ. Ко-
стюмъ его былъ больше-чѣмъ скромный; онъ былъ очень-бѣ-
денъ и бѣдность эта еще ярче выказывалась отъ необычайной
неопрятности.

Первый изъ пришедшихъ только что увидалъ Званинцова,
бросился къ нему съ распростертыми объятiями — но Званин-
цевъ, отсторонясь немного, не подалъ даже руки.

— Ахъ ты, душа моя! ну какъ ты? началъ новопришедшiй, —
и не ожидая отвѣта, продолжалъ: Ну что? какъ дѣла-то? храбро?
а? — И онъ потеръ руками и захохоталъ громко.

— Кто это съ тобой Сапоговъ? — спросилъ Званинцевъ почти
громко.

— Это, братецъ, мой задушевный прiятель, поэтъ, братецъ, и
идетъ въ актеры, — рекомендую.

Званинцевъ сухо поклонился, и спутникъ Сапогова отвѣчалъ
ему такимъ-же сухимъ поклономъ.

— Что каковъ, а? продолжалъ Сапоговъ, толкая своего това-
рища и поварачивая его къ Званинцеву.

Званинцевъ сѣлъ на стулъ и пристально взглянулъ на спутни-
ка Сапогова, но этотъ послѣднiй потерялъ даже, кажется, способ-
ность краснѣть.

Вѣроятно, Званинцеву пришло въ голову, что подъ этимъ без-

путнымъ развратомъ сокрыто или страшное безстыдство или сознание въ себѣ высшихъ силъ, тающихся подъ грубымъ, скотскимъ безчувствіемъ; но такъ или иначе, онъ пересталъ преслѣдовать его своимъ взглядомъ и обратился къ Сапогову.

Но Сапоговъ уже стоялъ съ двумя рюмками ликера.

— Ну, на! выпей, что-ли? обратился онъ къ своему спутнику: — чудесный ликеръ — тридцать копѣекъ серебромъ — Ну, пей-же что-ли? вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ, видя, что тотъ не вдругъ беретъ рюмку: еще ломается!

Спутникъ его схватилъ рюмку и выпилъ однимъ духомъ.

— Храбро! вскричалъ съ хохотомъ Сапоговъ... ай да Антоша!.. Антоша улыбнулся...

Званинцевъ опять вперилъ въ него свой пронзающей взглядъ.

— Ну что, — обратился къ Званинцеву Сапоговъ: будемъ мы сегодня вечеромъ...

— У Менцбира? Я буду.

— Во что? въ преферку? спросилъ опять Сапоговъ, подмигнувши лѣвымъ глазомъ.

— Пожалуй.

— Встроемъ? съ барономъ?

— Да!

— Обдеремъ какъ липочку, закричалъ Сапоговъ съ громкимъ хохотомъ... А я вчера бился въ банчишку съ Олуховымъ: падулъ, подлець, да за то научилъ штукъ, — говоритъ, въ наслѣдство оставляю... И наклонясь на ухо Званинцеву, онъ что-то тихо сказалъ ему.

— Знаю, холодно отвѣчалъ тотъ.

Сапогову принесли котлеты, и онъ бросился уписывать ихъ съ жадностію.

Антоша сидѣлъ противъ него и, кажется, онъ былъ голоденъ.

— А славная вещь, ей Богу! люблю я котлеты, сказалъ Сапоговъ поднося вилку ко рту и пристально смотря на Антошу — всегда ѣмъ котлеты, — славная вещь...

И кончивши порцію, онъ утерся салфеткой и толкнулъ по плечу Антошу.

— Ну, кутнемъ сегодня, поѣдемъ.

Антоша молча повиновался и машинально всталъ со стула.

— Прощай Званинцевъ, сказалъ Сапоговъ, надѣвая шляпу à la Polka, — до вечера.

— Прощай, отвѣчалъ тотъ холодно.

— Ну, поѣдемъ, Антоша... Шампанское, чортъ побери, поста-

влю, храбро кутнемъ, говорилъ Сапоговъ, щелкая по ладоши пальцемъ... А славный мальи, ей Богу, обратился онъ къ Званинцеву, показывая ему на Антошу: — безъ него-бы, просто, бѣда. Иной разъ хандра щемить, страшная, хоть давить, — а съ нимъ и разгонишь.

И положивши руку на плечо Антоши, онъ заплѣлъ: «О, Робертъ, люблю тебя сердечно.. Любви души моей ты не постигнешь въчю».

Они вышли.

Званинцевъ послалъ Антошѣ взглядъ на прощанье, — но то былъ взглядъ не презрѣнія, а состраданія и участія.

Антоша поникъ головою — и повлекся за Сапоговымъ.

Черезъ 10 минутъ, Званинцевъ взглянулъ на часы и, сказавши: «Ну, теперь пора», набросилъ фуражку и вышелъ изъ кондитерской.

На бронзовыхъ часахъ каминна било два часа.

Марі Воловская полулежала на маленькомъ турецкомъ диванѣ, въ маленькой, но со вкусомъ убранной комнатѣ, обитой темноси-нимъ штофомъ.

Въ комнатѣ было полусвѣтло, полутемно.

Лѣвая рука Марі обвила шитую подушку, и къ этой рукѣ прильнула ея маленькая головка.

Она была вся въ бѣломъ. Она была блѣдна, какъ всегда.

Марі Воловская только-что проводила мужа, который уѣхалъ куда-то обѣдать.

О чемъ она думала?

Длинные пальцы ея правой руки трепетали судорожно, какъ-бы трогая клавиши.

На полу лежалъ шитый маленькій башмачекъ.

Ногъ ея не было видно изъ-подъ платья. Ее сжималъ холодъ.

На часахъ било четверть третьяго.

Она быстро приподнялась.... Лицо ея запылало и приняло какое-то пугливое выраженіе....

На немъ сверкали то страхъ, то ожиданіе. Такъ ждетъ ребенокъ полуночнаго часа, ребенокъ, напуганный суевѣрными разсказами няньки.

Послышался звонъ колокольчика.

Марі окаменѣла....

Сукно, замѣшившее двери арки, отвернулось.... За нимъ стоялъ Званинцевъ.

Онъ былъ таковъ-же, какъ всегда, но угрюмъ и грустенъ.

— Садитесь, сказала ему Марі твердо и тихо: садитесь, повторила она, собравши всѣ силы... Вы хотѣли меня видѣть, ваше желаніе исполнено. — Послѣднія слова сказаны были съ горькимъ упрекомъ.

— Да, я хотѣлъ васъ видѣть, сказалъ Званинцевъ, садясь на козетку у ногъ Воловской.... Я хотѣлъ васъ видѣть, видѣть тебя, Марі...

Въ его тихомъ шопотѣ было столько безумной страсти, столько глубокой покорности, что Воловская не могла совладѣть съ собою и зарыдала.

Званинцевъ схватилъ ея правую руку и прижалъ къ губамъ крѣпко.

Она перестала рыдать и вынула свою руку съ какимъ-то негодованиемъ.

И поднявши на него свои большіе глаза, она сказала: Вы хотѣли меня видѣть, зачѣмъ? что вамъ во мнѣ?...

— Все, Марі... вы это знаете... вы меня знаете.

— О, да! я васъ знаю! отвѣчала она съ горькой насмѣшливостію: я васъ очень-хорошо знаю.

Они оба замолчали.

Званинцевъ скрестилъ руки на груди и смотрѣлъ на нее, какъ смотреть мать на больного ребенка.

— Помните-ли вы наше дѣтство, Марі? началъ онъ тихо, съ особенною ему только свойственною мечтательностью: помните-ли вы старую березу на берегу пруда? Я былъ тамъ опять недавно, я видѣлъ эту старую березу, — она еще жива, и на ней уцѣлѣла мѣтка вашего роста, которую я вырѣзалъ, когда мнѣ было пятнадцать, а вамъ было двѣнадцать... Какъ ты была хороша тогда, какъ ты была чиста тогда, Марі... Какъ ты доврчиво смотрѣла на меня своими голубыми глазами... Марі, Марі... ты была моею, и ты отравила мою жизнь, Марі, и ты заставила меня проклинать жизнь, проклинать доврчивость, твою, мою доврчивость...

Она безмолвно слушала... она уже не могла оторвать отъ него глазъ.

— Ты звала меня мужемъ тогда, продолжалъ онъ съ тихой сосредоточенной грустью: на это смотрѣли сквозь пальцы, да, можетъ-быть, тоже видѣли насъ они, добрые люди, въ будущемъ мужемъ и женою... Да, это и должно было-бы такъ, мы дол-

жны были быть мужемъ и женою, мы могли-бы любить другъ-друга свободно, вѣчно... Неправда-ли? Вѣдь ты любишь меня, Марі, — вѣдь я люблю тебя?

Воловская закрыла двумя руками свое пылающее лицо. Званинцевъ насильно почти отнявъ эти руки, и глядя на нее съ безотчетной страстью, продолжалъ:

— Да, это все такъ... это должно было быть такъ — и, между-тѣмъ, это не сбѣлалось.

— Кто-же виноватъ въ этомъ? спросила Воловская съ горькимъ упрекомъ.

— Кто?... повторилъ Званинцевъ, и не отвѣчая на этотъ вопросъ: ты знаешь, сказалъ онъ: я не могъ жениться на тебѣ.

— Не могъ?

— Да, потому что я вовсе не хотѣлъ заставить тебя раздѣлять мою бродячую судьбу.

— Но развѣ въ васъ не было воли, не было силы создать себѣ состояніе, имя? — развѣ вы... развѣ ты не сильнѣе, не лучше, не выше всѣхъ?

Званинцевъ презрительно покачалъ головою.

— Развѣ теперь, продолжала Марі, почти съ насмѣшкою: вы не создали себѣ положенія на свѣтѣ?

Званинцевъ горько улыбнулся.

— Видишь-ли ты, началъ онъ тихо: это положеніе, эту власть надъ разнымъ людомъ, я купилъ слишкомъ дорогою цѣною, — потеряю всего, что я могъ-бы любить. Знаешь-ли, что такое это положеніе? На чемъ основывается эта власть? На томъ, что я ни въ чемъ и въ комъ не имѣю нужды, что я свободнѣе всѣхъ, что я убилъ въ себѣ всякую привязанность, что на нее и на всѣхъ смотрю я, какъ на шашки, которыя можно переставлять, и пожалуй уничтожать по произволу, что для меня нѣтъ границъ, за которыя я не смѣлъ-бы пойти...

Ужасъ и страданіе отпечатѣлись на блѣдномъ лицѣ Воловской; она быстро схватила руку Званинцева.

— Никакихъ границъ, говоришь ты, сказала она трепещущимъ голосомъ.

— Да, никакихъ, Марі, отвѣчалъ онъ твердо.

Взглядъ его былъ строгъ и неумолимъ, какъ приговоръ.

Марі упала головою на подушку.

— И не думай, продолжалъ Званинцевъ тѣмъ-же тономъ: чтобы ты была виновата въ этомъ. Нѣтъ, прибавилъ онъ съ горькою улыбкою: такъ было предназначено...

Она молчала.

— И я зналъ это, зналъ съ той минуты, какъ началъ думать, говорилъ онъ: а я началъ думать потому только, что я люблю глубоко, и я тебя не обманывалъ, и я вѣчно былъ передъ тобою тѣмъ, чѣмъ создала меня природа, и я прямо говорилъ тебѣ, что мнѣ не ужиться съ моими требованіями на свѣтѣ. Будь я богатъ — я также не имѣлъ-бы нужды въ другихъ, но за то другіе имѣли-бы во мнѣ нужду.

Воловская сжимала руками свою горѣвшую голову. Взглядъ Званинцева былъ такъ гордо-спокоенъ, такъ полонъ глубокаго сознанія правоты передъ нею, достоинства въ отношеніи къ другимъ, — что не одна она, любившая его всею вмѣстѣ взятою любовью ребенка, дѣвочки, дѣвушки и женщины — повѣрила бы этому взгляду.

— Я былъ таковъ, я былъ всегда таковъ, продолжалъ Званинцевъ: и если ты любила меня, и если ты любишь меня, ты любила меня такимъ, ты любишь меня такимъ.

Марі уже смотрѣла на него съ безпредѣльною, глубокою преданностію.

— Я хотѣлъ быть любимымъ тобою, говорилъ онъ: любимымъ больше всего, любимымъ безгранично, я хотѣлъ быть выше всѣхъ, потому-что чувствовалъ себя выше многихъ. И я знаю, что ты любишь меня, сказалъ онъ съ чувствомъ глубокой самоувѣренности: и я знаю, что ты не можешь любить другаго, что ты презираешь всѣхъ, — и больше всѣхъ — своего мужа.

Воловская приподнялась съ испугомъ и съ отчаяніемъ ломала руки.

Онъ сидѣлъ противъ нея спокойный, всевластный, непреклонный.

— Оставь меня, оставь меня, проговорила наконецъ она умоляющимъ, боязливымъ голосомъ.

— Оставить, когда я могу наконецъ упасть у твоихъ ногъ? отвѣчалъ страстно Званинцевъ: униться всѣмъ тѣмъ блаженствомъ, о которомъ я рыдалъ, какъ женщина, дѣльми ночи, длинныя, мучительныя, бессонныя?.. Потому-что я плакалъ, Марі, я много плакалъ, я какъ дитя плакалъ, — но только о тебѣ, только объ одной тебѣ, вѣрь мнѣ.

Истина и ложь, страсть и притворство такъ были тѣсно соединены въ натурѣ Званинцева, что самъ авторъ этого разсказа не рѣшитъ вопроса о томъ, правду-ли говорилъ онъ. Есть грань, на которой высочайшее притворство есть вмѣстѣ и высочайшая

искренность. Да и что такое искренность? Развѣ можно быть искреннимъ даже съ самимъ собою, развѣ можно знать себя? Да простятъ мнѣ мой скептицизмъ и да не обвинятъ меня за этотъ скептицизмъ, въ пристраціи къ моему герою: въ желаніи оправдать его. Я менѣе всего на свѣтѣ способенъ кого-либо оправдывать, и тѣмъ менѣе Званинцева.

— Оставь меня, оставь меня, повторяла Воловская, пряча свою ногу, къ которой жадно прильнули губы Званинцева: оставь меня... между нами встали судьба и люди.

— Судьба за насъ, мой ангелъ, говорилъ онъ полушутливо, покрывая поцѣлуями ея пальцы... а люди!... я давно уже хожу между ними дикимъ волкомъ... Марі, Марі! забудь и судьбу и людей, продолжалъ онъ, съ неистовою страстью, сжимая ее въ объятіяхъ: ты моя, ты моя... я долженъ стереть съ тебя осквернившія тебя чуждыя лобзанія.

Она вырывалась отъ него, — зазвенѣлъ колокольчикъ.

Званинцевъ уже сидѣлъ на креслахъ, спокойный и холодный.

Воловская была спасена. Мужъ ея воротился во-время, не заставши дома пріятеля, съ которымъ собрался обѣдать въ клубъ.

Званинцевъ встрѣтилъ его весело. Смущенъ былъ не онъ, а бѣдный Воловскій, вовсе непредвидѣвшій этого посѣщенія, и чрезвычайно-опечаленный тѣмъ, что оно могло быть непріятно его женѣ, и безъ того уже разстроенной слишкомъ нервами.

Но она была также спокойнѣе обыкновеннаго.

Званинцевъ у нихъ обѣдалъ, и послѣ обѣда цѣлыхъ три часа говорилъ съ Воловскимъ о молодости, объ университетѣ...

Воловскій былъ страшно радъ возвращенію стараго пріятеля.

Онъ былъ вполне славный-малой.

Перенеситесь теперь, для поясненія моего разсказа, лѣтъ за тридцать назадъ.

Званинцевъ и Воловская воспитывались вмѣстѣ, росли вмѣстѣ. Отцы ихъ были сосѣдями по имѣніямъ, служили въ одномъ полку, и отецъ Званинцева, штабсъ-ротмистръ *** гусарскаго полка,

умеръ въ великій день Бородина на рукахъ Скарлатова, отца Маріи; Иванъ Александровичъ Званинцевъ остался послѣ смерти отца на рукахъ матери, или, лучше сказать, на рукахъ старой няньки, которая *выходила* и Александра Ивановича; онъ былъ еще по одному году. Мать его, женщина развѣянная и по тогдашнему довольно-эмансипированная, вовсе не горевала о смерти мужа, и разстроивши до конца и безъ того уже порядочно-разстроенное имѣніе, убѣжала во Францію съ однимъ изъ героевъ великой арміи, выдававшимъ себя за полковника карабинеровъ. Маленькій Ванюшка былъ брошенъ совершенно на произволъ судьбы, и Богъ знаетъ, что-бы съ нимъ было, если-бъ не пріѣхалъ Сергій Петровичъ Скарлатовъ, покрытый ранами и наконецъ рѣшившійся оставить службу съ чиномъ полковника. Тогда люди имѣли еще слабость вѣрить въ дружбу, и потому Сергій Петровичъ вступился въ положеніе сына своего пріятеля, надъ которымъ, при множествѣ опекуновъ, сбывалась совершенно пословица, что у семи нянекъ дитя безъ глазу, и предъявилъ предсмертное замѣщаніе Александра Ивановича Званинцева, которымъ единственнымъ опекуномъ его сына назначенъ былъ Скарлатовъ.

Полковникъ уѣхалъ въ деревню, потому-что въ полусгорѣвшей Москвѣ жить было не очень-весело, а Петербургъ былъ ему ненавистенъ, съ тѣхъ-поръ, какъ онъ проигралъ тамъ половину своихъ будущихъ доходовъ, находясь еще подъ опекою; въ деревню онъ увезъ съ собою и ребенка.

Онъ былъ человѣкъ немного-странный, но очень-умный, жила за границею, и не-смотря на то, что дрался какъ истинный Русскій, любилъ Наполеона и Францію. Твердый и рѣшительный самъ, онъ глубоко сочувствовалъ этой желѣзной волѣ, и не-смотря на то, что въ душѣ его было много истинной поэзіи, онъ готовъ былъ поклоняться даже деснотической дисциплинѣ своего идеала. Съ слишкомъ немногими изъ своихъ современниковъ онъ смутно постигалъ въ немъ не только великаго полководца, но характеристическій типъ человѣка совершенно-новой эпохи, и самъ того не зная, можетъ-быть, обожалъ въ немъ его стальной прозаизмъ, такъ несходный съ переслащенною поэзіею прошедшаго.

Онъ самъ посылъ въ себѣ сѣмена практическаго XIX вѣка, и одинъ изъ первыхъ занялся плодотворнымъ хозяйствомъ.

Жизненная мораль его, была уваженіе силы и одной только силы. *A force de la force* онъ хотѣлъ даже создать изъ себя машину, вмѣсто человѣка, хотя это ему и не совѣмъ

удавалось. Естественно, что онъ съ жаромъ принялся за теорію Бентама, какъ только прочелъ о ней какую-то статью. Въ ней нашелъ онъ оправданіе своихъ смутно-предчувствуемыхъ идеаловъ, хотя иногда, въ минуты русской хандры, часто задавалъ себѣ вопросъ, отъ-чего эта теорія его не удовлетворяетъ и чего еще ему хочется? Въ немъ были двѣ стороны жизни, и онъ, утилитаристъ, по странности своей природы, глубоко сочувствовалъ романтическому направленію.

Онъ пріѣхалъ въ свое помѣстье, чтобы заняться устройствомъ его и воспитаніемъ маленькаго Званшцева. Была пора, онъ мечталъ объ иной жизни, онъ любилъ, и разочаровавшись въ любви, думалъ найти успокоеніе въ тѣсномъ кругѣ этихъ зачатій.

Воспитаніе ребенка полковникъ началъ по спартанской методѣ: — съ раннихъ лѣтъ закалить человѣка, какъ сталь, сдѣлать его силою огромной паровой машины, вотъ-какова была цѣль этого воспитанія. Естественно, что оно покамѣстъ было физическое, потому-что Ванчикъ, какъ я сказалъ, былъ только годъ.

Что касается до устройства имѣнія, Скарлатовъ устроилъ его очень-скоро, продавши половину на уплату долговъ; остальной достаточно было для того, чтобы жить такъ, какъ живетъ всякій порядочный помѣщикъ.

И воспитаніе ребенка, и устройство имѣнія, и чтеніе Бентама, все это скоро надобно полковнику. Ребенокъ физически скоро достигъ совершенства, т. е. не боялся нимало неожиданныхъ пистолетныхъ выстрѣловъ надъ самымъ ухомъ, а Бентамъ, толкуя объ утилитарности, вовсе не имѣлъ въ виду хандры русскаго человѣка.

Отъ хандры полковникъ женился на дочери сосѣда, семидесяти-лѣтняго старика, Екатерининскаго бригадира въ отставкѣ, высокаго, прямаго, какъ палка, молчаливо-угрюмаго и занятаго вѣчно чтеніемъ мистическихъ книгъ.

Тогда, какъ извѣстно, мистицизмъ и масонскія ложи были въ большомъ ходу; Скарлатовъ, какъ современный человѣкъ, разумѣется, тоже принадлежалъ къ какой-то ложѣ, и это первое сблизило его съ старикомъ, который любилъ его, хотя и улыбался на его утилитарныя системы прощическою улыбкою стараго мистика.... Скарлатовъ не любилъ его прощической улыбки, и часто тяжело задумывался надъ его загадочными, темными рѣчами.

Дочка бригадира была въ полномъ смыслѣ барышня, свѣ-

жая, какъ огурчикъ, румяная, какъ заря, и довольно-глупенькая. Потомъ она, какъ слѣдуетъ, сдѣлалась настоящей барыней, и лѣтъ черезъ десять растолѣла до невѣроятности.

Жизнь Скарлатова не переѣнилась почти нисколько, кромѣ того, что къ нему, какъ къ человѣку семейному, стали иногда заѣзжать играть и пить соеѣдніе помѣщики съ женами и домохозяцами, когда прежде приѣзжали играть и пить одни, да и то довольно рѣдко; жена его была довольно-скупа, а онъ самъ не находилъ особеннаго услажденія въ разговорахъ о сѣнокосѣ да о выборахъ.

Тестъ былъ очень-бѣднѣе, по переѣхалъ къ нему только послѣ слишкомъ-усильныхъ и настоятельныхъ требованій, и послѣ нѣсколькихъ вспышекъ Скарлатова, который, не смотря на утилитаризмъ, былъ очень горячъ.

Старикъ бригадиръ помѣстился въ особенномъ флигелѣ, и потребовалъ, чтобы съ нимъ-же помѣстили маленькаго Ваню, котораго физиономія почему-то ему понравилась. Старикъ, кромѣ мистицизма, былъ зараженъ еще и Лафатеровою физиономикою. Это была уцѣлѣвшая развалина великаго XVIII вѣка, дряхлая, но еще крѣпкая... Ребенокъ, который, какъ мы уже сказали, не боялся пистолетныхъ выстрѣловъ, привыкъ очень-скоро къ его рѣзкому голосу, къ его повелительному тону, къ его проницательному взгляду.

Ему было уже три года, когда у полковника родилась дочь.

— Вотъ твоя невѣста, Жанно, сказалъ ему полковникъ, подведя его къ колыбели, въ которой плакалъ крошечный ребенокъ.

Старикъ тестъ наморщилъ брови.

На несоздавшуюся душу ребенка слова полковника произвели глубокое впечатлѣніе: онъ почувствовалъ съ этой минуты, что связанъ чѣмъ-то съ крошечнымъ, крикливымъ, слабымъ ребенкомъ — а всякая привязанность, всякая связь тяжело достается человѣку. Рано или поздно вѣдь расторгнуть-же ее общественныя отношенія или самъ онъ? Ибо вѣтъ ничего, во что-бы не ввязались отношенія общественныя и безпокойный эгоизмъ человѣка.

Дѣтей воспитывали отдѣльно; Ванчику или Жанно, какъ звалъ его полковникъ, которому тяжело было говорить не по-французски даже на родномъ нарѣчій — Ванчику, говорю я, предоставили совершенно бригадиру и старому дядкѣ, угрюмому, какъ осенняя русская ночь, — Марі (ибо русское уменьшительное Машенька никогда для нея не существовало: отецъ и мать звали ее Марі, дворня — Марьей Сергѣевной, вся, безъ исключенія даже ея

старой няньки — прежней няньки Вапички), Марі воспитывалась на рукахъ этой няньки, двухъ мамушекъ и десяти штукъ горничныхъ дѣвокъ, отличавшихся отъ дворовыхъ тѣмъ, что они очень-рѣдко ходили босыя, и, въ наказаніе за извѣстныя уступки матери-природѣ, были разжалываемы строгой нравственностью барыни въ дворовыя, тогда какъ дворовыя просто сылаемы были на деревню; эти наказанія, вполнѣ и безусловно входили въ права домашней юстиціи Анны Николаевны. Сергій Петровичъ въ нихъ не вмѣшивался, потому-что былъ утилитаристъ, а можетъ-быть, и по другой причинѣ. Итакъ дѣтей воспитывали отдѣльно, но играли они вмѣстѣ.

Жанно было десять, Марі—семь лѣтъ. Жанно давно уже бѣгло читалъ, писалъ и говорилъ по-французски и по-русски, — Марі говорила по-русски, а читала только по-французски.

Бентэмъ — былъ Англичанинъ, Оуэнъ тоже Англичанинъ, великій Франклинъ былъ Америкаецъ, но говорилъ и писалъ по-англійски. Въ-слѣдствіе этого, Сергій Петровичъ разсудилъ-выписать изъ Москвы для двухъ дѣтей какую-то Миссъ Томсонъ, на что бригадиръ кивнулъ утвердительно головою и сказалъ два какихъ-то загадочныхъ слова о *шотландскихъ степеняхъ*.

Старику стукнуло восемьдесятъ, но онъ по прежнему былъ бодръ и прямъ. Странно было то, что онъ глубоко, почти страстно привязался къ своему питомцу, который звалъ его дѣдушкой. Угрюмый и суровый со всѣми, даже съ зятемъ, который могъ-бы понимать его, — бригадиръ былъ нѣженъ, какъ мать, къ своему Жанно. Когда ребенокъ спалъ, старикъ часто склонялся надъ его маленькою постелью, и смотрѣлъ на него по цѣлымъ часамъ, съ заботливою, безпредѣльною любовію, съ какимъ-то тайнымъ ожиданіемъ. Такъ ждуть искатели философскаго камня разцвѣта таинственнаго цвѣтка — чада солнца.

За что полюбилъ его старикъ? Напоминало-ли ему это прекрасное, нѣжное лицо, эти большіе глаза ребенка съ выраженіемъ вовсе не дѣтскимъ что либо давно мпупшее, быть можетъ черты когда-то любимой жевщины — или просто была это жажда какой-нибудь привязанности, когда все насъ оставляетъ, послѣднее усиліе утонающаго схватиться хоть за соломину?

Когда старикъ сидѣлъ углубленный въ чтеніе ветхихъ пергаментныхъ книгъ — ребенокъ сидѣлъ также за книгою, безмолвный, задумчивый. Это былъ страшный ребенокъ, или лучше сказать, это было странное созданіе двухъ вѣковъ: спартански-

смѣлый, ловкій и смѣлый, онъ былъ однако важенъ и задумчивъ не по лѣтамъ.

Старикъ имѣлъ привычку при чтеніи говорить иногда съ самимъ собою. Тогда лицо его воспламенялось, но рѣчи были также загадочны и отрывисты; и ребенокъ съ непонятнымъ наслажденіемъ всматривался въ его черты, жадно вслушивался въ эти темныя, таинственныя рѣчи.

И замѣтивши это, старикъ вперялъ въ него свой внимательный, пронзающій взглядъ — и Жанно не отворачивался отъ этого невыносимаго многимъ взгляда.

Старикъ и ребенокъ понимали другъ-друга.

Бригадиръ воспитывалъ своего названнаго внука на Древнихъ, и тотъ полюбилъ страстною любовію великую Грецію, съ ея звонкими пѣснями, съ ея обожествленными силами, съ ея Алькивиадовою жаждою жизни и съ Сократическимъ равнодушіемъ къ смерти. Сергѣй Петровичъ ругалъ Древнихъ, любя только Спартанцевъ и Катона Утичскаго, и говорилъ Ванѣ о Наполеонѣ. Но для чистой еще души ребенка между всѣмъ этимъ не было противорѣчія, и образъ Наполеона сливался для него съ свѣтлымъ образомъ Аполлона Геліуса, побѣдителя Тивоона.

Такъ шло воспитаніе Званицова. Приводить его въ систему поручено было какому-то выгнанному воспитаннику какого-то учебнаго заведенія, котораго Скарлатовъ пріютилъ у себя въ домѣ, — человѣку очень-ученому, но горькому пьяницѣ. Его впрочемъ Ваня видѣлъ только въ часы урока; остальное время утра онъ сидѣлъ послѣ дѣда, послѣ-же обѣда переходилъ въ руки полковника, потому что дѣдъ спалъ до шести часовъ.

Но наступалъ теплый, лѣтній вечеръ... вершины деревъ огромнаго стараго сада начинали тихо переговариваться, небо окаймлялось розовой полоскою — и двое дѣтей отправлялись гулять съ Миссъ Томпсонъ.

Миссъ Томпсонъ, добрая старушка, скоро уставала и садилась отдыхать, и дѣти гуляли одни по длиннымъ аллеямъ, никогда не исполняя предписаній Миссъ Томпсонъ говорить по-англійски и говоря на *родномъ* французскомъ.

Они ходили и бѣгали... уставали и опять ходили, и все вмѣстѣ, и все рука объ руку... И мѣсяцъ черезъ чашу вѣтвей обливалъ ихъ своимъ влажнымъ свѣтомъ, и было имъ привольно, и было имъ тепло другъ подлѣ друга, и было имъ безотчетно весело другъ подлѣ друга, и въ ухахъ Вани раздавались слова полковника — «Вотъ твоя певѣста».

Ванѣ было пятнадцать, — Маріи тринадцать. Они также ходили по длиннымъ аллеямъ сада — они также были вмѣстѣ, они уже звали себя мужемъ и женою.. Бѣдныя дѣти!

Маріи развилась рано. Все, что чувствовалъ молодой Званлицевъ, все, что онъ читалъ, проходило по ея душѣ. Бѣдныя дѣти! Они жадно читали Байрона, потому-что никто не заботился о томъ, что они читають, да никто и не догадывался никогда, что всякій вечеръ на полкѣ поэтовъ бібліотеки Сергѣя Петровича не доставало одного тома.

Они любили другъ-друга и не умѣли говорить объ этомъ другъ-другу: такъ это казалось имъ просто и естественно.

Старикъ дѣдъ умеръ, когда Ванѣ было пятнадцать-лѣтъ съ половиною, умеръ спокойно, твердо, съ иронической улыбкой на устахъ, пожавши руку полковника, и обратившись къ своему питомцу съ послѣдними словами:

— Jean, je vous laisse mes livres... Frappez et on vous ouvre...

Онъ не окончилъ.

Званлицевъ не плакалъ,—онъ давно уже не былъ ребенкомъ. Онъ поклонился съ глубокою, стѣпенною скорбію этому гордому, еще болѣе вытянувшемуся мертвецу, поцѣловалъ его сухую руку и, взглянувши на сжатые ироніей уста, задумчиво покачалъ кудрявою головою.

Дѣда зарыли. Зять поставилъ надъ нимъ колонку бѣлаго мрамора и окружилъ ее акаціями и кипарисомъ.

Шестнадцати-лѣтъ Званлицева отвезли въ Московскій Университетъ. Онъ усвоилъ себѣ быстро верхушки современныхъ знаній, по возвращаясь на ваканцію къ опекуну, съ любовію и жадностію бросался за старыя книги дѣда.

Опекунъ надъ нимъ смѣялся... Званлицевъ молчалъ на эти насмѣшки.

Характеръ его развивался быстро. Онъ былъ гордъ и непреклоненъ, по обаятельно вкрадчивъ. Все повиновалось ему, отъ товарищей по университету до самого Сергѣя Петровича включительно.

Но, возвращаясь домой по окончаніи курса наукъ, онъ нашелъ Сергѣя Петровича больнымъ и умирающимъ... Изъ полученныхъ отчетовъ по своему имѣнію, онъ увидалъ, что ему жить почти нѣтъ. Имѣніе Сергѣя Петровича въ послѣдніе годы тоже разстроилось окончательно отъ неудавшейся плодоперемѣнной системы, и этого разстройства не могла поправить скудость Анны

Николаевны, потому-что она простиралась только на сборъ талекъ льну.

Сергій Петровичъ, умирая, взявъ руку рыдавшей дочери и положилъ въ руку Званнцеву. Потомъ онъ показалъ на нихъ глазами жещъ.

Званнцевъ горько улыбнулся, но взявъ руку Марі!

Справили похороны, съѣхались сосѣди и дальная родня. За упокойномъ-же столомъ, одинъ дядюшка Марі по матери, бывший лицомъ очень-важнымъ въ губерніи, предложилъ ему протекцію по службъ.

Званнцевъ отказался — онъ не любилъ почему-то службы.
— Что же ты будешь дѣлать, Иванъ Александровичъ? съ видимымъ неудовольствіемъ спросилъ дядюшка.

— Не знаю, сухо отвѣчалъ онъ, и послѣ обѣда тотчасъ-же ушелъ во флигель.

А на другой день ни его, ни дѣдовскихъ книгъ не было уже въ Скарлатовскомъ.

Его не упрекали... о немъ не говорили. Анна Николаевна вообще его не жаловала:—Гордымъ Богъ противится! говорила она всегда.

Марі — не плакала. Она была тоже слишкомъ-горда.

Черезъ годъ она вышла за-мужъ за молодого сосѣда ихъ по имѣнію, университетскаго товарища Званнцева.

Почтенный дядюшка обѣщалъ Воловскому протекцію даже въ Петербургъ, если-бы понадобилось.

Въ эпоху нашего разсказа, Воловской занималъ видное мѣсто въ Петербургъ и получалъ значительный доходъ съ своего и женнаго имѣнія, которыя оба онъ устроилъ наилучшемъ образомъ. Мать Марі умерла въ деревнѣ, разбѣсившись не въ мѣру на оскорбительный ея нравственности проступокъ любимой горничной. Старушка миссъ Томпсонъ скончалась въ Петербургъ, на рукахъ Марі, благословляя ее и вспоминая со слезами о своемъ «dear John», который никогда ее не слушался.

Между-тѣмъ, когда Званнцевъ былъ у Воловскихъ, другой знакомецъ нашъ, Сѣвекій, сидѣлъ за письменнымъ столомъ и грызъ

въ зубахъ перо, склоняся надъ почтовымъ листикомъ съ вычурными бордюрами.

Комната, или точнѣе, комнатка молодого человѣка была мала, но чиста и опрятна, даже изящна, если хотите, только немного щепетильно-изящно. Все было въ ней такъ гладко, такъ опрятно, что не видно было ни порошинки песку на столѣ, ни соринки на полу; въ этой опрятности было что-то непріятно-натянутое, и слишкомъ замѣтно было, что половая щетка работала слишкомъ-часто. Комната была узка, но въ ней, кромѣ письменнаго стола, были нагромождены еще кровать съ занавѣсомъ, маленькій диванъ и фортепяно, помѣщавшееся между изголовьемъ кровати и диваномъ, такъ, что большая половина этого дивана была совершенно-неудобна для сидѣнья. Кромѣ-того, остальную часть стѣнъ до двухъ этажерокъ съ прекрасно-переплетенными книгами занимали плетеные стулья. На столѣ, довольно-помѣстительномъ, стояло множество бездѣлушекъ, вовсе ни къ чему не нужныхъ, разныхъ прессъ-папье, печатей, печатокъ и раковинъ для украшенія. Передъ столомъ стояли кресла, обитыя красною кожею. Въ комнату Сѣвскаго надобно было проходить черезъ три парадныя комнаты, не включая въ это число маленькой передней. Сѣвскій жилъ у матери, вдовы статскаго совѣтника, служившаго въ какомъ-то департаментѣ вице-директоромъ, человѣка примѣрной честности, оставившаго ей пенсію тысячи въ двѣ рубля да наследственную деревушку изъ 50 душъ въ Тверской губерніи. Жили они очень-чисто и прилично — но малѣйшее уклоненіе отъ строгой дисциплины обыкновенныхъ доходовъ повлекло-бы въ ихъ быту значительныя измѣненія.

Сѣвскій сидѣлъ и грызъ перо. Онъ сидѣлъ не за какимъ-нибудь отношеніемъ, а за почтовымъ бѣлымъ листкомъ, на которомъ было написано «Lydie»! съ восклицательнымъ знакомъ. Кромѣ этого слова и огромнаго восклицательнаго знака, Сѣвскій, несмотря на то, что грызъ перо чрезвычайно-усердно, не прибавилъ еще ничего, кромѣ другаго, маленькаго восклицательнаго знака, за которымъ скоро послѣдовала третій.

Онъ былъ въ видимомъ волненіи: щеки его горѣли.

Наконецъ онъ схватилъ перо и началъ:

Lydie!!! (восклицательные знаки были расположены именно такимъ образомъ).

«Въ первый разъ рѣшаюсь я назвать васъ этимъ именемъ, рѣшаюсь потому...

Сѣвскій подумалъ, ища, вѣроятно, достаточной и основательной

причины «потому-что, — продолжалъ онъ, какъ-бы по вдохновенію — «люблю васъ» какъ сестру, люблю слишкомъ чисто, чтобы не позволить себѣ этого названія...

За дверями раздался шорохъ, — Сѣвскій съ досадою бросилъ послѣшно письмо въ ящикъ стола и раскрылъ какую-то книгу.

Вошла рыжая дѣвка съ пологою щеткою.

— Зачѣмъ? вскричалъ Сѣвскій съ негодованіемъ: у меня чисто.

— Барыня велѣла, отвѣчала дѣвка флегматически и принялась за операцію.

Физиономія Сѣвскаго приняла какое-то страдальческое, болѣзненное выраженіе; пытка эта, вѣроятно, была для него обыкновенна и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ несносна. Нетерпѣніе выражалось въ его взглядѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какая-то покорность.

Дѣвка ушла, продолживши свое занятіе до невозможности: кажется, она такъ-же справляла тяжелый долгъ, а притомъ знала, что послѣ него будетъ справлять еще болѣе тяжкій, и потому вовсе не торопилась.

Сѣвскій опять досталъ письмо изъ стола и продолжалъ его, но продолжалъ уже не перерывая порывовъ своего *вдохновенія*.

«Причина, которая заставляетъ меня писать къ вамъ, слишкомъ важна — для васъ, Lydie, и... для меня можетъ быть. — Да!!!! то, что я узналъ, обдало страшнымъ холодомъ мою душу, обдало потому-что... я дрожу написать это... я люблю васъ безумно, пламенно, я васъ люблю, Lydie, я ревную,... смѣйтесь надо мною!...

Продолженіе, какъ видите, слишкомъ не гармонировало съ *братскимъ* началомъ, но таковы письма влюбленныхъ. Начнетъ всякій, какъ человѣкъ порядочный, и кончитъ чортъ знаетъ чѣмъ, тѣмъ, о чемъ и самъ не думалъ, принимаясь писать. Все дѣло было въ томъ впрочемъ, что Званнцевъ, этотъ холодный эгоистъ, этотъ человѣкъ безъ чести и безъ правилъ — осмѣливается произносить ея имя, общается съблать ее своимъ созданіемъ, ее — чистую, свѣтлую, какъ само небо.

То, что между порядочными людьми называется сплетнею, у влюбленныхъ носитъ названіе благороднаго порыва.

Письмо было кончено на трехъ почтовыхъ листочкахъ, но Сѣвскій еще не успѣлъ его запечатать, какъ послышался въ передней звонъ колокольчика. Онъ опять послѣшно спряталъ его въ ящикъ стола и раскрылъ Гегелеву «Феноменологію».

Онъ ждалъ минуты съ три и уже хотѣлъ было достать опять письмо изъ стола, какъ чьи-то твердые и быстрые шаги разда-

лись за дверью, и въ его комнату вошелъ мужчина лѣтъ 30, съ южно-русскою физиономією, съ длинными черными кудрями, съ усами и эспаньолкой; одѣтъ онъ былъ въ греческое пальто-сакъ, изъ зеленого сукна, застегнутое до верху и кажется довольно уже послужившее; но воротнички рубашки голландскаго полотна и прекрасныя почти новыя перчатки служили порукою за порядочныя привычки этого человѣка.

— Здравствуй-те Сѣвскій, сказалъ онъ съ сухимъ кашлемъ: — а мнѣ сказали, что васъ нѣтъ дома? Я удивился, тѣмъ болѣе, что самъ сказалъ вамъ вчера, что зайду къ вамъ.

Сѣвскій видимо измѣнился, съ смущеніемъ и робко почти подаль ему руку.

— Да... началъ онъ съ смущеніемъ: я, извините, кажется, заблѣлъ... а впрочемъ... не знаю...

Видно было, что Сѣвскому тяжело было лгать.

Пришедшій взглянулъ на него быстро.

Сѣвскій потупилъ глаза въ землю.

— Вы, можетъ-быть, заняты?... сказалъ тотъ, взявши опять шляпу, брошенную имъ на столъ.

— О нѣтъ, нѣтъ — вскричалъ Сѣвскій съ умоляющимъ видомъ, схвативши его за руку: садитесь, садитесь Александръ Ивановичъ! хотите сигару... Впрочемъ вы кашляете? вамъ нельзя?

— Ничего, дайте.

И повонришедшій закурилъ регалию.

— Умирать собираюсь, говорилъ пришедшій, продолжая курить: кашель, грудь болитъ смертельно... Да что это! прибавилъ онъ, съ неудовольствіемъ махнувши рукою: — ничто не беретъ!

Онъ сбросилъ на полъ нагорѣвшій пепелъ... Сѣвскій кинулъ на это бѣглый взглядъ, вѣроятно, рыжую дѣвку.

— Ну что вы? сказалъ Александръ Ивановичъ: все читаете?... и все вздоръ, чепуху нѣмецкую? Читайте Французовъ, Дмитрій Николаевичъ, читайте Французовъ, народъ хоть сколько-нибудь дѣльный.

И онъ съ негодовапіемъ плюнулъ.

Сѣвскій опять бѣгло взглянулъ на это.

— Будете вы сегодня у Мензбира? продолжалъ сго гость, не обращая особеннаго вниманія на его косвенныя взгляды.

При этомъ вопросѣ Сѣвскій взглянулъ почти съ ужасомъ въ сторону, гдѣ стояло фортепяно, заслоня собою двери.

Но онъ былъ слишкомъ-гордъ, чтобы показать передъ гостемъ этотъ ужасъ... Онъ отвѣчалъ твердо и, по видимому, равнодушно.

— Не знаю... можетъ-быть, буду, можетъ-быть, нѣтъ.

— Разумѣется, будете, прощески замѣтилъ гость... разумѣется, будете... Но скажите ради Бога, продолжалъ онъ тономъ искренняго участія: зачѣмъ вы тамъ бываете? Я хожу туда играть въ карты, потому-что, какъ вы знаете, это мой промыселъ, — карты, замѣтите, — не шулерство...

Сѣвскій блѣднѣлъ и глядѣлъ на двери, заслоненныя фортепяномъ.

— Полноте шутить, замѣтилъ онъ наконецъ съ принужденной улыбкою.

— Шутить? мнѣ всего на свѣтѣ — отвѣчалъ гость: я вовсе нешучу: я не литераторъ, не служащій, я человѣкъ вовсе лишній на свѣтѣ. Но вамъ-то что дѣлать у Мензбира? Если вы волочитесь за Лидіей, то я скажу вамъ....

Но въ эту минуту самъ гость замѣтилъ взглядъ Сѣвскаго, полный такого ужаса и страданія и такъ прикованный къ двери, что, казалось, молодой человѣкъ потерялъ надъ собою всякую волю.

Гость поглядѣлъ на его съ недоумѣніемъ, и чтобы переменить разговоръ, попросилъ у него вторую сигару.

Но сигара, которую подаль ему Сѣвскій, была послѣдняя: это еще больше смутило бѣднаго ребенка.

И хозяинъ и гость молчали. Въ сосѣдней комнатѣ послышался звонъ чашекъ.

Что это? сказалъ гость: какъ вы рано пьете чай, Дмитрій Николаичъ... Еще шесть часовъ только. Впрочемъ я теперь выпью стаканъ съ удовольствіемъ... жарко.

— Да... то-есть... началъ блѣднѣя и краснѣя вмѣстѣ молодой человѣкъ: я долженъ предварить васъ... Но ему стыдно было предворять гостя, что по всѣмъ его соображеніямъ принесутъ только одинъ стаканъ, и онъ уже думалъ о томъ, что ему дѣлать, не обидится-ли его пріятель.... если онъ ему предложить свой стаканъ и самъ останется безъ чаю...

Но въ эту минуту дверь отворилась и явился лакей съ угрюмой фізіономіей и съ подносомъ, на которомъ стояли два стакана чаю.

Липо Сѣвскаго немного просвѣтлѣю.

Александръ Ивановичъ выпилъ стаканъ и взялъ шляпу.

— Куда же вы? спросилъ Сѣвскій, желая удержать его, — потому-что послѣ чаю не предвидѣлъ уже ни какой пытки.

— Мнѣ пора, сказалъ тотъ и крѣпко пожавши руку молодого человѣка вышелъ изъ комнаты.

Сѣвскій бросился на диванъ и закрылъ руками свое лицо. Когда онъ открылъ его, передъ нимъ стояла уже барыня первически дрожавшая, съ злобно, язвительной улыбкою на блѣдыхъ и обметанныхъ лихорадкой губахъ.

— Вотъ и картежникъ и мошенникъ, Дмитрій Александровичъ начала она сухимъ тономъ: а говоритъ вамъ дѣло.

— О чемъ маменька? спросилъ Сѣвскій, голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія.

И губы его сжался, и въ груди, казалось, что-то понакапливалось.

— О чемъ? я знаю о чемъ, — вы меня не обманете, говорила она. Ты думаешь окружишь себя мошенниками и мерзавцами пріятелями, такъ и скроешься отъ меня. Нѣтъ, дружочекъ мой, они-же тебя и выдадутъ, продолжала она какимъ-то переслащенно-нѣжнымъ тономъ. Пусть онъ и мерзавецъ — а говорилъ дѣло. За то я ему и чаю принесла, а то велѣла было отказать ему.

Сѣвскій, стиснувъ зубы, могъ сказать только.

— За-чѣмъ? я-бы не пилъ самъ.

— Ты-бы не пилъ самъ?.. ты-бы не пилъ самъ? завизжала матушка: такъ-то ты мнѣ грубостями платишь за попеченіе! Уморить что-ли меня ты хочешь? Что-жь, умори, умори — я и такъ уже на семь свѣтѣ страдалица...

Сѣвскій вскочилъ и ходилъ по комнатѣ. Наконецъ онъ всталъ передъ матерью и во взглядѣ его блеснула отчаянная твердость.

Его мать еще больше завизжала и упала на диванъ.

Человѣкъ холодный заткнулъ-бы себѣ уши... Сѣвскій былъ молодъ, Сѣвскій былъ благороденъ; въ его высокой природѣ чувство состраданія ко всему себя низшему доходило до слабости.

Онъ ударилъ себя по лбу, и схвативши руку матери, поцѣловалъ ее.

Она плакала и продолжала тише, но также злобно:

— Вотъ они до чего доводятъ тебя, твои пріятели... и не до того еще доведутъ, вспомнишь ты тогда материны слова: материны слезы сильны передъ Богомъ...

— Маменька, маменька! умоляющимъ, скорбнымъ голосомъ говорилъ Сѣвскій.

— Что? маменька! — сказала она, отирая слезы, сухимъ тономъ: я говорю правду, я ужъ давно страдалица, и все за тебя.

Одного уж отучила отъ дому — а то было повадился каждый день шастъ да шастъ: словно съ виеблицы сорвался, картежникъ этакой, а тоже выдаетъ себя за барина, въ коляскѣ ѣздитъ. — Я про твоего пріятеля толкую, сказала она язвительно: про Званцева...

Дмитрій дрожалъ нервически.

— Какой-же онъ мнѣ пріятель, маменька? говорилъ онъ тѣмъ-же покорнымъ тономъ.

— Что-жь? небось этотъ лучше что-ли? небось лучше! тоже съ цѣпи сорвался. Да ужъ за одно благодарна, правду говорить, у меня не изволь шататься къ этому — какъ бишь его, гдѣ картежники-то собираются?... Изволь-ка нынче къ дядѣ... тамъ порядочные люди, твой начальникъ отдѣленія. А то куда хорошо — мать больна лежитъ, а сынокъ сидитъ съ мерзавцами, да съ развратной дѣвчоной шильничаетъ

Дмитрій вспыхнулъ... но безъ дѣйствія осталась эта вспышка въ его истерзанной пытками организаціи. Онъ не имѣлъ силы, векипѣть гнѣвомъ мужа даже за то, что онъ любилъ больше жизни.

— Я пойду къ дядюшкѣ, маменька, отвѣчалъ онъ съ нѣжною покорностію раба и измѣнившимся отъ страданія голосомъ; все, что у другихъ вырывалось наружу, въ этой природѣ падало во внутрь и грызло и жгло мучительно.

— То-то пойду... продолжала мать: а у меня смотри, вѣдь я поглядѣть пошлю, точно-ли ты у дяди.

И она вышла, захлопнувши съ гнѣвомъ дверь.

Сѣвскій опять уналъ на диванъ, изнеможенный, больной и съ нимъ начались припадки женской истерки.

Ему необходимо было быть у Мензбира. Но какъ?

Наконецъ онъ вспомнилъ, что жена его дяди любитъ его, что она нѣсколько разъ вызывала его на откровенность.

Онъ былъ гордъ для откровенности.

Но онъ былъ влюбленъ.

И впервые, можетъ-быть, человѣческое достоинство и гордость принесены имъ въ жертву.

Но... лгать, лгать, Боже мой! продолжалъ онъ, вставая: но вѣчно лгать...

— И смѣтъ еще любить! прибавилъ онъ съ негодованіемъ на себя.

Но онъ запечаталъ письмо и спросилъ одѣваться....
А вѣдь точно любовь — хула въ душѣ раба!

По очень-большой, но неприятно-голої жолтой залѣ одного дома на Пескахъ расхаживалъ маленькими, скорыми шагами старикъ лѣтъ 60, небольшого росту, сѣдой, съ быстрыми, безпрестанно бѣгавшими глазами. Старикъ былъ по-домашнему, въ шолковомъ халатѣ, сшитомъ сюртукомъ. Онъ безпрестанно поправляя свѣчи, разставленныя по всѣмъ маленькимъ столикамъ залы и обливавшія ея желтизну особеннымъ, отвратительнымъ свѣтомъ. Старикъ-то раскладывалъ мѣлки на четырехъ приготовленныхъ столахъ для картъ, то заглядывалъ своими маленькими бѣглыми глазами въ полуотворенныя двери передней, то поправляя юпитръ для скрипки, поставленный подлѣ прекраснаго Виртовскаго рояля. Какое-то лихорадочное безпокойство просвѣчивалась въ его непреодолимой заботливости.

— Анна, Анна! закричалъ онъ въ двери, которыя вели въ другую комнату.

На крикъ его явилась малорослая женщина лѣтъ 30 — настоящій, неподдѣльный типъ Чухонки или «Ведки», — ибо, какъ всѣ Чухонки, она обижалась своимъ чухонскимъ происхожденіемъ. — Что-то гнусно-наглое было въ ея лицѣ, довольно впрочемъ красивомъ.

— Анна, повторилъ старикъ: что-же не выдетъ Лидка? пора ужъ десять часовъ.

— А мой пошемъ знать? твой Лида, а не мой, — грубо сказала Чухонка, захлопнувъ дверь ему подъ носъ.

Старикъ съ досадою топнулъ ногой.

— Пора мнѣ съ ней раздѣлаться, проклятою, проворчалъ онъ сквозь зубы: да и надоѣла ужъ, право!

Онъ опять началъ ходить изъ угла въ уголь, поглядывая по временамъ въ окно.

— Лида — вскричалъ онъ: Лида, а Лида?

— Что вы папенька? послышался серебряный голосъ.

— Пора, матушка, — скоро наѣдутъ.

— Сейчасъ — дайте мнѣ застегнуть спензеръ.

И черезъ минуту дверь другой комнаты отворилась, и оттуда

выпорхнула дѣвочка лѣтъ пятнадцати, маленькая, какъ кукла, вся — выточенная, какъ кукла, но выточенная великимъ художникомъ.

Она была мала — мала до той уродливости, которая есть высшая красота и малѣйшій шагъ за которую дальше будетъ безобразіемъ. Ея мягкіе, свѣтло-каштановые волосы, тонкіе и длинныя, падали довольно-небрежно на щеки, нѣжныя до болѣзненности: глаза ея, темно-голубые до того, что ихъ съ перваго взгляда не различили-бы вы съ черными, облиты были преждевременной, опередившей года сладострастной влагою, и она опускала ихъ такъ стыдливо-лукаво, такъ боязливо-смѣло... Бюстъ ея былъ совершенно-античный; все тѣло ея, молодое и упругое — способно было гнуться и извиваться по змѣиному и когда она сѣла, небрежная поза ея дышала невыразимо-обаятельнымъ сладострастіемъ; правая нога, выставившаяся изъ-подъ платья, была мала и вмѣстѣ высока въ подъемѣ, — и это одно, что перешло въ ней восточнаго отъ ея матери, Гречанки по происхожденію. Одѣта она была прекрасно, но фантастически-театрально; бѣлое платье, короче обыкновенныхъ модныхъ, черный бархатный спенсеръ, вѣнокъ на головѣ, и прекрасныя, почти до плеча голыя руки! Это была, казалось, театральная Гитана.

— Папенька, начала она, смотря на отца очень-выразительно: вашъ баронъ мнѣ надоѣлъ... Долго-ли еще онъ будетъ къ намъ ѣздить?

Старикъ не отвѣчалъ.

— Я васъ спрашиваю, повторила она со смѣхомъ: долго-ли будетъ ѣздить баронъ?

— Ты глупа, съ сердцемъ сказалъ старикъ.

— Я вамъ говорю, что онъ мнѣ надоѣлъ, вскричала она съ петербургскою досадою ребенка... Опъ настоящая сова.

— Да вотъ такъ для тебя и прогоню я его сейчасъ, проворчалъ старикъ.

— Опъ мнѣ говорить любезности!

— Ну такъ что-жъ?

— Знаете-ли, что онъ мнѣ сказалъ вчера?

Ну!... и старикъ, заложивъ руки за спину, вопросительно глядѣлъ на дочь.

— Угадайте... сказала она съ веселымъ хохотомъ.

— Да ну-же.

— Онъ уговаривалъ меня бѣжать съ нимъ? Съ нимъ!

И дѣвочка хохотала.

Старикъ заходилъ по комнатѣ быстрѣе прежняго.

— Ну что-жь? сказалъ онъ съ величайшимъ спокойствіемъ, остановясь опять передъ нею: онъ богатъ... играетъ скупю — такъ не скупъ будетъ на другое. Не мытьемъ, такъ катаньемъ!

— Фуу! сказала дѣвочка, и сдѣлавши презрительную мину, порхнула къ роялю и заплѣла чистымъ, хотя немного дѣтскимъ голосомъ какой-то романсъ.

— Ой ты! сказалъ отецъ: все вздоръ въ головѣ. Вѣдь я развѣдалъ про Сѣвскаго-то: ничего нѣтъ за душою!

— Онъ хорошенькій, сказала Лидія, прерывая романсъ, и кивнувъ назадъ головку.

Двери передней отворились. Вошли уже извѣстные читателю Сапоговъ и его спутникъ, котораго звалъ онъ Антошею. Антоша впрочемъ былъ во фракѣ, довольно-чистомъ, хотя, кажется, сшитомъ не по немъ. Лица Сапогова и Антоши раскраснѣлись отъ чего-то, и черты послѣдняго дышали отвратительнымъ безпутствомъ.

Лидія окинула ихъ взглядомъ, и слегка кивнувши головою, продолжала играть.

— А, почтеннѣйшій Андрей Сидоровичъ! засуетился старикъ: наконецъ то вы, — и онъ изъ подлюбья взглянулъ на его спутника.

— А я къ вамъ не одинъ Сергѣй, Карлычъ... Рекомендую, мой закадычный — Антонъ Петровичъ.

— А по фамиліи, смѣю спросить? сказалъ старикъ, протягивая спутнику руку и прищуря лѣвый глазъ.

— Позвоицевъ, громко отвѣчалъ Антоша, пожимая протянутую ему руку и раскланиваясь съ ухорскими ухватками. Видно было, что онъ не совсѣмъ въ трезвомъ положеніи.

— Прошу полюбить, да быть безъ церемоніи, сказалъ старикъ.

И самъ-же подаль примѣръ нецеремонности обращенія, схвативши Сапогова, и отвѣдя его въ сторону, спросилъ тихо:

— Играеть?

— Ни гроша за душой.

— Такъ зачѣмъ?

— Нужешъ!

— Гм!

— Знаеть кой-кого.

— И можетъ?

— Приведеть.

— Когда-же?

— Да, ужъ приведетъ.

Во-время этого лаконическаго разговора Антоша разсѣянно смотрѣлъ въ сторону; ему не было даже неловко.

— А я, представьте себѣ, какая со мной скверная была вчера исторія, Сергѣй Карлычъ, громко началъ Сапоговъ остановався по серединѣ комнаты.

— Что такое, Андрей Сидорычъ? съ участіемъ спросилъ Мензбиръ.

— Да вообразите себѣ... Есть у меня пріятель, служить со мною вмѣстѣ, малой и того-бы кажется, умный, разбитной... Я, знаете, продолжалъ онъ, шелкнувъ по ладони пальцемъ, разъ этакъ отвожу его въ сторону и говорю: — что братецъ-моль жизнь человѣческая, говорю — просто садъ заглохшій, какъ Шекспиръ говорить.

— Ну-съ!...

— Есть, говорить Андрей Сидорычъ, извольте.... А ужъ я моль, говорю, тебѣ, любезный другъ, десятый процентъ. Будете, говорить, вы завтра дома. Буду... Ну такъ я привезу къ вамъ. Хорошо моль. Ну, вчера утромъ сажу у окна, знаете, вижу, ѣдетъ мой пріятель въ коляскѣ, и съ нимъ молодецъ въ золотыхъ очкахъ, франтомъ такимъ. Я принимаю. Расшаркивается на всю комнату, и по-французски. Что моль онъ, братецъ, такое говорить? Charmé, говорить... Ну моль шарме, такъ шарме. Вы, говорить, Андрей Антонычъ, здѣсь вѣрно скучаете? Да моль — а вы? Я, говорить, ма тантъ, княгиня такая-то, ма гранъ-тавтъ, говорить, баронесса, тамъ чортъ знаетъ, что несетъ! — Не сыграть-ли въ преферансъ намъ, говорю я. — Извольте, говорить. Пріятель мой ушелъ, дѣло говорить есть, послѣ зайду. Садимся. Сыграли игры двѣ...

— Ну-съ, ну-съ, съ видимымъ участіемъ сказалъ Мензбиръ.

— Сыграли игры двѣ, вижу — дока! Такъ ужъ и не играемъ, извѣстно какъ съ открытымъ, взятки вѣдь все на-чистую. Что ни сдадимъ, у меня говорить семь, и броситъ карты. Пронгралъ я пуановъ 200.

— А по многу-ли кушъ? спросилъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, Антоша.

— А тебѣ что? насмѣшливо сказалъ Сапоговъ. По рублю серебромъ. Ну да вдругъ привалило мнѣ счастье, какъ пошелъ, какъ пошелъ, — храбро этакъ отыгралъ свои пуаны. Рискую страшно. Что моль? «Злато-мечтанье пустое, ужели, ужели намъ жалѣть его?» — Да и наигралъ на него 800 пуановъ.

— 800 серебромъ, вскричалъ старикъ, и маленькіе глаза его запрыгали.

— Пора молъ кончить! Сочлись — 800 серебромъ онъ въ проигрышѣ. Со мною, говоритъ, только билетъ въ 10 тысячъ. Ну что-жь, давай его сюда. — Я, говоритъ, завтра, да и давай, знаете, вылить какъ лисица хвостомъ. Что молъ завтра, подавай сюда. Ма таптъ, говоритъ, княгиня.... Я-те дамъ, молъ княгиня, ты подавай деньги... Я его, знаете, обыскивать, не дается, я людей, ну, Петрушку вы знаете, малой дюжіи, обыскали. Ни полушки. А молъ такъ-то ты, на шарамыгу, да и давай его, и давай его, и тузилъ, тузилъ. А онъ, какой вы, говоритъ, шутникъ, мусьё Сапоговъ. Я-те дамъ, говорю, шутникъ, я-те дамъ, говорю, шутникъ, да съ лѣстницы-то его, съ лѣстницы.

И подъ конецъ разказа Сапоговъ хохоталъ оглушительнымъ смѣхомъ; Мензбиръ улыбался.

Двери отворились, и ввалилась цѣлая толпа игроковъ.

— А, баронъ, баронъ, подбѣжалъ Мензбиръ къ высокому мужчине, въ коричневомъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху, съ орденномъ въ петличкѣ, въ высокомъ галстухѣ и съ накладкою на головѣ.

Баронъ сухо отвѣчалъ на его привѣтствія, и прямо отправился къ роялю.

— Здравствуйте, Лидія Сергѣевна, началъ онъ очень-почтительно.

— Здравствуйте, отвѣчала ему дѣвочка насмѣшливо.

— Вы на меня сердитесь?

Дѣвочка въ отвѣтъ на это сдѣлала презрительную мину.

Барона окружила толпа игроковъ, и оттащивъ его къ зеленому столу, уже хотѣла посадить за партію, но Сапоговъ отвелъ Мензбира — и сказалъ ему въ полголоса: — Нельзя!

— А что?

— Самъ будетъ.

— Опять.

— Что-жь опять? въ прошлый банкъ на его долю пришлось три тысячи.

— Мало?

— Видно мало.

Мензбиръ пожалъ плечами — но отвелъ двухъ игроковъ, посадилъ ихъ съ какимъ-то помѣщикомъ, толстымъ и низенькимъ, который, видя вокругъ себя людей порядочно одѣтыхъ, удивлялся

простотѣ ихъ обращенія, и радовался, что попалъ на славныхъ людей, съ которыми и попить, и покутить, и поиграть можно.

Дымъ отъ сигаръ и трубокъ застилалъ всю комнату.

Вошелъ знакомый Сѣвекаго Александръ Ивановичъ, и почти никѣмъ незамѣченный, кромѣ хозяина, безъ церемоній, какъ-бы находясь въ трактирѣ, подошелъ къ сигарному ящику и тотчасъ же закурилъ на свѣчкѣ плохую регалию.

— Кто это? мигнулъ Сапоговъ Мензбиру.

— Не знаете? онъ бываетъ часто.... играетъ ловко, только того.... плохо.

— Ну! съ сомнѣниемъ замѣтилъ Сапоговъ.

— Право!

— Дуракъ! сквозь зубы проворчалъ Андрей Сидорычъ.

Баронъ опять былъ подлѣ Лидіи, которая надъ нимъ безжалостно смѣялась.

Одинъ изъ игроковъ, не составивши еще себѣ партіи, просилъ ее сыграть что-нибудь, обѣщавшись ей аккомпанировать на скрипкѣ.

Началась импровизація — приготовленная еще за недѣлю.

Не люблю я этихъ подготовленныхъ импровизацій, не люблю я, когда профанируютъ публичностью тихую натуру бѣдной дѣвочки, заставляя ее выказывать со слезами пополамъ доставшіеся таланты, не люблю я этихъ заказныхъ, приторныхъ похвалъ. Я помню, какъ судорожно сжималось мое сердце въ одинъ вечеръ такой подготовленной импровизаціи, какъ я готовъ былъ отъ души послать къ чорту всѣхъ этихъ гостей, съ какою-то глуною важною слушающихъ очень-милую, но простую игру безпрестанно-сбивавшейся въ тактъ дѣвочки, всѣхъ этихъ родныхъ, которые не стыдятся дорожить въ этомъ случаѣ успѣхомъ и дрожать за него, — помню, какъ глубоко было мнѣ досадно на нее самую, какъ я былъ золъ тогда, какъ я страдалъ тогда.

Лидія играла. Раздавались bravo.

Вошелъ Сѣвекій, въ черномъ фракѣ, ловко обрисовывавшемъ его стройную талию, въ бѣломъ шолововомъ жилетѣ. Онъ былъ блѣденъ: недавнія пытки оставили слѣдъ на его челѣ, но онъ былъ хорошъ: страданіе сообщало мужескую выразительность его лицу.

Онъ оставался въ дверяхъ, и въ этой чадной атмосферѣ искалъ глазами своего воздушнаго призрака. Наконецъ тонкія черты Лидіи прорѣзались сквозь эту дымку. Ему стало грустно, ему впервые слишкомъ-гадкимъ явилось все, что окружало этого бѣднаго, прекраснаго ребенка.

Лидія кончила. Посыпались браво.

Сѣвскій подошелъ къ ней. Она съ живостию схватила его руку и увлекла къ дверямъ залы, гдѣ стояли два порожнихъ стула, и гдѣ было не такъ душно.

Они говорили. Разговоръ ихъ былъ пустъ и полонъ ребяческаго ства. Лидія была рѣзва и весела — Сѣвскій стыдливъ, грустенъ и робокъ.

Но они оба были молоды, хороши, созданы, казалось, одинъ для другаго.

Они говорили, безпечные, забывшіе весь окружающій ихъ людъ, а между тѣмъ почти подлѣ нихъ стоялъ уже Званинцевъ, который, слегка кивнувши головою хозяйну, не пошелъ дальше и всталъ у окна, закуривши сигару. Онъ смотрѣлъ на двухъ дѣтей внимательно и грустно.

— Что-же это за тайна, Дмитрій Николаевичъ? спросила Лидія съ рѣзвымъ смѣхомъ.

— Я вамъ говорю, что это очень важно.... тихо и твердо проговорилъ Сѣвскій: умоляю васъ.

И онъ быстро передалъ ей крошечный конвертъ.

— Стихи? спросила она, лукаво улыбувшись.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ онъ — но въ эту минуту оборотился въ сторону, чтобы скрыть свое смущеніе и поблѣднѣлъ....

Званинцевъ насмѣшливо улыбался.

Сѣвскій съ досадою вскочилъ съ своего мѣста, и бросился къ своему Александру Ивановичу, все еще нессыскавшему партіи.

— Здравствуйте, Лиди, сказалъ Званинцевъ за стуломъ молодой дѣвушки.... Я вамъ принесъ конфетъ... жаль, что не могъ найти порядочной игрушки.

— Игрушки? и дѣвочка съ досадою надула губки.

— Вы замѣтно хорошеете, сказалъ онъ холодно. Какіе у васъ славные локоны! Дайте мнѣ поцѣловать одинъ. И не ожидая позволенія, онъ уже наклонялся къ ея головкѣ.

Лидія вскочила съ живымъ смѣхомъ и порхнула въ другой уголъ. Онъ пошелъ за нею.

Сѣвскаго рвала досада и бѣшенство.

— Послушайте, Лиди, спросилъ Званинцевъ — долго ли вы будете дурачить барона?

— Знаете-ли? отвѣчала она съ дѣтскою доверчивостію: онъ сегодня предлагалъ мнѣ руку и сердце.

— Право? и что-же вы?

— Фи!

— Чего-же вамъ надо?

И въ Лидію вонзился взгляць тигра.

Она потупилась — и отвѣчала робко: Не знаю.

— Дитя вы, сказалъ беззаботно Званинцевъ.

— Отъ-чего вы зовете меня дитею? съ досадою спросила Лидія.

— Отъ-того, что вы дитя — и притомъ мое любимое дитя.

Лидія захохотала.

Въ другомъ углу Сѣвскій особенно-торжественнымъ тономъ говорилъ Александру Ивановичу.

— Вы говорили, что меня любите?

— Да.

— И потому я могу требовать отъ васъ услуги.

— Всегда.

— Я говорю это потому-что, быть-можетъ, вы мнѣ будете нужны.

— Эхъ вы ребенокъ, ребенокъ — говорилъ, грустно качая головою, Александръ Ивановичъ: я знаю, о чемъ вы будете просить меня.

— Знаете?

— Да... нуда что-жъ впрочемъ? вѣдь надо-же вамъ когда-нибудь умереть? Не лучше-ли даже умереть, пока вы молоды, пока вы еще не сдѣлались подлецомъ. Я вашъ.

— Хорошо, сказалъ Сѣвскій, пожавъ крѣпко его руку. Быть-можетъ, придетъ минута, когда я вамъ напомню объ этомъ

Было уже три часа утра, когда Лидія вошла въ свою тѣсную, низенькую, бѣдную комнату.

Она была утомлена и задумчива. О чемъ она думала? О томъ-ли, отъ-чего рано уѣхалъ Сѣвскій, о томъ-ли, отъ чего Званинцевъ игралъ въ этотъ вечеръ менѣе обыкновеннаго?

Не знаю. Знаю одно только, что она совсѣмъ почти забыла о письмѣ Сѣвскаго.

Ей безпрестанно мерещился то мягкій, то провзительный взглядъ, полунасмѣшливая, полустрастная рѣчь — этотъ гордый, высокій человекъ, равнодушно бросившій на столъ проигранныя имъ въ банкъ три тысячи, и тотчасъ-же обратившійся къ ней съ веселою шуткою.

Не раздѣваясь, сѣла она на кровать, и опершись локтемъ на подушку, склонилась головой на руку.

Она была утомлена — но ей не хотѣлось спать.

Медленно разстегнула она спензеръ, изъ-подъ мыска выпала записка.

Она вздрогнула.

Она вспомнила — и съ жаднымъ любопытствомъ дочерей Еввы разорвала конвертъ.

Она читала.

Письмо было глупо, но искренно. Чтѣ-то похожее на чувство, на первое чувство мелькало на лицѣ дѣвочки.

Но она дочла до того мѣста, гдѣ говорилось о Званинцевѣ.

Щеки ея вспыхнули самолюбивымъ румянцемъ.

Стало-быть, этотъ человѣкъ, такъ глубоко презирающій все и всѣхъ, тоже человѣкъ, какъ и всѣ другіе.

Да... но за-чѣмъ, онъ смотритъ на нее, какъ на ребенка?...

Лидія была дитя, но дитя, созданное изъ ума и разчета. Да и пениовата была она, бѣдная дѣвушка : вокругъ нея все дышало разчетомъ, все было взвѣшено и прадаю, и если до-сихъ-поръ еще не была продана она, вѣроятно, отъ-того, что на нее рассчитывали больше, чѣмъ на собственную честь и совѣсть.

И она знала это.

Но, подчиненная силѣ, она безсознательно, можетъ-быть, думала, что имѣетъ полное право защищаться своимъ оружіемъ — хитростію.

И въ ней рано развилось это змѣиное свойство, развилось насчетъ всѣхъ другіхъ.

Безсознательно она, можетъ-быть, также презирала все, какъ самъ Званинцевъ.

Она еще никого не любила.

Она была самолюбива — и въ молодомъ, миломъ, умномъ Сѣвскомъ привыкла видѣть мужа, который введетъ ее въ иную жизнь; мечты объ этой жизни, порядочной, быть-можетъ, блестящей — ее сильно тревожили.

И только.

Она была холодна, — она была опытна не по-лѣтамъ.

Она была воспитана Чухонкой — да хламомъ книгъ, который ей отовсюду таскали игроки, сбиравшіеся у отца.

Читатель можетъ судить, каковы были эти книги...

Странная смѣсь ума и невѣжества, простоты и кокетства была въ головѣ бѣдной дѣвочки.

Будущее ея было безотраднѣе... и въ немъ также видѣла она такой-же разчетъ, хотя, можетъ-быть, въ иной сферѣ.

И въ первый разъ почувствовала она въ этотъ вечеръ, обая-

нѣ бархатнаго взгляда, обаяніе силы, которая, казалось, ее сжи- гала.

Но она была самолюбива....

Онъ долженъ быть у моихъ ногъ, думала она.

И отъ этой мысли ее мучила бессонница....

Утренняя заря облила комнату. Лидія заснула.

Она была дивно прекрасна, разметавшаяся, освѣщенная розо- вымъ свѣтомъ

Въ эту ночь, Антоша, какъ называлъ его Сапоговъ, или Ан- тонъ Петровичъ Позвонцовъ, губернской секретарь, уволенный отъ службы за неспособностію, какъ значилось въ его форму- лярномъ спискѣ, ночевалъ на Крестовскомъ-островѣ подь ку- стами.

Случилось это очень-просто.

Онъ выѣхалъ съ Сапоговымъ въ его коляскѣ, но Сапоговъ не разсудилъ ночевать дома, и ссадилъ своего друга по серединѣ улицы.

Антоша пошелъ очень-равнодушно дальше, дальше и все дальше, наконецъ онъ дошелъ до Адмиральтѣйскаго-бульвара и разу- дилъ было ночевать на одной изъ его скамеекъ, но вспомнилъ, что полиція встаетъ довольно-рано.

И онъ спокойно шелъ куда глаза глядятъ — и также спокой- но легъ подь кустами Крестовскаго.

Но онъ не спалъ.... онъ думалъ — чего съ нимъ давно уже не бывало, — но какой-то хаосъ были его думы. То мелькали передъ нимъ воспоминанія давно минувшаго, — маленькій домикъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Москвы, — тихая, скучная жизнь, два старыхъ, облитыхъ слезами, изборожденныхъ морщина- ми лица — мужское и женское, и — онъ готовъ былъ плакать; — то, съ негодованіемъ отвернувши эту полосу жизни, онъ видѣлъ себя молодымъ, полнымъ надеждъ, безумно предающимся жизни, только-что вырвавшимся на волю, съ деньгами, еще уважаемымъ.... съ деньгами!... О! онъ не зналъ тогда цѣны денегъ, онъ не зналъ, что деньги однѣ только дѣлаютъ человѣка свободнымъ, онъ не зналъ еще, до чего доводитъ отчаянное безденежье и хандра, онъ не видалъ еще себя въ своемъ будущемъ презрѣннымъ парази- томъ Сапогова, бездомнымъ скитальцемъ, который терпитъ всевозможныя униженія, для того, чтобы не возвратиться на квар-

тиру, гдѣ его ждетъ старый, пьяный, но жалкій слуга, неѣвшій, можетъ-быть, три дня, да крикъ хозяйки за недоплаченныя деньги. Онъ еще не зналъ тогда этого, онъ вѣрилъ еще, что найдутся люди, которые поддержать человѣка, если онъ сдѣлаетъ ошибку въ жизни, поддержать не безплоднымъ совѣтомъ, а деньгами, деньгами, деньгами... И вотъ теперь онъ убѣдился горькимъ опытомъ, что человѣку, разъ запутавшемуся на свѣтѣ — ровно нельзя ничего сдѣлать; отъ долговъ онъ бѣгалъ изъ дому, отъ долговъ онъ не ходилъ на службу, которую и такъ не очень любилъ...

И вотъ нынче, въ этотъ вечеръ, передъ нимъ стоялъ человѣкъ съ гордымъ челомъ, равнодушно и безпечно терявшій тысячи за карточнымъ столомъ, смѣлый, надменный, презиравшій свободно все, что стояло съ нимъ не въ-уровень.

То былъ идеаль, тревожившій его юность, то былъ типъ, который когда-то, еще юношею, онъ имѣлъ возможность хотя корчить — онъ теперь другъ и напереникъ и подлѣйшій рабъ презираемаго имъ Сапогова.

Въ эту минуту Антоша безъ малѣйшаго колебанія продалъ-бы душу чорту, если-бы чортъ не былъ слишкомъ-скупъ въ наше время.

Боже, Боже! была пора, когда его могли спасти только полтора ста рублей, только уплата перваго, запутавшаго его долга, и онъ жилъ-бы, жилъ себѣ, скромный, грустный, отрешившійся отъ жадныя необычайной участи — но гордый, но неимѣющій нужды ни въ комъ, и было-бы своего роду величье въ этомъ ограниченномъ положеніи. И онъ пошелъ тогда къ своимъ друзьямъ, и онъ разказывалъ имъ свое положеніе со всею искренностію, со всею чистотой благородной души, которая считаетъ всякаго способнымъ къ человѣческому поступку; но его друзья удивлялись только, что его можетъ запутывать такая бездѣлица, снабжали его совѣтами вдоволь и угощали у Излера.

И потомъ, потомъ, когда его спасла-бы какая-нибудь тысяча рублей, — онъ даже и не пошелъ искать этой тысячи. Онъ зналъ уже людей, онъ былъ увѣренъ, что эта сумма невѣроятная.

Но еще недавно, въ порывѣ безумной мечтательности, ему, истощенному болѣзнію, страданіемъ и развратомъ, вздумалось, что люди, владѣющіе милліонами, должны менѣе другихъ цѣнить деньги. Онъ разсуждалъ очень-просто, что самъ онъ, если-бы имѣлъ милліоны, то способенъ былъ-бы бросать тысячи. Бѣднѣйшій безумецъ! къ одному изъ милліонеровъ впеалъ онъ письмо,

странное, нелѣпое, просительное и вмѣстѣ гордое, котораго смыслъ былъ почти таковъ: «Вы богаты — я бѣденъ; у меня есть способности, но нѣтъ ни одного дня спокойствія. Вы можете дать мнѣ годъ спокойствія и я заплачу вамъ потомъ за это».

Разумѣется, отвѣта онъ не получилъ, да, вѣроятно, письмо и не дошло до самого миллионера.

Передъ нимъ все рисовался этотъ величавый образъ, повелительный, прекрасный.

— Боже! онъ также, какъ и этотъ человѣкъ, могъ быть выше многихъ, какъ и этотъ человѣкъ, онъ могъ также свободно и равнодушно требовать любви отъ прекрасной дѣвочки.

И опять безумная мысль озарила голову Антоши.

Утро сіяло... Было восемь часовъ.

Антоша порылся въ карманѣ, но не нашелъ тамъ ничего.

Тѣмъ не менѣе, дошедши до Васильевскаго-острова, онъ кликнулъ извозчика и, сядя на него, сказалъ ему:

— Въ Большую-Мѣщанскую!

Званинцевъ проснулся, но лежалъ еще въ постели.

Комнаты его были убраны съ строгой простотой и изяществомъ, но по особенной странности, спальня была обита пламенно-краснымъ штофомъ.

Передъ спальнею былъ кабинетъ, въ срединѣ котораго стоялъ огромный письменный столъ, а по стѣнамъ шкафы съ книгами.

Званинцевъ курилъ сигару и пилъ чай.

— Не принимать сегодня никого, кромѣ Воловскаго, сказалъ онъ своему слугѣ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ тотъ--и хотѣлъ выдти, но Званинцевъ остановилъ его.

— Сходи сегодня къ Мензбиру, снеси туда книги, которыя я приготовилъ на столѣ — и отдай кому-нибудь, сказавши, что это отъ меня барышнѣ; ступай сейчасъ и пошли Ивана.

— Слушаю-съ, сказалъ опять лакей и вышелъ.

Черезъ полчаса раздался звонъ колокольчика.

— Кто былъ? спросилъ Званинцевъ другаго вошедшаго лакея.

— Какой-то чиновникъ, отвѣчалъ тотъ, ибо въ Петербургѣ

слово чиновникъ замѣняетъ московское слово баринъ, для обозначенія каждаго, кто одѣтъ не въ длиннополый скюртукъ.

— Кто такой?

— Не знаю-съ, фамиліи не сказалъ, и оставилъ вамъ записку.

— Подай!

Званинцевъ пробѣжалъ записку и спросилъ опять:

— Чтò? онъ ушелъ?

— Ушелъ-съ.

— Нельзя-ли его воротить?

— Лакей побѣжалъ въ переднюю.

— Чтò за странность! подумалъ Званинцевъ — перечитывая опять записку: «Человѣкъ, видѣвшій васъ только разъ, имѣетъ нужду васъ видѣть». Это любопытно.

Вошелъ Антоша.

Званинцевъ поклонился ему безъ всякаго удивленія, но спросилъ его довольно-сухо:

— Чтò вамъ угодно?

— Миѣ нужно говорить съ вами, отвѣчалъ тотъ, невольно потупляя глаза передъ строгимъ взглядомъ Званинцева, и дрожащимъ голосомъ.

— Ну-съ, я васъ слушаю... сказалъ тотъ, опираясь подбородкомъ на руку и не спуская съ Антоши глазъ.

— Тò, о чемъ я буду говорить съ вами, такъ странно....

— Нужды нѣтъ.

— Вы богаты...

— Гм! вамъ вѣрно нужны деньги.

— Вы бросаете тысячи.

— Прямо къ дѣлу. Вамъ нужны деньги?

— Да, сказалъ Антоша, съ твердостью встрѣчая взглядъ Званинцева, насмѣшливый и суровый.

— Хорошо — я не стану васъ спрашивать даже, на чтò вамъ нужны деньги; деньги вещь очень-важная, но сегодня я еще могу ихъ бросить. Много-ль вамъ?... тысячи три, четыре?

— Двѣ, спокойно сказалъ Антоша: но такъ я не возьму вашихъ денегъ, вы должны меня выслушать.

— Къ чему?

— Вы должны меня узнать, настойчиво сказалъ Антоша.

— Я васъ знаю, спокойно отвѣчалъ Званинцевъ.

— Какъ паразита Сапогова?

— На чтò вамъ? не все-ли вамъ равно?

— Нѣтъ, я не возьму вашихъ денегъ, проговорилъ твердо

Антоша, вставая со стула, на который онъ сѣлъ безъ приглашенія.

— Безумецъ! замѣтилъ съ грустной улыбкой Званинцевъ, — безумецъ! повторилъ онъ: ну — утѣшьтеся, я знаю васъ, какъ безумца.

Не смотря на язвительную насмѣшливость тона, Антоша понялъ, что Званинцевъ глубоко заглянулъ въ его душу.

Отонрите этотъ ящикъ, началъ ласково Званинцевъ, подавая Антошѣ ключъ и указывая на ящикъ, стоявшій на столѣ подлѣ постели.

Антоша отперъ.

На лѣвой сторонѣ депозитки — берите ими, да берите ужъ тысячу серебромъ, что за глупое жеманство?

Антоша отчиталъ молча. Званинцевъ внимательно глядѣлъ на его лицо, но не замѣтилъ на немъ и признака радости. Казалось, молодой человѣкъ совершалъ какую-то тяжелую обязанность.

— Вамъ тяжело я вижу, сказалъ Званинцевъ важно: ну, что же дѣлать, сами виноваты. Помните, что деньги — все.

И потомъ, подумавъ немного:

— Мнѣ надобно васъ взять въ руки, сказалъ онъ съ улыбкою.

Антоша взглянулъ на него, и въ его взглядѣ было много благодарности, хотя нисколько неунижающейся.

— Переѣзжайте ко мнѣ, опять началъ Званинцевъ.

Антоша схватилъ его руку.

— Вы еще молоды, но въ васъ много благородства, много силы, много свободы, говорилъ Званинцевъ. Садитесь и пейте чай.

И черезъ часъ бесѣды, въ которой молодой человѣкъ передавалъ впервые другому человѣку исповѣдь своихъ мукъ, своего униженія, казня безпощадно самого себя — онъ былъ уже чистъ, свѣтелъ и гордъ, какъ за пять лѣтъ назадъ, — онъ былъ уже почти равенъ своему идеалу.

Антоша уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы воротиться черезъ два часа.

Лакей, котораго Званинцевъ посылалъ къ Мензбру, возвратился и донесъ, что встрѣтилъ барышню у воротъ, выѣзжавшую въ коляскѣ съ какой-то дамой.

Куда? не знаешь.... спросилъ Званинцевъ.

— Не знаю, — говорили только, что уже въ Кушелевомъ будутъ.

Черезъ полчаса Званинцевъ одѣлся и вышелъ, оставивъ на имя

Позвонцева записку, въ которой просилъ его распоряжаться какъ дома въ свое отсутствіе.

Въ Кушелевскомъ саду опять раздавалось новое оглушительное попури Германа. На скамьяхъ противъ оркестра сидѣло много дамъ, жительницъ дачъ бѣльшею частію, одѣтыхъ въ неглиже, требовавшее, кажется, не менѣе трехъ съ половиною часовъ времени. За ними стояли гвардейцы — и говорили очень-громко, разумѣется, по-французски. Было еще семь часовъ.

На-лѣво сидѣла Лидія Мензбиръ, съ какою-то дамою среднихъ лѣтъ, очень-незамѣчательной наружности. Она, видимо, скучала, потому-что не было никого изъ ея поклонниковъ, къ пошлостямъ которыхъ она привыкла. Ей было досадно, что кругомъ ея раздавались любезности, которыхъ предметомъ была не она, и притомъ на языкѣ, вовсе ей непонятномъ. Ея родственница — молчала, — она молчала также.

Но вотъ мимо ея прошелъ и Званнцевъ, прошелъ и едва замѣтно кивнулъ головою.

Въ эту минуту она его ненавидѣла....

— Скучно, тетенька, сказала она вставая: поѣдемте.

Флегматическая тетушка машинально послѣдовала ея примѣру.

И онѣ пошли. Обыкновенные посѣтители сада осматривали ихъ съ наглымъ любопытствомъ.

— Какъ вы тихо идете, тетушка, сказала Лидія, выставивъ впередъ нижнюю губку, съ нетерпѣніемъ и досадою.

Но въ эту минуту чья-то рука коснулась ея лѣвой руки и безъ церемоніи взяла эту руку.

— Куда вы спѣшите, Лиди?... раздался звучный голосъ Званнцева.

— Ахъ, это вы — гдѣ вы были, я васъ не видала здѣсь, сказала Лиди, съ худо-скрываеомой злостью.

— Я вамъ кланялся, сказалъ Званнцевъ.

— Я не замѣтила.

— Я зналъ, что вы сегодня будете здѣсь.

— Ахъ да!... благодарю васъ за книги....

— А гдѣ-же Сѣвскій? спросилъ равнодушно Званнцевъ. Странно, что его здѣсь нѣтъ.

— Отъ-чего же странно?

— Полноте скрытничать, Лидя, я знаю, что вы вчера приняли его письмо.

Взглядъ Званищева былъ такъ холодно-насмѣшливъ, что Лидя потушила глаза, не-смотря на свою досаду.

— Ну что-же? очень-страстно это посланіе? продолжалъ Званищевъ — какъ оно начинается? — вѣроятно Lydie! и вѣроятно это слово написано по-французски, хотя Сѣвскій очень хорошо знаетъ, что вы знаете только по-русски.

Эта наглая дерзость могла взбѣсить даже и не дѣвочку.

Лидя кусала губы отъ досады.

— Что жъ тутъ смѣшнаго?... сказала она чуть не сквозь слезы: вы сами зовете меня Лидя.

— А! такъ я угадалъ.... Но не въ томъ дѣло, — я совсѣмъ другое, я могу звать васъ, какъ мнѣ угодно.

Эти слова, произнесенныя равнодушно и спокойно, вывели изъ терпѣнія Лидю. Не привыкши удерживать свои внутреннія движенія, она вырвала свою руку изъ-подъ руки Званищева.

— Какъ вамъ угодно?... сказала она, взглянувши на него съ гнѣвомъ своимъ блестящимъ взглядомъ.

Званищевъ смотрѣлъ съ улыбкою.

Онъ любилъ, когда изъ-подъ бархатной кошечьей лапки выступали когти тигра.

— Ну вотъ вы и разсердились, — сказалъ онъ добродушно, схватывая опять ея руку и кладя на свою.... Мнѣ хотѣлось васъ взбѣсить немного сегодня, чтобъ видѣть, къ которой изъ кошечьихъ породъ надобно васъ причислить?

Лидя, не смотря на досаду, не могла удержаться отъ смѣху.

— Дитя, дитя — вы и не знаете, какъ я люблю васъ, продолжалъ Званищевъ тихо и нѣжно.

Но Лидя хотѣлось не такой любви, спокойной и очень-элегантической; она выставила нижнюю губку съ досадою.

— Покорно васъ благодарю, Иванъ Александровичъ, отвѣчала она съ ироническою улыбкою.

— Ну, что-же писалъ вамъ Сѣвскій? продолжалъ Званищевъ, не обращая вниманія на досаду дѣвочки. Предлагалъ вамъ руку и сердце? Не такъ-ли, вѣроятно — съ согласія своей маменьки?.... Можетъ-быть также писалъ обо мнѣ?...

Опять должна была потушиться Лидя передъ этимъ ослѣпительнымъ взглядомъ.

— Иванъ Александровичъ, сказала она тихо: знаете-ли вы,

что вы очень ошибаетесь, что я вовсе не такъ глупа и проста, какъ вы думаете, чтобы не замѣтить....

— Чего? холодно и строго перервалъ Званинцевъ.

Лидія молчала.

— Не того ли, что я влюбленъ въ васъ? продолжалъ Званинцевъ насмѣшливо: о, о! вы порядочно самолюбивы....

Лидія была уничтожена.... она ненавидѣла Званинцева, она хотѣла бы сгрызть его, какъ паутера, въ эту минуту.

И между-тѣмъ она шла съ нимъ, покорная невольню.

Они замолчали оба, и шли долго, не говоря ни слова.

— Совѣтую вамъ впрочемъ не слишкомъ вѣрить письму Сѣвскаго, сказалъ наконецъ Званинцевъ.

— Я не имѣю причинъ ему не вѣрить, сухо отвѣчала Лидія, и поклонясь въ душѣ завтра же отвѣчать на это письмо.

— Сѣвскій молодъ, у него есть матушка.

— Онъ меня любитъ и я его также, сказала твердо Лидія, освобождая наконецъ свою руку.

Званинцевъ захохоталъ.

— Онъ до того еще ребенокъ, что продастъ васъ, бѣдная Лиди: извините за слово «продастъ», оно очень-вѣрно — онъ васъ продастъ, говорю я, за одну минуту спокойствія отъ наставленій своей матушки.

Въ эту минуту онъ увидѣлъ передъ собою Воловскихъ, мужа и жену. Воловская посмотрѣла на его спутницу и поблѣдѣла.

Званинцевъ это видѣлъ и лицо его сдѣлалось грустно.

— Я былъ у тебя сегодня, сказалъ Воловской, пожимая весело его руку.

— Мегсі.

И кивнувъ головою Лиди, — онъ пошелъ съ ними.

— Походи пожалуйста съ женою, началъ Воловской: мнѣ надо поговорить вотъ съ этимъ гвардейскимъ полковникомъ, что стоитъ подлѣ дамы въ дыганкѣ.

Званинцевъ и Воловская, пошли вмѣстѣ.

— Кто это? спросила она съ безпокойствомъ, слѣдя глазами за быстро удалявшеюся Лидіей.

— Такъ, дочь одного моего пріятеля.

— Она чудесно-хороша! сказала опять Воловская, грустно поклонивъ головою.

Званинцевъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ. Ему, кажется, было непонятно, чтобы она могла ревновать.

— Неужели я въ ней ошибся? подумалъ онъ.

— Неужели я въ ней ошибся? продолжалъ думать Званицевъ, входя на другой день утромъ въ гостиную Воловскихъ, и останавливаясь передъ занавѣсомъ арки, отдѣлявшей эту комнату отъ спальни Маріи.

Онъ остановился, какъ-будто въ нерѣшности — но только на мигнуто.

Онъ отдернулъ, и тотчасъ-же опять задернулъ за собою занавѣсъ.

Маріи лежала на диванѣ, блѣдная, разстроенная, съ заплаканными глазами.

— Что съ тобою, Маріи, что съ тобою, мой добрый ангелъ, сказалъ онъ, взявши обѣ ея руки.

Она зарыдала.

— Ты меня не любишь, прошептала она.

— Безумная! почти вскричалъ Званицевъ, сжавши съ необыкновенною силою ея руки: безумная, повторилъ онъ тише. Если я что-нибудь искренно любилъ въ мірѣ, такъ это тебя... тебя, слышишь-ли ты, одну тебя и только тебя!..

И упавъ почти на колѣни, онъ покрывалъ горячими поцѣлуями ея ноги, ея платье...

— Маріи, Маріи, говорилъ онъ страстнымъ голосомъ: я только съ тобою таковъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ, я люблю тебя съ бѣшенствомъ дикаго звѣря.

И глаза его засверкали.

Маріи вскрикнула и поднялась съ дивана. Она поняла, что ея долгъ, ея вѣрованія висятъ на тонкой ниткѣ.

— Опять! съ отчаяніемъ сказалъ Званицевъ: опять! повторилъ онъ глухимъ голосомъ: чиста, какъ мраморъ, холодна, какъ мраморъ. Любовь, говоришь ты — хороша любовь! О, Маріи, что за любовь, у которой есть предѣлы!..

— Ты хочешь, чтобы я умерла, сказала Воловская боязливо и грустно: ты знаешь... я твоя раба... ты знаешь это, но я умру, я умру...

И она зарыдала, закрывши лицо руками.

Онъ всталъ.

Онъ былъ грозенъ, какъ привидѣніе, неумолимъ, какъ палачъ.

Она взглянула на него съ нѣмою покорностію.

Когда мужъ Воловской возвратился домой поздно вечеромъ, онъ нашелъ жену въ бреду лихорадки.

Докторъ, за которымъ послала ея компаньонка, объявилъ ему, сжавши губы, что жена его больна нервической горячкой.

Черезъ три дни она умерла.

Воловскій оплакалъ ее столько, сколько прилично порядочному мужу оплакивать жену — и похоронилъ ее очень-велико-лѣпно.

Званинцевъ впрочемъ не было на похоронахъ.

Его не было нигдѣ видно съ недѣлю, но потомъ, онъ, какъ прежде, являлся вездѣ, суровый, насмѣшливый, холодный. Только и замѣтили въ немъ новаго, что онъ вездѣ ѣздилъ съ молодымъ человѣкомъ, который у него жилъ. Молодой человѣкъ былъ одѣтъ всегда въ черномъ, былъ молчаливъ и важенъ. Онъ всегда въ клубѣ игралъ въ преферансъ съ Званинцевымъ и Воловскимъ, который сдѣлался тоже почти неизмѣннымъ спутникомъ Званинцева.

Собранія у Мензбира дѣлались все чаще и чаще; но Званинцевъ вытѣснилъ оттуда Сапогова и почти всѣхъ прежнихъ игроковъ, замѣнивши ихъ новыми, которые всѣ были люди очень приличные и прекрасно говорили по-французски.....

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

НАУКА и ЖЕНЩИНА *)

КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Александръ Семеновичъ Кратинъ.

Графиня Зейдель.

Лизавета Васильевна Зинovieва.

Николай Петровичъ Холмоградскій.

Сидоръ, слуга Кратина.

*) Пьеса эта играна 9 мая, въ залѣ г-жи Энгельгардтъ, въ спектаклѣ любителей, данномъ въ пользу бѣдныхъ, и понравилась большей части публики. Еще прежде она имѣла успѣхъ на Александринской-сценѣ, и въ особенности въ Москвѣ, гдѣ роль Графиня Зейдель занимала г-жа Орлова, артистка, которой равной нѣтъ на нашей сценѣ, и которая, къ сожалѣнію всѣхъ любителей театра, оставивъ сцену, являлась едвали не послѣдній разъ передъ петербургскою публикою, въ спектаклѣ въ пользу бѣдныхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ домѣ Александра Семеновича Кратина; диванъ, подлѣ него пьльцы, нѣсколько кресель, столъ съ письменнымъ приборомъ. На заднемъ планѣ главная дверь, на-право въ комнаты Кратина, на-лѣво къ Лизѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

сидоръ (*выходитъ съ ретортой*). Ну!... отчистилъ! Слава Богу!... Этакъ упрѣлъ.... хоть выжми!... Семь-ко отдохну, маленько.... (*Садится на диванъ*) Фу ты Господи!... Вѣдь неволя-же Александру Семенычу пачкаться въ какихъ тамъ ни на есть газдахъ.... Коптитъ себя, горемычный, съ утра до ночи, чадитъ да дымить, а что проку? Вотъ и сегодня чуть свѣтъ, а ужъ поднялся да и за работу, самъ печь истопилъ, угольевъ патааскалъ — спасибо еще ему за это, меня никогда не будить, все самъ заправляетъ, а то, просто, хоть изъ дому вонъ бѣги. — Ни минуты покоя! Да и то сказать, много-ли я уснулъ?... Продираю глаза, а дымъ-то дымъ-то такъ по комнатамъ и ходитъ. Значить, что баринъ въ кабинетъ работаетъ. Вхожу. «Сидоръ держи-то, подай это, принеси это, убери то.» Мочи нѣтъ! Вотъ и теперь, отчисти реторту!... Кажись штучка и не величка и всего на все въ ней пары варились, то-есть просто духъ, такъ, ничего, одно воображеніе, а вѣдь работы-то за ней добрый часъ. Осѣлось себя тамъ на днѣ что-то сѣрое, трешъ, трешъ, а проку нѣтъ.... Эхъ какъ

славно сидѣть на этомъ диванѣ.... Вотъ, вмѣсто того, чтобъ газы выпускать, выучился-бы лучше Александръ Семенычъ диваны дѣлать, и удобно, и полезно, и добрыя деньги выручишь, а то это себѣ гоняетъ кого-то изъ пустой банки въ порожнюю, да припускаетъ туда бѣса въ порошокъ. Изъ одной квартиры выжилъ хозяинъ, сосѣдей де газами беспокоилъ, — такъ ухитрился найти домъ чуть не на краю свѣта, да и заплатилъ въ три дорога, чтобъ не мѣшали химическіе опыты дѣлать!... Охъ эти науки, сокрушили барина, а баринъ-то, право, добрый, да связался съ этими газами да минаралами, какъ онъ ихъ называетъ — и ни начтѣ не похожъ сталъ. Не пьетъ, не ѣстъ, только знаетъ, что со стклянками маячится.... И въ домѣ-то у насъ живой души не увидишь. Только франтикъ какой-то таскается, да еще какая-то графиня, вишь ты, пріятельница покойной барыни.... Ну! никакъ это барышня Лизавета Васильевна. Вотъ это дѣло другое, баба добрая, не научная, да чтѣ-то больно все кручинится.... ахъ тоже какой ни на есть тамъ опытъ смекаетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

СИДОРЪ, ЛИЗА.

ЛИЗА. Сидоръ, что можно видѣть Александра Семеновича?

СИДОРЪ. Невозможная вещь-съ, Лизавета Васильевна! Баринъ не приказалъ его беспокоить. Вишь сегодня мы будемъ съ нимъ какую-то наинужнѣйшую газу отыскивать.

ЛИЗА. Скажи ему, что мнѣ нужно поговорить съ нимъ объ очень-важномъ дѣлѣ. Хотя онъ мнѣ и поручилъ хозяйственную часть, но я, право, ничего не понимаю въ приказныхъ дѣлахъ; изъ деревни то и дѣло, что приходятъ къ нему бумаги.

СИДОРЪ. Сказать-то я скажу-съ. Да только выдетъ-ли Александръ Семенычъ, не знаю, кажись, тамъ сегодня у нихъ чтѣ-то особенное приключилось. Стало-быть, что какой-то газѣ не терпится, и что ее надо всенепремѣнно сегодня покончить.

ЛИЗА. Но ты все-таки скажи.... да попроси хорошенько.

СИДОРЪ. Все будетъ-съ — все будетъ! Но только вы сами знаете.... газа вещь такая-съ.... то-есть, вотъ и я съ риторкой будемъ тамъ... выпускать разныя минаралы. — Прощенья просимъ.

(Уходитъ)

лиза. Боже мой, какъ это несносно! Опыты да опыты.... Наука да философія.... Даже и Сидоръ старается мнѣ пустить пыль въ глаза своею химією. Добрый мой Александръ Семеновичъ, какъ это ему не надоѣсть вѣчно сидѣть въ своей лабораторіи, вѣчно читать и учиться? Говорятъ, что науки дѣлаютъ человѣка нечувствительнымъ ко всему, что его окружаетъ. Но это неправда! Онъ такъ обо мнѣ заботится, такъ лю... нѣтъ! нѣтъ! онъ не любитъ меня.... Если-бы онъ любилъ меня, то не сидѣлъ-бы все съ своими книгами, а то я его часто по цѣлымъ днямъ не вижу.... Съ тѣхъ-поръ, какъ умерла милая Софья Семеновна, онъ сталъ еще угрюмѣе, еще ученѣе.... А все-таки, какъ ни скучно жить здѣсь, но когда вчера графиня Зейдель напомнила о послѣднихъ словахъ тетушки, и о необходимости оставить этотъ домъ — мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ грустно, такъ грустно... Отъ-чего-бы это?... Привычка вѣрно!... Я болѣе 12-ти лѣтъ живу здѣсь. Къ тому-же, мнѣ кажется, что я люблю Николая Петровича... онъ такой ловкой, любезной и совсѣмъ не ученый.... Боюсь только, чтобъ Александръ Семеновичъ не отказалъ и ему, какъ тому офицеру съ такими хорошенькими усиками... И ужъ какъ мнѣ жаль было, когда этотъ офицеръ пересталъ ѣздить къ намъ... ужъ я плакала плакала....

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛИЗА, ГРАФИНЯ ЗЕЙДЕЛЬ (въ утреннемъ нарядѣ).

ГРАФИНЯ (входя). О чемъ это, моя милая?...

ЛИЗА. Ахъ, графиня!... это вы! какъ я рада!... Вы сдержали обѣщаніе!... Вы пріѣхали!... Какъ вы добры! Ну что-жъ?... Вы поговорите съ Александромъ Семеновичемъ, вы скажете, что Николай Петровичъ хочетъ на мнѣ жениться.

ГРАФИНЯ. Постой! постой, та снѣге! Ты меня закидала вопросами.... Позволь мнѣ прежде узнать, отъ-чего у васъ въ передней не встрѣтила я ни одного человѣка, который-бы доложилъ обо мнѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, сказалъ, что ты дома? Гдѣ всѣ ваши люди? Ужъ не читаетъ-ли имъ Александръ Семеновичъ лекціи домашняго хозяйства?

ЛИЗА. Ахъ, графиня! Мнѣ, право, совѣстно!... Александръ Се-

меновичъ ничѣмъ не занимается, кромѣ своихъ наукъ, и люди его дѣлаютъ, что хотятъ: ихъ никогда не бываетъ дома; я сколько разъ говорила, чтобы онъ сдѣлалъ имъ за это выговоръ, а онъ скажетъ: «Хорошо! хорошо», да и позабудетъ.

графиня. Вотъ видишь-ли, душа моя, какъ во всемъ и вездѣ необходима хозяйка, то-есть, женщина. Твой дикарь Кратинъ говоритъ всегда, что женщина существо совершенно-безполезное, но безъ женщины мужчины-бы не могли сдѣлать ни шагу, безъ женщины они-бы истребили другъ-друга и потомъ самихъ-себя. Женщина послана ангеломъ-хранителемъ въ этотъ свѣтъ, спасать мужчину отъ самого-себя. Мужчина такъ ужъ созданъ, что ему надобно кого-нибудь слушаться. Одинъ, — онъ непременно растеряется, надѣлаетъ кучу глупостей; пусть-же онъ лучше слушаетъ женщину, чѣмъ другихъ мужчинъ, которые все охотники давать совѣты, а сами не любятъ имъ слѣдовать. Смѣшно слышать, какъ они называютъ себя опорами, руководителями слабыхъ женщинъ — когда въ-самомъ-то-дѣлѣ мы видимъ ихъ въ этой жизни. Сильному мужчине не станеть никогда повиноваться по доброй волѣ, а слабый, съ небольшимъ искусствомъ, можетъ управлять идеаломъ мужской силы. Слабость, другъ мой, можетъ также угнетать и тиранствовать, какъ сила, и тиранія ея еще ужаснѣе. Я твердо увѣрена, что никакое общество не можетъ существовать безъ женщинъ, что все на свѣтѣ дѣлается если не ими, то, по-крайней-мѣрѣ, для нихъ.

лиза. Ахъ, какая это правда, графиня! Скажите, я объ этомъ никогда и не думала. Знаете что?... Уговорите-ка вы Александра Семеновича, чтобы онъ меня слушался, я-бы тотчасъ-же бросила въ печь все его книги....

графиня. Я почти намѣрена это сдѣлать, только совѣмъ для другой цѣли.... Однако займемся тѣмъ, для чего я къ тебѣ пріѣхала. Расскажи мнѣ подробно все обстоятельства твоей жизни, до того времени, когда я тебя узнала. И тогда я тебя присоветую, что надобно дѣлать.

лиза. Это очень невеселый разсказъ, графиня. Папенька и маменька умерли, когда мнѣ было шесть лѣтъ. У нихъ не было ни состоянія, ни родныхъ. Софья Семеновна Кратина, старинная институтская подруга маменьки, взяла меня къ себѣ. Я еще была тогда ребенкомъ и не понимала всей важности моей потери. Добрая Софья Семеновна замѣнила мнѣ маменьку. Мы жили съ нею вдвоемъ, въ ея собственномъ домѣ....

графиня. Знаю! знаю!... Я тамъ нанимала квартиру и позна-

комплась съ тобою и съ Кратинной. Но гдѣ же былъ до-тѣхъ-поръ ея братецъ, который вдругъ такъ неожиданно явился къ намъ?

ЛИЗА. Онъ былъ гдѣ-то далеко за границей; Софья Семеновна изрѣдка получала отъ него письма, большею частію по дѣламъ ихъ деревни, пересылала ему деньги, онъ благодарилъ ее, иногда приписывая: «Поклонитесь отъ меня Лизѣ». Софья Семеновна разумѣется, обо всеѣмъ его увѣдомила, и онъ тоже нисколько не сердился за то, что она взяла меня къ себѣ, но просилъ, чтобы не баловала меня и хорошенько учила.... Я все-таки радовалась этимъ припискамъ. Въ послѣднее время письма стали приходить рѣже, приписокъ больше не было и я часто объ этомъ плакала. Дядюшка сталъ чаще требовать денегъ, и наконецъ велѣлъ продать свой домъ. Добрая Софья Семеновна качала головою, думая, что Александръ Семеновичъ шалитъ за границей, какъ она сама говорила. Вышло напротивъ. Въ одно утро онъ пріѣхалъ неожиданно. Мнѣ было 14 лѣтъ. Ждали веселаго, вѣтреннаго шалуна, пріѣхалъ угрюмый, скучный ученый. Едва взглянулъ на меня и бросился на шею къ сестрѣ: по-крайней-мѣрѣ, у него доброе сердце, подумала я. Мы начали жить по-прежнему: онъ рѣдко разговаривалъ со мною, смотрѣлъ изъ подлобья, день и ночь рылся въ книгахъ. Сначала къ нему ѣздило много знакомыхъ, потомъ почти все перестали ѣздить, видя, что хозяину непріятны ихъ посѣщенія. Такъ прошло три года, день за днемъ, ни скучно ни весело. Наконецъ Софья Семеновна умерла.... Александръ Семеновичъ напрасно хотѣлъ сначала показаться стопкомъ, философъ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ. Сестра была старше его 10-ю годами и заступала ему мѣсто матеря, — онъ такъ любилъ ее. Умирая, она просила васъ взять меня подъ ваше попеченіе и покровительство. Недавно окончился срокъ траура. Вы и еще Николай Петровичъ Холмоградскій не оставляли насъ все это время. Вчера, на вашемъ балу, вы шепнули мнѣ, что хотите переговорить со мною и пріѣдете сегодня поутру. Вы исполнили свое обѣщаніе, и я жду вашихъ совѣтовъ.

ГРАФИНЯ. Разскажъ твой неполющъ Лиза. Ты мнѣ ничего не говорила о твоихъ отношеніяхъ къ Кратину, о томъ, какъ онъ обходится съ тобою все это время. Я такъ мало знаю его.

ЛИЗА. Очень-просто: по-утру: «Здравствуй, Лиза», — вечеромъ: «Прощай, Лиза», — за обѣдомъ: «Ну, что Лиза?..»

ГРАФИНЯ. Но ты... Что ты говорила съ нимъ?

ЛИЗА. Утромъ: «Здравствуйте, Александръ Семеновичъ», — ве-

черомъ: «Прощайте, Александръ Семеновичъ», — за объдомъ: «Ничего, Александръ Семеновичъ».

графиня. И онъ говоритъ тебѣ: ты.

лиза. Какъ-же иначе, графиня? Онъ считаетъ меня ребенкомъ...

графиня. Но тебѣ ужъ 18 лѣтъ...

лиза. Три мѣсяца и 6 дней.

графиня. Ты не ребенокъ, Лиза, и потому поймешь, что я буду говорить тебѣ. Ты не родня Кратину, онъ даже тебѣ не опекунъ. Покамѣсть жива была его сестра, ты могла жить у нихъ въ домѣ, — тутъ не было ничего предосудительнаго, — но какъ скоро она умерла, тебѣ нельзя оставаться одной въ домѣ мужчины, еще не старика....

лиза. Ахъ нѣтъ! ему еще нѣтъ и сорока лѣтъ....

графиня. Стало-бытъ, ты видишь сама, что тебѣ нельзя жить у него....

лиза. Вы совершенно-правы, графиня; но куда-же пойду я? у меня нѣтъ никого родныхъ, — я круглая сирота.

графиня. Отъ этого-то мнѣ и хочется предложить тебѣ переѣхать ко мнѣ. Тебя поручила мнѣ покойная Кратина. Я вдова, имѣю независимое состояніе....

лиза. Ахъ, графиня... Вы такъ добры, я не знаю, какъ благодарить васъ!.... Но я-бы думала, что есть еще средство остаться въ этомъ домѣ, къ которому я такъ привыкла.

графиня. Я не вижу никакого, душа моя.

лиза. А я такъ вижу-съ... Если-бы напрімѣръ я вышла замужъ....

графиня. Какъ?... за этого ученаго...

лиза. Нѣтъ! Онъ говоритъ, что терпѣть не можетъ женщинъ и никогда не женится... Но есть другой—Николай Петровичъ Холмоградскій. Онъ вчера танцевалъ со мной мазурку и сказалъ, что очень меня любитъ... Я ему отвѣчала, что согласна выдти за него замужъ.

графиня. Какъ?... Холмоградскій просилъ твоей руки?

лиза. То-есть, не этими самыми словами, но онъ говорилъ умно, такъ хорошо, что только для меня ходить къ Кратину, переносить его нестерпимый характеръ, что онъ безъ меня жить не можетъ. Ну, а когда Холмоградской на мнѣ женится, то я попрошу, чтобы онъ переѣхалъ жить вмѣстѣ къ Александру Семеновичу: нельзя-же ему остаться одному. Кто тогда будетъ смотрѣть за его домомъ? послѣ Софьи Семеновны вѣдь я управля-

да всѣмъ хозяйствомъ и такъ къ этому привыкла. Онъ ужъ началъ со мной чаще разговаривать, иногда рассказываетъ мнѣ про свои науки. — Нѣтъ! нѣтъ! я ни за что его не оставляю...

графиня. Мнѣ все это кажется немножко-страннымъ... Этотъ Холмоградскій... Я-бы хотѣла знать, что онъ именно говорилъ тебѣ? Когда ты сказала, что согласна отдать ему свою руку, что онъ отвѣчалъ тебѣ?

лиза. Онъ сначала смѣялся... вѣрно отъ радости... потомъ говорилъ, что-то очень-долго и нескладно и наконецъ-сказалъ, что завтра пріѣдетъ просить руки моей.

графиня. Вотъ что!... Стало-быть, это были не бальные фразы! Тѣмъ лучше.

лиза. Нѣтъ-съ! Это было въ самомъ-дѣлѣ. И когда я сказала, что Александръ Семеновичъ, вѣрно, не захочетъ отдать меня за-мужъ, то онъ отвѣчалъ, что вырветъ меня изъ рукъ этого Бартоло; я однако его за это побранила и сказала, что онъ совсѣмъ не Бартоло...

графиня. Не захочетъ отдать тебя за-мужъ? Это что значитъ?...

лиза. Это значитъ то, что разъ за меня ужъ сватался одинъ офицеръ, еще при жизни Софьи Семеновны. Но Александръ Семеновичъ такъ разсердился, когда ему сказали объ этомъ, отказалъ офицеру, и началъ кричать на свою сестру: «Что за идея ей вбиваете въ голову. Свадьба! Очень-нужно! Что за глупость! Къ чему ей выходить за-мужъ? Чего ей здѣсь не достаетъ? Я живу-же безъ жены!...» Сами посудите — будто это все-равно?...

графиня. А! такъ этотъ господинъ ученый не только самъ не хочетъ жениться, но и другимъ не позволяетъ? Да это тиранство! И ты тогда-же не объявила ему, что онъ не имѣетъ никакого права запрещать тебѣ выходить за кого угодно?

лиза. Я боялась огорчить его, да и къ тому-же мнѣ тогда не очень хотѣлось выдти за-мужъ...

графиня. Постой!... мнѣ пришла въ голову прекрасная мысль!.. Я попробую убѣдить этого ненавистника женщинъ, я поговорю съ нимъ...

лиза. Пожалуйста, графиня! поговорите! Главное, попросите, чтобъ онъ согласился на мою свадьбу.

графиня. Хорошо, хорошо!... Я знаю, что мнѣ должно дѣлать... Скажи Кратину, что я желаю съ нимъ видѣться. Постой, не оиъ-ли это идетъ сюда?...

лиза. Нѣтъ! онъ у себя въ кабинетѣ; это, вѣрно, Николай Петровичъ. Онъ ходитъ всякой день, будто-бы совѣтоваться о чемъ-то съ Александромъ Семеновичемъ, а въ-самомъ-дѣлѣ, чтобы посмотреть на меня: онъ мнѣ самъ говорилъ это.

графиня. Тѣмъ лучше. Я увижу, точно-ли онъ любитъ тебя.
лиза. О! безъ всякаго сомнѣнья...

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГРАФИНЯ, ЛИЗА, ХОЛМОГРАДСКІЙ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Лизавета Васильевна!.. Графиня!.. Какой счастливый случай! Я никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ. Я даже не зналъ, что вы знакомы....

ГРАФИНЯ. Софья Семеновна была въ числѣ моихъ лучшихъ друзей... она познакомила меня съ Лизаветой Васильевной, въ которой я принимаю большое участіе... Вы, вѣрно, къ Александру Семеновичу?

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Я... да... нѣтъ!... то-есть... (вѣрно, она ей ничего не сказала)... у насъ съ нимъ есть кой какія ученые дѣла... мы съ нимъ занимаемся одной и той-же наукой... сходство вкусовъ....

ГРАФИНЯ. А! я не думала, чтобы такой свѣтскій человѣкъ записался въ ученые.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. То-есть такъ... отъ скуки, въ свободные часы.

ГРАФИНЯ. И у васъ ихъ много?

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Не очень... (О чемъ это она меня спрашиваетъ?)

ГРАФИНЯ. Жаль только, что Александръ Семеновичъ теперь занятъ и не приказалъ никого принимать... (*Подходя къ Лизѣ, которая между-тѣмъ спла за пальцы.*) Куда ты Лиза?

ЛИЗА (*съ удивленіемъ*). Я? никуда графиня!

ГРАФИНЯ (*скоро*). Скажи, что тебѣ надобно заняться по хозяйству и оставь насъ.

ЛИЗА. Извините, графиня! мнѣ надо заняться по хозяйству. Александръ Семеновичъ сейчасъ будетъ.

ГРАФИНЯ. Пожалуйста не беспокойте его Лиза, и если Николаю Петровичу не скучно будетъ подождать вмѣстѣ со мною...

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Помилуйте, графиня! Я въ восхищеніи.

ГРАФИНЯ. Постарайся скорѣе дернуться Лиза. (Ей, скоро). Пожалуйста не торопись.

ЛИЗА. Хорошо-съ!.. (О чемъ они будутъ говорить? это очень-любопытно). (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ГРАФИНЯ, ХОЛМОГРАДСКІЙ.

ГРАФИНЯ. Что скажете, Николай Петровичъ? Весело вамъ вчера было на балу.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Развѣ можетъ быть скучно у васъ, графиня? Я не видалъ, какъ пролетѣло время. Я забылъ обо всемъ на свѣтѣ.

ГРАФИНЯ. И даже объ вашихъ ученыхъ занятіяхъ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Помилуйте, графиня! Я не знаю, за что вы меня записали въ ученые... Могу васъ увѣрить...

ГРАФИНЯ. Не стыдно-ли вамъ отговариваться, Николай Петровичъ! Можно подумать, что я обвиняю васъ въ какомъ-нибудь дурномъ дѣлѣ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Но все-таки, зачѣмъ же приписывать мнѣ качества, которыхъ я не имѣю?..

ГРАФИНЯ. Зачѣмъ же отказываться отъ нихъ? Званіе ученаго прекрасно! Посмотрите на Кратина. Есть-ли что-нибудь завиднѣе его жизни? Онъ не принимаетъ участія въ нашихъ житейскихъ забавахъ и мелочахъ, живетъ въ какомъ-то отдѣльномъ мірѣ, не нуждается ни въ помощи, ни въ обществѣ людей. Онъ совершенно-счастливъ. Разумѣется, я не отъ него слышала все это, но онъ передалъ Лизѣ свои мысли, и я...

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Какъ, Лизавета Васильевна тоже ученая?...

ГРАФИНЯ. Нѣтъ! но она кажется создана для того, чтобъ быть подругою какого-нибудь философа. Вы ее знаете довольно-хорошо. Скажите, можетъ-ли эта милая наивная дѣвушка быть свѣтской дамой, можетъ-ли она понять всѣ условія, всѣ тонкости свѣтской жизни, общества, этикета, всѣ отбѣнки свѣтской болтовни? Она можетъ-быть хорошей хозяйкой, матерью семейства, но никогда не будетъ знатной дамой, львицей свѣта.

ХОЛМОГРАДСКИЙ. Мнѣ кажется однако, что въ женѣ всего нужнѣе доброе сердце и знаніе своихъ обязанностей....

ГРАФИНЯ. Что это? что это? вы заговорили, какъ печатная книга, да еще книга старая, которую теперь никто не читаетъ. Нравственными сентенціями теперь никого не удивишь. Они давно ужъ вышли изъ моды, вмѣстѣ съ наперсниками, и широкими рукавами. Развѣ еще иногда попадаетъ мораль въ безсовѣстныхъ журналахъ, да и то рѣдко. Знаніе обязанностей необходимо вездѣ и во всякомъ состояніи. Но для свѣтской дамы, кромѣ того, необходимо умѣнье жить въ свѣтѣ, то-есть, соображаться съ его законами и обычаями,— безъ этого нельзя въ немъ и показаться. Повѣрьте, Николай Петровичъ, вы рождены жить и умереть въ большомъ свѣтѣ; вамъ нельзя запереться куда-нибудь въ закулусть съ женою и книгами: вы должны блистать, побѣждать.... Вамъ нужна жена, которая-бы возвысила васъ въ глазахъ свѣта, успѣла-бы поддержать блескъ вашего имени, доставила-бы вамъ вѣсь въ обществѣ....

ХОЛМОГРАДСКИЙ. Конечно... вы судите совершенно справедливо... Я... (Мнѣ кажется, что я играю очень-глупую роль.... Ужъ не дурачить-ли она меня? Самый лучшій способъ, сказать ей всю правду)...

ГРАФИНЯ. Что-жъ вы замолчали?... Вы, вѣрно, согласны съ моимъ мнѣніемъ?

ХОЛМОГРАДСКИЙ. Не совѣмъ, графиня!... Я хоть и принадлежу къ числу такъ-называемыхъ свѣтскихъ людей, но не вижу необходимости избрать себѣ подругу изъ этого-же круга: напротивъ, мнѣ кажется, что разность мыслей и даже понятій избавитъ насъ отъ однообразія въ супружеской жизни.

ГРАФИНЯ. О, какія романческія идеи! Уже не выбрали-ли вы какую-нибудь поселянку съ чистымъ сердцемъ и невинною душою, незнакомую съ оболещеніями свѣта?

ХОЛМОГРАДСКИЙ. Не совѣмъ-съ! Я женюсь на Лизаветѣ Васильевнѣ Зиновьевой.

ГРАФИНЯ (съ притворнымъ испугомъ). Ахъ! Боже мой! Неужели? И вы не шутите?

ХОЛМОГРАДСКИЙ. Я явился сегодня къ Кративу, чтобы просить ея руки... Неужели извѣстіе это могло испугать васъ, графиня?

ГРАФИНЯ. Нѣтъ, нисколько!... Но я этого не ожидала... я думала напротивъ....

ХОЛМОГРАДСКИЙ. Стало-быть, вамъ кажется страннымъ мой поступокъ.

графиня. И очень! я до-сихъ-поръ еще не могу повѣрить. Вы женитесь на Лизѣ Зиновьевой?...

холмоградскій. Не понимаю, отчего вамъ не нравится Лизавета Васильевна: вы, кажется, всегда удоставали ее вашимъ покровительствомъ.

графиня. Она очень-милая дѣвушка, но.... (смѣясь принужденно). Оставимте однако этотъ разговоръ: онъ и безъ того довольно-смѣшонъ. Вы, Богъ знаетъ, что можете подумать.... (Насмѣшливо). Позвольте мнѣ васъ поздравить со вступленіемъ въ законный бракъ, и пожелать счастливаго супружества. (Подходитъ къ пальцамъ Лизы). Какая прекрасная работа! (Разсматриваетъ ее).

холмоградскій (все время наблюдавшій за нею). Покорно васъ благодарю. (Что все это значитъ?... Испугъ... насмѣшка... досада.... И за что она такъ нападаетъ на Лизу... Неужели?....) (Задумывается, и потомъ съ довольною улыбкою смотритъ на графиню, приискивая чѣмъ-бы начать разговоръ).

графиня (взглядывая на него незамѣтнымъ образомъ). Попался на приманку! О мужчины! мужчины!.... И вѣдь есть-же писатели, которые увѣряютъ, что вы ужасно умны.... Впрочемъ вѣдь и пишутъ-то это тѣ-же мужчины.... (Подходитъ). Что-то будетъ дальше....

холмоградскій. Графиня! извините меня.... но я считаю долгомъ принести вамъ душевную благодарность.... Участіе, которое вы во мнѣ привяли.... Ваше расположеніе ко мнѣ...

графиня. Мнѣ кажется, этотъ узоръ былъ бы гораздо красивѣе, если-бы его вышить въ полъ-креста? Неправда-ли?

холмоградскій. Графиня!.... Я хотѣлъ благодарить васъ за участіе, которое вы приняли въ судьбѣ моей....

графиня. Какое участіе?... Помилуйте, мнѣ все равно, женитесь на комъ вамъ угодно.... Я сдѣлаю сюрпризъ Лизѣ, и дошью ей этотъ жасминъ. (Садится и шьетъ въ пальцахъ).

холмоградскій. Однако-же ваши слова!.... (Становится подлѣ нея).

графиня. Какія слова? Вы, какъ кажется, нисколько не самолюбивы? Пожалуста не приписывайте ничего особеннаго моимъ словамъ, которыхъ я и сама не помню... разъ... два.... три... четыре....

холмоградскій. Графиня, повѣрьте, что я умѣю цѣнить и малѣйшій знакъ вашего расположенія. Я нисколько не самолюбивъ,

но отъ-чего-же вы хотите, чтобы я не вѣрилъ словамъ, которыя, какъ мнѣ казалось.... противъ воли....

графиня. Постоите! Постоите.... четыре!.... пять.... шесть.... вы меня спутаете!.... Еще одинъ крестъ, и довольно,—теперь надо положить тѣнь.... Ну съ.... вы что-то начали говорить про слова, которыя, казалось, противъ воли.... Кажется, вы на этомъ остановились....

холмоградскій. Я не знаю, графиня, чѣмъ я это заслужилъ, но вы обходитесь со мною такъ жестоко.... Послѣ первыхъ словъ вашихъ....

графиня. Оставимте этотъ разговоръ, Николай Петровичъ! Онъ начинаетъ становиться слишкомъ-темень и скученъ. Это однакоже очень учтиво со стороны Monsieur Кратина. Вотъ уже битыхъ два часа, какъ я его дожидаясь....

холмоградскій (*обидясь*). Прикажите, я попрошу его къ вамъ....

графиня. Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе!.... У меня есть къ нему также маленькая просьба—отсутить ко мнѣ Лизу на все время до вашей свадьбы.... Ей неприлично оставаться у холостаго человѣка, хоть и ученаго.

холмоградскій. Я тотчасъ-же исполню вашу просьбу....

графиня. Не хотите-ли, я скажу ему нѣсколько словъ и въ вашу пользу.... Кратинъ, говорятъ, отказалъ уже одному жениху своей воспитанницѣ.

холмоградскій. О! я этого не боюсь!.... Покорно благодарю васъ за предложеніе. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ГРАФИНЯ (*одна*).

графиня. Разсердился, значить онъ очень-дорожитъ своимъ расположеніемъ. Иначе-бы онъ его не замѣтилъ.... Бѣдная Лиза.... Не мало-же тебѣ труда будетъ съ этимъ мужемъ! Какъ онъ легко поддается на всѣ невинныя хитрости.... Мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ ее не любитъ и женится только потому, что вѣдъ надобно-же когда-нибудь жениться. Мнѣ осталось однакоже сдѣлать еще одно главное дѣло... Заставить Кратина согласиться на свадьбу Лизы ничего не стоить: онъ не имѣетъ права запре-

тить ей выходить за мужъ: по принудить его самого признать превосходство женщины, бросить книги и науки, влюбиться... это очень-трудно... Это было-бы торжеством женскаго ума!... Всѣ-бы стали удивляться мнѣ, завидовать... Особенно для послѣдняго-то я непременно постараюсь успѣть въ своемъ предпріятіи... Идетъ! Примеся за свою роль. Вѣдь всякая женщина родится актрисой и снимаетъ маску только тогда, когда ей уже нечего прикрывать. *(Садится къ пальцамъ и наклоняетъ голову).*

ЯВЛЕНИЕ VII.

ГРАФИНЯ, КРАТНІЙ.

КРАТНІЙ. Чортъ принесъ эту графиню!... очень-пужно... и этотъ Холмоградскій остановилъ меня на самомъ интересномъ мѣстѣ... Дамъ нельзя заставлять дожидаться. — А кто сочинилъ это правило? самъ-же дамы... Хорошо правосудіе. Чтѣ еще она тамъ шить вздумала?... Какъ-бы ее только поскорѣй выпроводить.

ГРАФИНЯ *(разсматривая его)*. Да онъ совсѣмъ не такой медвѣдь. какимъ мнѣ всегда казался... Вѣрно я его прежде не хорошо рассмотрѣла... Умное лицо... хоть и кажется старѣе своихъ лѣтъ... Немножко неловокъ, мѣшковатъ... Ничего! вышколимъ... дѣдовскій сюртукъ... не къ лицу причесанъ.

КРАТНІЙ. Чтѣ-жъ она, не намѣрена оглянуться, что-ли?... Кажется, я взошелъ довольно-громко, можно было услышать. Рѣшительно не видитъ... Удивительно, какъ всякая глупость можетъ занять женщину... шьетъ себѣ чтѣ-то, а меня не примѣчаетъ... Не стоять-же мнѣ цѣлый часъ. *(Подходитъ)*. Графиня!...

ГРАФИНЯ. Ахъ! это вы Александръ Семеновичъ. А я такъ работалась, что и не замѣтила, какъ вы вошли.

КРАТНІЙ. Я это видѣлъ-съ. Чтѣ вамъ угодно?

ГРАФИНЯ. Чтѣ за вопросъ?... Развѣ такъ говорить съ дамами? Какъ вамъ не стыдно!...

КРАТНІЙ *(смутясь)*. Извините! мнѣ кажется, въ моемъ вопросѣ нѣтъ ничего грубаго. Холмоградскій сказалъ мнѣ, что вы зовете меня, по этому я и спросилъ, чтѣ вамъ отъ меня угодно.

ГРАФИНЯ. Во-первыхъ, зовутъ только своихъ людей: я васъ просила подарить мнѣ нѣсколько минутъ свободного времени и удостоить выслушать меня, а во-вторыхъ, изъ этого еще ничего не слѣдуетъ, — вы все-таки должны ждать, покамѣсть я сама начну говорить съ вами, а не спрашивать, что вамъ угодно? Это никогда не дѣлается....

КРАТИНЪ. Извините графиня, я....

ГРАФИНЯ. Сначала потрудитесь сѣсть здѣсь, подлѣ меня, а потомъ продолжайте, что вы начали.

КРАТИНЪ. Вы просите, чтобы я подарилъ вамъ нѣсколько минутъ свободного времени, а такъ какъ я теперь очень занятъ....

(Хочетъ уйти)

ГРАФИНЯ. Monsieur Кратинъ!.... Надѣюсь, что ученость не мѣшаетъ быть учтивымъ.... Я васъ прошу остаться.... Садитесь же здѣсь, и слушайте, что я буду говорить вамъ. *(Кратинъ съ удивленнымъ видомъ опускается на стулъ)*. Во-первыхъ, — извините, — но я, чтобы хоть чѣмъ-нибудь принести дань вашей учености, объясняюсь по пунктамъ, — развѣ вы не знаете, что если-бы вы теперь рѣшали дѣла всей Европы, то и тогда должны-бы были подарить дамѣ нѣсколько свободныхъ минутъ? Если я и употребила слово подарить, то надѣюсь, что вы не подумаете, что и въ-самомъ дѣлѣ сдѣлали этимъ мнѣ подарокъ. Во-вторыхъ, прошу васъ разъ навсегда оставить все ваши страсти. Они хороши для толпы, для подобныхъ вамъ ученыхъ, но съ дамами очень-неумѣстны. Я увѣрена, что вы знаете все законы приличія, и если захотите, то можете быть даже очень-любезнымъ человѣкомъ.

КРАТИНЪ. Вы думаете?

ГРАФИНЯ. *(Это льститъ его самолюбію. Теперь надо похвалить его учености.)* Да! я увѣрена, что наукѣ никогда не можетъ помѣшать знаніе свѣтскаго обращенія. Женщинѣ вы можете пожертвовать временемъ, которое посвятили-бы наукѣ: бесѣда съ нами бываетъ иногда очень-поучительна.

КРАТИНЪ. Вы, кажется, хотите увѣрить меня, что женщина можетъ замѣнить науку?

ГРАФИНЯ. Не только можетъ, но я скажу вамъ даже, что женщина таже наука.

КРАТИНЪ. Это какимъ образомъ?

ГРАФИНЯ. А вотъ послушайте. *(Кратинъ садится ближе и слушаетъ со вниманіемъ. Графиня продолжаетъ шить въ пальцахъ, изрядка на него взглядывая.)* Что вы встрѣчаете въ наукѣ? ты-

саячу предположеній и догадокъ, тысячу гипотезъ и темныхъ мѣстъ. Нѣсколько фактовъ, которыхъ ни причина, ни слѣдствіе хорошо не-извѣстны, вотъ и все! Вы углубляетесь въ науку, вы слѣдите за каждымъ новымъ феноменомъ, который подмѣтили, вы стараетесь вывести изъ него новые блестящіе результаты, разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, составить полную, ясную, систему науки. Не тоже-ли самое и въ женщинѣ? Знаете-ли вы ее хорошо, изучили-ли, изслѣдовали-ли вы ее? Чтѣ вы изъ нее знаете? Нѣсколько чувствъ, которыя вспыхнули и исчезли въ минуту ихъ рожденія. И вы стараетесь подвести эти чувства подъ общіе законы, доказать, что женщина должна была чувствовать такъ, а не иначе, хотите по этимъ отдѣльнымъ фактамъ опредѣлять, чтѣ такое женщина? Напрасно... Женщина неопредѣлима, какъ и наука, потому что и наука есть таже женщина: хотите-ли, я и это докажу вамъ?

кратиня. Послушайте, вы очень умная, женщина, хотя говорите софизмы. Я никакъ не думалъ.... Посмотримъ, посмотримъ! продолжайте ваши парадоксы. Они очень любопытны, все-таки доказываютъ, что вы чтѣ-нибудь да знаете. Ну-съ — и такъ наука есть женщина.

графиня. Да! точно также какъ и женщина есть наука... После того, чтѣ я уже сказала это нетрудно доказать... Однако если я и говорю, можетъ-быть, вздоръ, то по-крайней-мѣрѣ, дѣлаю дѣло.... вы видите, какъ я усердно работаю въ пальцахъ, а вы сидите, сложа руки. Разговоръ не мѣшаетъ шить. Вотъ тутъ вышла вся розоваа шерсть. Потрудитесь пожалуста поддержать мнѣ этотъ мотокъ.

кратиня. Съ большимъ удовольствіемъ, — продолжайте только то, чтѣ вы начали...

(Она подвигается ближе, держитъ ей мотокъ шерсти, которую она наматываетъ на клубокъ).

графиня. Я увѣрена, что вы согласитесь со мною. Женщина капризна, — наука тоже; та и другая не всякому дается въ руки, и не всякой умѣетъ обращаться съ нею, какъ должно; женщина откроетъ вамъ какую-нибудь сторону души своей, но все таки ни за чтѣ не покажетъ себя такою, какова она на самомъ дѣлѣ; наука поласкаетъ васъ какимъ-нибудь явленіемъ, но никогда не раскроетъ передъ вами всѣхъ завѣтныхъ тайнъ своихъ. Наука съ каждымъ новымъ фактомъ заставляетъ васъ перестраивать ваши гипотезы, — женщина съ каждымъ днемъ заставляетъ васъ

перемѣнять объ ней свое мнѣніе. Наукѣ можно посвятить всю жизнь свою, женщиныѣ тоже...

кратинъ. Позвольте, позвольте!... остановитесь покамѣсть хоть на этомъ. . Во-первыхъ, развѣ нѣтъ точныхъ и положительныхъ наукъ?

графиня. Развѣ нѣтъ точныхъ и положительныхъ женщинъ, спрошу я васъ въ свою очередь? Но это очевидно будутъ исключенія. Наука тѣмъ и привлекаетъ насъ, что она неполна, что ее необходимо повѣрять, слѣдовать, что она шевелитъ наше любопытство, доставляетъ пищу нашей страсти къ познанію. Если-бы человѣкъ зналъ все на свѣтѣ, для него нечелла-бы прелесть женщины, прелесть науки. Простое перечисленіе именъ и предметовъ я не называю наукой. — Сухая географія развѣ наука? Толстая русская кухарка развѣ женщина?...

кратинъ. Ха! ха! ха!... это мимо! Преудачное сравненіе... Географія и кухарка... Да вы, просто, удивительная женщина... *(Подвигается еще ближе).*

графиня. Пойдите!.. пойдите! вы такъ спутаете всю шерсть.. держите же хорошенько!... вотъ такъ!... Теперь будемте продолжать нашъ разговоръ, если я только не надоѣла вамъ своею болтовнею...

кратинъ. Напротивъ! — напротивъ!.. Признаюсь я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ васъ столько ума, тонкости сужденія, остроумія... Такъ, по вашему, заниматься женщиной точно также полезно, какъ и заниматься наукой.

графиня. Это даже необходимо!... Женщина составляетъ для васъ цѣль всей вашей жизни. Вы для нея живете и трудитесь, для нее совершаете всѣ ваши подвиги. Она — тайная причина всего, что дѣлается на свѣтѣ.

кратинъ. Вотъ противъ этого-то я всегда и возстаю. Конечно, то, что вы сказали, отчасти справедливо, но это дѣлаютъ только люди слабые, недостойные высокаго названія: *человѣкъ*. За что мы поклоняемся женщиныѣ, за что мы такъ возвысили ее? Она — низшая степень человѣчества, недосозданный человѣкъ, какъ называетъ ее Платонъ, необходимая мебель въ хозяйствѣ, она...

графиня. Позвольте, — на этомъ-то я васъ поймаю! Не стану доказывать вамъ превосходства женщины передъ мужчиной, — это былъ-бы безконечный споръ, а ваше самолюбіе никогда не позволяютъ вамъ созваться въ справедливости моихъ словъ. Но вы сейчасъ сказали, что женщина — *необходимая* мебель въ хозяйствѣ. Слышите ли — *необходимая*, въ этомъ вы сами сознались.

Отъ чего же, признавая, что она необходима, не хотите вы завестись этой мебелью?...

кратинъ. Отъ чего... отъ-чего!... отъ того, что я умѣю обойтись и безъ нея, отъ-того, что она ненужна мнѣ.

графиня. Положимъ, что такъ. Но все-таки вы не отвергаете необходимости ея для другихъ и, основываясь на вашихъ собственныхъ словахъ, отъ которыхъ вы, вѣроятно, не отопретесь, я прошу у васъ руки Лизаветы Васильевны для Николая Петровича Холмоградскаго.

кратинъ (*вскакивая*). Это что еще такое?... Западня, хитрость, вы хотѣли поймать меня... вы нарочно завлекали меня!... О! какъ это похоже на женщину! Только вы ошиблись въ своихъ расчетахъ, сударыня... Вамъ не удастся провести меня, какъ 20-ти лѣтняго ребенка... Я отказываю въ вашей просьбѣ.

графиня. Позвольте вамъ также замѣтить, *сударь*, что вы не имѣете никакого права запретить Лизѣ выходить за кого ей угодно.

кратинъ. Я не запрещаю ей: я скажу только, что я не хочу этого, и увѣренъ, что она этого не сдѣлаетъ.

графиня. Посмотримъ. Вотъ кажется и она, — не угодно-ли вамъ самимъ будетъ объявить ваше рѣшеніе.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

графиня, кратинъ, лиза.

кратинъ. (*съ сильнымъ волненіемъ*). Мнѣ нечего объявлять ей. Я сказалъ однажды на всегда, что не хочу, чтобы она выходила за-мужъ, что почитаю это совершенно-безполезнымъ, и что она, вѣрно, не рѣшится безъ моего согласія сдѣлать подобную глупость. А васъ, графиня, прошу избавить меня и ее отъ вашихъ наставленій. Вы у меня испортите Лизу!... — Вы не женщина — вы чортъ знаетъ что такое, вы Сенъ-Симонистка въ Жоржъ-Зандѣ, вы демонъ въ юбкѣ. — Счастливо бѣгаваетесь. (*Уходитъ, хлопнувъ дверю*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ГРАФЪ, ЛИЗА.

ЛИЗА. (плача) Боже мой! что это сдѣлалось съ Александромъ Семеновичемъ?

ГРАФИНЯ. Это ни на что не похоже! Это деспотизмъ, вандализмъ... Мы должны защитить права нашего пола. Лиза, ты сейчасъ же поѣдешь со мною ко мнѣ, въ мой домъ, какъ можно дальше отъ этого людоеда. Мы докажемъ ему, что обойдемся и безъ его согласія...

ЛИЗА. Нѣтъ, графиня! Я не хочу огорчать его. Онъ такъ разстроенъ: кто-же будетъ безъ меня смотрѣть за его домомъ, угождать ему? Графиня! я ни на что не рѣшусь безъ его согласія...

ГРАФИНЯ. Какъ ты смѣшна, Лиза! Въдь это будетъ только маленькій опытъ,—мы докажемъ ему, что онъ безъ насъ не можетъ сдѣлать ни шагу, что мы для него необходимы и что онъ долженъ дорожить нами и гордиться, если мы его любимъ...

ЛИЗА. Какъ мы, графиня?

ГРАФИНЯ. Ну ты или я, — это все равно: здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобъ поддержать достоинство женщины. Ты перѣдешь ко мнѣ только на-время. Онъ безъ тебя соскучится, увидитъ, какъ ты была ему необходима... и самъ привезетъ согласіе на твою свадьбу. Рѣшайся-же, мой ангелъ, я за все отвѣчаю, все беру на себя. Николай Петровичъ, помогите мнѣ уговорить вашу невѣсту, — я напишу нѣсколько строкъ Кратину, чтобы увѣдомить о нашемъ его побѣгѣ. (Садится къ столу и пишетъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

ГРАФИНЯ, ЛИЗА И ХОЛМОГРАДСКІЙ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ, (вышедшій при послѣднихъ, словахъ графини).
Что я слышу? такъ Александръ Семеновичъ согласенъ?

ГРАФИНЯ, *(продолжая писать)*. Нѣтъ еще, но я берусь выхлопотать его соглашеіе, если оно вамъ такъ нужно. Теперь я увожу Лизу къ себѣ, она не можетъ здѣсь оставаться.... И вы напрасно думали, что я помѣшаю вамъ жениться на ней: вотъ доказательство того, какъ я усердно стараюсь объ васъ....

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Покорно васъ благодарю! *(Ревность — и больше ничего. Постараюсь какъ-нибудь поправить дѣло)*. Графиня!...

ГРАФИНЯ. Готово... Ыдемъ же, Ыдемъ, Лиза. — *(Ему тоже не зачѣмъ здѣсь оставаться.)* Николай Петровичъ моя карета внизу. Не угодно-ли и вамъ съ нами?

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Какъ я счастливъ, графиня....

ЛИЗА. Но если это еще болѣе огорчить его....

ГРАФИНЯ. Я ужъ сказала тебѣ, что отвѣчаю за все.... Повѣрь мнѣ, что я устрою судьбу твою, какъ нельзя лучше. Если мы не уѣдемъ, то всѣ труды наши образумить этого дикаря будутъ напрасны.

ЛИЗА. Я вѣрю вамъ, графиня, но....

ГРАФИНЯ. Ты ребенокъ, Лиза, и не видишь сама своей пользы. Николай Петровичъ, предложите руку вашей невѣстѣ. Посмотримъ, г-нъ ученый, кто побѣдитъ, наука или женщина?

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

СИДОРЪ *(выходя изъ комнаты Кратина)*.

СИДОРЪ. На! никакъ они всѣ уѣзжаютъ! и барышня съ ними. Ну! бѣда, просто, бѣда!... Ложись, да умирай, Сидоръ! Теперь тебѣ отъ газовъ покоя не будетъ.... Безъ барышни, баринъ начадить такъ, что святыхъ всѣхъ понеси.... Должно быть эта графиня козарь-баба. Пришелъ въ кабинетъ такимъ звѣремъ.... Она! Никакъ его опять сюда несетъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

КРАТИНЪ, СИДОРЪ.

КРАТИНЪ *(входя задумчивый)*. Не понимаю, что со мной сдѣлалось.... Неужто эта графиня могла такъ сильно взволновать

меня? Неужто сама Лиза задумала опять идти за-муж?... Это, вѣрно, не ея выдумка.... Спросить ее объ этомъ. Сидоръ, позови Лизу.

Сидоръ. Никакъ нѣтъ-съ. Барышня позволили уѣхать съ графиней и съ Николаемъ Петровичемъ.

Кратинъ. Уѣхать? куда?...

Сидоръ. Ихъ господское дѣло, а мнѣ какъ знать....

Кратинъ. Что ты тамъ врешь, дуракъ... Неужели?... Быть не можетъ!... *(Оглядывается и видитъ письмо)*. Письмо! *(Читаетъ)*.

«Ваше тиранство и жестокое обращеніе съ Лизой заставили ее бросить васъ и переѣхать ко мнѣ. Одной науки мало для сердца женщины. Оно требуетъ любви. Свадьба ее съ Холмоградскимъ назначена на будущей недѣлѣ. Вы легко найдете утѣшеніе въ наукѣ». *(Кратинъ опускается на стулъ, и нѣсколько минутъ сидитъ въ задумчивости, потомъ вскакиваетъ)*. Неблагодарная!...

Женщины! Женщины!... вы не стоите одного слова науки. Съ этихъ поръ я затворю свое сердце для всѣхъ человѣческихъ ощущеній.... Я весь твой, великая наука!... Сидоръ... приготовь мои реторты....

(Сидоръ опрометью бросается въ кабинетъ. Кратинъ идетъ за нимъ въ задумчивости. Занавѣсъ опускается).

ВѢЩАНІЕ XI

ВѢЩАНІЕ XII

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же декорация.

КРАТНІЙ *ходитъ по комнатѣ, сидоръ стоитъ у дверей.*

Кратній. Вотъ что значить привычка!... Безъ этой неблагодарной дѣвочки мнѣ какъ будто чего то недостаетъ. Какъ глупо созданъ человекъ! Какое-нибудь вздорное происшествіе можетъ надолго его разстронить. Я не могу заниматься ни философией, ни химіей. Ни одна порядочная идея не идетъ въ голову. Опыты не удаются. А всего еще одинъ день, какъ она отъ меня убѣжала.... Вчера я передалъ ей всѣ ея вещи и велѣлъ сказать, что больше никогда не увижусь съ нею, чтобы она даже не смѣла писать ко мнѣ.... Сидоръ!... хорошо-ли ты исполнилъ мое приказаніе? Вѣрно-ли ты переказалъ ей слова мои? Я, кажется, дѣлый часъ училъ тебя.

Сидоръ. Какъ же-съ, все разказалъ самовѣрнѣйшимъ образомъ.... Барышня то такъ и заливалась слезами, да вотъ все эта графиня лепетала по французскому: тарабара, тарабара. Должно-быть-съ хитрая штука, эта графиня. Безъ нея барышня-то-бы отъ насъ не уѣжала. Ужъ вотъ ей Богу, это все она накуралесила....

Кратній. Неправда! Лиза еще хуже ея. Она заплатила самую черною неблагодарностію за всѣ мои попеченія объ ея дѣтствѣ, за благодѣянія сестры моей. Есть-ли что-нибудь на свѣтѣ хуже женщины? Оставить меня одного!.. Бѣжать отъ меня... Конечно, я въ ней не нуждаюсь, но все-таки... она была-бы здѣсь не лишняя. Ты мнѣ одинъ остался, Сидоръ, я вполнѣ цѣню твою привязанность.... Ты не оставишь меня?... неправда-ли?

Сидоръ. Никакъ нѣтъ-съ, сударь. Я вашъ крѣпостной человекъ.

кратинъ. Да! я нарочно выписалъ тебя изъ деревни! Твое сердце не заражено ядовитымъ дыханіемъ общества. Въ простотѣ души, ты не поймешь людскихъ пороковъ. Ты не похожъ на нашихъ городскихъ лакеевъ... Одинъ изъ нихъ убѣждалъ отъ меня, укравъ мои лучшіе химическіе снаряды... Ты не сдѣлаешь этого — неправда-ли?

сидоръ. Никакъ нѣтъ-съ, сударь. На что мнѣ вся эта дрянь?

кратинъ. Болванъ! Имѣй уваженіе къ наукѣ, а не суди о томъ, чего не понимаешь. Сегодня я не буду заниматься химіей. Мнѣ нужно удивленіе. Если кто будетъ меня спрашивать, скажи, что нѣтъ дома. Я не хочу никого видѣть. (*Идетъ въ комнату*).

сидоръ. Слушаю-съ!

кратинъ (*ворочается*). Послушай, если, впрочемъ, придетъ она, то ты скажи мнѣ....

сидоръ. Кто она-съ?

кратинъ. Дуракъ! она, эта неблагода.... впрочемъ, нѣтъ, не нужно! не хочу.... Я докажу имъ, что наука можетъ замѣнить все на свѣтѣ. Она утѣшитъ меня, заставитъ позабыть этотъ коварный свѣтъ. .. Я займусь только ею. одной ей посвящу я всю жизнь свою. .. буду любить ее, какъ жену, какъ любовницу.... Я составлю себѣ имя въ наукѣ, и она отдастъ мнѣ справедливость, она будетъ помнить меня, — а женщины!.. Сидоръ! съ-этихъ-поръ, если ты мнѣ слово скажешь объ женщинахъ, я тебя выгоняю! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

сидоръ (*одинъ*).

сидоръ. Слушаюсь!... Вотъ-таки всепремѣнно при первомъ случаѣ, такъ и гряну. Нѣтъ! мочи нѣтъ! Что это за житье? Человѣческаго слова въ жизнь свою не услышишь. Говоритъ такую околесницу, что и не разберешь. Кажись, и по-русски, а хоть-бы слово понялъ. Покамѣсть барышня жила, такъ еще куда не шло — а теперь? каторга да и только. Нѣтъ! нѣтъ! рѣшено! Пусть выгонитъ — тѣмъ лучше!.. это ни на что не похоже!..

ЯВЛЕНИЕ III.

ХОЛМОГРАДСКІЙ, СИДОРЬ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Доложи обо мнѣ Александру Семеновичу.

СИДОРЬ. Нельзя-съ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Это почему?

СИДОРЬ. Ихъ нѣтъ дома съ!

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Вотъ вздоръ! онъ не куда не выходить.

СИДОРЬ. Ну, а сегодня надо-быть, что нарочно вышли-съ куда-нибудь.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Онъ не велѣлъ принимать. Это ясно. Скажи ему однако, что я прѣхалъ за весьма-важнымъ дѣломъ, отъ графини, отъ Лизаветы Васильевны. Скажи все, что хочешь, только, чтобы онъ непременно вышелъ ко мнѣ. Слышишь-ли?

(Даетъ ему деньги).

СИДОРЬ *(съ радостію)*. Слушаю-съ. Вотъ, то-есть, всенепременно будутъ... Ахъ, ты Господи! На-силу-то первый целковый, всего-на-все первый.... Въ сію самую минуту съ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ХОЛМОГРАДСКІЙ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Какъ странно эта графиня! Я ее не понимаю. Настоять на томъ, чтобы я поѣхалъ къ Кратину просить руки его воспитанницы. Любовь ея ко мнѣ очевидна, и она изъ одного обиженного самолюбія не показываетъ ея. Одна досада заставляетъ ее настаивать, чтобы я женился на Лизѣ. И я глупецъ! съ чего мнѣ вздумалось расточать свѣтскія любезности передъ дѣвушкой, которая принимаетъ все за чистыя деньги? Конечно, она мила, и я-бы готовъ былъ на ней жениться.... Но какое сравненіе съ графиней! Я слышалъ, что этотъ медвѣдь Кратинъ не слишкомъ любить, чтобы сватался за его воспитанницу. Тѣмъ

лучше. Лиза не выдетъ за-мужъ безъ его согласія. Онъ, вѣрно, не дастъ его; я отпущу нѣсколько фразъ о томъ, что не хочу быть причиною размолвки между лицами, которые сближены обстоятельствомъ, привычкою и тому подобное — и дѣло будетъ кончено! Смѣлѣй!.. Вотъ, кажется, и ученый.

ЯВЛЕНИЕ V.

ХОЛМОГРАДСКІЙ, КРАТИНЬ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Александръ Семеновичъ, извините, если я поѣшаль вамъ заниматься, но....

КРАТИНЬ. Я желаю знать, для чего вамъ угодно было ко мнѣ пожаловать? Что за извѣстіе приесли вы мнѣ отъ моей воспитанницы?

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Я являюсь къ вамъ съ просьбою, о которой вы, вѣрно, догадываетесь: отдать мнѣ руку Лизаветы Васильевны?

КРАТИНЬ. Напрасно-же вы изволили беспокоиться. Я не имѣю никакого права препятствовать этому браку, и съ-тѣхъ-поръ, какъ она убѣжала отъ меня, не вхожу ни во-что, что до нея касается.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Но она сама требуетъ вашего согласія...

КРАТИНЬ. Она можетъ и безъ него обойтись.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Однако считая васъ своимъ отцомъ....

КРАТИНЬ. Отцомъ?... Что за выраженіе.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Своимъ покровителемъ.... если вамъ угодно, не хочеть сдѣлать этого важнаго шага въ жизни безъ вашего согласія.

КРАТИНЬ. Вы говорите что она требуетъ моего согласія?

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Безъ него она откажетъ мнѣ въ своей рукѣ.

КРАТИНЬ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, милостивый государь, что это самая неумѣстная и пустая хитрость. Она убѣжала изъ дома, гдѣ была принята сиротой, ребенкомъ, гдѣ получила образованіе, гдѣ была любима, какъ.... родная дочь, и потомъ еще требуетъ моего согласія! Если она не могла безъ него обойтись, то неужели думала, что послѣ ея бѣгства отъ меня я охотнѣе дамъ его? Я вѣрю, оно ей нужно для свѣта, для людей, чтобы сказать имъ: «Я не бѣжала постыднымъ образомъ отъ моего бла-

годѣтеля, онъ самъ далъ свое согласіе на бракъ мой». Но она его не получаетъ. Скажите ей, что я никогда не забуду ея неблагодарности, и если когда нибудь судьба накажетъ ее и принудитъ слова искать убѣжища у того, котораго она такъ жестоко оскорбила, то пусть помнитъ, что двери мои для нея закрыты, что я никогда не захочу ни видѣть, ни слышать ея!!!...

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Помилуйте! — вы это такъ горячо принимаете!... Я не нахожу ничего дуракаго въ этомъ поступкѣ... Неужели онъ васъ такъ огорчаетъ...

КРАТИВЪ. Не меня, а цѣлое человѣчество! Понимаете ли вы это? Во мнѣ она оскорбила добродѣтель, потому-что воспитать и принять сироту, есть дѣло доброе, на которое способенъ не всякій изъ васъ, свѣтскихъ людей. Повѣрьте, что и она очень-хорошо это понимаетъ, потому что проситъ моего согласія. Она видитъ, что поступила душно, бѣжавши отъ своего благодѣтеля съ своимъ любовникомъ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Государь мой!...

КРАТИВЪ. Извините,— съ честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, который не считаетъ низкимъ дѣломъ уговорить неопытную дѣвушку бѣжать съ нимъ.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Господинъ Кративъ, если-бы вы не были въ какомъ то странномъ ослѣпленіи, то я-бы могъ потребовать у васъ отчета въ сказанныхъ вами словахъ, но я вижу, что не всегда ученость соединяется съ здравымъ понятіемъ о вещахъ, и потому оставляю васъ, и подожду окончанія вашего философскаго припадка. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

КРАТИВЪ (одинъ).

КРАТИВЪ. Онъ правъ! я дуракъ! И откуда взялась у меня глупая раздражительность?.. Чтó я нашелъ особеннаго въ этомъ поступкѣ?... Удивительно-ли, что молодая дѣвчонка предпочла ловкаго и раздушеннаго франта, человѣку не свѣтскому и угрюмому, который не умѣетъ любезничать съ женщинами? Развѣ эти вещи не дѣлаются въ свѣтѣ каждый день? Развѣ неблагодарность такое рѣдкое явленіе въ свѣтѣ?... Развѣ можно было ожи-

дать, чтобы женщина поступила иначе? Да въ этомъ виновать я самъ. Мнѣ не должно было принимать этого близко къ сердцу... Очень-радъ, что этотъ минутный порывъ кончился. Я увѣряю, что меня ничто теперь не удивитъ, что я выслушаю терпѣливо все, что мнѣ ни скажутъ, молча перевесу самое ужасное извѣстіе, что я хладнокровно встрѣчусь съ этой женщиной...

ЯВЛЕНІЕ VII.

КРАТИНЪ, СИДОРЪ,

СИДОРЪ. Баринъ! баринъ! васъ хотеть видѣть женщина.

КРАТИНЪ. Женщина... ну что-жь?.. Ничего! ничего!.. продолжай мой другъ!

СИДОРЪ (Или онъ не слыхалъ. Вѣдь онъ, кажись, общался прогнать меня). Слышите-ли сударь, къ вамъ прѣѣхала женщина?.. да еще какая женщина... самая-то вотъ, что ни на есть женщина!...

КРАТИНЪ. (Кажется, я слушаю его хладнокровно). Что жъ ей отъ меня надобно?..

СИДОРЪ. Да ужъ не могу знать-съ, только чество увѣряю васъ, что это самая настоящая женщина. (Что-жь это такое?) Она хотеть говорить съ вами, слышите-ли, сударь? женщина хотеть говорить съ вами.

КРАТИНЪ. Слышу, слышу! Кто-жь она такая?

СИДОРЪ. Да такая-то, сударь, что и сказать страшно. Барышня, то-есть, Лизавета Васильевна.

КРАТИНЪ. Лиза!... Ненужно! я не хочу ее видѣть!.. Зачѣмъ она прѣѣхала?... Не хочу! не пускай.

(Лиза показывается въ дверяхъ).

СИДОРЪ (ей). Слышите-ли сударыня?... Не велѣно, не приказано.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КРАТИНЪ, ЛИЗА, СИДОРЪ.

ЛИЗА. Нѣтъ! Я должна его видѣть!.. (Бросаетъ шляпу и салопъ). Александръ Семеновичъ, добрый Александръ Семеновичъ, простите меня.. (Облакачивается на стулъ въ волненіи).

КРАТИНЪ (не смотря на нее). Чтò вамъ угодно, сударыня? Зачѣмъ вы силой ворвались въ мой домъ!.. Я не приказалъ пускать васъ. .. Я не хочу видѣть васъ. (Оборачивается и видитъ, что Лиза плачетъ, голосъ его дрожитъ). Лиза.... милая Лиза.... ну, ну, полно, не плачь... я не сержусь на тебя.... полно-же, мой ангелъ! (Цѣлуетъ ее въ лобъ и жметъ ей руки).

ЛИЗА. Я виновата передъ вами! Простите-ли вы меня?

КРАТИНЪ. Ты ни въ чемъ невиновата, другъ мой, это была твоя воля... Ты имѣла право во всякое время оставить меня....

ЛИЗА. Нѣтъ! нѣтъ! я виновата! не оправдывайте меня!.. Я чувствую что очень-дурно поступила.

(Наклоняетъ голову къ его плечу и плачетъ).

СИДОРЪ. Ну, пошла исторія! Видно я здѣсь лишній. Вишь и тряпки всѣ бросила. Подобрать добро ихъ.... (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

КРАТИНЪ, ЛИЗА.

КРАТИНЪ. Полно-же, другъ мой! Я уже сказалъ тебѣ, что насколько на тебя не сержусь.... Я чувствую, что погорячился. Я не долженъ былъ мѣшать твоей свадьбѣ, препятствовать твоей склонности. Я судилъ по себѣ. Я думалъ, что и тебѣ довольно твоего стараго друга, который всегда такъ любилъ тебя. Я не зналъ чувствъ дѣвушки, не зналъ, что для нее необходимъ мужъ... Но если ты хочешь этого, я не буду препятствовать твоему выбору, я согласенъ отдать тебя за-мужъ....

ЛИЗА. Нѣтъ! ужъ я не хочу этого!.. Я останусь съ вами!.. Вы позволите? не правда-ли?..

КРАТИНЪ. Какъ? такъ ты ужъ не хочешь выходить за Холмоградскаго?

ЛИЗА. Не хочу?

КРАТИНЪ. И въ-самомъ-дѣлѣ, чего тебѣ не достаетъ?... Ты останешься со мною....

ЛИЗА. Да вѣдь вы всегда сидите съ своими книгами, я васъ такъ рѣдко вижу.

КРАТИНЪ. Ну... изволь! Я, такъ и быть, по-утрамъ буду сидѣть

съ тобою. Если хочешь, душенька, я тебѣ буду читать лекціи химіи или астрономіи...

лиза. Покорно васъ благодарю.

кратинъ. Мы будемъ заниматься вмѣстѣ, я тебѣ стану рассказывать мои опыты и наблюденія. Не правда ли, вѣдь тебѣ не нуженъ мужъ?...

лиза (сквозь слезы). Не нуженъ, Александръ Семеновичъ.

кратинъ. Но вотъ видишь ли, душенька, стало быть, я правъ.

лиза. Несколько, Александръ Семеновичъ, вѣдь это я все дѣлаю только для васъ. Повѣрьте, что я-бы никогда не согласилась васъ оставить, да графиня увѣрила меня, что это для моей же пользы, что это только такъ, въ своемъ родѣ опытъ, и что вы на другой-же день привезете мнѣ сами соглашеніе на мою свадьбу. Когда вы прислали Сидора съ моими вещами, то я тотчасъ-же хотѣла вернуться къ вамъ, да графиня не пускала меня и я почти тихонька уѣхала сюда, покамѣть она занималась чѣмъ-то у себя въ кабинетѣ.

кратинъ. Какая ты добрая, Лиза! Такъ тебѣ было жаль огорчить меня.... Ну да хорошо, что все кончилось! Незачѣмъ вспоминать о томъ, что прошло.... Мы опять помирились. Ты больше отъ меня не убѣдешь, не захочешь выходить замужъ, я тоже никогда не женюсь....

лиза. Да! ужъ вы пожалуста тоже не жевитесь.

кратинъ. Нѣтъ! нѣтъ!... Я тебѣ общаю это!...

ЯВЛЕНИЕ X.

КРАТИНЪ, ЛИЗА, СИДОРЪ.

сидоръ. Баринъ! Вѣдь къ вамъ опять пожаловала женщина!... Что это за напасть сегодня?...

лиза. Вѣрно, графиня опять за мной пріѣхала. Пожалуста ужъ вы не соглашайтесь отпустить меня....

кратинъ. Не бойся, милая моя!... А? такъ это она была причиной всего!... И она опять является сюда съ своими хитростями. На этотъ разъ я даже очень-радъ увидѣться съ нею. Мнѣ любопытно узнать, до чего можетъ дойти ея самоувѣренность. Сидоръ, проси ее, а ты, Лиза, поди въ свою комнату и успокойся.

Я хочу порядкомъ отдѣлать эту графиню за всё ея проказы.
Я позову тебя. Прощай покамѣсть, другъ мой.

(Цылуеъ ее въ лобъ, она уходитъ. Сидоръ открываетъ дверь графинь и уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

ГРАФИНЯ, КРАТИНЪ.

ГРАФИНЯ. Удивляюсь, какъ вы могли такъ скоро рѣшиться принять меня!...

КРАТИНЪ. Удивляюсь, какъ вы могли рѣшиться прѣхать ко мнѣ, послѣ всѣхъ вашихъ поступковъ.

ГРАФИНЯ. Ахъ Боже мой! въ какихъ-же это уголовныхъ преступленіяхъ изволите вы обвинять меня?

КРАТИНЪ. Эти преступления наказываетъ не законъ, а совѣсть, графиня!...

ГРАФИНЯ. Совѣсть!...

КРАТИНЪ. Да, совѣсть. Вы, живя въ большомъ свѣтѣ, вѣрно, съ нею незнакомы и въ первой разъ объ ней слышите.

ГРАФИНЯ. Александръ Семеновичъ, оставьте ваши колкости. Они теперь не у мѣста. Я никакъ не ожидала, чтобы выдумка моя имѣла такія трагическія послѣдствія... Никакъ не могла предполагать, чтобы вы приписывали такую важность простой шуткѣ.

КРАТИНЪ. Вы называете это шуткой, графиня?... Миѣнія различны!... Я, по-крайней-мѣрѣ, думаю, что этого нельзя назвать иначе, какъ дурнымъ поступкомъ. При этомъ позвольте узнать, что вы понимаете подъ словомъ: трагическія послѣдствія.

ГРАФИНЯ. Я встрѣтила недалеко отъ вашего дома Николая Петровича и посадила его къ себѣ въ карету. Онъ мнѣ рассказалъ о неудачномъ сватовствѣ и о томъ, что разговоръ вашъ принималъ довольно-дурной оборотъ. Онъ даже для того ушелъ, чтобъ дать вамъ время немножко пообразумиться и простыть. Удивляюсь, какъ господа ученые могутъ еще хвалиться своимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ. Вы, говорятъ, были непохожи на самого, себя. Впрочемъ, я успокоила, какъ могла, Николая Петровича, сказала ему, что все поправится, и привезла его сюда вмѣстѣ съ собою.

кратинь. Позвольте узнать, для чего это?

графиня. Для того, чтобы вы загладили свои неумѣстные выходы противъ него — и исполнили его просьбу.

кратинь. Такъ вы думаете заставить меня согласиться на свадьбу Лизы?

графиня. Николай Петровичъ дожидается у васъ въ залѣ окончанія нашего разговора, и явится не прежде, какъ вы сами позовете его, чтобы поздравить женихомъ Лизы.

кратинь. Очень-любопытно будетъ видѣть, какимъ-образомъ я это сдѣлаю.

графиня. Очень-обыкновеннымъ, какимъ кончаются все комедии. Вы соедините ихъ руки и скажете. «Будьте счастливы, дѣти мои».

кратинь. Смотря на васъ, я не знаю, чему больше удивляться, вашей-ли увѣренности, или моему терпѣнью слушать вздоръ.

графиня. Позвольте васъ спросить въ свою очередь, — вы называете вздоромъ счастье вашей воспитанницы?

кратинь. Оно дороже мнѣ моего собственнаго, но повѣрьте, что я самъ знаю очень-хорошо, въ чемъ заключается ея счастье.

графиня. Вотъ этого-то вы не и знаете. — И я хочу самымъ убѣдительнымъ образомъ доказать вамъ, что вы должны согласиться на ея свадьбу. Мнѣ странно только одно: неужели господа ученые, занимаясь глубокими философскими изслѣдованіями, не понимаютъ самыхъ простыхъ условій общества, не видятъ необходимости самыхъ обыкновенныхъ вещей? Мнѣ кажется скорѣе, что они не хотятъ понять ихъ, считая слишкомъ маловажными, несущими никакого вниманія, годными только для обыкновенныхъ людей. Садитесь-же и выслушайте меня хладнокровно, какъ истинный философъ. (*Кратинь, молча, беретъ стулъ и садится*) Вы не хотите отдать Лизу за Холмоградскаго: что причиной вашего отказа?... Привычка къ ней, необходимость видѣть ее всегда подлѣ васъ, въ вашемъ домѣ, гдѣ она управляетъ всемъ, и гдѣ безъ нея не будетъ никакого порядка? Согласитесь во-первыхъ, что это очень эгоистическая причина. Вы смотрите на бѣдную дѣвушку, какъ на необходимую вещь въ вашемъ хозяйствѣ, хотите, чтобы она жила только для васъ, занимаясь вами и не смѣла дѣлать ничего, что-бы не относилось ни къ вашей пользѣ, ни къ вашимъ матеріальнымъ выгодамъ. Скажите сами, хорошо-ли это?...

кратинь. Все это дѣлаетъ она единственно изъ привязанности

ко мнѣ, въ награду за тѣ попеченія, которыя я ей оказывалъ во-время ея дѣтства.

графиня. Позвольте вамъ сначала сказать, что вы напрасно приписываете себѣ прекрасный поступокъ вашей сестры. Она приняла къ себѣ въ домъ бѣдную дѣвушку, сироту, и ей одной Лиза обязана всѣмъ. Вамъ она ничѣмъ не одолжена, и вы не можете требовать отъ нея благодарности.

кратинъ. Но, мнѣ кажется, я-бы могъ не согласиться на то, чтобы она жила и воспитывалась въ моемъ домѣ.

графиня. Вы-бы никогда этого не сдѣлали: на это способенъ только пизкій человѣкъ. Но положимъ, что Лиза считаетъ васъ своимъ благодѣтелемъ и хочетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ, доказать вамъ свою благодарность: не стыдно-ли вамъ принимать эти жертвы отъ дѣвушки, которая отказывается отъ своего счастія — вы должны сознаться, что въ ея положеніи замужство большое счастье — и для чего-же? чтобы угодить странности, прихоти, капризу человѣка, который, ничего не сдѣлавъ для нея, требуетъ отъ нея самой большой жертвы, которую только можетъ привести женщина. Къ тому-же, я не думаю, чтобы вы не понимали того, что во всякомъ случаѣ эта дѣвушка не можетъ остаться съ вами, что хоть для нея вы должны уважить мнѣнія свѣта; не-ужели изъ одного эгоизма вы согласитесь погубить и ея будущность, и ея доброе имя? Вы можете сказать: «Она сама не хочетъ идти замужъ». Она и мнѣ это уже говорила; но развѣ вы не видите, что она говоритъ это изъ любви къ вамъ? Право, Лиза привязана къ вамъ гораздо-больше, нежели вы это заслуживаете.

кратинъ. (*въ волненіи*). Постоите... графиня!... вы сказали... вы сказали, что Лиза ... что она любитъ меня.

графиня. Разумѣется, какъ своего благодѣтеля. Точно такъ, какъ и вы любите ее, какъ свою воспитанницу. Вѣрю, что вамъ будетъ трудно разстаться съ нею; но для этого есть одно средство: женитесь сами. — У женатаго человѣка она можетъ смѣло оставаться, не боясь клеветы и сплетней.

кратинъ. Женитесь?... мнѣ?...

графиня. Эта мысль кажется вамъ такъ ужасна!... Но подумайте хорошенько, — вы сами увидите пользу и даже необходимость женитьбы. Въ вашемъ положеніи въ особенности вамъ нужна помощница, которая избавляла-бы васъ отъ мелочныхъ заботъ домашней жизни, въ то время, какъ вы будете заниматься предметами возвышенными, идеальными. Мы недавно говорили о томъ, что наука и женщина одно и то же — и вы, кажется, были съ

этимъ согласны. Кто-жъ вамъ мѣшаетъ присоединить къ вашимъ ученымъ занятіямъ еще одинъ любопытный предметъ для изученія — женщину? Но шутки въ-сторону. Дѣло идетъ о рѣшеніи важнаго вопроса въ жизни. Убѣжденія тутъ не поведутъ ни къ чему, если вы сами не чувствуете необходимости брака. Смѣшно, что я, женщина, должна вамъ проповѣдовать важность и пользу брака, но я дѣлаю это изъ чистаго желанія видѣть васъ счастливымъ. У васъ прекрасный, хотя нѣсколько упрямый характеръ, благородное, хотя и пылкое сердце, вы умны, добры, образованны... погодите, не торопитесь благодарить.... — вмѣстѣ съ тѣмъ у васъ очень-много недостатковъ, которые можетъ исправить любовь женщины и долгъ мужа и отца. Повѣрьте, что супружество цѣль нашей жизни....

кративъ. Вы однако не за-мужемъ, графиня.

графиня. Я вдова, и потому имѣю право говорить это. Но почему вы знаете, что я не люблю кого-нибудь, что я не желалабы снова узнать счастье быть любимой, раздѣлить судьбу свою съ судьбою человѣка, который-бы понялъ меня, который-бы заставилъ позабыть грустные воспоминанія о моемъ послѣднемъ бракѣ? Я никогда и никому не жаловалась на судьбу свою, — это нынче сдѣлалось ужъ такъ старо, — но вамъ одному скажу: я была несчастна. Вы не можете испробовать подобной участи, вы мужична и всегда найдете тысячу средствъ разсѣять свои горести, позабыть свои несчастія, найти развлеченія и утѣшенія. Женщина не можетъ сдѣлать этого. Женщина живетъ и дышетъ одною любовью. И мужчина любить и страдаетъ, но это все не то. Мужчина любить обыкновенно сильно и пламенно, женщина тихо и долго. Вотъ отъ-чего они рѣдко понимаютъ другъ-друга. Женщина гордится своею любовью... Мужчина часто стыдится ее и старается заглушить ея голосъ въ своемъ сердцѣ. Благородный и умный человѣкъ непременно долженъ любить — я увѣрена, что въ вашемъ сердцѣ заронена искра этого прекраснаго чувства, и что вы не хотите дать себѣ въ немъ отчета, не хотите признаться, что вы любите.

кративъ. Графиня!...

графиня. Да! я въ этомъ увѣрена. Ваше смущеніе ясно показываетъ это. Неужели вы хотите походить на другихъ мужчинъ, и изъ пустаго упрямства подавлять навсегда въ груди своей вашу чистую любовь? Это нетрудно сдѣлать — воля человѣка выше всего на свѣтѣ. Но вы сами потомъ увидите, какъ пуста и ничтожна будетъ вамъ казаться жизнь наша, съ какою

грустью будете вы вспоминать о тѣхъ дняхъ, когда могли любить и чувствовать. Вы избрали себѣ прекрасную долю — вы посвятили себя наукѣ — но она не вполне удовлетворяетъ требованіямъ вашего сердца. Вамъ чего-то не достаетъ, — я въ этомъ увѣрена. Я хорошо васъ узнала. Испытайте сладость любви. Не растрачивайте огня души вашей надъ холодными книгами — не любите ихъ съ такимъ жаромъ. Онѣ не поймутъ васъ, не оцѣнятъ вашихъ жертвованій, не заплатятъ вамъ взаимностью. Подарите любовь вашу, ваше сердце существу, которое васъ пойметъ, которое за любовь вашу заплатитъ любовью и благодарностью. Не берите двухъ крайностей въ жизни: науку и женщину — слейте ихъ, соедините вмѣстѣ — и вы узнаете на землѣ счастье, которое не многимъ удастся испытывать въ этой жизни.

кратинѣ (*взволнованный*). Графиня!... вы ангелъ!... Награди васъ Богъ за ваше доброе сердце, за вашу привязанность ко мнѣ... Да! вы правы! Я безумецъ! Я клеветалъ на жизнь, я не понималъ ея истиннаго назначенія, я убилъ лучшіе годы мои и думалъ оказать этимъ пользу наукѣ, людямъ, цѣлому міру... Вы открыли мнѣ глаза... я не стыжусь признаться въ этомъ, я, который всю жизнь мою посвятилъ наукѣ... не зная самой главной науки — жить. Да! да!... вы правы. Жизнь моя была неполна... Мнѣ чего-то не достаетъ... О если-бы я могъ заглазить это!... Я любилъ, но теперь только понялъ это чувство... Но Боже мой, Боже мой! любить-ли она меня?... Я такъ дуренъ собою, неловокъ, смѣшонъ...

графиня. Странное же вы имѣете понятіе о женщинахъ! Вы думаете, что надо быть непременно свѣтскимъ человѣкомъ, записнымъ франтомъ и красавцемъ, чтобы намъ понравиться? Послѣ этого ужъ всего лучше выходить за модный фракъ. Мужчина большею частью ищетъ въ женщинѣ одной наружной красоты, женщина любить за душу, умъ и сердце... И я заранѣе могу васъ поздравить съ побѣдой. Ну, скажите-же мнѣ, скажите, кого вы любите? Кругъ вашего знакомства такъ невеликъ, и я, вѣрно, должна знать ее.

кратинѣ. О! да... но... я, право, не знаю, какъ благодарить васъ... вы съ такою добротою, съ такимъ умомъ паставляли меня. Графиня, позвольте-ли вы мнѣ хоть чѣмъ-нибудь доказать вамъ мою благодарность?...

графиня. Къ чему, Александръ Семеновичъ? это былъ долгъ мой... Я должна гордиться, что заслужила благодарность такого

человѣка, какъ вы.... Но чѣмъ-же хотите вы доказать мнѣ ее?...

кратинъ. Я, право, не смѣю просить васъ.... я боюсь.... вы не разсердитесь.

графиня. Нисколько, но говорите-же, говорите скорѣе. Какой несносный!

кратинъ. Позвольте мнѣ.... поцѣловать вашу ручку?...

графиня. Какъ?.... только-то....

кратинъ. Развѣ вы думали, что я осмѣлюсь просить чего-нибудь большаго? Я и такъ боялся, чтобъ вы не отказали мнѣ.

графиня. Отъ-чего-же!.... такая малость.... извольте! (*Она протягиваетъ ему обѣ руки, онъ почитительно подноситъ правую руку къ губамъ, и опять ее опускаетъ*). (Какъ эти господа ученые деликатны! Надобно однако придать ему немножко смѣлости и заставить объясниться). Однако, Александръ Семеновичъ, вы все-таки еще не сказали мнѣ, кто эта особа, которой вы хотите подарить ваше сердце, полное любви и науки....

кратинъ. Я вамъ сейчасъ открою это графиня! Позвольте мнѣ прежде позвать сюда Лизу...

графиня. Зачѣмъ-же это? Наединѣ вы-бы могли удобнѣе объяснить....

кратинъ. Нѣтъ! она должна-же узнать Это необходимо.

графиня. Если вы этого непременно хотите. (*Кратинъ уходитъ въ кабинетъ*). Онъ однако ни на шагъ безъ Лизы, и вѣрно, хочеть сдѣлать блистательную развязку. Пожалуй, и я съ своей стороны введу на сцену еще одно новое лицо. (*Отворяетъ главную дверь*). Пожалуйте сюда, Николай Петровичъ.

ЯВЛЕНИЕ XII.

ГРАФИНЯ, ХОЛМОГРАДСКІЙ, КРАТИНЪ, ЛИЗА.

графиня. Не угодно-ли вамъ будетъ посмотрѣть, какъ наука склоняется передъ женщиной?

холмоградскій. Что вы этимъ хотите сказать, графиня?...

графиня. Погодите немножко! Вы сейчасъ это увидите.

кратинъ (*вводя Лизу*). Поди сюда, милая Лиза!.... А, и вы здѣсь, Николай Петровичъ, тѣмъ лучше. Скажи намъ еще разъ, ангель мой, хочешь-ли ты выдти за-мужъ за господина Холмоградскаго.

лиза. Я ужъ сказала, что хочу остаться съ вами.

кратинъ. Но это невозможно, другъ мой.... Что про это скажетъ свѣтъ.

графиня. Это возможно только въ томъ случаѣ, когда Александръ Семеновичъ самъ женится, и онъ уже рѣшился на это!

лиза. Какъ! вы женитесь?.... А что жъ вы мнѣ обѣщали недавно?.... Не стыдно-ли вамъ!....

кратинъ. Но, другъ мой.... я не женюсь безъ твоего согласія, и потому-то и хотѣлъ-бы узнать твое мнѣніе.... Лиза.... другъ мой.... хочешь-ли ты быть моей женою. *(Лиза съ крикомъ бросается къ нему на шею. Графиня вскрикиваетъ).*

графиня. Ахъ Боже мой! Что-жъ это такое?....

холмоградскій. Что съ вами, графиня?....

графиня. Ничего.... *(Кто-бъ могъ этого ожидать?.... О! это ужасно!)*

кратинъ. Лиза.... Лиза.... и ты охотно выходишь за старика, за воркуна.

лиза. Полноте, полноте, Александръ Семеновичъ. Ну какой-же вы старикъ!.... Ахъ какъ я рада, что вы на мнѣ женитесь.... Я давно думала, какъ-бы было хорошо, если-бы вы это сдѣлали! Такъ, стало-быть, вы любите меня?....

кратинъ. Больше всего на свѣтѣ, ангелъ мой.

лиза. И больше вашей науки.

кратинъ. Ну.... ну почти столько-же, какъ и се!

лиза. Только вы смотрите-же, ужъ не извольте цѣлый день читать книги, когда будете мовмъ мужемъ.

кратинъ. Нѣтъ! нѣтъ!.... Я постараюсь соединить вмѣстѣ любовь мою къ тебѣ и къ наукамъ.

холмоградскій *(графиня, которая стоитъ въ задумчивости)*. Графиня! я вполне оцѣниваю вашъ прекрасный поступокъ. Вы съ свойственною вамъ пронизательностью угадали любовь Кратина къ Лизѣ и побѣдили его врожденную неависть къ женщинамъ.

кратинъ. Да! да! Мы всѣмъ обязаны графинѣ, она открыла мнѣ глаза. Она одна причиною моего счастья.

лиза. Добрая, милая графиня!....

холмоградскій. Я надѣюсь, что сдѣлавши одно доброе дѣло, вы не рѣшитесь терзать человѣка, который искренно любитъ васъ, хотя и былъ также нѣсколько времени въ ослѣпленіи.

графиня *(посль минутнаго молчанія)*. Я буду откровенна, Monsieur Холмоградскій. Недавно я, конечно, подала вамъ наде-

жду, но, видите-ли, сердце мое несколько во всемъ этомъ не участвовало; я хотѣла только доказать вамъ, что ваша любовь къ Лизѣ, просто, вспышка молодости, и что всякая другая женщина точно также скоро можетъ заставить васъ полюбить ее.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Какъ? что это значитъ?

ГРАФИНЯ. Это значитъ то, что, не-смотря на всѣ ваши достоинства, я не чувствую никакого желанія снова надѣть на себя узы брака.

КРАТИНЪ. Какъ? а то, что вы мнѣ сейчасъ говорили?

ГРАФИНЯ. Имѣло также одну цѣль.... показать вамъ необходимость брака, и заставить васъ жениться на.... Лизѣ.

КРАТИНЪ. Послѣ этого, я долженъ признаться, что женщина гораздо-тепѣе науки.

ГРАФИНЯ. И прибавьте — выше ея.

ХОЛМОГРАДСКІЙ. Такъ вы рѣшительно отказываете мнѣ въ рукѣ вашей, графиня?...

ГРАФИНЯ. Моею рукою будетъ располагать мое сердце, а оно теперь молчитъ. И хоть вы человѣкъ свѣтскій, прекрасный, ловкій и образованный... (въ-сторону) но я все-таки лучше пошщу какого-нибудь ученаго.

(Занавѣсъ опускается).

В. З.

Пестрѣтъ залъ. Раздался вальсъ игривый, —
Я узнаю пылнѣтельный нагѣвъ,
И подъ его дрожащѣ мотивы
Мелькають розы юныхъ жевъ и дѣвъ.

И музыка гремятъ, неумолкая..
Красавицы одна пышнѣй другой,
Но вникого межъ нихъ не замѣчая,
Я думаю о ней, о ней одной, —
Объ ангелѣ, достойномъ обожанья,
Сіяющемъ лучами красоты,
Мной оклеветанномъ въ часы страданья,
Объ ангелѣ небесной чистоты.

Пестрѣтъ залъ. Вновь музыка играетъ, —
Красавицы одна пышнѣй другой...
Моя душа по-прежнему страдаетъ,
Я думаю о ней, о ней одной....

В. ЗОЛОТНИЦКІЙ.

—

МАСКАРАДЪ.

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ *).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

- СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ СЕНИЧКИНЪ, молодой человекъ, мел-
кій чиновникъ Г. Марковецкій.
ВАСИЛІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЕРХУНОВЪ, его начальникъ . . . Г. Каратыгинъ 2.
АННА ВАСИЛЬЕВНА ВЕРХУНОВА Г-жа Сосницкая.
МАРЬЯ ПЕТРОВНА, ея знакомая Г-жа Шелехова.
ВАРИНЬКА, молодая швея Г-жа Левяева.
ШТАТСКИЙ Г. Славинъ.
КАВАЛЕРЪ Г. Яблогинъ.
ОФИЦЕРЪ Г. Толгеновъ 4.
Мужчина съ усами Г. Сергеевъ.
Мужчина безъ усовъ Г. Михайловъ.
ПОЖИЛОЙ ФРАНТЬ Г. Ирусаковъ.
1-я Маска Г-жа Цвѣткова.
2-я Маска Г-жа Ширяева.
ФРАНТЬ Г. Антополини.
Еще Маска Г-жа Линская.
Два таинственные маски.
Маски, мундиры, фраки и проч.
Слуги.

* Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Императорскомъ Александринскомъ театрѣ 3-го мая 1846 года, въ бенефисъ г-жи Сосницкой.

ПЕРВАЯ ДЕКОРАЦІЯ.

Театръ представляетъ небольшую комнату въ 5-мъ этажѣ на антресоляхъ. Мебель дрянная и старая; вещи разбросаны въ беспорядкѣ: два чубука валяются на полу, колодка отъ сапоговъ подъ стуломъ, на одномъ изъ стульевъ виситъ на спинкѣ зеленый фракъ съ бронзовыми пуговицами и проч.... На-лѣво дверь въ сосѣднюю квартиру, — заперта съ другой стороны. Между дверью и поломъ широкая щель. — На-право дверь на лѣстницу.

СЦЕНА I.

СЕНИЧКИНЪ (одинъ, въ стромъ изношенномъ пальто, съ книгою въ рукахъ, лежитъ на измятой кушеткѣ. Сальная свѣча догораетъ въ дрянномъ подсвѣчникѣ. Сеничкинъ кидаетъ книгу съ досадою на полъ). Нѣтъ! Это изъ рукъ вонъ! Авторъ, вѣрно, какой-нибудь разжившійся купецъ, какой-нибудь поставщикъ, надутый мѣщанскимъ чванствомъ. Ну, можно-ли такъ нахально, такими яркими красками описывать роскошь, — самый отвратительный порокъ въ мірѣ? Мнѣ кажется, если-бы я писалъ романы, я-бы посовѣстился такъ прямо въ глаза лѣстить эгонизму богатыхъ людей. Я-бы всегда имѣлъ въ виду, что какой-нибудь поэтъ.... или молодой чиновникъ, это все равно; молодые чиновники всё поэты... (звѣдетъ) какой-нибудь молодой чиновникъ.... сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, и по-этому разумѣется, и самъ бѣдный и благородный, (звѣдетъ и потягивается) какой-нибудь благородный молодой чиновникъ, не имѣя средствъ заняться чѣмъ-нибудь по-

лучше, возьметъ въ руки его глупую книгу, и разумѣтся, швырнетъ ее въ печку, не дочитавши до конца; потому-что обидно читать описаніе богатаго обѣда, въ двѣнадцать блюдъ, когда самъ каждый день ѣшь щи съ кашею до какой-нибудь холодной картофель, чортъ знаетъ съ чѣмъ. — Вотъ если-бы дали къ праздникамъ мѣсто!... Тогда другое дѣло, 500 рублей серебромъ въ годъ! *(Улыбается)*. Тутъ было-бы на что развернуться... не сталь-бы сидѣть, какъ кротъ въ своей норкѣ — цѣлый вечеръ въ комнатѣ. Поѣхалъ-бы обѣдать къ Леграну; а оттуда въ театръ, въ итальянскую оперу, на Лучію или на Соннамбулу, заказалъ-бы.... Ахъ, чортъ возьми! Если-бы удалось получить.... И то сказать, что-же тутъ невѣроятнаго. Ивановъ выходитъ, случай прекрасный! Правда, на его мѣсто охотниковъ много, да чѣмъ-же я хуже другихъ. Миѣ мой бухгалтеръ два раза говорилъ, что у меня способности прекрасныя, да я и самъ это знаю, — Я вчера составилъ такую записку!... Я знаю.... она теперь лежитъ у Василія Александровича въ черномъ портфелѣ. Онъ еще не читалъ ее; а когда прочтетъ, то непременно спроситъ: «Кто составлялъ?...» — Составлялъ Сеничкинъ съ. — «Хорошо! — Сеничкипу мѣсто, — онъ хоть и молодъ; но человѣкъ съ способностями, съ большими способностями».

(Повертывается на диванъ. За дверью на-левой рукѣ, тоненькій женскій голосокъ напѣваетъ польку; сперва тихо, чуть слышно; потомъ громче и громче. — Сеничкинъ слушаетъ, потомъ вскакиваетъ съ дивана, на цыпочкахъ подбѣгаетъ къ дверямъ, и смотритъ въ замочную скважину).

сеничкинъ. Вѣчно эта проклятая задвижка! Прибили надъ са- мою шелкою!

(Голосъ за дверью вдругъ останавливается не кончивъ колына, — Сеничкинъ продолжаетъ).

голосъ за дверью. Сережа! Сереженька! — Сергѣй Ивановичъ!...

сеничкинъ. Ау!

голосъ за дверью. Что вы тамъ дѣлаете, Сергѣй Ивановичъ? Вы все шалите, Сергѣй Ивановичъ?

сеничкинъ. Не мѣшайте. Запимаюсь дѣлами. Важныя бумаги.

голосъ за дверью. Вы все ждете, Сереженька!... Хотите орѣховъ?

сеничкинъ. Хочу, — отворите двери.

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ. Не пужно, ловите!

(Кидаетъ горсть орѣховъ въ щель между дверью и поломъ; Сеничкинъ бѣгаетъ и собираетъ ихъ).

сеничкинъ. А вы что тамъ дѣлаете, Варинька? Вы все орѣхи грызете!... Да отворите-же двери.

(Слышно, какъ кто то за дверью щелкаетъ орѣхи).

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ. Нельзя!... замокъ привѣшенъ.

сеничкинъ. Отоприте замокъ.

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ. Невозможно! ключъ у хозяйки.

сеничкинъ. Экія сказки! Онъ всегда виситъ у васъ на окошкѣ.

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ. Отворить не долго; — да потомъ вѣдь съ вами не затворишь. Вы мнѣ не дадите шить цѣлый вечеръ.

сеничкинъ. Да что такое тамъ шить!... большая важность! Какія-нибудь тряпки.

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ. Какъ-же не тряпки!... Черное атласное домино съ кружевнымъ воротникомъ; да кружева на бархатную маску.

сеничкинъ. Ахъ, покажите, Варинька! Для кого это?

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ. Для Надежды Александровны, той полковницы, что живетъ внизу, въ бѣль-этажѣ, на-право. Она ѣдетъ въ маскарадъ.

сеничкинъ. Когда, — сегодня?

ГОЛОСЪ ЗА ДВЕРЬЮ. Нѣтъ, — сегодня въ этомъ обществѣ, какъ бишь его, а она ѣдетъ въ Дворянское послѣ завтра.

сеничкинъ. Ахъ, Варинька! покажите домино!... сдѣлайте милость, Варинька, покажите пожалуста!... Отворите двери! да отворите-же, Варинька! *(Стучитъ)* Отворите! отворите! отворите! *(Стучитъ крѣпче).*

варинька. Отворю! Отворю! не шумите! — Что за упрямый мальчишка!

(Отворяетъ двери, и въ ту-же минуту получаетъ отъ Сеничкина звонкій пощелгъ).

сеничкинъ. Мальчишка! — Вотъ вамъ за мальчишку!

варинька. А! Такъ вотъ вы зачѣмъ просили отворить.... *(Осыпаетъ его орѣховой скорлупой и хочетъ уйдти)* Прощайте!

сеничкинъ. О, нѣтъ, не прощаю! Теперь вы въ моихъ рукахъ! Пожалуйте-ка сюда.

(Хватаетъ ее за руку, втаскиваетъ въ комнату, запираетъ двери и становится у входа).

СЦЕНА II.

СЕНИЧКИНЪ И ВАРИНЬКА, съ домино и съ маской въ рукахъ).

ВАРИНЬКА. Такъ-то вы, Сергѣй Ивановичъ! Постоите... ужъ не пройдетъ вамъ это даромъ.

СЕНИЧКИНЪ. Война, такъ война! Пожалуй, я не боюсь войны!
(Идетъ къ ней рѣшительно).

ВАРИНЬКА (бѣжитъ отъ него и роняетъ домино съ маскою).
Сергѣй Ивановичъ! Какъ вы смѣете!

СЕНИЧКИНЪ. Какъ я смѣю! А кто меня назвалъ мальчишкой?
Ура!... неприятель бѣжитъ. (Гонится за нею и ловитъ за руку).
Ага!...

ВАРИНЬКА. Пустите, Сергѣй Ивановичъ, пустите; — ну, что я вамъ сдѣлала?

СЕНИЧКИНЪ. Нельзя, — дайте выкупъ, — военнопленныхъ не отпускаютъ даромъ!... сто поцѣлуевъ!

ВАРИНЬКА. Ни за-что! Скорѣе умереть въ плѣну!

СЕНИЧКИНЪ (держитъ ее за обѣ руки). Какое малодушіе! Подумайте, изъ скуности вы теряете удовольствіе снова увидѣть ваше отечество... (Показываетъ на сосѣднюю комнату) и ваше семейство, — мимишку съ котятami. (Варинька смѣется). И вашего питомца, что виситъ тамъ въ клѣткѣ и будитъ меня поутрамъ. Ахъ, Варинька!... сердце побѣдителя склоняется къ жалости... Хотите, помиритесь на пятидесяти!

ВАРИНЬКА (старается уйдти). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Одинъ, такъ и быть, но небольшое.

СЕНИЧКИНЪ. Ну, двадцать-пять!... Не хотите? Ну десять!... согласны?...

ВАРИНЬКА. Три, — вы запрашиваете, какъ гостинодворскій купецъ.

СЕНИЧКИНЪ. А вы торгуетесь, какъ старая ключница.

ВАРИНЬКА. Серѣжка!

СЕНИЧКИНЪ. Варинка! (Цѣлуетъ ее). Разъ!... два!.. три!...
(Цѣлуетъ еще два раза).

ВАРИНЬКА (вырывается). Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Если-бы вы не были еще ребенокъ, я-бы вамъ ни за что не простила вашихъ шалостей!... я-бы!...

СЕНИЧКИНЪ. Ребенокъ!...

ВАРИНЬКА. Да, ребенокъ, совершенный ребенокъ. *(Толкаетъ его къ зеркалу)*. Ну, посмотрите на себя въ зеркало! Ну, похожи ли вы на мужчину!

СЕНИЧКИНЪ. Ребенокъ!...

(Стоитъ у зеркала, подбоченившись, притопываетъ ногою, рисуетъ и дѣлаетъ жестъ челоуька, крутящаго усы).

ВАРИНЬКА. Ну, да; ребенокъ, дитя. — Ну, что вы тамъ вертите у себя на лицѣ? Какіе у васъ усы! у васъ и пуху еще не выросло. Да, просто, одѣть васъ въ женское платье, такъ никому и въ голову не придетъ, чтобъ вы были не женщина.

СЕНИЧКИНЪ. Въ женское платье!... А, чтобы, въ-самомъ-дѣлѣ, попробовать. Теперь вѣдь святки... Что-бы такое надѣть? *(Смотритъ кругомъ, видитъ домино съ маскою, подбѣгаетъ и хватаетъ ихъ съ полу)*. А!... вотъ и паряды.

ВАРИНЬКА. Ахъ, не троньте! Ради Бога, не троньте! Вы изомнете.... изорвете.... запачкаете.... испортите! полковница съ ума сойдетъ, если узнаетъ.

СЕНИЧКИНЪ *(развертываетъ домино, ищетъ рукава и надѣваетъ)*. Только еще сойдетъ!... Я думалъ — она давно уже спѣшила. Беззубая старуха! Ну, ея-ли дѣло ѣздить въ маскарадъ? Я объ закладъ побьюсь, что она тамъ бѣгаетъ за какимъ-нибудь прапорщикомъ лѣтъ 17-ти. Да помогите-же мнѣ, Варинька!... поправьте сзади.... ленточки, и воротничкъ тоже. *(Подходитъ къ зеркалу)*. Немножко назадъ.

ВАРИНЬКА *(поправляетъ домино)*. Странно!

СЕНИЧКИНЪ *(у зеркала)*. Что такое странно?

ВАРИНЬКА. Это домино вамъ въ пору, точно будто я съ васъ снимала мѣрку. Ахъ, Боже мой! Да вы въ немъ ни дать ни взять женщина... да еще прехорошенька! Надѣньте-ка маску. *(Сеничкинъ надѣваетъ маску; Варинька опускаетъ ему капшонъ на глаза и засылываетъ ленту)*. Ха, ха, ха! Дама! дама! совершенная дама! Вамъ хоть сейчасъ въ маскарадъ. А ну, пройдите по комнатѣ... *(Сеничкинъ идетъ обыкновеннымъ своимъ шагомъ)*. О! нѣтъ, не такъ... слишкомъ-скоро... слишкомъ шагаете. Такъ бѣгаютъ одни чиновники, опоздавшіе къ должности. Пройдите такъ, какъ дамы ходятъ. *(Сеничкинъ идетъ)*. Тиховко, плавно... хорошо! очень-хорошо! прекрасно! — Каковъ Серѣженька-то!... и не узнаешь.

(Часы въ соседней комнатѣ бьютъ одиннадцать. — Сеничкинъ прислушивается).

СЕНИЧКИНЪ (въ-сторону). Какая идея! блестящая идея!

(Идетъ въ комодъ и вынимаетъ оттуда сперва кошелекъ, потомъ перчатки).

ВАРИНЬКА. Что вы тамъ дѣлаете?... Зачѣмъ вы берете перчатки?

СЕНИЧКИНЪ. Я... Я?... Прощайте, Варинька, я ѣду въ маскарадъ....

(Въ продолженіе всей слѣдующей части разговора Сеничкинъ старается уйти, а Варинька заслоняетъ ему дорогу).

ВАРИНЬКА. Вы съ-ума сошли! Въ какой маскарадъ?

СЕНИЧКИНЪ. А вотъ въ это Общество... знаете....

ВАРИНЬКА. Что за вздоръ! Я увѣрена, что вы не сдѣлаете такой глупости.

СЕНИЧКИНЪ. Глупости... Ну, не увѣряйте, Варвара Алексѣевна.

ВАРИНЬКА. Вздоръ, говорю я вамъ, вы шутите, этого быть не можетъ.

СЕНИЧКИНЪ. Не можетъ. Ну, не спорьте, Варвара Алексѣевна.

ВАРИНЬКА. Конечно, не можетъ. Ну, кто васъ туда пуститъ?

СЕНИЧКИНЪ. Я зайду къ Сѣркову; онъ тамъ постоянный членъ, сдѣлаетъ такъ, что пустятъ.

ВАРИНЬКА. Мужчину въ женскомъ платьѣ? Что за вздоръ! да васъ всякій узнаетъ.

СЕНИЧКИНЪ. Узнаетъ! А кто мнѣ говорилъ сейчасъ, что, если меня одѣтъ въ женское платье, такъ никому и въ голову не придетъ, чтобы я....

ВАРИНЬКА. Ну, говорите, говорите! — все пустяки. Я очень хорошо вижу, что вы меня напугать вздумали, — да только нѣтъ, — не удастся; я знаю, что вы никогда не осмѣлитесь....

СЕНИЧКИНЪ. А вотъ увидимъ.

(Бѣжитъ къ дверямъ, ведущимъ на лѣстницу).

ВАРИНЬКА (ловитъ его за платье). Ну, куда вы? Ну, есть-ли у васъ толкъ?... Ну подумайте только.... ну куда вы побѣжите по этому морозу, безъ салона, въ одномъ домино.

СЕНИЧКИНЪ (вырывается). Салонъ.... за салономъ дѣло не станетъ. Вы извините, Варинька.... Я возьму вашъ салонъ; я не испорчу, — не бойтесь.

(Бѣжитъ въ сосѣдную комнату, — Варинька за нимъ).

ВАРИНЬКА (въ испугѣ). Боже мой! Что это вы, Сергѣй Ивано-

вичъ! Да вы, въ-самомъ-дѣлѣ, съ-ума сошли!... Сергѣй Ивановичъ! Сергѣй Ивановичъ!

(Оба убѣгаютъ въ комнату Вариньки. За сценю слышенъ шумъ и возня. Черезъ минуту бѣжитъ Сеничкинъ въ домино, въ маскѣ и салопѣ; за нимъ Варинька въ слезахъ.)

СЕНИЧКИНЪ *(бѣжитъ черезъ всю сцену и исчезаетъ въ дверяхъ, убѣгал)*. Не сердитесь, Варинька. Не плачьте, мой ангелъ! Я вамъ принесу конфектъ, винограду, мороженаго, пряниковъ....

ВАРИНЬКА *(преслѣдуетъ его сперва по сценѣ, потомъ по лѣстницѣ)*. Этакая дрянь! Этакой злой! Этакой скверный мальчишка! Унесъ мой салопъ.... чужое домино!... изорветъ.... испачкаетъ.... потеряетъ!

(Оба исчезаютъ. Слышенъ стукъ сапоговъ Сеничкина о деревянные ступеньки лѣстницы).

СЦЕНА III.

ВАРИНЬКА *(бѣжитъ назадъ, вся въ слезахъ, рыдая)*. Ушолъ!... совсѣмъ ушолъ. Принесу, говоритъ, конфектъ.... Да, дожدهшься отъ васъ конфектъ.... винограду, говоритъ, принесу.... мороженаго.... ну, какъ онъ принесетъ мороженаго, въ карманѣ, что-ли!... пожалуй вздумаетъ съ-дуру спрятать въ карманъ свой виноградъ, и перепачкаетъ до...о...мино. *(Рыдаетъ еще сильнѣе)*. Полковница.... будетъ.... брачиться.... разругаетъ меня.... прибѣтъ пожалуй.... денегъ не отдастъ.... все за этого дрянъ мальчишку.... и надо было двери отворять!... Впередъ никогда не отопру.... хоть онъ тутъ расплачется.... клянусь Богомъ, не отопру.... *(Рыдаетъ)*. Лишь-бы не узнала Анна Кондратьевна...

(Голосъ за дверью, изъ сосѣдней комнаты: Варинька!)

ВАРИНЬКА. Сейчасъ! *(Оттираетъ глаза передникомъ и уходитъ)*.

(Сцена нѣсколько минутъ остается въ прежнемъ положеніи. Оркестръ играетъ шумный галопъ; послѣ нѣсколькихъ пассажей, декорація перемѣняется).

ВТОРАЯ ДЕКОРАЦІЯ.

Театръ представляетъ маскарадъ въ блестящемъ и ярко-освѣщенномъ залѣ. Въ перспективѣ видна другая комната. Галопъ останавливается. Музыка за сценою довольно-тихо играетъ польку, — во второй комнатѣ танцуютъ. Толпа масокъ и гостей ходитъ по разнымъ направленіямъ. Слышенъ шумъ множества пересѣкающихся разговоровъ; но ни этотъ шумъ, ни музыка, которая продолжается все время, также какъ и танцы, — не мѣшаютъ разслушать того, что говорится на аван-сценѣ.

СЦЕНА I.

Маски, фраки и мундиры проходятъ парами по аван-сценѣ. Разговоръ не умолкаетъ ни на-минуту. Слыдящіе клочки его слышны очень-ясвенно.

МУЖЧИНА ВЪ УСАХЪ, И МУЖЧИНА БЕЗЪ УСОВЪ, ПОДЪ-РУЧКУ.

ПЕРВЫЙ. Здѣсь очень-весело.

ВТОРОЙ. *Fi donc!*

ПЕРВЫЙ. Что-такое?

ВТОРОЙ. *Fi donc! Quel mauvais genre!*

ПЕРВЫЙ. Это отъ-чего?

ВТОРОЙ. Высшій кругъ сюда и носу не показываетъ.

ПЕРВЫЙ. А тебѣ что за дѣло до высшаго круга?... вѣдь ты съ нимъ не знакомъ.

ВТОРОЙ. Конечно.... Ну, да все-таки.... *(Проходятъ).*

ПОЖИЛОЙ ФРАНТЬ *(въ усахъ, съ лорнеткою, вставленною въ глаза, одѣтъ по послѣдней модѣ, но безъ вкуса, важно проходитъ по аван-сценѣ, заложивъ руки по карманамъ. Маска хватаетъ его подъ-ручку).*

МАСКА. Твое лицо мнѣ знакомо, gentil cavalier.

ФРАНТЬ *(грубо)*. Это тебѣ не дѣлаетъ чести.... Меня не знаетъ ни одна порядочная женщина. *(Проходитъ).*

(Маска отскакиваетъ отъ него въ-сторону, и прячется въ толпу).

штатскій (во фракъ, лѣтъ 35-ти, подъ-руку съ молодымъ офицеромъ).

офицеръ. Какая скука!... Какая глупая толпа!...

штатскій. Ты напрасно обвиняешь толпу. Ты самъ виноватъ, если тебѣ скучно. (Они останавливаются на правой сторонѣ авансцены, штатскій наводитъ свой лорнетъ на проходящія мимо пары).

офицеръ. Неправда. Скучаютъ только у насъ въ Петербургѣ.— Я увѣренъ, что если-бы я былъ на маскарадѣ парижской Оперы!...

штатскій. Ты-бы скучалъ точно также.

офицеръ. Ну вотъ еще.

штатскій. Непремѣнно!.. Ты пришолъ въ маскарадъ самъ не знаешь зачѣмъ, такъ, по обязанности, потому-что другіе ходятъ;— заплатилъ при входѣ 5 рублей и думаешь, что за эти деньги цѣлое общество обязано тебя занимать и забавлять, какъ ребенка!... Странное требованіе! — Умѣй веселиться безъ претензій, безъ спѣси, прямо, просто, безъ вычуръ, на распашку, и тебѣ вездѣ будетъ весело; — а не умѣешь, такъ самъ виноватъ; — ступай домой и ложись спать.

офицеръ. Да вѣдь и другіе также скучаютъ.

штатскій. Никому не запрещено.

офицеръ. Такъ, чѣмъ-же я виноватъ?

штатскій. Послушай!... всякой изъ тѣхъ, кому скучно,—приносятъ въ общество самъ свою долю скуки;—и если за сплнпъ ему заплатятъ сплнпомъ, такъ это очень-естественно, очень-справедливо, и онъ, по моему, не имѣетъ никакого права жаловаться. Дѣло взаимное, — улыбка притягиваетъ улыбку; а кислая мина, — скуку.

офицеръ. Разсуждать не трудно!... А на повѣрку выйдетъ... Признайся, mon cher, вѣдь ты и самъ скучаешь.

штатскій. Кто тебѣ сказалъ?

офицеръ. Да это ясно.—Мы пришли съ тобою вмѣстѣ и вотъ уже полчаса ходимъ, а ты ни съ кѣмъ еще двухъ словъ не сказалъ.

штатскій. Правда.

офицеръ. Такъ что-же ты дѣлаешь?

штатскій. Я... наблюдаю.

офицеръ. Помилуй, братецъ, да тутъ нечего наблюдать! маски, эполеты, мундиры, круглыя шляпы, фраки и опять маски.., пестрый вивегретъ... и больше ничего.

штатскій. Эхъ, Александръ! издали, безъ привычки ничего не

увидишь. Вмѣшайся въ толпу, взглядишь... прислушайся... посмотри.

(Наводитъ лорнетъ на одну пару, занятую жаркимъ разговоромъ).

(Полка останавливается, — музыка играетъ вальсъ. Мужчина довольно-полный и красивый собою ведетъ подъ-руку маску, она стиснула руку и пристально смотритъ въ глаза своему кавалеру).

МАСКА (пискливымъ голосомъ). Итакъ ты говоришь....

КАВАЛЕРЪ. Что я знаю тебя,.... что я люблю тебя страстно! Да, я влюбленъ въ твои голубые глаза и почти столько-же въ твои русые волосы!.... Я обожаю твою бѣлую ручку.... я боготворю твою маленькую ножку! (Маска дѣлаетъ невольный жестъ досады). Ай!... какъ ты мнѣ стиснула руку.

МАСКА. Pardon, впрочемъ тебѣ это должно быть приятно, если ты любишь меня въ самомъ дѣлѣ такъ страстно.

КАВАЛЕРЪ (поднимаетъ глаза въ потолокъ). О! да, — страстно, огненно, жарко! Ты не знаешь, сколько одинъ невинный взоръ твой пробуждаетъ во мнѣ бурныхъ желаній. Онъ проникаетъ въ мое сердце, какъ зажженный фитиль въ бочку съ порохомъ.

МАСКА. Берегись!.. Тебя разорветъ, какъ бочку. Это-бы еще ничего; но такъ пожалуй и мнѣ достанется.

КАВАЛЕРЪ (увлекательно). О! если-бы ты знала!... Если бы ты могла знать!....

МАСКА. Да что такое?... Ты мнѣ полчаса твердишь (дразнитъ его): «если-бы ты знала!» — «если-бы ты могла знать!» — А потомъ опять: «если-бы ты знала!» — Я наконецъ въ-самомъ-дѣлѣ хочу знать, говори сейчасъ, а не то я тебя брошу.

КАВАЛЕРЪ. Жестокая!

МАСКА. Нельзя-ли безъ прилагательныхъ? Это неучтиво.

КАВАЛЕРЪ. Ахъ, если-бы ты могла знать!....

МАСКА (пожимаетъ плечами). Опять!

КАВАЛЕРЪ. Весь огонь моей страсти!.. всю бездну моихъ страданій.

МАСКА. Продолжай, продолжай... не бойся.

КАВАЛЕРЪ. Ты-бы сжалась надо мною, — ты-бы подарила страдальцу... одинъ вздохъ.. одинъ поцѣлуй... одно... (Маска ступаетъ ему на ногу). Ай!... (Въ-сторону). Проклятая мозоль!

МАСКА. А что сказала-бы твоя жена, если-бы она поделушала?

КАВАЛЕРЪ (*смѣшавшись*). Жена... моя жена?... Ее здѣсь нѣтъ. Но что намъ до нея, забудемъ объ ней! Оставимъ ее въ покоѣ!

МАСКА (*въ волненіи едва удерживается*). Какъ это мило со стороны такого нѣжнаго мужа! Ну если-бы мнѣ вздумалось пересказать ей все, что ты мнѣ сейчасъ говорилъ.

КАВАЛЕРЪ (*нѣжно*). О, нѣтъ! ты этого не сдѣлаешь, — я тебѣ слишкомъ-хорошо знаю.

МАСКА (*въ сильномъ волненіи держится рукою за маску, они выходятъ совсѣмъ на аван-сцену, съ-левой стороны*). Знаешь? Ну, а если ты ошибся, если я не та, за кого ты меня принялъ?

ШТАТСКІЙ (*офицеру*).

Мужчина.... (*Шепчетъ ему на ухо*). А дама его жена.

КАВАЛЕРЪ (*совершенно теряется*). Не та.... какъ не та?... Не можетъ-быть! Неужли я ошибся?

МАСКА (*срываетъ маску*). Ошибся.... обманщикъ!....

КАВАЛЕРЪ (*въ испугѣ отскакиваетъ отъ нея на два шага, дрожитъ весьма тѣломъ и одно мгновеніе стоитъ, какъ скопанный, растопыривъ руки, раскрывши ротъ, потомъ кидается опрометью прочь*). Жена!.... ахъ я дуракъ!

ДАМА. Нѣтъ, измѣнникъ!... Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня. (*Бѣжитъ за нимъ*).

(*Штатской и офицеръ хохочутъ*).

ШТАТСКІЙ. Каково?

ОФИЦЕРЪ. Недурно.

ШТАТСКІЙ. Посмотри! посмотри! Сядемъ здѣсь! (*Они садятся. Сеничкинъ въ костюмъ тащитъ подъ руку молоденькую маску*).

СЕНИЧКИНЪ. Нѣтъ, mon ange, ты отъ меня такъ не отдѣлаешься. Я тебя знаю, очень-хорошо знаю. Ты живешь у Шокрова, ѣдешь въ гости въ Подьяческую; твой папѣ служить въ департаментѣ, у васъ бываютъ вечера по вторникамъ.

МАСКА. C'est vrai!.... Ахъ, Боже мой, beau masque, да какъ ты это знаешь?

СЕНИЧКИНЪ (*съ-сторону*). Молодецъ Сѣрковъ вчера разсказалъ мнѣ всю подноготную. (*Маскѣ*). Да, вечера по вторникамъ... бываетъ много улановъ. Послѣ чаю подастъ виноградъ и варенье; послѣ ужина танцуютъ мазурку. Я даже знаю, въ кого ты влюблена.

МАСКА (*вздрагиваетъ*). Какой вздоръ!.... Ну вотъ ужъ это вздоръ!.... Впрочемъ, beau masque, я тебя также знаю.

СЕНИЧКИНЪ (*хохочетъ*). Знаешь?.... Ну скажи.

МАСКА. Ты, вѣрно.... Да что я говорю... Ты, навѣрно, Катенька (*Шепчетъ на ухо фамилію*).

СЕНИЧКИНЪ (*смѣется*). Катенька!.... косая Катенька!.... Покорно благодарю. Посмотри на мои глаза.... Развѣ я косая?.... (*Маска беретъ его за руки, осматриваетъ со всѣхъ сторонъ и взглядывается пристально въ глаза*). Хочешь, подниму маску?

МАСКА. Подними.

СЕНИЧКИНЪ. А ты поднимешь?

МАСКА. Да зачѣмъ-же? — Вѣдь ты меня знаешь.

СЕНИЧКИНЪ. Знаю, да не навѣрное. — Ну, хочешь, поднимемъ вмѣстѣ?

МАСКА. Хорошо, поднимемъ. (*Они выходятъ на аван-сцену съ лѣвой стороны, Сеничкинъ становится близко маски*).

СЕНИЧКИНЪ. Ну, — разъ, два, три! (*Оба приподнимаютъ маски въ одно время. — Сеничкинъ цѣлуетъ маску въ губы, и бѣжитъ прочь*). Adieu, mon ange! — не узнаешь.

МАСКА (*стоитъ въ изумленіи*). Она съ-ума сошла! (*Исчезаетъ въ толпѣ*).

ШТАТСКИЙ. Чортъ возьми, это что за исторія.

ОФИЦЕРЪ. Эта маска пресмѣшная. (*Бѣжитъ за Сеничкинымъ и догоняетъ его въ толпѣ. Слышно, какъ офицеръ повторяетъ нѣсколько разъ: «А зачѣмъ ты поцѣловала эту маску?» — Потомъ въ другой разъ: — «Да зачѣмъ-же ты ее поцѣловала?» — и наконецъ въ третій: — «Ну, признайся-же мнѣ: зачѣмъ ты ее поцѣловала?» — Отвѣтовъ Сеничкина не слышно; оба уходятъ въ другую комнату*).

(*Вальсъ умолкаетъ; оркестръ ударяетъ мазурку и послѣ нѣсколькихъ пассажей останавливается. Музыка за сценой продолжаетъ*).

(*Дѣлъ таинственныхъ маски, въ черныхъ, мрачныхъ костюмахъ, съ какимъ-то зловѣщимъ видомъ проходятъ по аван-сценѣ*).

КАПУЦИНЪ (*таинственно и тихо*). Не спорьте, Амалія!.... Курица въ соусѣ съ шампиньонами гораздо-лучше жареной курицы... Конечно жареная курица, можетъ-быть, тоже хороша въ своемъ родѣ; но если смотрѣть съ высшей точки зрѣнія, въ отношеніи гастрономическомъ....

ДОМИНО (также таинственно и тихо). Ахъ, нѣтъ, Карлъ! Я съ вами никогда не соглашусь. Вы это говорите потому, что вашъ поварь не умѣетъ дѣлать жаркаго.... жареная курица!.... (Поднимаетъ глаза къ небу). О! es schmeckt unendlich wohl!.... (Проходитъ).

ОФИЦЕРЪ (возвращается изъ другой комнаты одинъ и съ торжествующимъ видомъ подбѣгаетъ къ Штатскому, сидѣвшему все время на одномъ мѣстѣ).

ШТАТСКИЙ. Ну, что?

ОФИЦЕРЪ. Пресмѣшная маска, — она мнѣ наговорила столько милаго вздору и съ такою милою дерзостью!.... Одно только странно....

ШТАТСКИЙ. Что такое?

ОФИЦЕРЪ. У нея на ногахъ какая-то страшная обувь, больше похожа на сапоги, чѣмъ на башмаки; впрочемъ, вздоръ! Я видѣлъ мелькомъ и вѣрно ошибся.

ШТАТСКИЙ. Ну, а ты? — говоришь?

ОФИЦЕРЪ. О! я тоже не далъ промаху. Я даже увѣренъ, что мой разговоръ задѣлъ ее за живое; то-есть, очень понравился, и въ доказательство....

ШТАТСКИЙ. Она сказала тебѣ свое имя.

ОФИЦЕРЪ. Лучше!

ШТАТСКИЙ. Назначила свиданіе?

ОФИЦЕРЪ. О, нѣтъ! Это ужъ было бы слишкомъ.... Она дала мнѣ свою визитную карточку. Не правда-ли, это ясно значить: «Пріѣзжайте ко мнѣ, вы будете приняты.»

ШТАТСКОЙ. Покажи. (Офицеръ вынимаетъ карточку изъ кармана, они читаютъ вѣстѣ) Serge de Sénitchkine. Ха, ха, ха! employé au bureau.... Поздравляю съ побѣдою.

ОФИЦЕРЪ. Какая дерзость! Какой-нибудь мальчишка.... Нѣтъ, это не пройдетъ ему даромъ!

(Бѣжитъ съ другую комнату. Штатской за нимъ).

ШТАТСКОЙ. Перестань, Александръ! Какъ тебѣ не стыдно!

(Уходятъ. Въ то время, когда они скрываются на левой сторонѣ сцены, Сеничкинъ выбѣгаетъ на авансцену съ правой).

СЕНИЧКИНЪ. Василій Александровичъ здѣсь!!! Уфъ! Я такъ и оцѣпенѣлъ, когда столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу. Сначала бросило въ жаръ, а потомъ въ холодъ. Странная вещь! Я, кажется, не трусь, а дрожу весь какъ листъ.... Какъ жаль, что я не во фракъ.... Я бы ему поклонился.... онъ, можетъ-быть, спро-

силъ-бы у меня что-нибудь... Я отвѣчалъ-бы умно, любезно, мило, съ чувствомъ собственного достоинства... оу-бы улыбнулся!... а тамъ, кто знаетъ!... къ праздникамъ, можетъ-быть, мѣсто выпало. *(Вздыхаетъ)* Экая досада!... очень-нужно было рядиться, пришолъ-бы лучше просто во фракъ! *(Оглядывается)* Идешь!... идешь сюда!... что, если я къ нему подойду?.. Въ этомъ костюмѣ меня самъ чортъ не узнаетъ. Нѣтъ!... страшно, морозъ такъ по кожѣ и подираетъ. А впрочемъ чего-жъ тутъ бояться!.. Вѣдь онъ меня не укуситъ! — Рѣшено... подойду. Ахъ! такъ сердце и бьется!

(Верхуновъ и Анна Васильевна, замаскированная, появляются на-львой сторонѣ сцены — какой-то мужчина проходитъ мимо, Анна Васильевна хватается его подъ руку, они уходятъ).

СЦЕНА II.

ВЕРХУНОВЪ И СЕНИЧКИНЪ. *(Верхуновъ ходитъ взадъ и впередъ по аван-сценѣ, Сеничкинъ вѣется около него нерышительно; нѣсколько разъ подходитъ довольно-близко; но въ тоже время Верхуновъ круто поворачиваетъ на-льво-кругомъ, отъ-чего Сеничкинъ теряетъ духъ, и отходитъ снова на почтительное разстояние).*

ВЕРХУНОВЪ *(угрюмо)*. Ну кто выдумалъ эти проклятые маскарады! Глуше въ жизнь мою ничего не видалъ. На балу хоть въ карты играютъ... а тутъ!... чортъ побери... скука этакая... ходишь, ходишь изъ угла въ уголь... точно потерялъ что-нибудь!... Вотъ если-бы какая-нибудь *(Сладко улыбается)*. Что-жъ? въ мои годы еще можно... *(Улыбается, вынимаетъ изъ кармана маленькую щоточку съ зеркальцемъ на другой сторонѣ, смотритъся и гладитъ бакенбарды)*. Эхъ! кабы подвернулась какая-нибудь!... ужъ я-бы не далъ маху... разсыпался бы такъ!... Подъхалъ-бы такъ... *(Дылатъ локоть рукою)*. Да, — если я захочу такъ... *(Сеничкинъ, собравшись съ духомъ, хватается его подъ руку, — Верхуновъ вздрагиваетъ, торопливо прячетъ щоточку въ карманъ и охорашивается, поправляя шляпу на бокъ. Замышательство продолжается нѣ-*

сколько времени, въ продолженіе котораго Сеичкинъ дрожитъ опустивши глаза, а Верхуновъ поправляетъ воротнички, рисуется и откашливается, не зная, съ чего начать).

ВЕРХУНОВЪ. Гмъ! гмъ! — Какъ здѣсь жарко, сударыня Сеичкинъ (не смѣя поднять глаза пискливымъ голосомъ) Да-съ... это правда, очень-жарко-съ! Какъ вамъ правится маскарадъ?

ВЕРХУНОВЪ (смѣется принужденно, разшаркивается, манерится). Маскарадъ... сударыня... гмъ! маскарадъ!... то-есть, какъ вы полагать изволите! прежде, чѣмъ я имѣлъ счастье васъ встрѣтить, или послѣ?

СЕИЧКИНЪ. Положимъ... прежде.

ВЕРХУНОВЪ. Нехорошъ! прескучная-съ, пренепріятная... и даже совсѣмъ отвратительная вещь.

СЕИЧКИНЪ. Ну, а теперь?

ВЕРХУНОВЪ. Теперь, сударыня... теперь совсѣмъ другое дѣло-съ. Я не нахожу словъ, чтобы разсказать вамъ, какъ теперь стало здѣсь весело!... Просто, райское наслажденіе, если позволите такъ выразиться.

СЕИЧКИНЪ. Отъ-чего-же вдругъ такая переменъ?

ВЕРХУНОВЪ (смѣется принужденно). Сударыня... вы понимаете... присутствіе такой особы, какъ вы, можетъ сдѣлать изъ самаго скучнаго занятія, райское наслажденіе, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать.

СЕИЧКИНЪ (отвращивается съ сторону, заслоня лицо рукою). Полумаска, оставляя ротъ его открытымъ, позволяетъ видѣть самую комическую гримасу, какую кому-либо удавалось встрѣтить на лицѣ 17-ти лѣтняго повѣсы. Видя, что его не узнаютъ, онъ начинаетъ говорить уже смѣлье и смѣлье. Обращаясь къ Верхунову). Покорно васъ благодарю... А я здѣсь ходила, вдругъ вижу, мужчина такой величественной наружности... гуляетъ одинъ.

ВЕРХУНОВЪ (кланяется съ довольнымъ видомъ). Сударыня!...

СЕИЧКИНЪ. И, признаюсь вамъ, удивляюсь вкусу петербургскихъ дамъ. Это, просто, Богъ знаетъ что такое! — Какой-нибудь военный... физиономія незначительная... такъ, красенькое съ бѣленькимъ, а сверху усики, ну что-бы тутъ кажется... а посмотришь... къ нему, какъ мухи къ сахару, — все такъ и льнуть. Между тѣмъ, съ другой стороны... особа почтенная.

ВЕРХУНОВЪ (кланяется). Сударыня!...

СЕНИЧКИНЪ. Человѣкъ солидный...

ВЕРХУНОВЪ (кланяется). Madame!...

СЕНИЧКИНЪ. Мужчина въ цвѣтъ лѣтъ...

ВЕРХУНОВЪ. Гмъ!...

(Плутоски улыбається, сладко прищуриваетъ глаза, охорашивается и поправляетъ галстухъ).

СЕНИЧКИНЪ. И ходитъ одинъ!... всеми оставленъ!... Такая несправедливость сейчасъ меня поразила. Ей-Богу, меня такъ и взорвало. Думаю себѣ: я-жъ имъ покажу, что есть женщины со вкусомъ, истинныя цѣнительницы изящнаго.

ВЕРХУНОВЪ (кланяется). Позвольте васъ спросить, сударыня: имѣю-ли я честь быть съ вами знакомъ?... или...

СЕНИЧКИНЪ. Къ-несчастью, я не имѣю удовольствія лично васъ знать: но... вы понимаете... въ столицѣ... всякой человѣкъ, занимающій какое-нибудь видное мѣсто, — какъ ваше на-примѣръ, — тѣмъ самымъ уже стоитъ у всѣхъ на-виду и, можно сказать, всѣмъ извѣстенъ. Кромѣ того я должна вамъ признаться, что хоть лично съ вами и незнакома, но знаю одного человѣка, который видитъ васъ каждый день... (Въ сторону). Какъ-бы отъ него вывѣдать, что онъ обо мнѣ думаетъ!

ВЕРХУНОВЪ (готовится сказать что-то рѣшительное, отдувается и откашливается). Гмъ!... да... конечно... есть люди, которые меня видятъ каждый день (Вдругъ перемѣняетъ тонъ, Сеничкинъ робѣетъ). Знаете-ли, сударыня, что ваша маска не мѣшаетъ мнѣ догадываться, на счетъ того-съ, что подъ нею скрыто.

СЕНИЧКИНЪ (вздрагиваетъ и отвращивается). Какъ... вы думаете.

ВЕРХУНОВЪ. А! ха ха ха! какъ вы перепугались! А не хотите-ли я вамъ скажу: кто вы!

СЕНИЧКИНЪ (отскакиваетъ отъ него съ ужасомъ). Кто я?

ВЕРХУНОВЪ (подходитъ къ нему съ улыбающеюся и торжествующею миною, расширяется и подаетъ ему руку).

Вы, сударыня... вы — красавица! (Сеничкинъ смѣется, они опять идутъ вмѣстѣ). О! красавица, — это я очень-хорошо вижу! Вы думали, что я не узнаю. (Страстно) Но эта ручка вамъ измѣнила. (Прижимаетъ къ сердцу его руку. — Сеничкинъ фыркаетъ, въ сторону) И эта обворожительная пожка!... (Сеничкинъ прячетъ подъ домино свои сапоги), и эта божественная талія!... (Они удаляются отъ аванс-сцены; слышно, что Верхуновъ на-

шептываетъ Сеничкину что-то очень нѣжно; но что именно, нельзя разслушать).

СЦЕНА III.

АННА ВАСИЛЬЕВНА И МАРЬЯ ПЕТРОВНА (подъ руку, обѣ замаскированы, Анна Васильевна въ большомъ волненіи).

АННА ВАСИЛЬЕВНА (озирается кругомъ). Ты ихъ видѣла, та chère?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Видѣла, та chère, de mes progrès yeux, — Василий Александровичъ велъ ее подъ руку и говорилъ съ нею такъ нѣжно, такъ нѣжно!... Я спрашивала у знакомыхъ, кто такая, — никто не знаетъ. Вѣрно, кокетка какая-нибудь, — une femme de mauvaise conduite, вы понимаете меня.

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Ахъ, Боже мой! Боже мой! Я умру отъ стыда! думала-ли я когда-нибудь, чтобы мужъ мой... такой смиренный такой примѣрный мужъ?.. — и что-же вышло... извергъ! злодѣй! И въ его лѣта!... и съ его званіемъ!... Ахъ, Марья Петровна, шопаніе, мнѣ дурно!... Я не знаю, что со мною дѣлается... Онъ меня убьетъ.. онъ меня въ гробъ сведетъ своимъ поведеніемъ.

(Верхуновъ и Сеничкинъ подходятъ опять къ аванс-сценѣ).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (хватаетъ за руку Анну Васильевну).

Тсъ! — Вотъ они! (Обѣ слушаютъ съ ужасъ, поминутно всплескивая руками. Марья Петровна удерживаетъ Анну Васильевну за руку.)

СЕНИЧКИНЪ. Какъ это можно!... Ваша супруга здѣсь... она можетъ хватиться, — можетъ....

ВЕРХУНОВЪ О! нѣтъ! Повѣрьте, ей не до того, — она совсѣмъ обо мнѣ и не думаетъ, она тамъ ходитъ себѣ съ какимъ-нибудь франтикомъ... тара-бара. А мы себѣ съ вами съѣдимъ да и вернемся назадъ ту-же минутой. — Вѣдь всего полчаса какіе-нибудь... поужинать только!... какой-нибудь часочекъ!

СЕНИЧКИНЪ (съ стороны). Хорошій ужинъ, — чортъ возьми!... это-бы теперь совсѣмъ не мѣшало! (Громко). А если вы меня зовете домой, затѣмъ чтобы снять съ меня маску? Богъ васъ знаетъ... можетъ-быть, еще что-нибудь и хуже.

ВЕРХУНОВЪ. Ахъ, Боже мой! — Сударыня, — помилуйте, сударыня! Неужели вы это въ-самомъ-дѣлѣ думаете? Да какъ я

могу!... Да какъ я смѣю!... да я клянусь вамъ честію!... да чтобъ мнѣ!...

СЕННИКИНЪ. Такъ вы мнѣ обѣщаете не снимать съ меня маски, — это главное. (Въ сторону). За остальное я не опасаясь.

ВЕРХУНОВЪ (съ жаромъ). Да, я клянусь вамъ честію! Да вотъ чтобъ мнѣ...

СЕННИКИНЪ. Поѣдемте. (Они торопливо уходятъ).

АННА ВАСИЛЬЕВНА (кидается за ними въ слѣдъ). Какая низость! Я не позволю! Я ихъ остановлю передъ всеміи... я ихъ... Ахъ! дурно, мнѣ дурно!... помогите! Помогите! (Падаютъ на руки Марьи Петровны).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Помогите! (Мазурка останавливается, — маски собираются вокругъ нихъ. Съ Анны Васильевны снимаютъ маску. Слышны восклицанія, «Ого: какая хорошенькая.» — «Вишь какъ ее!» — «Что это съ ней съдѣлалось?» — «Да велите подать воды.» — «Надо послать за докторомъ» — «Тутъ, вѣрно, какая-нибудь драма» — «Докторъ здѣсь, надо пощупать пульсъ.» «Какая хорошенькая!» — Мальчикъ изъ буфета приноситъ стаканъ воды на поднось. — Ее прыскаютъ. — Марья Петровна третъ ей виски).

АННА ВАСИЛЬЕВНА (мало-по-малу приходитъ въ себя)

Гдѣ они? — куда они пошли?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (шепчетъ ей на ухо). Тише! тише! На васъ смотрятъ... васъ елѹшаютъ, не осрамите себя, ради-Бога. (Подаетъ ей маску). Надѣньте скорѣе, васъ могутъ узнать... выйдеть исторія...

АННА ВАСИЛЬЕВНА (въ маску) Нѣтъ... нѣтъ — нѣтъ!.. это выше силъ моихъ! Нѣтъ... я не могу, нѣтъ! я не могу, нѣтъ!... я не позволю у себя въ домѣ...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (зажимая ей ротъ). Тесъ! что вы? что съ вами? на васъ все смотрятъ, говорю я вамъ... опомнитесь, пойдите прочь!

АННА ВАСИЛЬЕВНА (бѣжитъ впередъ, Марья Петровна за нею). Поѣдемте! за ними!... догонимъ!...

(Въ эту минуту, оркестръ самымъ оглушительнымъ образомъ ударяетъ извѣстный галопъ Паровозъ, раздается свистъ, фырманье, бой въ тазы и проч. — На сценѣ большая суматоха. Новая толпа масокъ нахлынула въ комнату. — Анну Васильевну и Марью Петровну разрознили. — Какой то фраитъ подбѣгаетъ къ Аннѣ Васильевнѣ).

ФРАНТЬ. Allons, beau masque! Gallope! Allons, gallope!

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Оставьте!.... Пустите!.... Fi donc!

(Франтъ хватаетъ ее въ охапку и летитъ въ галлопъ, выдѣлывая крутые повороты, взадъ и впередъ по разнымъ направленіямъ. — Съ Марьей Петровной случается нѣчто похожее. — Вся сцена нѣсколько минутъ галопируетъ самымъ неистовымъ образомъ. Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда танцующіе, сдѣлавъ полный оборотъ, летятъ въ глубину сцены, раздается бышешный свистъ и новая декорация упадаетъ на аван-сцену. Оркестръ вдругъ останавливается. — Музыка за сценою продолжаетъ нѣсколько времени тотъ-же галлопъ, сперва довольно-внятно, потомъ тише и тише. Звуки умираютъ въ отдаленіи, — мало-по-малу все утихаетъ).

ТРЕТІЯ ДЕКОРАЦІЯ.

Комната представляетъ маленькій кабинетъ, убранный съ большою претензіею на роскошь. На-лѣво и на-право дверя, — въ серединѣ окно съ гардинами, въ углу тоится каминъ. На-лѣвой сторонѣ сцены видѣнъ вдѣланный въ стѣнѣ шкафъ со стеклянными дверьми, сквозь которыя видны книги разнаго калибра; недалеко отъ шкафа стоитъ ломберный столикъ съ кипами бумагъ и большимъ чернымъ портфелемъ посрединѣ. Нѣсколько стульевъ и другой маленькій столикъ дополняютъ меблировку комнаты.

СЦЕНА I.

За сценою слышенъ шумъ, похожій на стукъ кареты, подъѣзжающей къ крыльцу. Въ прихожей раздается звонокъ, въ слѣдствіе чего слуга бѣжитъ опрометью по сценѣ и скрывается въ противоположныхъ дверяхъ. Черезъ минуту тѣ-же двери открываются. ВЕРХУНОВЪ и СЕННИКИНЪ, послѣдній по-прежнему въ домино и маскѣ, показываются въ дверяхъ и спорятъ о томъ,

кому войти первому, — слуга зъваетъ на почтительномъ разстоянїи и протираетъ глаза.

ВЕРХУНОВЪ. Покорнѣйше васъ прошу.

СЕНИЧКИНЪ. Сдѣлайте милость.

ВЕРХУНОВЪ. Покорнѣйше васъ прошу.

СЕНИЧКИНЪ. Сдѣлайте милость.

(Оба входятъ, раскланиваясь и поминутно уступая другъ-другу дорогу. Сеничкинъ, забывшись, кланяется совсемъ не по-дамски, но Верхуновъ не обращаетъ на то вниманїя.)

ВЕРХУНОВЪ (человѣку). Ужинать!.... Да поскорѣе! Ну, чего стоишь — пошелъ! (Слуга бѣжитъ). Погоди. (Отводитъ его въ сторону и шепчетъ что-то на ухо, — слышно: «Шампанскаго.» Тѣмъ временемъ Сеничкинъ быстро осматриваетъ комнату и вдругъ замѣчаетъ черный портфель на столѣ.)

СЕНИЧКИНЪ (въ сторону). Ага!.... Черный портфель, гдѣ спрятана моя записка.... Какъ-бы узнать, читалъ-ли онъ ее?

ВЕРХУНОВЪ (обращаясь къ Сеничкину). Вы изволите говорить?...

СЕНИЧКИНЪ. Я удивляюсь, съ какимъ вкусомъ все это убрано въ вашей комнатѣ! — Сейчасъ видно, что въ ней живетъ члвкъ солидный.

(Они идутъ вокругъ комнаты. Сеничкинъ разсматриваетъ всякую бездѣлку съ большимъ вниманїемъ.)

ВЕРХУНОВЪ. Вы не можете себѣ представить, сударыня, какъ я счастливъ, что моя комната вамъ правится. Повѣрите-ли? Я часто сижу въ ней одинъ и думаю, какъ-бы прїятно было вдвоемъ мечтать здѣсь о любви.

СЕНИЧКИНЪ. Да кто-жъ вамъ мѣшаетъ?.... Съ вашей женой....

ВЕРХУНОВЪ (трагически). Ахъ!

СЕНИЧКИНЪ. А это у васъ что здѣсь?

ВЕРХУНОВЪ (вздыхая). Моя библіотека-съ.

СЕНИЧКИНЪ. Прїятно, очень-прїятно имѣть хорошую библіотеку.

ВЕРХУНОВЪ (вздыхая). Ах....ххъ!

(Сеничкинъ садится въ кресло возлѣ ломбернаго столика съ бумагами и косится на портфель, не смѣя взглянуть на него прямо. Верхуновъ садится возлѣ на стуль.)

ВЕРХУНОВЪ. Ахъ! если-бы вы знали, сударыня....

СЕНИЧКИНЪ (не слушая его). Скажите пожалуйста.

ВЕРХУНОВЪ (пылко). Вы позволяете.... (Кладетъ руку на сердце). Если-бы вы знали, сударыня....

СЕНИЧКИНЪ. Скажите пожалуста, что это у васъ за портфель?
 ВЕРХУНОВЪ. Портфель-съ? — Это портфель съ бумагами. — Я его ношу съ собою въ должность. (Два лакея приносятъ столъ съ двумя приборами, ужиномъ, шампанскимъ и проч. Ставятъ передъ ними и уходятъ). Позвольте.... (Накладываетъ ему полную тарелку). Сдѣлайте милость. (Подаетъ).

СЕНИЧКИНЪ. Покорно васъ благодарю. — А вы часто ходите въ должность? Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я вамъ дѣлаю такіе вопросы, но вы не повѣрите, какъ все, что до васъ касается, меня интересуеть.

ВЕРХУНОВЪ (наливаетъ шампанское). Сударыня!... Напротивъ, мнѣ это очень-лестно... Я хожу въ должность каждый день.

СЕНИЧКИНЪ (пьетъ). Ваше здорovie!... Скажите: а у васъ подчиненные.... хорошіе.

ВЕРХУНОВЪ (пьетъ). Покорно васъ благодарю.... Подчиненные у меня прекрасный все народъ; могу похвастать, ни у кого въ цѣломъ Петербургѣ такихъ нѣтъ. Люди съ умомъ, съ достоинствомъ, съ познаніями, — люди солидные, опытные!

(Наливаетъ опять).

СЕНИЧКИНЪ (пьетъ). И вы ихъ всѣхъ хорошо знаете?

ВЕРХУНОВЪ (пьетъ). Какъ-же, сударыня! Я вамъ ихъ хоть сейчасъ всѣхъ по именамъ назову.

СЕНИЧКИНЪ (живо). Назовите, — назовите! — мнѣ очень-интересно.

ВЕРХУНОВЪ (считаетъ по пальцамъ). Таскинъ, Тарусинъ, Козловъ, — бухгалтеры — Спѣловъ, Недѣльниковъ, — помощники, — Ивановъ.... Позвольте я положу вамъ рябчика.

СЕНИЧКИНЪ. Ну, а дальше?

ВЕРХУНОВЪ. Дальше тамъ пойдутъ мелкіе, — не стоить утруждать.

СЕНИЧКИНЪ (наливаетъ ему шампанскаго). Отъ-чего-же не стоить? напротивъ, очень-стоить.

ВЕРХУНОВЪ (пьетъ). Гусевъ, Сеничкинъ, Хлоповъ...

СЕНИЧКИНЪ. Эти, вѣрно, тоже прекрасные люди. Сеничкинъ на-примѣръ.... О, я увѣрена, что этотъ Сеничкинъ, — славный малый! — а? (Наливаетъ ему опять).

(Верхуновъ качаетъ головой, съ видомъ отрицательнаго сомнѣнія).

СЕНИЧКИНЪ. Человѣкъ съ большими способностями.

ВЕРХУНОВЪ (качаетъ головой). Дрянъ.

СЕНИЧКИНЪ. Дрянъ!...

ВЕРХУНОВЪ. Да, большая дрянь! — Повѣса, лентяй, грубиянъ! Прoшедшую пятницу высунуль мнѣ языкъ за спиною. Хорошо, что нашлись люди, которые мнѣ сказали.

СЕНИЧКИНЪ (*въ-сторону, съ досадою*). Ужъ, вѣрно, Таскинъ, подлецъ. (Громко). Чтѣ-жъ вы не пьете?

ВЕРХУНОВЪ (*пьетъ*). Дерзость самая непростительная, — показать языкъ своему начальнику! За это бы его стоило... Ну да я...

СЕНИЧКИНЪ (*топаетъ ногой, въ-сторону*) Ахъ, ты стар... (Громко). Знаете-ли, это чтѣ-то очень-похоже на тѣ, что вамъ солгали! Къ тому-же у этихъ молодыхъ людей съ безпокойнымъ характеромъ почти всегда бываетъ большія способности.

ВЕРХУНОВЪ (*нетерпѣливо*). Какія способности.... Я, право, не понимаю, сударыня, что вы такъ интересуетесь этою дрянью! Ну стоить-ли говорить такъ долго о какомъ-нибудь мальчишкѣ.

СЕНИЧКИНЪ (*бьетъ кулакомъ по столу довольно громко*). Ахъ, ты старый чортъ!

ВЕРХУНОВЪ. Чего изволите съ?

СЕНИЧКИНЪ (*спохватившись, торопливо наливаетъ ему шампанское*). Какое у васъ славное вино.

ВЕРХУНОВЪ (*въ-сторону*). Теперь пора!... Она уже немножко того... (*Вертитъ пальцемъ около лба*) начинаетъ заговариваться, добрый знакъ! (*Встаетъ съ дивана, нѣсколько секундъ стоитъ въ-нерѣшимости и потомъ вдругъ кидается на колѣна съ простертыми объятіями*). Ахъ, выслушайте меня! Не дайте умереть!

СЕНИЧКИНЪ. Ха, ха, ха! Чтѣ это вы?.. Чтѣ съ вами? зачѣмъ умирать! Давайте лучше пить шампанское... (*Наливаетъ и пьетъ*). Ваше здоровье!

ВЕРХУНОВЪ. Умру, если вы не согласитесь отвѣчать на мою страсть.

СЕНИЧКИНЪ (*съ бокаломъ въ рукахъ хохочетъ, повалившись на спину креселъ*). Да чтѣ-жъ я вамъ буду отвѣчать!... Право, я не въ состояніи! Вы все, — умру да умру; — ну, я самъ пожалуй скажу: «Не умирай, великій мужъ... Отечество о томъ васъ умоляетъ!» — и я тоже. (*Хохочетъ*)

ВЕРХУНОВЪ (*дѣлаетъ видъ челоуька въ совершенномъ отчаяніи*). Ахъ! я не могу жить безъ васъ! — Я не могу! Я не могу!

СЕНИЧКИНЪ (*старается принять серьезный видъ*). Полпоте, встаньте! — Какъ вамъ не стыдно.... челоуькъ женатый... ну, чтѣ скажутъ въ конторѣ, если узнаютъ вашу несчастную сла-

бость? (Фыркаетъ и не можетъ удержаться отъ смѣха). Ну что скажетъ Анна Васильевна? — вы только объ этомъ подумайте.

ВЕРХУНОВЪ (встаетъ и трагически махаетъ рукою). Не забывайте мнѣ объ ней! Не говорите... Я васъ люблю; васъ одну!...

(Хочетъ схватить его руку. — Сеничкинъ увертывается, оба вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ и бѣгаютъ вокругъ стола, и тотъ и другой начинаютъ уже чувствовать вліяніе шампанскаго въ довольно-сильной степени).

СЕНИЧКИНЪ. Да какъ-же вы смѣете любить кого-нибудь, кроме жены?

ВЕРХУНОВЪ (роняетъ стаканъ). Къ чорту жену!...

СЕНИЧКИНЪ. Съ которою вы состоите въ законномъ бракѣ...

ВЕРХУНОВЪ (роняетъ приборъ). О, Богъ съ нимъ, съ законнымъ бракомъ.

СЕНИЧКИНЪ. И которую вы клялись любить до гроба.

ВЕРХУНОВЪ. Провались она сквозь землю — любовь до гроба.

(Роняетъ цѣлую грудь тарелокъ)

СЕНИЧКИНЪ (бѣжитъ прочь отъ стола, Верхуновъ за нимъ).

Ого! Да вы, я вижу, кутила большой руки... вольнодумецъ, любезникъ, человекъ самый опасный.

ВЕРХУНОВЪ (догоняя его). Пойдите... умоляю васъ! погодите!... Снимите маску хоть на минуту.

СЕНИЧКИНЪ. Маску!... Ну это ужъ, просто, подлость!... самъ божился, зарекался, клялся, чортъ знаетъ чѣмъ... (Останавливается и даетъ подъ ножку Верхунову; тотъ летитъ на полъ). Клятвопреступникъ!

ВЕРХУНОВЪ (вскакиваетъ и снова кидается на Сеничкина). О! послѣ этого вѣтъ пощады!... Маску долой!... Ты моя... моя... самъ чортъ не спасетъ тебя.

СЕНИЧКИНЪ. (Хватаетъ стулъ и защищается). Ахъ, ты старый гусь!... Ты и въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я тебя испугался.

(Во-время борьбы вдругъ раздается громкій, отрывистый, нѣсколько разъ повторенный звукъ колокольчика, у Сеничкина стулъ выпадаетъ изъ рукъ. Верхуновъ совершенно теряется. Оба останавливаются, какъ вкопанные. — Слышно, какъ кто-то быстрыми шагами подбѣгаетъ къ дверямъ и дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобъ отворить ихъ).

ГОЛОСЪ АННЫ ВАСИЛЬЕВНЫ (за сценою). Отворите!... Отворите сию минуту!... Я буду кричать!... я созову весь домъ!... Я велю выломать двери.

(Сеничкинъ вдругъ кидается къ дверямъ, проворно отворяетъ ихъ, и хочетъ ускользнуть; но Анна Васильевна трагически хватается его за руку, и выводитъ на середину сцены).

СЦЕНА II.

ТЪ-ЖЕ И АННА ВАСИЛЬЕВНА (въ домино безъ маски. Она сильно взволнована и говоритъ запыхавшимся, перерывающимся голосомъ).

АННА ВАСИЛЬЕВНА (Сеничкину, стоящему въ положеніи школьника, пойманнаго своимъ учителемъ на какой-нибудь большой шалости). Нѣтъ, сударыня!... Вы не уйдете отсюда такъ скоро... Нѣтъ, я прежде сорву съ васъ маску. Я хочу полюбоваться вашей красотою, поглядѣть на одно изъ тѣхъ презрѣнныхъ созданий, которыхъ въ обществѣ клеймятъ именованіемъ продажной женщины! Кто далъ вамъ право войти ко мнѣ въ домъ? И за чѣмъ пришли вы сюда?... Развѣ вамъ мало мѣста гдѣ-нибудь на холостыхъ пирушкахъ, гдѣ-нибудь въ танцъ-классѣ? Или вамъ надобны ваши обыкновенныя побѣды, и вы надѣли маску, чтобы кто-нибудь, встрѣтивши васъ, не узналъ и не бросилъ вамъ въ лицо вашего имени, какъ позорной обиды, и явился въ общество честныхъ людей, чтобы поймать тамъ въ свои сѣти какого-нибудь стараго дурака! (обращаясь къ мужу), который, какъ вы, сударь, дожилъ до сѣдыхъ волосъ и не сдѣлался ни на вершокъ умнѣе.

ВЕРХУНОВЪ. Анна Васильевна!... Богомъ вамъ клянусь!

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Молчать!... Какъ? Вы еще смѣете говорить!... Вы еще хотите оправдываться, — послѣ вашего безсовестнаго поступка!... Прекрасно! — нечего сказать... благородно!... достойно вашего званія и вашихъ лѣтъ, и того уваженія, которымъ вы пользуетесь въ свѣтѣ.... Оставьте жену свою.

ВЕРХУНОВЪ. Анна Васильевна!...

АННА ВАСИЛЬЕВНА (продолжаетъ, не останавливаясь). Бросить ее одну въ маскарадъ...

ВЕРХУНОВЪ *(всхлипываетъ)*. Анна Васильевна!..

АННА ВАСИЛЬЕВНА *(не останавливаясь)*. Безъ провожатаго, безъ чловѣка, безъ кареты, и уѣхать домой, Богъ знаетъ съ кѣмъ! увезти къ себѣ въ домъ эту женщину! И здѣсь *(взглядывается кругомъ себя)*. Разлитое вино!.. разбитыя тарелки!.. опрокинутыя стулья.

ВЕРХУНОВЪ *(всхлипываетъ и кидается на колѣни)*. Анна Васильевна!.. Анна Васильевна! Ан...на Васильевна!

АННА ВАСИЛЬЕВНА *(закрываетъ лицо руками)*. О, стыдъ!.. *(Поднимаетъ глаза и обращается къ Сеничкину)*. А!.. вы еще въ маскѣ! ужь не стыдитесь-ли вы, сударыня?... О! я желала-бы посмотреть, какъ краснѣютъ подобныя женщины!.. Долой маску! *(Подбѣгаетъ къ Сеничкину и срываетъ съ него маску; — онъ стоитъ, опустивши голову, глаза и руки, дѣсь красный до ушей; Анна Васильевна, взглядывши, дѣлаетъ шагъ назадъ)*. Что это значить?!.. *(Глядитъ попеременно на Верхунова и на Сеничкина съ величайшимъ удивленіемъ)*.

ВЕРХУНОВЪ *(взглядывается)*. Сеничкинъ!.. Что это значить?... Эта дама... Сеничкинъ... была дама, и вдругъ!.. О! понимаю! понимаю! *(Хватаетъ себя за голову и бѣжитъ по комнатѣ)*. Меня провели! меня одурачили, какъ стараго осла! О!.. чортъ возьми васъ всѣхъ! и маскарадъ... и маски, и меня, и этихъ мерзавцевъ молодыхъ повѣсь!.. Провели! провели! Одурачили! осрамили! *(Бѣгаетъ по комнатѣ)*.

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Да, что это значить?... говорите!.. Я не понимаю ни слова... говорите! говорите кто-нибудь! говорите хоть вы, сударь. *(Обращаясь къ Сеничкину)*. Говорите, ради Бога!.. Я съ-ума сойду.

СЕНИЧКИНЪ *(который стоитъ возлѣ Анны Васильевны, снимаетъ съ себя домино, и падаетъ на колѣна)*. Простите, Анна Васильевна! Я пропадъ, если вы за меня не вступитесь.

АННА ВАСИЛЬЕВНА *(смягчивъ голосъ)*. Говорите, сударь.. Кто вы? СЕНИЧКИНЪ *(запинаясь)*. Я... я имѣю честь... Я не знаю, право, какъ вамъ сказать, сударыня... я боюсь, чтобы вы еще болѣе не разсердились.

АННА ВАСИЛЬЕВНА *(поднимаетъ его)*. Встаньте, — говорите, — не бойтесь ничего! Я вамъ прощаю заранѣе, если вы откровенно все расскажете.

СЕНИЧКИНЪ. Имѣю честь... имѣю счастье служить подъ начальствомъ Василія Александровича.

ВЕРХУНОВЪ (*грозитъ ему*). Постою ты, братъ! вотъ я тебѣ дамъ «подъ начальствомъ».

СЕНИЧКИНЪ. Встрѣтилъ Василія Александровича въ маскарадѣ...
АННА ВАСИЛЬЕВНА (*улыбается*). Куда вы пришли въ женскомъ костюмѣ?

СЕНИЧКИНЪ (*также улыбается; жалобнымъ тономъ*). Въ женскомъ костюмѣ... надѣлъ совѣтъ безъ намѣренія сдѣлать непріятность Василію Александровичу; такъ, для шутки, клянусь вамъ Богомъ.

ВЕРХУНОВЪ. Вотъ постою! Я тебѣ дамъ для шутки!

АННА ВАСИЛЬЕВНА. И встрѣтили Василія Александровича?

СЕНИЧКИНЪ. И встрѣтилъ Василія Александровича... тогда... я не знаю... право, мнѣ совѣстно рассказывать....

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Продолжайте, продолжайте, не бойтесь! Я вамъ сказала, что я васъ прощаю зарафѣ... тогда вамъ пришло въ голову....

СЕНИЧКИНЪ. Чтѣ въ нашей конторѣ открывается вакантное мѣсто, — выходитъ Ивановъ, — и что если-бы....

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Какой это Ивановъ? Тотъ, что сидитъ въ кабинетѣ у Василія Александровича, и чинитъ мои перья?

СЕНИЧКИНЪ. Тотъ самый-съ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Продолжайте....

СЕНИЧКИНЪ. И, что если бы Василій Александровичъ захотѣлъ, ему-бы ничего не стоило отдать мнѣ мѣсто Иванова.

ВЕРХУНОВЪ. Вотъ я тебѣ дамъ «мѣсто». — Подъ арестъ! Главно-управляющему доведу... выгонютъ вонъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Не перебивайте.

СЕНИЧКИНЪ (*съ видомъ угнетенной невинности*). Вотъ я и думаю себѣ: дай пойду къ Василію Александровичу, — авось онъ меня не узнаетъ; а я какъ-нибудь постараюсь развѣдать, кому онъ хочетъ отдать это мѣсто. Подошелъ... а Василій Александровичъ изволили принять меня за даму... стали говорить такія вещи....

ВЕРХУНОВЪ. Врешь, врешь! — Ничего не говорилъ.

СЕНИЧКИНЪ. Стали звать къ себѣ отъужинать.

ВЕРХУНОВЪ. Вреть, Анна Васильевна! Не вѣрьте ему!... все вреть, и не думалъ звать... Онъ самъ меня звалъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА (*мужу*). Какъ! и вы, не краснѣя, смѣете увѣрять, что вы его не звали къ себѣ! Вы мнѣ это говорите въ глаза, — мнѣ, которая слышала своими ушами, какъ вы упрашивали его съѣздить отъужинать.

ВЕРХУНОВЪ. Вамъ, вѣрно, посышалось,

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Послышалось!... а кто говорилъ, что мнѣ совсѣмъ не до того... что я совсѣмъ объ васъ и не думаю, что я хожу тамъ себѣ съ какимъ-нибудь франтикомъ! Что мы съѣздимъ домой на часочекъ поужинать!... Теперь я желала-бы знать, что это все значить? *(Показываетъ рукою на разбитыя тарелки и на опрокинутый стулъ. — Верхуновъ теряется и опускаетъ глаза въ землю).* А!... вы молчите! *(Обращается къ Сеничкину).* Скажите вы.

СЕНИЧКИНЪ. Я, право, не смѣю! Василій Александровичъ опять будутъ сердиться.

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Не бойтесь, говорите все, — я все хочу знать!.. что вы тутъ дѣлали?

СЕНИЧКИНЪ *(улыбается)*. Василій Александровичъ стали изъясняться передо мною въ любви. *(Анна Васильевна смѣется. — Верхуновъ грозитъ ему кулакомъ. — Сеничкинъ дѣлаетъ видъ, какъ-будто ничего не замѣчаетъ).* Увѣрили, что они законный бракъ ни въ грошъ не ставятъ, и требовали, чтобы я позволилъ себя обнять. Конечно, я Василія Александровича обнять всегда за честь сочту... но въ женскомъ платѣ я сопротивлялся... Онъ схватилъ меня за руку... я вырвался... Онъ побѣждалъ за мною... какъ-то стыдно стало, — мы стали бороться, — и вотъ... *(печально указывая на разбитыя тарелки и опрокинутый стулъ),* къ чему это все повело. *(Кидается на колына).* Простите, Анна Васильевна!

АННА ВАСИЛЬЕВНА *(насмѣшливо)*. Ну, Василій Александровичъ! нечего сказать!... показали себя!

ВЕРХУНОВЪ. Ей-Богу, Анна Васильевна, онъ все вреть.

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Молчите! — Дѣло ясное! вы виноваты кругомъ. Этому молодому человѣку, безъ вашихъ глупостей, никогда-бы въ голову не вошло вести своей шалости далѣе, — а что онъ заговорилъ съ вами въ маскарадѣ, — небольшая еще бѣда: подъ маскою всякому позволено шалить и забавляться, какъ ему угодно, — тутъ нѣтъ ни чиновъ, ни приличій.

ВЕРХУНОВЪ. Да помилуйте, Анна Васильевна..

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Позвольте... выслушайте меня! За ваши непростительныя дурачества, вы заслуживаете примѣрное наказаніе. Вы стоите того, чтобы я рассказала всѣмъ о вашемъ сегодняшнемъ походе. Какъ будетъ весело, когда всѣ ваши знакомые узнаютъ, какъ вы волочились въ маскарадѣ за женщиною!... какъ вы изъяснялись ему въ любви!... и какъ...

ВЕРХУНОВЪ (*кидается на колѣни*). Анюта, душенька! пощади! Ей-Богу никогда не буду.

АННА ВАСИЛЬЕВНА. Вамъ осталось только одно средство заслужить прошеніе, — вы повиняете меня? только одно! — Завтра же вы поѣдете къ главноуправляющему и будете просить его, — мало просить, — настаивать, — чтобы вакантное мѣсто помощника, — того, который работаетъ у васъ на дому, — отдано было Сеничкину. (*Сеничкинъ вскакиваетъ съ изумленія*). Слышите-ли? Я этого хочу!... я этого требую!... иначе вамъ не будетъ никакой пощады.

ВЕРХУНОВЪ. Боже мой! за что такое наказаніе!

(Хватается за голову съ видомъ челоуька, покорнаго своей судьбѣ, но изнемогающаго подъ тѣжестію ея опредѣленія).

СЕНИЧКИНЪ. (*Хватаетъ руку Анны Васильевны и цѣлуетъ ее съ жаромъ*). Ахъ, Анна Васильевна, — вы ангелъ! Ожидаль-ли я этого! О! я не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ всю мою благодарность.

АННА ВАСИЛЬЕВНА. За что же? Я тутъ немного сдѣлала. Благодарите маскарада.

Вмѣстѣ.

СЕНИЧКИНЪ. О! Маскарадъ! Думаль-ли тотъ, кто цзобрѣталъ тебя, что выдумка его доставить мнѣ мѣсто. О! великій маскарадъ!

ВЕРХУНОВЪ. Проклятый маскарадъ!...

ГИДАЛЬГО.

Полночь. Улицы Мадрата
И безлюдны, и темны.
Не звучать шаги о плиты,
И болковы не облиты
Свѣтомъ палевымъ луны.

Ароматомъ вѣтеръ дышетъ,
Зелень темную вѣтвей
Онъ едва, едва колышитъ....
И никто насъ не услышитъ,
О сестра души моей!

Завернись въ свой плащъ атласной,
И въ аллею выходи;
Мужъ заснул... Боязнь напрасна.
Отдохнешь ты безопасно
У Гидальго на груди.

Иль какъ червь, до утра, гложетъ
Ревность — сердце старика...
Если сны его встревожатъ,
Шпага острая поможетъ, —
Не дрожить мся рука!

Поклялся твоей красою
Мстить я мужу твоему....
Не владѣть ему тобою!

Знаю я — ты злой семьею
Продана была ему!

Выходи-же на свиданье,
Донья чудная моя!
Ночь полна благоуханья,
И давно твои лобзанья
Жду подъ събною миртовъ я!...

1845 г.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

МУЗЫКАНТЪ и КНЯГИНЯ.

ДРАМА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ *).

Почтенный авторъ драмы *Музыкантъ и Княгиня* просилъ насъ напечатать, въ видѣ предисловія, замѣчанія его на разборъ этой пьесы, помѣщенный въ прошедшей книжкѣ *Репертуара и Пантеона* (см. *Театр. Лѣтоп.*) Съ удовольствіемъ исполняя просьбу его, позволяемъ и себѣ замѣтить кое-что о его замѣчаніяхъ.

Выписка изъ разбора драмы Музыкантъ и Княгиня, помѣщенного въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ»:

«Мы съ радостью замѣтили благотельное вліяніе такъ называемой натуральной школы, школы нашего великаго Гоголя.»

«Зачѣмъ онъ (авторъ) сдѣлалъ свою героиню княгиней? Чтѣ за страсть выставлять вѣчно салоны, «ве умѣя сохранить *порядности* тона? Характеръ графа Нера-

*) Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Императорскомъ Александринскомъ театрѣ, 24-го апрѣля 1846 года, въ бенефисъ г-на Куликова.

«дова, на-примѣръ, пахнетъ такъ сильно Хлестаковымъ; слова «княгини Севельской, о томъ, что ея обожатель носить дурныя «перчатки, отзываются не свѣткостью, а претензією на свѣт-«кость.»

Нерадовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ господъ, которые скороѣ согласятся не заплатить 10-ти рублей, проигранныхъ имъ въ преферансъ, чѣмъ явиться на балъ, или въ оперу, въ перчаткахъ, не соответствующихъ *порядочности* тона. Надобно полагать, что княгиня Севельская, замѣтивши въ своемъ женихѣ кое-что смѣшное, осмѣиваетъ и чрезмѣрную важность, которую придаетъ онъ каретамъ, выписываемымъ изъ Англіи жилетамъ, изъ Франціи перчаткамъ и подобнымъ пустякамъ. Вотъ почему она увѣряетъ его, что человекъ въ гадкихъ перчаткахъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ-быть для него опаснымъ соперникомъ (*).

Странно, что г. рецензентъ такъ могъ ошибиться; тѣмъ-болѣе, что онъ отдаетъ полную справедливость г-жѣ Самойловой 2-й, сыгравшей всю роль въ совершенствѣ. Что касается до вопроса г. рецензента, зачѣмъ героння этой пьесы едѣлана знатною дамой, то отвѣтъ такъ легокъ, что этимъ самымъ дѣлается затруднителемъ — и очень-натурально!

Кстати о соблюденіи *порядочности* языка нашихъ княгинь и графинь на сценѣ и въ романахъ. Это задача, которая до-сихъ-поръ еще не разрѣшена, и по весьма простой причинѣ: *порядочный* этотъ языкъ въ натурѣ не существуетъ. Кому не извѣстно, что свѣтскія наши дамы говорятъ по-русски только съ своими горничными? Даже съ купцами не имѣютъ онѣ случая говорить по-русски, посѣщая исключительно одни иностранные магазины. Хотя графъ Нерадовъ и утверждаетъ, что мы этимъ должны гордиться, но что-же дѣлать писателямъ, уважающимъ требованія натуральности? Развѣ заставить нашихъ дамъ и на сценѣ говорить по-французски, да еще языкомъ, испещреннымъ ошибками, въ родѣ слѣдующихъ: *Si j'aurais su... J'ignogais qu'elle lui avait écrit...* и проч. и проч.? — Это было-бы очень натурально. Остается избобрѣтать тотъ языкъ,

(*) Каемся, что мы вовсе не такъ поняли слова княгини *Севельской*, чему виною впрочемъ или самъ авторъ, не сообщившій имъ надлежащей про- нин, или г-жа Самойлова, не такъ ихъ выразившая. Въ утрировкѣ графа Нерадова виновать, можетъ-быть, исполнитель роли.

которымъ говорили-бы наши дамы, если-бы онѣ говорили по-русски. А будетъ-ли это *натурально*?

Здѣсь нельзя не замѣтить, что въ литературѣ, и въ искусствахъ вообще, нѣтъ ничего опаснѣе, какъ злоупотребленіе природы или *натуральности*. Если-бы поэтъ, описывающій грозу, вдругъ воскликнулъ: Трррр! брррр! ррррр! то это, въ извѣстномъ смыслѣ, также было-бы *натурально*. Но будетъ-ли это изящно? «Le beau est l'éclat du vrai.» У насъ нѣтъ точнаго выраженія для того, что Французы называютъ le vrai, а Нѣмцы das Wahre. — „Das Schöne muß wahr sein.“ Этого нельзя замѣнить словомъ *натурально*. Покупка и переселеніе мертвыхъ душъ вещи совершены не *натуральныя*, потому что онѣ фактически невозможны. Запахъ лакея. *натураленъ*.... но это отвратительно. — Однако дѣло въ томъ, что оба эти обстоятельства разительнымъ образомъ очерчиваютъ личность Чичикова, этого типа извѣстнаго класса людей — und ihre Zahl heisst Region! Онъ—чистое животное: въ немъ нѣтъ ни одного человѣческаго чувства — нѣтъ ни малѣйшаго признака дѣятельности сердца или ума (*). А между-тѣмъ, онъ нравится цѣлому городу. Цѣлый городъ считаетъ его преумнымъ, прелюбезнымъ и пречтивымъ *человѣкомъ*, а вовсе не животнымъ. Какая глубокая пропія! и.... *comme c'est vrai! Wie das wahr ist!* — Слово «натурально» никакъ не выразитъ этого. И потому, школа г-на Гоголя довольно-неудачно (слишкомъ-ограниченно) названа *натуральной* (**). *Натуральность* требуется отъ каждой школы. Шекспиръ *натуральнѣе* всѣхъ (***)

(*) Будто-бы? г. авторъ драмы забываетъ о встрѣчѣ съ блондинкою, и къ величайшему удивленію нашему, кажется, не вдумался въ анализъ характера Чичикова, который дѣлаетъ самъ поэтъ, и которымъ Чичиковъ почти вполне оправданъ. А этотъ анализъ — истинное *profession de foi* новой школы, — и если г. авторъ потрудится слова перечестъ его, онъ пойметъ легко, почему мы вооружились на него за сантиментальность. «Пора наконецъ дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному геловѣку».

(**) Съ этимъ мы вполне согласны, но если г. авторъ вспомнитъ, *къмъ* названа эта школа *натуральною*, то ему нетрудно будетъ догадаться, почему названіе это такъ *ограниченно*.

(***) Да глава *натуральной* школы вовсе и нечуждъ Шекспиру. Только, какъ сынъ вѣка, — это Шекспиръ, *размывавшійся на мелочь*. Les dieux s'en vont: въ наше время, колоссальные типы исчезаютъ: на сцену выступаютъ безвѣстные существованія Акакіевъ Акакіевичей!

Наконецъ, должно просить извиненія у читателей въ томъ, что къ такой незначительной пьескѣ, какъ «Музыкантъ и княгиня», прибавлено предисловіе (*). Всему виновата «натуральная школа».

(*) Смирение паче гордости. Мы можемъ не соглашаться съ авторомъ, пожалуй, даже въ основныхъ началахъ, но все-таки скажемъ, что его драма, вмѣстѣ съ драмою С. А. Геденова, суть самыя отрадныя спенсскія явленія этого года. Только... только г. авторъ не *много-слишкомъ* оптимистъ. За-чѣмъ у него *даже* Мароа, молочница, черезъ-чуръ добра, и вовсе не требуетъ денегъ за молоко? Въ нашемъ эгоистическомъ Петербургѣ подобныя явленія слишкомъ-рѣдки. О, добродѣтель, добродѣтель! неужели и въ наше сухое время еще находишь ты поборниковъ?

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Кирилъ Богданычъ Пузыречкинъ, старшій скрипачъ . . . Г. Самойловъ.
Алексѣй Андреечъ Коринъ, молодой чиновникъ Г. Самаринъ.
Княгиня Севельская, молодая вдова Г-жа Самойлова.
Графъ Нерадовъ Г. Максимовъ.
Марфа, молочница Г-жа Гусева.
Каммердинеръ графа В. Фалеевъ.
Лакей княгини.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Очень-бѣдная комната въ квартирѣ Корина; по-серединѣ столъ; небольшой шкафъ изъ простаго дерева.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ (одинъ).

(Онъ сидитъ у стола и рисуетъ на большомъ листѣ бумаги; передъ нимъ нагорѣвшій салыный огарокъ. На стулѣ лежатъ скрипка).

Ну вотъ я и готовъ! Сдѣлать еще надпись, и конецъ! *(Пишетъ)*. «Гербъ его сіятельства графа Нерадова». Для кареты, кажется, немножко великъ. Да такъ заказали. Долженъ быть знатный барякъ; какой великолѣпный гербъ: по-серединѣ какая-то косматая голова, львиная что-ли? Да съ боковъ еще четыре кль-точки; все есть: звѣзды, стрѣлы, мечъ, пушки. — Въдь изрядно нарисовалъ? То-то обрадуется Алексѣй Андрейчъ, когда придетъ домой! Отнесетъ работу, и денежки опять заведутся! Спасибо Господу, что старыя мои руки еще на что-нибудь пригодились! Чѣмъ-нибудь хотѣлось-бы отплатить ему за хлѣбъ-соль его, да за теплый уголокъ. Безъ него, старика отослали-бы въ богадельню. Одинъ я на свѣтѣ Божіемъ! одинъ, круглый сиротина! Старикъ горемычный — бездомный! Была у меня жена — Богъ взялъ ее.

Была дочка — старикъ Пузыречкинъ не былъ одинъ на свѣтѣ!
 Была у него дочка — ангельчикъ херувимчикъ — Наташенька!
 Пропала она — увезли ее люди! Оставили старика одного. Всѣмъ
 онъ въ тягость! Ни на что онъ не годенъ! (*Плачетъ*). Ахъ
 моя Наташинька! Недавно видѣлъ я ее во снѣ — выросла — ста-
 ла такой красоткой! Сколько ей теперь должно быть? (*Счи-
 таетъ по пальцамъ*). Въ 31-мъ году... 37-й 39-й 40-й 44-й. Да!
 лѣтъ 19 было-бы ей! Жива-ли? Ужъ не оставила-бы отца безъ
 вѣсточки! Вѣрно, у Бога, съ родимой своей матушкой! — Легче
 будетъ умереть.... На Господа не должно роптать! (*Беретъ свою
 скрипку*). Осиротѣла и ты, скрипочка моя! — Пропала у меня
 лѣвая рука, пальцы не разгибаются! Вотъ и лишился хлѣба!
 Хлѣба? Старый я грѣшникъ! Не умерь-же съ голоду! Умѣю
 писать, рисовать — помогаю Алексѣю Андреичу, сколько могу.
 Да что это приключилось съ нимъ сердечнымъ? Пропадаетъ по
 цѣлымъ ночамъ: этого прежде не бывало. (*Прислушивается*).
 Ахти! У Самсонія благовѣстятъ къ заутренѣ! Эхъ старый я ду-
 ралей! Свѣчку-то забымъ потушить! Даромъ сгорѣла — не замѣ-
 тилъ я, что давно свѣтло. (*Тушитъ свѣчку и встаетъ*). Веку
 ночь проработалъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

МАРӨА (*съ жестяннымъ кубшиномъ*), ПУЗЫРЕЧКИНЪ.

МАРӨА. Доброе утро, Кирила Богданычъ!

ПУЗЫРЕЧКИНЪ (*про-себя*). Вотъ тебѣ разъ! За деньгами! (*Вз-слушъ*).

Здравствуй, Марошечка! Здорова-ли?

МАРӨА. Слава Богу! А вы какъ?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. По-маленьку.

МАРӨА. Гдѣ-же Алексѣй Андреичъ? Неужто такъ рано въ дол-
 жность пошли?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ (*конфузясь*). Нѣтъ — они..., изволишь видѣть,
 они сейчасъ придуть....

МАРӨА. Эхе! загуливаетъ молодчикъ! Вотъ отъ-чего денежекъ-
 то нѣтъ!

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Ей Богу не то! Что ему гулять? Человѣкъ онъ
 старательный — солидный!

МАРӨА. А дождокъ? Вѣдь ужъ другой мѣсяцъ.

пузыречкинъ (скороговоркой). Поди-ка сюда, Марушечка по-смотри, какая хорошенькая вещица. *(Показываетъ ей рисунокъ)*.
 марѡ. Пестрая штучка — словно цвѣтокъ какой, али орденъ. — А должно-то?

пузыречкинъ. Ну что за цвѣтокъ, или орденъ? Это, изволишь видѣть, гербъ.

марѡ. Да на что онъ годится?

пузыречкинъ. У каждого знатнаго барина бываетъ свой гербъ. Это заказалъ Алексѣю Андренчу знакомый его, какой-то молодой графъ. Сегодня отнесетъ и деньги получить.

марѡ. Что вы разеказываете? Кто ему за это деньги дастъ?

пузыречкинъ. Ну божусь тебѣ, Марѡ! Ужъ я не обману. Дай еще сегодня въ долгъ сливочекъ и молочка, завтра получишь деньги.

марѡ. Штуки строите, Кирила Богданычъ! Алексѣй Андренчъ не ремесленникъ какой — они благородные. Что имъ этимъ заниматься?

пузыречкинъ. Извѣстно, что благородный. Да это онъ взялъ для меня. Ну хоть-бы и самъ работалъ за деньги! Эка важность, что благородный! Трудиться не стыдно. А жалованья-то многоли онъ получаетъ? Двѣсти серебромъ въ годъ, на ассигнаціи 700. За квартиру безъ дровъ платитъ 20 руб. въ мѣсяцъ; будетъ въ годъ 240, да съ дровами 300, виць-мундиръ и прочій гардеробъ рублей 150 слишкомъ! Много-ли тутъ на остальное? Со-считай сама.

марѡ. Вѣстимо немного.

пузыречкинъ. Налей-же сливочекъ и молочка....

марѡ. Налью, налью.

(Отворляетъ шкафъ и наливаетъ изъ своего кувшина въ фаянсовый молочникъ).

пузыречкинъ. Да вотъ, Марѡ Тарасьевна, пособи-ка поставить самоварчикъ.

марѡ. Ужъ вы пишите, — поставитъ недолго.

пузыречкинъ. Хорошо! хорошо! Ты-бы посмотрѣла, есть-ли еще сахаръ? Право, не помню. Чаю много еще — третьягодна польосьмушки взяли.

марѡ *(поискавъ въ шкафу)*. Сахарница порожняя.

пузыречкинъ. Ну такъ, видно весь вышелъ!

марѡ. На что-же ставить самоваръ, коли сахару нѣтъ?

пузыречкинъ. Да, какъ-же это? Придетъ Алексѣй Андренчъ. Неужели въ должность идти, не напившись чаю?

МАРОА. Охъ вы! разоряете вы меня! (*Хочетъ идти*).

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Куда ты?

МАРОА. Да лавочка, чай, ужъ отворена. (*Идетъ*).

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Мароушечка! А, Мароушечка!

МАРОА. Ну, что?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Вотъ, къ слову пришлось.... Нынче молодежь-то совсѣмъ избаловалась. Примѣрно сказать, Алексѣй Андреичъ... безъ трубочки и чая не кушаетъ!

МАРОА. Ась?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Да, что, матушка! Ужъ возьми ты еще четвертушечку Жукова!

МАРОА. Проказники вы! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ *одинъ*.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Алексѣй Андреичъ будетъ доволенъ мною. Работа кончена, стоить только отнести, да получить деньги. Съ Марою устроилъ дѣло. Все, какъ слѣдуетъ. Только сегодня онъ что-то очень-долго не идетъ. Надо побранить его. Хорошо-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, проподать по цѣлымъ ночамъ, Богъ вѣсть, куда? Этакъ и здоровье потеряеть, и въ должность перестанетъ ходить! Избави Господи, еще и начальники узнають! Долго-ли до бѣды! Вотъ и Мароа воротилась.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРОА, ПУЗЫРЕЧКИНЪ.

МАРОА. На, возьмите табакъ. Гдѣ же самоваръ?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Спасибо, тѣтушка, спасибо! Мы тебя не обидимъ. (*Высыпаетъ табакъ въ кистъ*).

МАРОА. То-то, батюшки! Цѣлковыхъ четыре наберется за вами.

(*Хлопочетъ около самовара*).

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Хорошо-ли торговля твоя идетъ?

МАРОА. Нечто. По зимой лучше.

пузыречкинъ. Конечно, молоко бываетъ подороже.

марѠа. Да и ходить-то полегче. Вѣдь я съ Пороховыхъ.

пузыречкинъ. Далеконько.

марѠа. Что дѣлать, батюшка! Надо стараться для дочки. Приданое коплю.

пузыречкинъ (*съ жаромъ*). МарѠа! МарѠа! У тебя есть дочь?

марѠа. Есть. Пребойкая дѣвчонка, 15-й годокъ пошелъ, скоро невѣста, много помогаетъ мнѣ въ хозяйствѣ.

пузыречкинъ. У тебя есть дочь! Какъ зовутъ твою дочку?

марѠа. Наташей.

пузыречкинъ. Наташей! Господи! Господи! (*Рыдаетъ*).

марѠа (*Подходитъ*). Что съ вами, Кирила Богданычъ?

пузыречкинъ. Ничего, ничего! Я старый дурень, вотъ и все тутъ! И у меня есть дочка! Ее также зовутъ Наташей! Моя Наташенька! моя пташечка!

марѠа. Вотъ тебѣ разъ! Я и не знала, Кирила Богданычъ, что вы женаты. Гдѣ-же ваша хозяйка? Да, ужъ не того-ли оно? Господи, прости мое прегрѣшеніе!

пузыречкинъ. Жена умерла.

марѠа. Умерла-съ! А дочка-то? Въ людяхъ, что-ли, служить?

пузыречкинъ. Въ людяхъ — да! Ее отняли у меня. Видишь, я колѣка! (*Показываетъ лѣвую руку*). Прежде въ театрѣ игралъ на скрипкѣ, получалъ хорошее жалованье. Богъ прибралъ жену, захворалъ самъ. Вотъ какая-то барыня, генеральша.... взяла у меня Наташечку мою; мнѣ, вишь, нѣчьмъ моль кормить ее было, хотѣла воспитать ее, какъ свое дитя... я съ-дуру и отдалъ сокровище свое! Думалъ, послѣ возьму назадъ. Пролежалъ долго въ больницѣ.... Барыня уѣхала изъ Петербурга.... Съ-тѣхъ-поръ нѣтъ ни слуха, ни духа! Можетъ-быть, и умерли обѣ. Я такъ и думаю.

марѠа. Вотъ какъ!

пузыречкинъ. Только горько жить одному на свѣтѣ. МарѠушечка, вотъ я калѣка, а кому дѣло до этого? Если-бъ она....

марѠа. А Алексѣй-то Андрейчъ, не родня вамъ?

пузыречкинъ. Нѣтъ. Онъ бѣдный челоуѣкъ, также безъ роду и племени. Когда-то училъ я его азбукѣ — потомъ взяли его въ казенное заведеніе, учился онъ хорошо. Вотъ теперь и приютилъ мою старость.

марѠа. Дай Богъ имъ здорювье!

пузыречкинъ. Только больно онъ горячъ, да и упрямъ.... Я ужъ лучше молчу, когда находитъ на него такая дурь. Ахъ, если-

бы я еще могъ играть на своей скрипкѣ.... подь-часъ разогналъ-бы тоску и свою, да и его. (*Беретъ скрипку*). Одинъ палець еще кое-какъ шевелится.... вотъ я и приладилъ одну пѣсенку.... сыграву, коли хочешь. Эту пѣсенку дочка пѣвала.... я училъ ее музыкѣ.... талантъ удивительный! Ей было пять годочковъ, когда взяли ее у меня. Хочешь?... я тебѣ спою.

Коль дѣти чтуть родителей своихъ,
То и Господь не оставляетъ ихъ.

МАРФА (*ставитъ самоваръ на столъ*). Вотъ и самоваръ готовъ.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Тише, тише! Обольешь бумаги.

МАРФА. Ну, уберите ихъ прочь.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Поставь сюда на уголь. (*Приноситъ чашки и проч. изъ шкафа, и ставитъ все на столъ*). Ну вотъ, теперь все хорошо — все въ порядкѣ. Пора-бы Алексѣю Андренчу! Неужели онъ пошелъ прямо въ свою канцелярію? Не можетъ-быть, онъ этого никогда не дѣлалъ.

МАРФА. Вотъ они идутъ.

ЯВЛЕНИЕ V.

КОРИНЪ (*въ пальто, въ шляпъ, черныя перчатки*), тѣ-же.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Здравствуйте, батюшка Алексѣй Андренчъ! здравствуйте! Чай готовъ, прикажете налить?

КОРИНЪ (*не въ духъ; обращается къ Марфѣ*). За деньгами что-ли пришла?

МАРФА. Не-что вы разбогатѣли, Алексѣй Андренчъ?

КОРИНЪ (*бросаетъ пустой кошелекъ на столъ*). Вотъ мое богатство!

МАРФА. Что дѣлать, батюшка! Безденежье передъ деньгами.

КОРИНЪ (*сердито*). Я говорю тебѣ, что у меня нѣтъ ни гроша.

МАРФА. Вишь! Раскрычался какъ! Развѣ я пристаю съ пожемъ къ горлу? На нѣтъ и суда нѣтъ! Вы не обманщикъ какой! Могу подождать, эка не видаль какая! Не за деньгами пришла, коли нѣтъ ихъ. Не жидовка я какая! За что осерчали на меня? Словно, бѣсъ какой!

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Ну, ну.... не сердись, Мароушечка.... Алексѣй Андренчъ....

МАРОА. Подите вы съ своимъ Алексѣемъ Андреемъ! За что кричать на меня? Нехорошо — нехорошо! (*Идетъ, но приходитъ назадъ*). А что, Кирида Богданычъ, завтра понадобится вамъ сливкокъ?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Какъ-же, Мароушечка! Какъ-же!

МАРОА. Ну, прощайте. Господь съ вами. Заболталась я — въ другихъ мѣстахъ, чай, ужъ и сердятся на меня, что опоздала. (*Забираетъ свои вещи и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ, КОРИНЪ. (*Молчаніе. Коринъ ходитъ по комнатѣ. Потомъ бросаетъ шляпу и садится*).

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Ну что, батюшка? Опять всю ночь пропадали! Гдѣ изволили быть? (*Помолчалъ*) А правду сказать, коли старику позволите молвить словечко.... хорошее-ли дѣло.... скажите сами... что подумаютъ люди? Кто вамъ поручится что старуха не разболтаетъ? Жить на Выборской-сторонѣ не то, что на Невскомъ; здѣсь всякій знаетъ, что въ околоткѣ дѣлается. Хоть примѣрно, не въ обиду вамъ будь сказано, кто не знаетъ, что Тарасъ Петровичъ, сосѣдъ нашъ, прегорькій пьяница? Каждый мальчишка на улицѣ это знаетъ. Повѣрьте, заговорятъ и про васъ, если....

КОРИНЪ (*вскакиваетъ*). Скажите, пожалуйста, Кирида Богданычъ, я ребенокъ что-ли, къ которому няньку надо приставить?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Ужъ вы сейчасъ и разсердились! (*Молчаніе*). Чаю вамъ не угодно?

КОРИНЪ. Нѣтъ.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Такъ и я не буду пить. (*Убираетъ самоваръ*). Я кончилъ рисунокъ.... посмотрите.

КОРИНЪ (*подходитъ къ столу*). Хорошо — очень-хорошо. Какъ-же вы такъ скоро....

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Всю ночь работалъ....

КОРИНЪ. Очень-глупо просидѣть на пролетѣ дѣлую ночь! къ-чему это? Кто васъ принуждаетъ?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ (*Прячетъ свѣчку*). Теперъ такія свѣтлыя ночи.,, я безъ свѣчки....

КОРИНЪ. Не объ этомъ я говорю. Зачѣмъ было такъ мучить себя?

пузыречкинъ. За то теперь и кончено. Отнесите и получите деньги.

коринъ. Да, да! Деньги нужны.

пузыречкинъ. Пожалуйста, вы на меня не сердитесь.... лучше расскажите, что съ вами случилось.... одному труднѣе переносить неприятность и горе.... Ну, расскажите-же!... Что-нибудь да не даромъ... вѣдь я вижу.

коринъ. Вздоръ! Пустяки!

пузыречкинъ. Нѣтъ, не вздоръ!.. Если-бы только зналъ, чѣмъ развеселить васъ.... Ахъ! я и не рассказывалъ вамъ еще, что недавно видѣлъ во снѣ свою Наташеньку!

коринъ. Гмъ!

пузыречкинъ. Расскажу вамъ все.... видите-ли.... въ магазинѣ на Невскомъ, гдѣ я покупалъ бумагу для рисунка.... видѣлъ я двѣ картинки. На одной изображены похороны богача. Великолѣпная шестерка, балдахинъ съ гербами и лентами, тѣмъ каретъ, факельщики, народу бездна! Передъ гробомъ пѣніе, за гробомъ музыка! На другой картинкѣ похороны бѣдняка! Одна кляченка, дрянныя дроги.... а за гробомъ.... Одна одиношенька.... собака! грязная, старая дворняшка, опутивъ уши, поджавши хвостъ. Вотъ кто провожаетъ бѣдняка до послѣдняго жилища его! — Подумалъ я и о своемъ одиночествѣ... и сердце надорвалось! Неужели бѣдняка ни кто не любитъ? Нѣкому поплакать по немъ? Алексѣй Андренчъ, если вынуть изъ тѣла сердце богача и сердце нищаго.. вѣдь не различишь ихъ? Одинъ Богъ различаетъ сердца. Охъ, если-бы у меня была еще дочь.... какая она была хорошенькая.... какъ разъ для васъ невѣста! Я бы отдалъ ее за васъ, — у васъ были-бы дѣти. Вы бы пошли за мной гробомъ!

коринъ. Пожалуй, вы еще пойдете за мной!

пузыречкинъ. Помилуй, Господи! Съ нами крестная сила! Что за страсти такія! Вы, просто, хотите испугать меня.

коринъ. Ничего! Ничего!... Это я такъ только сказалъ.

пузыречкинъ (*помолчавъ*). Лучше расскажу вамъ, какъ жена покойница умерла отъ холеры.... и дочку отдалъ чужимъ.... А-вось удастся развеселить васъ.

коринъ. Этимъ именно и развеселите меня!

пузыречкинъ. Жестокое было времечко! Люди умирали, какъ мухи. Пришли за женой гробовщики, окутанные съ ногъ до головы въ смоленый холстъ, и утащили родимую. Самъ я лежалъ почти безъ памяти, только слышалъ, какъ сказали: «За этимъ придемъ завтра». Дѣвочкѣ было лѣтъ пять; плакала бѣдняжка,

когда мать унесли! Меня Богъ спасъ, и ребенокъ остался здоровъ. Но въ слѣдующую зиму... ужъ такой выдался черный день... поскользнулся послѣ репетиции въ театрѣ, да и сломалъ себѣ руку. Вылечили бѣдняка кое-какъ... на скрипкѣ нельзя было больше играть... дѣвочку отдать чужимъ... вотъ и все пропало! (Плачетъ) Теперь вы еще...

коринъ (съ сердцемъ). Что я? Вы, кажется, хотите меня съ ума свести?

пузыречкинъ. Нѣтъ, Алексѣй Андреечъ! право, нѣтъ!

коринъ. Да я уже и безъ васъ съ ума сошелъ! Меня слѣдуетъ запереть въ сумасшедшій домъ! Вы не вѣрите? Такъ я-же докажу вамъ! (Беретъ скрипку, и разбиваетъ ее объ столъ). Вотъ вамъ и доказательство!

пузыречкинъ (бросается собирать куски). Господи! Господи! Моя скрипка! бѣдная моя скрипочка! Последнее утѣшеніе? Что вы надѣлали!

коринъ. На что вамъ скрипка, когда играть не можете?

пузыречкинъ. Нѣтъ-съ, извините! Я игралъ одну пѣсенку, которую пѣла моя Наташенка!

Коль дѣти чтутъ родителей своихъ,
То и Господь благословляетъ ихъ.

Отняли вы у меня последнее... вы варваръ! жестокой человекъ безъ сердца и души! И я это зналъ давно... потому-что вы презираете музыку! Богъ вамъ судья!

коринъ. Зачѣмъ-же вы остаетесь съ такимъ человекомъ? Лучше намъ разстаться?

пузыречкинъ. Вы хотите... прогнать меня? Хорошо! очень хорошо, Алексѣй Андреечъ! я пойду. (Завязываетъ въ платокъ куски своей скрипки и беретъ картузъ).

коринъ. Куда-же вы?

пузыречкинъ. Господь Богъ не оставитъ меня. Пойду... самъ не знаю куда... Вы, вѣдь, прогнали меня!

коринъ. Я? Я? что вы! (бросается къ нему на шею) Простите меня, милый, добрый Кирилла Богданычъ!

пузыречкинъ (бросаетъ узелъ и шапку). Ахъ ты Господи! Сердечный ты мой Алексѣй Андреечъ!

коринъ. Мы купимъ другую скрипку.

пузыречкинъ. Зачѣмъ? Можно склеить и эту.

коринъ. Да встѣ еще давно хотѣлъ я спросить у васъ: публиковали-ли вы въ газетахъ о вашей дочери?

пузыречкинъ. Въ газетахъ? Что вы...

коринъ. Вѣроятно, барыня, взявшая ее на воспитаніе, давно скончалась, и дочь ваша не знаетъ, гдѣ васъ отыскать.

пузыречкинъ. Публиковать...

коринъ. Ну да. Можетъ-быть, ваша Наташенка и отыщется, возвратится къ вамъ.

пузыречкинъ. Благодаритель мой! Спаситель мой, Алексѣй Андреечъ? Я съ радости умру!

коринъ. Еще ничего не извѣстно. Но мы завтра-же публикуемъ... Надобно будетъ описать примѣты вашей дочери.

пузыречкинъ. Примѣты? Глаза и волосы черные, — такая хорошенькая! Да на лѣвомъ плечѣ родимое пятнышко небольшое... Милость Божія безконечна!

коринъ. Ну довольны-ли вы теперь?

пузыречкинъ. Доволенъ ли я? Господи! Господи! Да что съ вами случилось?

коринъ. Что случилось? Самъ ничего не понимаю! Я уже говорилъ вамъ, что выжилъ изъ ума.

пузыречкинъ (*нетерпѣливо*). Что-же? что-же?

коринъ (*кричитъ*). Я влюбился! Ну, теперь вы знаете.

пузыречкинъ. Что за бѣда! Въ ваша лѣта это статочное дѣло.

коринъ. Да вы спросите: въ кого? въ кого!

пузыречкинъ. Въ кого? Извѣстно, въ дѣвушку... или... если ужъ Господь совсѣмъ оставилъ васъ... въ женщину?

коринъ. Хуже!

пузыречкинъ. Какъ хуже?

коринъ. Въ знатную даму! въ княгиню!

пузыречкинъ. Эка штука! Ну, батюшка! это для васъ то же равно, что влюбиться въ хорошенькую картинку! Мало-ли ихъ на Невскомъ — картинокъ-то! да и княгинь-то довольно! — Выбросьте изъ головы эту дурь.

коринъ. Такъ, сей-часъ возьмешь руками, да и выбросишь!

пузыречкинъ. Конечно! Вонъ ее!

коринъ. Повторяю вамъ, что не знаю, есть-ли у меня еще голова! Конечно! Все конечно! Не могу ни спать, ни ѣсть, ни читать, ни думать! Остается умереть. Я не шучу.

пузыречкинъ. Но все-таки я не понимаю... зачѣмъ вы все уходите по почамъ?

коринъ. Вы ничего не понимаете!

пузыречкинъ. Ну да... ну хорошо... ну да какъ-же, въ-самомъ-дѣлѣ? (Помолчавъ). Гдѣ вы были хоть эту ночь?

коринъ. Простоялъ у крыльца ея дачи, — дождался пока воротится съ бала!

пузыречкинъ. Можетъ-ли быть?

коринъ. Вотъ... во французскомъ театрѣ.

пузыречкинъ. Вы ходите во французскій театръ?

коринъ. Гдѣ-же мнѣ больше видѣть ее?

пузыречкинъ. Такъ вотъ куда деньги пошли! А въ первый-то разъ гдѣ вамъ посчастливилось увидѣть ее?

коринъ. Въ Лѣтнемъ саду.

пузыречкинъ. Это, по-крайней-мѣрѣ, даромъ! Лучше-бы все туда ходили, чѣмъ въ театръ.

коринъ. Никогда не забуду этого дня... 7-го апрѣля! погода была такая чудесная... пахло весною — мнѣ было такъ весело, такъ отрадно — самъ не знаю почему. Въ саду гуляло много народа. Въ большой аллеѣ на скамейкѣ сидѣлъ слѣпой старикъ, и игралъ на флейтѣ, возлѣ него стояла дѣвочка лѣтъ пяти. Толпа дѣтей, съ няньками, окружали ихъ, и съ любопытствомъ глядѣли, разинувъ ротъ. Никто старику ничего не подавалъ. Я остановился... у меня въ карманѣ не было ни гроша... Вдругъ подошла молодая дама...

пузыречкинъ. А! это, вѣрно, она и была?

коринъ. Кирила Богданычъ! Если-бы вы видѣли ее! Не знаю, что со мной сдѣлалось... въ груди стало тѣсно... помню только, что шляпа моя очутилась у меня въ рукахъ. — Княгиня облакала дѣвочку и сдѣлала нѣсколько вопросовъ старику, потомъ обернулась къ какому-то франту, который былъ съ ней, потребовала у него кошелекъ, и высыпала всѣ деньги въ шляпу слѣпаго музыканта. — Ты не знаешь, Кирила Богданычъ, какъ она была хороша въ эту минуту! Мнѣ такъ и хотѣлось броситься передъ ней на колѣни, но я не осмѣлился.

пузыречкинъ. И хорошо, что не осмѣлился, батюшка!

коринъ. Однако, во что-бы-то ни стало, я долженъ былъ сказать ей хоть одно слово! Я побѣжалъ за ней...

пузыречкинъ. Ну-съ?

коринъ. Да и сказалъ ей: покорнѣйше благодарю! — Она остановилась, посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, и спросила: что вамъ угодно? Я отвѣчалъ: ничего-съ, сударыня. Вообразите, я сказалъ ей сударыня? Это ужасно, что я сказалъ ей сударыня?

пузыречкинъ. Чт-оже тутъ ужаснаго!

коринъ. Въ томъ-то и дѣло, что вы этого не понимаете, а я говорю вамъ, что это было ужасно! По-крайней-мѣрѣ, ужасно глупо!

пузыречкинъ. Да, вѣдь, у ней на лбу не было написано, что она княгиня.

коринъ. Не было написано! Право не понимаю, съ-чего вы вы взяли говорить мнѣ такія грубости?

пузыречкинъ. Чтѣ за грубости, батюшка вы мой?

коринъ. Она вышла изъ сада, и сѣла въ коляску. Я взялъ извозчика и поѣхалъ за ней. Узналъ, гдѣ она живетъ и что зовутъ ее княгиней Севельскою. — Не было у меня денегъ отпустить извозчика; я пріѣхалъ на немъ домой... и у васъ не было ни копейки.

пузыречкинъ. Помню, Алексѣй Андреечъ! помню, чуть-чуть не вышла исторія съ извозчикомъ! Я тогда заложилъ послѣднюю ложечку. —

коринъ. Вотъ теперь ужъ полтора-мѣсяца хожу я три раза въ недѣлю въ Михайловскій-театръ — и все гляжу на нее... (*Съ возрастающимъ жаромъ*). Она замѣтила меня... О! Я въ томъ не сомнѣвалась! Она знаетъ, что я люблю ее! знаетъ, что за одинъ взглядъ ея отдамъ я не только жизнь...

пузыречкинъ. Знаю я васъ! Вы готовы отдать и послѣдній вицъ-мундиръ!

коринъ. Недавно сталъ я замѣчать, что графъ Нерадовъ — тотъ самый, что отдалъ мнѣ нарисовать свой гербъ — безпрестанно приходитъ къ ней въ ложу любезничать.... Такой болванъ, олухъ! Вы себѣ представить не можете!

пузыречкинъ. Чѣмъ все это кончится?

коринъ. Чѣмъ это кончится? Знаю, что конецъ не можетъ быть хорошій.

пузыречкинъ. Лучше-бы не начинать!

коринъ. Теперь ужъ поздно! Если и не сойду съ ума, по-крайней-мѣрѣ, впаду въ чахотку. — Вижу всю нелѣпность — всю невозможность (*Махаетъ рукой*)... Да чтѣ говорить! мнѣ жизнь надоѣла! Поѣду на Кавказъ — съ всѣмъ рѣшился. Завтра подамъ въ отставку. Хорошо, что нѣтъ у меня ни отца, ни матери. Никого не огорчу.

пузыречкинъ. А меня, старика?

коринъ. Васъ, Кирила Багданычъ? Конечно, вамъ не драться съ Черкесами.... (*Подумавъ*). Найду вамъ мѣсто....

пузыречкинъ (*плачетъ*). Вотъ до чего я дожилъ! Я знаю, что эти ночныя прогулки не поведутъ къ добру! Вы-бы хоть выспались хорошенько, — утро вечера мудренѣе!

коринъ. Спать? Теперь три недѣли не буду спать! Вы не знаете, какое счастье случилось со мной сегодня.... т. е. вчера вечеромъ, послѣ театра!

пузыречкинъ. Съ вами случилось счастье? Ну, слава тебѣ Господи!

коринъ. Спектакль кончился. Я ужъ съ четверть часа караулилъ ее въ коридорѣ. Лакей приноситъ бурнусъ ей.... и.... представьте мое счастье! уронилъ его. Я подскочилъ, подаль ей мантылку, и рука моя, эта самая рука — коснулась плеча ея!

пузыречкинъ. Въ этомъ-то все счастье и заключается?

коринъ. Нѣтъ.

пузыречкинъ. Что-же еще?

коринъ. Она сказала мнѣ: Merci, Monsieur? Знаете-ли вы, что это значитъ?

пузыречкинъ. Спасибо, что-ли?

коринъ (*съ глубокимъ презрѣнiемъ*). Спасибо? Хорошо-же вы знаете человѣческое сердце! Это значитъ: благодарю васъ... очень-благодарю васъ.... Я замѣтила васъ.... любезности графа наскучили мнѣ....

пузыречкинъ. Ну, батюшка! не зналъ я, что по-французки двумя словами можно сказать такъ много.

коринъ. Мало-ли, чего вы не знаете?

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ-ЖЕ И КАММЕРДИНЕРЪ ГРАФА.

каммердинеръ. Здѣсь живетъ чиновникъ Коринъ?

коринъ. Что ты безъ доклада лѣзешь прямо въ комнату?

каммердинеръ. Въ швейцарской вклого не было.

коринъ. Кирыла Богдановичъ, спросите у этого грубияна, что ему нужно.

пузыречкинъ. А что тебѣ нужно, почтеннѣйшій?

каммердинеръ. Готовъ-ли гербъ его сiятельства графа Нерадова?

пузыречкинъ. Готовъ.

КОРИНЬ. Деньги принесъ?

КАММЕРДИНЕРЬ. Графъ приказали вамъ отвезти рисунокъ сегодня утромъ, къ 12-ти часамъ, на дачу княгини Севельской. Его Сіятельство будутъ тамъ.

КОРИНЬ. Къ княгинѣ Севельской! *(Бросается опрометью къ шкафу)*. Кирила Богдановичъ! Щетку! живо, платяную щетку! Если еще вакса? *(Каммердинеру)*. Сейчасъ, мой другъ! Сю-мину-пу! *(Подумавъ, подходит совсемъ близко къ каммердинеру)*. Твой баринъ, кажется, что-то очень-коротокъ съ княгиней?

КАММЕРДИНЕРЬ. Немудрено имъ быть короткимъ съ княгиней.

КОРИНЬ. А по моему, такъ очень-мудрено.

КАММЕРДИНЕРЬ. Его сіятельство женится на княгинѣ.

КОРИНЬ *(вскрикиваетъ)*. Женится!

ПУЗЫРЕЧКИНЬ. Господи! Какъ вы измѣнились въ лицѣ!

КОРИНЬ *(слабымъ голосомъ, опустивъ руки и голову)*. Все кончено!

(Краткое молчаніе).

КАММЕРДИНЕРЬ. Вы будете, что-ли?

КОРИНЬ. Ступай.

ПУЗЫРЕЧКИНЬ *(каммердинеру)*. Ступай теперь, любезный.... пришьемъ....

КАММЕРДИНЕРЬ. А, что? *(Показываетъ на лобъ)*. Они... того?

ПУЗЫРЕЧКИНЬ. Да... нездоровы... маленько.

КАММЕРДИНЕРЬ. Не забудьте-же, къ 12-ти часамъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ПУЗЫРЕЧКИНЬ, КОРИНЬ.

КОРИНЬ. Вѣдь, на Кавказъ выдадутъ казенные прогоны?

ПУЗЫРЕЧКИНЬ. Что ты? что ты, родимый мой? Неужели Господь совсѣмъ оставилъ тебя?

КОРИНЬ. Кирила Богдановичъ, если вы еще сколько-нибудь любите меня, не противорѣчьте мнѣ. Я рѣшился. Вашу судьбу я обезпечу — дайте мнѣ перо и бумаги.

ПУЗЫРЕЧКИНЬ. Что вы хотите дѣлать?

КОРИНЬ. А, у васъ нѣтъ бумаги?

ПУЗЫРЕЧКИНЬ. Есть, батюшка! есть! *(Подаетъ ему)*.

КОРИНЬ. Спасибо. *(Садится и пишетъ)*.

пузыречкинъ. Не въ добрый часъ пошелъ онъ гулять въ Лѣтній-садъ. Лучше пошелъ-бы въ Духовъ-день — наглядѣлся-бы на красавицъ!

коринъ. На! Снесите на городскую почту.

пузыречкинъ (*читаетъ адресъ*). Ея сіятельству княгинѣ Натальѣ Кириловнѣ Севельской. Не снесу!

коринъ. Вы не хотите сдѣлать мнѣ одолженіе? Давайте.

пузыречкинъ. Да, что вы, батюшка.... въ-самомъ-дѣлѣ?

коринъ. Давайте-же.

пузыречкинъ. Снесу — снесу. (*Хочетъ идти*).

коринъ. Да вотъ, возьмите также и этотъ рисунокъ.... отнесите его на дачу.... я не въ состояніи.... Мнѣ общали за него 15 цѣлковыхъ.... получите эти деньги....

пузыречкинъ (*свернувъ рисунокъ*). А вы останетесь дома?

коринъ. Да.

пузыречкинъ. Никуда не пойдете?

коринъ. Нѣтъ.

пузыречкинъ. Ну, прощайте-же. Часа черезъ два ворочусь.

(*Уходитъ*).

коринъ (*садится на стулъ, и закрываетъ лицо руками*). Она выходитъ за-мужъ! (*Вскакиваетъ*). Еще хоть разъ взглянуть на нее? Авось удается! (*Убѣгаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Очень-богатая зала на дачѣ княгини. Статуи, бронза, цвѣты, флигель, диванъ. Стеклянная дверь. Окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГРАФЪ въ сюртукѣ; свѣтлые жилетъ и панталоны. ЛАКЕЙ.
(Входятъ).

ГРАФЪ. Княгиня еще не принимаетъ?

ЛАКЕЙ. Я сейчасъ пошлю узнать.

ГРАФЪ. Не нужно беспокоить княгиню... я подожду.

ЛАКЕЙ. Слушаю-съ. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ГРАФЪ (одинъ). Надобно отдать справедливость вкусу покойнаго мужа княгини. Эта дача отлично отдѣлана. Я совершенно доволенъ; у меня будетъ одна изъ лучшихъ дачъ въ Петербургѣ. Графъ Александръ Михайловичъ будетъ бѣситься; его дача гораздо-хуже. Выпишу садовника изъ Голландіи. На будущее лѣто, хотя и поѣду за-границу, но дача все-таки каждый день будетъ убрана свѣжими цвѣтами. Есть люди, которые утверждаютъ, что покойный князь былъ недалегаго ума. Какой вздоръ! Онъ доказалъ свой умъ тѣмъ, что умеръ такъ кетати, оставивъ все свое имѣніе молоденькой и прехорошенькой вдовѣ, которая выходитъ за меня, и, безъ всякаго сомнѣнія, заплатитъ все мои долги. Она очень любитъ меня! Даже не спросила, есть-ли у меня состояніе. Но за то мой знатный родъ... (Смотритъ на часы). Я ве-

лѣлъ Корину къ 12-ти часамъ принести гербъ. (*Звонитъ*). Хочу показать его княгинѣ. Кстати, я не знаю, какой у нея гербъ. (*Входитъ лакей*). Не приходилъ мой чиновникъ, съ рисунками?

ЛАКЕЙ. Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство.

ГРАФЪ. Доложить мнѣ, когда придетъ.

ЛАКЕЙ. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ГРАФЪ (*осматриваетъ комнату*). Однако придется кое-что перемѣнять. Эти вазы, на-примѣръ, никуда не годятся. Сейчасъ видно, что не изъ англійскаго магазина. Я намѣренъ выписывать всѣ свои фраки чрезъ Англичанина, прямо изъ Лондона, и нѣсколько дюжинъ бѣлыхъ жилетовъ, потому что порядочный человѣкъ больше одного раза не надѣваетъ бѣлаго жилета. Ха, ха, ха, ха!

ЯВЛЕНИЕ III.

КНЯГИНЯ, ГРАФЪ.

КНЯГИНЯ (*входитъ; она одѣта съ большимъ вкусомъ*). Вы смѣетесь? Вы веселы? какъ я рада! Вообще люблю веселыхъ людей, но особенно, когда сама бываю не-въ-духъ. Здравствуйте, графъ. (*Подаетъ ему руку*).

ГРАФЪ (*цѣлуетъ у ней руку*). Вы не-въ-духъ, княгиня.... могли узнать причину?

КНЯГИНЯ. Причину? Я была-бы вамъ очень-благодарна, если бы вы нашли эту причину. Сама не знаю.

ГРАФЪ. Можетъ-быть, вы очень устали послѣ вчерашняго бала?

КНЯГИНЯ. Нѣтъ, хотя и весьма-дурно спала.

ГРАФЪ. Извините, что я пріѣхалъ сегодня такъ рано, но я хотѣлъ показать вамъ свой гербъ, который приказалъ нарисовать одному изъ моихъ чиновниковъ....

КНЯГИНЯ. Какъ? За этимъ только? А я полагала, что нетерпѣніе видѣть меня....

ГРАФЪ. Развѣ вы не замѣчаете, что я ишу предлога... Надобно нѣсколько скрывать отъ женщины силу нашей любви....

КНЯГИНЯ. Что за мысль!

ГРАФЪ. Я заказалъ двѣ кареты по послѣдней модѣ, — на одной будетъ мой гербъ, а на другой вашъ. У васъ есть-ли правильный рисунокъ вашего герба?

- княгиня. Нѣтъ.
- графъ. А на вашей каретѣ?
- княгиня. Не знаю... вѣроятно, гербъ покойнаго князя.
- графъ. Ахъ! это совсѣмъ не идетъ.
- княгиня. Послушайте: я гдѣ-то читала, что есть люди, у которыхъ въ груди вмѣсто сердца — гербъ или кусокъ золота. Съ-тѣхъ-поръ я ненавижу гербы и деньги.
- графъ. Неужели, княгиня, вы можете думать....
- княгиня. Я никогда не думаю, — это одинъ изъ моихъ недостатковъ....
- графъ. Я васъ люблю такъ страстно....
- княгиня. Я въ этомъ совершенно увѣрена, отъ-того и выхожу за васъ. А ргорос — вы богаты, не правда-ли?
- графъ. Боже мой! Къ чему этотъ вопросъ?
- княгиня. Пожалуй.... Я сдѣлаю вамъ тотъ-же вопросъ другими словами? Вы женились-бы на мнѣ, если-бы я была бѣдна.... и, наприимѣръ.... не вдова знатнаго князя?
- графъ. Этотъ вопросъ непростителенъ!
- княгиня. А! благодарю васъ. *(Подаетъ ему руку)*. Когда же наша свадьба?
- графъ. Я хотѣлъ просить васъ назначить день. Черезъ недѣлю, если вы....
- княгиня. Я согласна.
- графъ. О! какое счастье! *(Про-себя)*. Я было совсѣмъ испугался!
- княгиня. Теперь вспомнила, отъ-чего была не въ-духѣ. Видите, мнѣ было досадно, что я во второй разъ рѣшаюсь выдти замужъ.... почти равнодушно....
- графъ. Что вы говорите, княгиня? *(Про-себя)*. Что съ ней сдѣлалось?
- княгиня. Если вы любите меня, вамъ нѣчего опасаться. Вышла я за князя потому, что того желали тѣ.... отъ которыхъ я зависѣла....
- графиня. Покойная графиня? Ваша маменька.... или тѣтишка?
- княгиня. Кто-бы она ни была. Выхожу я за васъ потому, что этимъ избавляю себя отъ всѣхъ другихъ, которые ищутъ моей руки....
- графъ *(добродушно)*. Клянусь честью, я полагаю, что вы безъ ума отъ меня!
- княгиня. Ха! ха! ха!.... Вы мнѣ очень нравитесь, я желаю быть вашей женой, никого не буду любить больше васъ, но....

Я совершенно въ своемъ умѣ. Теперь вы знаете все, и я опять весела по-прежнему. Правда, есть еще одна тайна, но... покойный князь считалъ это обстоятельство ничтожнымъ. Во всякомъ случаѣ я должна напомнить вамъ, что я не родная дочь графини....

графъ. Это мнѣ извѣстно. Вашъ отецъ....

княгиня. Я не помню своихъ родителей. Они умерли, когда мнѣ было пять лѣтъ. Воспоминанія о моемъ дѣтствѣ очень-темны. Кажется, мы были небогаты.

графъ. Но... княгиня... такъ какъ вы намѣрены всегда жить въ большомъ свѣтѣ, то... имѣнiе... ваше... довольно-важная статья... Вы понимаете, что это интересуетъ меня единственно для васъ самихъ....

княгиня. Князь по духовной все оставилъ мнѣ. У него близкихъ родственниковъ не было. Къ-несчастью, я очень-богата....

графъ. Къ-несчастью?

княгиня. Нѣтъ — къ-счастью, потому-что вы, какъ я вижу, привязаны къ богатству. И это для свѣтскаго человѣка очень-извинительно. Теперь можемъ говорить о приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Вы заказали двѣ кареты? Это очень-мило. Я всегда забываю позаботиться объ этихъ вещахъ.

графъ. Кареты будутъ неподобны. Итакъ... если у васъ къ-несчастью, нѣтъ своего фамильнаго герба, мы велимъ.... Да впрочемъ, вы имѣете право употреблять гербъ покойной графини.

княгиня. Ради Бога! Ваши гербы наскучили мнѣ.

графъ. Однако, это въ свѣтѣ весьма-важно.

княгиня. А! это другое дѣло.

графъ. На будущей годъ мы поѣдемъ за-границу....

княгиня. Вы, можетъ-быть, полагаете, что тамъ веселѣе? Я почти всю жизнь свою провела за-границей. Большой свѣтъ вездѣ почти одинъ и тотъ-же. Главная разница въ томъ, что въ другихъ странахъ всѣ сословія говорятъ на своемъ природномъ языкѣ, а у насъ только бѣдные.

графъ. Мы должны этимъ гордиться.

княгиня. Развѣ нашъ языкъ хуже другихъ?

графъ. Княгиня! Какой анахронизмъ.

княгиня. Ахъ да! Я забываю, что я русская княгиня, и выхожу за русскаго графа.

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ-ЖЕ, ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ (*приноситъ на серебрянномъ поднось письмо и подаетъ княгинь*). Письмо къ вашему сіятельству.

КНЯГИНЯ. Отъ кого?

ЛАКЕЙ. По городской почтѣ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

КНЯГИНЯ, ГРАФЪ.

КНЯГИНЯ (*читаетъ адресъ*). Незнакомый почеркъ и, кажется, не женскій. Не хочу имѣть отъ васъ секретовъ, графъ.— Читайте.

(*Отдаетъ ему письмо*).

ГРАФЪ (*про себя*). Балзакъ говоритъ, что женщинамъ надобно показывать видъ благородной довѣренности. Почеркъ точно мужской... не худо бы... но нѣтъ! (*Въ слухъ*). Княгиня, у меня природное отвращеніе читать письма, которые адресованы не на мое имя. Впрочемъ — по городской почтѣ пересылаются и чужіе секреты. Позвольте попросить васъ прочесть самхъ эту записку.

КНЯГИНЯ. Пожалуйста. Извините, что при васъ.... (*Читаетъ*).

ГРАФЪ (*про себя*). Ого! она покраснѣла! Ужъ не клеветали на мой счетъ?.. Что касается до моихъ кредиторовъ, то я спокоенъ — они не станутъ растронвать этой свадьбы. А кто-нибудь другой....

КНЯГИНЯ (*быгло прочитавъ записку*). Содержаніе этой записки довольно-забавно. — Ха! ха! ха! Читайте.

ГРАФЪ (*читаетъ вслухъ*). «Вы прекрасны, какъ весенній день.»

КНЯГИНЯ. Только не какъ петербургскій!

ГРАФЪ (*продолжаетъ*). «Вы добры, какъ слеза состраданія. Я люблю васъ. Можетъ-быть, вамъ это извѣстно. Но вамъ не извѣстно, что я рѣшился умереть, потому-что вы выходите замужъ.» Какая неумѣтная и неостроумная шутка!

княгиня. Продолжайте.

графъ (*читаетъ*). «Послѣ моей смерти увѣчный старикъ лишится послѣдняго пріюта. Обезпечьте судьбу его. Прилагаю его адресъ. Я совершенно бѣденъ. Прощайте. Будьте счастливы.» (*Отдаетъ ей письмо*). На это не стоить обращать никакого вниманія.

княгиня. Вы полагаете? Однако приложенъ адресъ. (*Читаетъ*). «Музыкантъ Кирила Пузыречкинъ. Въ домъ подъ № 30, на Выборгской-сторонѣ.»

(*Звонитъ. — Входитъ лакей*).

(*Отрываетъ клочекъ отъ записки*). Послать по этому адресу узнать, что это за старикъ, и дѣйствительно-ли онъ нуждается? Сказать, что послано отъ меня.

лакей. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

графъ. Напрасно вы беспокоились, княгиня.

княгиня. Можетъ-быть, желаютъ оказать черезъ меня помощь какому-нибудь несчастному... Недавно видѣла я въ Лѣтнемъ-саду слѣпаго музыканта... Вѣроятно, это тотъ самый.

графъ. О! въ такомъ случаѣ я не противорѣчу. Но, княгиня, если я не ошибаюсь... вамъ пишутъ, что эта неистовая любовь вамъ уже нѣсколько извѣстна?

княгиня. Да.

графъ. То есть... какъ да?

княгиня. Яснѣ нельзя отвѣчать, какъ — да или нѣтъ.

графъ. Вы соглашаетесь только, что вамъ это пишутъ? или вы въ-самомъ-дѣлѣ знаете?..

княгиня. Я знаю въ-самомъ-дѣлѣ.

графъ. Какъ.... княгиня....

княгиня. Съ нѣкотораго времени какой-то молодой человекъ, весьма-недурной собою, въ театрѣ не спускаетъ съ меня глазъ. Нѣсколько разъ я даже замѣчала его у своего подъѣзда. На-примѣръ, вчера. Вотъ и весь романъ.

графъ (*весьма-озабоченный*). Однако.... княгиня.... (*Про-себя*). Надо поспѣшить свадьбой!

княгиня. Я выхожу за васъ.... Вы это знаете, графъ. О чемъ же вы хлопочете? За него я безъ того не могла-бы выдти, потому что онъ принадлежитъ къ весьма дурному кругу. На немъ бывають гадкія перчатки. Вѣроятно, у него нѣтъ и герба.

графъ. Я знаю, что онъ для меня съ этой стороны не опасенъ....

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ-ЖЕ, ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ (*графу*). Какой-то старикъ принесъ вашему сѣятельству бумагу.

ГРАФЪ. Какъ старикъ? Я приказалъ чиновнику...

ЛАКЕЙ. Не могу знать.

ГРАФЪ. Ахъ, Боже мой! Позвольте, княгиня, я сейчасъ.... Мнѣ вѣроятно, принесли гербъ, я вамъ покажу его...

КНЯГИНЯ. Зачѣмъ вы хотите беспокоиться? (*Лакею*). Позови сюда этого человѣка!

ЛАКЕЙ. Слушаю съ. (*Уходитъ*).

КНЯГИНЯ. Графъ, были-ли вы прежде влюблены когда-нибудь?

ГРАФЪ. Этотъ вопросъ.... княгиня.... не знаю.... право.... можетъ-быть....

КНЯГИНЯ. Представьте себѣ, я никогда еще не была влюблена.

ГРАФЪ. Какъ я счастливъ!

КНЯГИНЯ. Вы меня не понимаете! Я сказала: никогда.

ГРАФЪ (*про-себя*). Какія истинны говорить она мнѣ сегодня!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ-ЖЕ, ПУЗЫРЕЧКИНЪ (*котораго лакей выпускаетъ*).

ГРАФИНЯ (*разсматривая цветы въ вазахъ, стоитъ спиною къ Пузыречкину*).

ПУЗЫРЕЧКИНЪ (*графу*). Извините, ваше сѣятельство.... Алексѣй Андреечъ у насъ не такъ-то здоровъ.... они прислали меня. (*Отдаетъ ему рисунокъ*). Извольте, ваше сѣятельство.

ГРАФЪ (*вынимаетъ часы*). Однако ты опоздалъ, любезнѣйшій. (*Разсматриваетъ рисунокъ*).

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Виноватъ, ваше сѣятельство.... Ошибся въ адресъ.... Думалъ, что дача ея сѣятельства (*кланяется*) на Крестовскомъ, а выходитъ она на Каменномъ. Виноватъ-съ.

КНЯГИНЯ (*обернувшись, смотритъ на Пузыречкина; про-себя*). Какое доброе лицо у этого старичка.... Онъ мнѣ нравится.

ГРАФЪ. Довольно-изрядно. Что, Коринъ дѣлалъ самъ?
 ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Самъ, Ваше Сіятельство, самъ! Алексѣй Анд-
 дреичъ мастеръ рисовать.

ГРАФЪ. Можешь сказать ему, что я доволенъ. (Княгиня). Кня-
 гиня, не угодно-ли вамъ посмотреть?
 КНЯГИНЯ. Съ удовольствіемъ.

(Княгиня подходитъ. Пузыречкинъ, увидѣвъ ее, начи-
 наетъ внимательно смотреть на нее, потомъ прихо-
 дитъ въ трепетъ, и хочетъ говорить, но не можетъ.
 Руки его подняты, колѣна дрожатъ, онъ отступаетъ
 нѣсколько шаговъ, остается безъ движенія, и только
 пристально глядитъ на княгиню, которая въ недоу-
 меніи смотритъ на него).

ГРАФЪ. Какъ вы находите, княгиня?.. (Замѣтивъ положеніе
 Пузыречкина и княгини) Что это значитъ?

КНЯГИНЯ (Съ крикомъ бросается къ графу). О! Боже мой!
 этотъ человѣкъ сумасшедшій! Графъ, удалите его поскорѣ! Я не
 могу выносить этого взгляда!

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Сударыня! сударыня!... Ради Отца небеснаго....
 скажите.... какъ васъ зовутъ.

КНЯГИНЯ. Графъ! Освободите меня отъ него!

ГРАФЪ. Это ея Сіятельство, княгиня Севельская, что тебѣ на-
 добно?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Княгиня? Что-жъ такое, что она княгиня? Она
 могла быть за княземъ.... (Приближается къ ней).

КНЯГИНЯ (съ ужасомъ). Какъ онъ смотритъ на меня! Мнѣ
 страшно! (Хватаетъ графа за руку). Развѣ вы не видите?
 Онъ сумасшедшій!

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Я не сумасшедшій.... У меня была дочка.... не
 бойтесь, сударыня.... только скажите мнѣ, какъ васъ зовутъ....
 Ваше имя.... Нѣтъ, я не сумасшедшій.... Не знаю, что со мной сдѣ-
 лалось.... вы такъ похожи на мою покойницу — жеву.... Вы....
 вы... ваше имя! ваше имя! Ну, что вамъ стоить сказать мнѣ ваше
 имя?

ГРАФЪ. Ступай — ступай! Ты помѣшался.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Ваше имя, сударыня....

КНЯГИНЯ. Мое имя? Меня зовутъ Натальей.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Дочь моя! дочь моя! (Бросается къ ней).

ГРАФЪ (отталкиваетъ его). Прочь, сумасшедшій! (Княгиня).

Извольте уйдти, княгиня. Я велю вывести его.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Вы убьете меня, старика, если уйдете.

княгиня. Ты ошибаешься.... Мой отецъ давно умеръ.

пузыречкинъ. Онъ не умеръ.... Онъ передъ тобой. Тебя обманывали. Взгляни на меня.... можетъ-быть, ты вспомнишь мое лицо.... Помнишь-ли ты холеру? Тебѣ было только пять лѣтъ, но такихъ вещей забыть нельзя.... Ты плакала, когда черные люди пришли за твоей матерью.... Помнишь-ли ты свою мать?

княгиня. Не помню.

пузыречкинъ. Помнишь-ли ты, какъ тебя привосили ко мнѣ въ больницу? Какъ я отдалъ тебя чужой барынѣ? Какъ я благословляя тебя — плакалъ? (*Помолчавъ*) Помнишь-ли ты мою скрипку? пѣсню, которую пѣла? Вѣрно ты молишься, когда бываешь въ церкви.... первую молитву выучила тебя мать.... Разъ я взялъ тебя съ собой въ театръ.... помнишь ли ты свой дѣтскій восторгъ?

княгиня. Вы ошибаетесь.... Я ничего не помню. Мои родители давно умерли.

пузыречкинъ (*на колыняхъ*). Ты моя дочь. Богъ мнѣ возвратилъ тебя. Скажи одно слово.... скажи.... отецъ-ли я твой? Скорѣе.... Скорѣе....

графъ. Княгиня, прикажите позвать вашихъ людей....

(*Хочетъ звонить*).

пузыречкинъ. Не звоните.... Я сейчасъ уйду.... Она скажетъ одно слово.... Отецъ-ли я твой?

княгиня. Нѣтъ!

пузыречкинъ (*вскакиваетъ*). Такъ и ты не дочь моя!!! (*Помолчавъ*). Постой — постой.... не уходи еще.... на лѣвомъ плечѣ есть-ли у тебя родимое пятнышко?

княгиня. Чтò вы говорите? (*Въ-сторону*). Боже мой! чтò это значитъ.

пузыречкинъ. Отвѣчай-же! (*Онъ приближается къ ней медленно, но вдругъ подбѣгаетъ и срываетъ съ нея манишку*). Боже милосердый! Она — дочь моя!

княгиня (*опираясь на графа*). Онъ убьетъ меня!

графъ (*поддерживая ее*). Придите въ себя, княгиня.... я васъ избавлю отъ него....

пузыречкинъ (*весь перемпнившись*). Не нужно... я иду самъ... иду.... Ахъ! задыхаюсь! душно! душно!

(*Подбѣгаетъ къ окну и отворяетъ его*).

графъ. Княгиня.... ради Бога! Вы блѣдны, какъ смерть....

княгиня. Ничего.... Право, я ничего не чувствую.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

КОРИНЪ, ТЪ-ЖЕ.

КОРИНЪ. Что здѣсь случилось? (*Подходитъ къ Пузыречкину*).
Что съ вами, Кирила Богданычъ?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ (*Бросается къ нему на шею и рыдаетъ*).... Уведи
меня, голубчикъ, поскорѣе.

КОРИНЪ. Вы развѣ нездоровы?

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Я нашелъ свою дочку, свою пташечку! Вотъ....
эта княгиня — моя дочь! Но она говорить, что я не отецъ ея....

КОРИНЪ (*кланяется княгини*). Боже мой! Простите, княгиня...
простите.... Старикъ вѣрно помѣшался....

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Нѣтъ! нѣтъ! Посмотри только.... На лѣвомъ
плечѣ ея родимое пятнышко. — Но она невиновата.... ее отняли
у меня маленькую и увѣрили, что я умеръ.... О, теперь она бо-
гатая княгиня, и хоть чувствуетъ, что я говорю правду, но сты-
дится отца.... Пойдемъ.... пойдемъ....

КОРИНЪ (*посмотрѣвъ на княгиню*). Вы молчите, княгиня....

ПУЗЫРЕЧКИНЪ (*Корину*). Пойдемъ, другъ. Богъ съ ней. Не обви-
най ея.... Она хочетъ выйти за этого графа.... Можетъ-быть,
она любитъ его.... а онъ, вѣрно, не женится на ней, если она ска-
жетъ, что я отецъ ея.... Пойдемъ.... Я не хочу мѣшать ей сча-
стію.... (*Помолчавъ*) Я глупый старикъ! Я ошибся! Она не
дочь моя! (*Уходитъ*).

КНЯГИНЯ (*про себя*). Боже мой! какое положеніе!...

(*Опускается въ кресла и закрываетъ лицо руками*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТЪ-ЖЕ, КРОМЪ ПУЗЫРЕЧКИНА.

КОРИНЪ (*подходитъ къ княгини*). Княгиня.... старый музыкантъ,
о которомъ я писалъ вамъ сегодня утромъ.... Княгиня.... это
тотъ самый, который теперь называетъ себя вашимъ отцомъ.
Онъ честный человекъ. Вамъ нечего стыдиться его. Княгиня,
у васъ нѣтъ сердца. Я васъ любилъ.... (*Помолчавъ, возвысивъ го-*

могъ). Я васъ любилъ... Я васъ боготворилъ. Я хотѣлъ умереть, потому что не могъ жить для васъ... Теперь умру, потому что не могу... уважать васъ. Прощайте, княгиня.

(Хочетъ уйдти).

княгиня (какъ будто просыпаясь). Гдѣ этотъ старикъ? Куда онъ ушелъ?

коринъ. Боже великій! Вы мнѣ позволяете привести его къ вамъ?

княгиня. Да — да! разумѣется!

коринъ. О Боже! (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

княгиня, графъ.

графъ. Скажите ради Бога, отъ-чего вы велѣли вернуть его?

княгиня. Развѣ я велѣла?

графъ. Разумѣется!

княгиня. А что вы думаете обо всемъ этомъ?

графъ. Надобно будетъ отдѣлаться деньгами. Онъ охотно согласится молчать.

княгиня. Стало-быть, вы увѣрены, что онъ въ самомъ-дѣлѣ мой отецъ?

графъ. А вы?

княгиня. Я? (кладетъ руки на сердце). Да, онъ мой отецъ! (Помолчавъ). Но отъ-чего же увѣрили меня, что онъ умеръ?

графъ. Для собственной вашей пользы. Это очень ясно.

княгиня. А! я понимаю.... Ну, Графъ.... что же теперь? когда же наша свадьба?

графъ. Какъ я радъ, что вы такъ благоразумны. Старика....

княгиня (повелительно). Говорите: вашего отца!

графъ. Пожалуй! Папеньку мы отправимъ въ одну изъ вашихъ деревень, которая подальше....

княгиня. Въ самомъ-дѣлѣ? Вы жалкій и ничтожный человекъ! Не ужели я соглашалась быть вашей женою? О, вѣтъ. Не можетъ быть! Я не могла упизить себя до такой степени!

графъ. Княгиня!

княгиня. Признайтесь теперь, что вы хотѣли жениться на мнѣ, потому что я богата. Я увѣрена, что у васъ самихъ ничего

нѣтъ. Не трудитесь лгать.... Я могу справиться. Ну, сколько вамъ нужно денегъ? Назовите сумму.... Я вамъ подарю ее.

ГРАФЪ. Мнѣ принимать подарки!

княгиня. Развѣ это менѣе безчестно, чѣмъ не признавать роднаго отца? Бездушный! Оставьте меня! (*Внѣ себя бросается на колѣни*). Боже, благодарю Тебя, что ты спасъ меня! Ты открылъ для меня новое счастье, котораго я жаждала такъ давно. Я буду любима отцомъ.... Благодарю тебя, Боже!

ГРАФЪ (*про себя*). Какая странная женщина!

ЯВЛЕНИЕ XI.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ, КОРИНЪ, тѣ-же (*Пузыречкинъ, сложивъ руки, остается около дверей. Коринъ приближается къ княгинѣ. Молчаніе продолжается нѣсколько времени. Пузыречкинъ поетъ свою пѣсню*).

Коль дѣти чтутъ родителей своихъ,
То и Господь благословляетъ ихъ.

княгиня (*повторяетъ слѣдующія слова, опускается на колѣни и простираетъ къ нему руки*). Батюшка!

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Наташенька!

(*Бросается передъ ней на колѣни. Молчаніе*).

ГРАФЪ. Я не охотникъ до сентиментальныхъ сценъ, ни въ жизни, ни на театрѣ. А чудная дача! Жаль, жаль! Завтра велѣлъ я придти каретнику.... Жаль! очень-жаль! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ и княгиня.

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Наташенька! Помнишь ли меня?

княгиня. Теперь помню все — все! Мы всѣ трое поѣдемъ въ деревню. (*Подаетъ руку Корину, тотъ цѣлуетъ ее*).

ПУЗЫРЕЧКИНЪ. Какъ и Алексѣй Андреечъ съ нами? Голубчикъ! Только чуръ съ ума несходить... А гдѣ графъ?.. 15 ти цѣлковыхъ-то не отдалъ!

ЮМОРИСТИКА.

**НѢЧТО О ТОМЪ, КАКЪ ПЕТЕРБУРГЪ ЗАНИМАЕТСЯ ИЗЯЩНЫМИ
ИСКУССТВАМИ И ЗАЧѢМЪ ОНЪ ХОДИТЪ НА ВЫСТАВКУ.**

Деятнадцатый вѣкъ современники называютъ спекулятивнымъ, промышленнымъ, матеріальнымъ, разсчетливымъ, прозаическимъ, холоднымъ, меркантильнымъ, эгоистическимъ. Едва ли справедливы всѣ эти обвиненія, возводимыя на этотъ вѣкъ дѣтьми самого же вѣка. То, что онъ болѣе занимается положительными, нежели поэтическими вопросами, — не подвержено никакому сомнѣнію; но вѣроятно же всего, что это стремленіе происходитъ отъ общаго, неизмѣняемаго закона бытія, составляетъ необходимый, нормальный переходъ отъ восторженнаго, юнаго возраста чело-вѣчества къ эпохѣ возмужалости и зрѣлости понятій. Увлеченные этимъ промышленнымъ направлениемъ, мы легко можемъ преувеличивать его значеніе, видѣть въ немъ единственную цѣль, духъ цѣлаго вѣка, но не намъ судить о той эпохѣ, въ которой мы живемъ и движемся. Судъ нашъ будетъ близорукъ и пристрастенъ; потомство, вѣроятно, придастъ другое названіе девятнадцатому вѣку.

И за что так жалуются на этот вѣкъ, за что преслѣдуютъ его ѣдкими насмѣшками и грозными филиппиками *герои нашего времени*? По словамъ ихъ, преступленіе его состоитъ въ томъ, что онъ занимается науками, открытіями, улучшеніями, относящимися до комфорта матеріальной жизни, до удобствъ физическихъ потребностей тѣла, что онъ бросилъ, позабылъ, пренебрегъ духовными удовольствіями, мистическими знаніями, изящными искусствами, поэзію жизни, природы и чувства. Деятнадцатый вѣкъ изображаютъ какимъ-то скептикомъ, безчувственнымъ ко всему, что выходитъ изъ круга тѣлесныхъ нуждъ, жаднымъ къ одному золоту, привязаннымъ къ одному себѣ, видящимъ въ природѣ не чудныя картины, начертанныя перстомъ Божества, а невѣсомыхъ дѣятелей, которыхъ можно съ удобствомъ примѣнить къ фабричной промышленности, готовымъ спекулировать на все: на жизнь, на чувства, на любовь, на надежды, на воображеніе; основать компаніи на акціяхъ для извлеченія дивиденда изъ материнской привязанности, изъ утопическихъ грезъ филантропа - социалиста, изъ благороднаго подвига и поцѣлуя любви, изъ перваго крика младенца и послѣдней слезы старика! Выражаясь такимъ поэтическимъ образомъ объ антипоэтическомъ направленіи вѣка, *строгіе судьи* его не подозреваютъ, что они въ тоже время обвиняютъ самихъ себя. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ нѣтъ поэзіи! Это несправедливо. *Поэзія* есть, — нѣтъ только *поэтовъ*, въ обширномъ значеніи этого слова, нѣтъ собственно живописцевъ и архитекторовъ. Въ другихъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ довольно именъ Байрона, Кановы и Мейербера, чтобы снять съ девятнадцатаго вѣка упрекъ въ недостаткѣ геніевъ. Въ наше время *мало* великихъ художниковъ и великихъ произведеній, но нельзя сказать, чтобы ихъ не было вовсе. И въ исторіи художествъ было всего двѣ блистательныя эпохи, вѣкъ Перикла и Леона X-го или Медичисовъ. Нельзя требовать, чтобы онѣ возобновлялись каждое столѣтіе. Больше всего упрекаютъ нашъ вѣкъ за желѣзныя дороги и пароходы, не понимая того, что это самое поэтическое изобрѣтеніе девятнадцатаго столѣтія. Время и разстояніе были всегдашними врагами челоуѣка, которыхъ онъ никогда не могъ покорить. Что же быть *поэтичннне* изобрѣтенія паровозовъ, уничтожающихъ разстояніе, сокращающихъ время?

Справедливо только то, что теперь въ образованныхъ государствахъ менѣе занимаются изящными искусствами; но изъ этого нельзя вывести заключенія, что художниковъ мало отъ-того, что мало цѣ-

пителей искусства: скорѣе цѣнителей искусства мало отъ-того, что мало художниковъ. Энтузіазма не можетъ быть тамъ, гдѣ нечему удивляться. Смѣшно заставить насъ восхищаться современными произведениями, когда мы видѣли Венеръ Элады и Мадоннъ Италіи.

Упрекъ въ холодности къ искусствамъ можетъ въ полной силѣ падать только на отдѣльныя націи, но не на все человѣчество. Въ Италіи до сихъ-поръ любятъ искусство, во Франціи понимаютъ его. Въ Россіи, неживущей еще и двухъ вѣковъ обще-европейской жизни, страсть къ искусствамъ не могла вполне развиться. Эстетика, какъ наука, у насъ даже не существуетъ. Въ особенности, Петербургъ имѣетъ престранныя понятія о музыкѣ, о живописи, объ архитектурѣ; это иначе и быть не можетъ: Петербургъ городъ молодой, еще не совсемъ твердо усѣвшійся на своихъ привнескихъ болотахъ. Онъ только начинаетъ жить и наживаться службою и другими благовидными занятіями; гдѣ же ему проживаться на изящныя искусства? Когда лондонская аристократія торгуетъ кирпичомъ, гдѣ же русской аристократіи скупать картины? Ей нужнѣе извѣсть на поправку скоросѣльныхъ домовъ, чѣмъ мраморъ на выдѣлку вѣковѣчныхъ статуй. Мы не достигли еще всѣхъ удобствъ жизни, — гдѣ же намъ думать объ изящныхъ украшеніяхъ? Живопись у насъ перешла на китайскія шторы и экраны, шитые шолкомъ и канителью; скульптура обратилась въ бронзирванныя статуйки Наполеоновъ и дамъ, надѣвающихъ чулки; музыка въ вариации на мотивы итальянскихъ оперъ, разыгрываемыя съ всевозможною скоростью на варварскомъ инструментѣ, называемымъ фортепіано. Пѣніе основывается у насъ на скачкахъ изъ одной октавы въ другую и на безконечныхъ фіоритурахъ; танцы на граціозныхъ движеніяхъ всѣхъ частей тѣла, кромѣ ногъ; драматическое искусство на неистовыхъ завываніяхъ и шутовскихъ переодѣваніяхъ; архитектура сосредоточилась на разныхъ фестопахъ этажерокъ, на комфортабельныхъ формахъ бержерокъ, козетокъ и другихъ изобрѣтеніяхъ великаго архитектора Гамба; поэзія — по кто же въ Петербургѣ вѣрять теперь въ поэзію? Господинъ Бенедиктовъ убилъ, доконалъ ее рѣшительно, неозвратно, своими архивосточными произведениями, полными такихъ бѣшеныхъ метафоръ, послѣ которыхъ остается намъ только, какъ Мусульманамъ, сѣсть на коверъ молчанія и положить въ ротъ палецъ удивленія. Машалахъ! Эффединъ Бенедиктовъ доказалъ, что всѣ европейскіе поэты до него, конецъ концовъ, были только гризъ, и что они, гяуры,

просто не умѣли писать стиховъ. Валлахъ Биллягъ! Магометъ пророкъ, а г. Бенедиктовъ поэтъ его!

Мы говорили уже не разъ о томъ, какъ Петербургъ понимаетъ музыку и пѣніе. (См. «Репертуаръ и Пантеонъ» 1845 года: *Физиология диллетанта и О томъ, какъ Петербургъ слушаетъ итальянскую оперу*). О петербургской поэзіи не рѣшаемся говорить, по многимъ весьма-уважительнымъ причинамъ. Посмотримъ, въ какой степени процвѣтаютъ другія изящныя искусства въ нашей столицѣ, не весьма-жалуемой Фебомъ и компаніею.

Объ архитектурѣ у насъ вообще очень-мало заботятся, и едва-ли найдется сотня другая людей въ Петербургѣ, которые сьумѣли бы отличить коринтскій ордеръ отъ дорическаго. При частныхъ постройкахъ не заботятся о красотѣ: былъ-бы домъ скорѣе выстроенъ, да имѣлъ-бы побольше канурокъ, называемыхъ квартирами — и все тутъ. Колоннады, галереи, каріатиды, балконы, террасы стоять дорого, занимаютъ лишнее мѣсто. Гораздо-выгоднѣе устроить лишній сарай и конюшню. Частные дома въ Петербургѣ возводятся по одному плану, подъ одну форму. Исключенія есть, но они извѣстны всѣ на-перечетъ. Въ патриархальныхъ частяхъ города, тамъ, гдѣ онъ не походитъ уже на самого-себя, попадаются иногда дома весьма-дикой архитектуры, выстроенныя еще въ прежніе годы. Глядя на эти затѣйливыя созданія русской прихоти, радуемся, что въ настоящее время правительство смотритъ за строеніями, и даетъ имъ, хотя и однообразный, но, по-крайней-мѣрѣ, правильный видъ. Дай-ка русскому-человѣку волю выстроиться, какъ ему угодно, онъ построитъ такой лабиринтъ комнатъ и клѣтокъ, что и самъ Дедалъ ничего въ нихъ не разберетъ. Общественныя зданія, имѣющія какое-нибудь специальное назначеніе, также не могутъ изобиловать архитектурными украшеніями. Лѣпныхъ работъ и барельефовъ чрезвычайно-мало въ Петербургѣ, монументовъ также.

На выставкѣ, бывшей въ прошломъ мѣсяцѣ въ Академіи Художествъ, и внушившей намъ мысль набросать нѣсколько замѣтокъ объ изящныхъ искусствахъ въ Петербургѣ, никто и не обращалъ вниманія на архитектурныя программы, проекты и орнаменты; всѣ очень-спокойно проходили мимо ихъ, не удостоивши ни однимъ взглядомъ, и когда въ другихъ залахъ толпились народъ, — двѣ первыя комнаты были всегда пусты.

Скульптура еще въ меньшемъ почетѣ въ Петербургѣ, чѣмъ архитектура. Русская душа какъ-то не лежитъ къ статуямъ. Не ловко имъ въ палатахъ русскаго вельможи; на открытомъ воздухѣ

онѣ принимаютъ какую-то постную физиономію. Какъ-то дико смотритъ наша жеманность и чопорность на ихъ гордую, пластическую наготу, находятъ *неприличнымъ* восхищаться ихъ роскошными формами. Мы нашли, что гораздо-приличнѣе любоваться корсетомъ, ватными подушечками и волосяными юбками, чѣмъ отъ природы данными формами. Стрекозипная талія теперь у насъ верхъ красоты. Полнота тѣла и свѣжій цвѣтъ лица принадлежать къ величайшимъ недостаткамъ.

На нынѣшней выставкѣ не было и десятка новыхъ статуй. Дамы проходили мимо нихъ, отвернувши голову, маменьки дергали за платье своихъ наивныхъ дочекъ, чтобы онѣ не засматривались на эти *непристойности*. Статуи эти были впрочемъ весьма-пристойно прикрыты. Чиновники останавливались противъ ихъ съ казенною улыбкой и шептали что-то другъ-другу на ухо, вѣроятно, въ родѣ знаменитой фразы квартальнаго, въ повѣсти Гоголя — *Портретъ*: «Предметъ, тово, игривый!» Господа военные значительно покручивали усы. Купцы недовольно потряхивали бородками. Однѣ старухи спокойно окидывали ихъ лягушечьими взглядами съ ногъ до головы, восклицая: «Эхъ ты, подумаешь! ахъ ты Господи!». Въ античной галереѣ все стояло задомъ къ превосходнымъ копіямъ статуй пластической Эллады.

Но всего любопытнѣе были сужденія знатоковъ о живописныхъ произведеніяхъ, красовавшихся въ нынѣшнемъ году на выставкѣ. Петербургъ имѣетъ гораздо-болѣе претензій на любовь и знаніе живописи. У многихъ изъ нашихъ вельможъ есть замѣчательныя картинныя галереи. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь порядочнаго дома, гдѣ-бы вы не нашли довольно-сносной картины, писанной масляными красками, или хорошей англійской гравюры, акватинты и даже акварели, работы какого-нибудь русскаго художника. У небогатыхъ людей часто все стѣны бываютъ увѣшаны парижскими литографіями, гравюрами *au bûrin* и *à l'eau forte*, съ политипажамы. Три магазина эстамповъ вѣчно завалены кипами рисунковъ разнаго рода. У оконъ магазина Юнкера часто нѣтъ прохода отъ народа, любующагося какими-нибудь Граведонскими головками. Иллюстраціонная литература распространила повсюду вкусъ къ живописи. Аляповатыя фигуры суздальской кисти печатаютъ даже съ выѣскокъ. Лубочныя картины въ настоящее время рѣдкость въ Петербургѣ. Русскій мужикъ смотритъ на нихъ не съ прежнимъ уваженіемъ, а съ насмѣшливою улыбкой. Не погребеніе кота и не страшный-судъ лѣпится онъ теперь на стѣнки

своей квартиры, а портреты разныхъ генераловъ, картинки парижскихъ модъ и гравюры, выдранныя изъ старыхъ французскихъ книжонокъ. Самое мелкое народонаселеніе Петербурга, живущее гдѣ-нибудь въ душномъ подвалѣ, окнами на дворъ или въ глухой переулочкѣ, непременно обклеиваетъ разными картинками, не стѣны, по которымъ змѣится сырость и ходятъ тучи странныхъ насѣкомыхъ, — а стекла своихъ низенькихъ оконъ, откуда видны только сапоги и ноги гуляющихъ, не выше колѣнъ. Картинки эти, прилѣпленныя къ стеклу чѣмъ ни попало и какъ ни попало, болѣею частію добыты съ конфетъ, подняты гдѣ-нибудь изъ сору и грязи. Нерѣдко между ними красуется цвѣточный вѣнокъ съ помадной банки, съ надписью русскими буквами: «Полмадъ ала Резида». Не знаемъ, какъ другимъ, а намъ никогда не приходилось въ голову смѣяться надъ бѣднякомъ, налѣпившимъ съ самодовольною улыбкою уродливыя картины на тускляя, зеленоватыя стекла своего убогаго уголка.

Посѣщая академическую выставку почти каждый день, со времени ея открытія для публики, мы слышались столько любопытныхъ сужденій о живописи вообще, и о нѣкоторыхъ картинахъ въ особенности, что рѣшились замѣтить нѣкоторыя изъ этихъ сужденій людямъ въ поученіе, потомкамъ во удивленіе. Всего ни упомянуть, ни передать нѣтъ возможности. Какъ разъ обвинять въ преувеличеніи и неправдоподобіи. Какъ ни хвали людей, имъ все мало; — сдѣлай небольшое замѣчаніе, наживешь себѣ враговъ на всю жизнь. Представимъ легкіе очерки сужденій о самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ.

СЦЕНА I.

Зала Академіи, означенная въ печатномъ указателѣ художественныхъ произведеній буквою И.

Коломенское семейство стоитъ передъ картиною Круговижина «Подвигъ Никитина» изъ повѣсти Марлинскаго.

Первая дочка (дергая за рукавъ маменьку). Мама! мама! смотрите! Мореходъ Никитинъ! Душка Марлинскій! чудо! Маменька, вы меня все локтемъ пихаете! Что это? —

Вторая дочка. Ахъ прелесть! Ахъ, какъ мило! (Зампчая, что подлѣ нея остановился молодой человекъ). Сет-экселянтъ!

Третья дочка. Ужъ лучше-бы нарисовали Амалатъ-Бека, го-

раздо было-бы интереснѣе! Въ черкесскомъ платьѣ, чудо! А то просто русскаго мужика выставили!....

Четвертая дочка. Или Фрегатъ Надежду!.... Ахъ, Фрегатъ Нада! Вотъ прелесть! Сашенька! что это вы все мнѣ заслоняете картину?....

Пятая дочка. Самого-бы Марлинскаго нарисовали.... Я его никогда не видала!...

Шестая дочка. Катенька! поправьте шляпу! Она у васъ со-вѣмъ на затылокъ съѣхала!.... Ахъ папá! какъ это хорошо! папá!

Папá. Да! да! очень-хорошо. Чортъ возьми! очень-нужно вни-зу шинели обрвать.

Тѣтушка. А позвольте васъ спросить, Елисей Семенычъ, что-же это барышни говорятъ, что это картина Марлинскаго, когда подъ ней подписано *Круговихина?*

Кандидатъ въ литераторы (останавливаясь передъ картиной съ презрительной улыбкой). Кто это вздумалъ брать сюжеты для картинъ изъ жалкаго фразѣра Марлинскаго? Какъ не стыдно! Впрочемъ этимъ господамъ Марлинскій по-плечу! Не имъ изоб-ражать высокія картины «Мертвыхъ Душъ», проникнутыя гоме-рическимъ пафосомъ! *Plébs profána!*

Огромная толпа стоитъ передъ безжизненнымъ портретомъ ка-кой-то Турчанки въ тюрбанъ, съ малиновыми щеками, освещен-ной ярко-золотымъ солнцемъ. Голоса въ толпѣ.

— Вотъ прелесть! — Вотъ хороша-то! — Какое удивительное освѣщеніе! — Лицо точно восковое. — Неподражаемо! — Колоритъ, знаете, мастерски набросанъ! — Чудо, просто! Ни одной тѣни въ лицѣ! — Отличная штука-съ, нѣчего сказать!

Господинъ съ усами въ венгеркѣ (во все горло). J'acheterai ça.

СЦЕНА II.

Зала подъ литерой — J.

Деревенская дѣвушка, съ платкомъ въ рукахъ работы Чернышева.

Толстый купецъ (сложивъ руки на животъ, и довольно улы-баясь). Эка-ты поди!.... Вишь какъ пляшетъ, рукой машетъ, въ

огородъ къ себѣ манить. Молодцѣ! молодцѣ! важно написано! Мастеръ живописецъ, неча сказать. Собаку съѣлъ. Потрафилъ, разбойникъ. Ей-ей, вотъ такъ самому хочется прѣтопнуть да и пойти съ ней! Вотъ оно что.

Дама въ визиткѣ (проходя съ бородатымъ кавалеромъ). Что это? Мужичка! Фи! quelle horreur! Что это нынче на выставкѣ одни мужики да нищіе.

Бородатый кавалеръ. Нѣтъ, ма сѣге, есть много и хорошаго.... Вотъ тамъ дальше, посмотри, какъ хорошо; — овъ снялъ съ меня портретъ!

=

Передъ картиною Станкевича: «Дѣвушка плетущая вѣнокъ» стоитъ господинъ воинственной наружности; на руку его оперлась дама, съ очень-полнымъ станомъ, въ шляпкѣ à la Pamela.

Дама (тошно). Не правда-ли, Сержъ, что эта картина на меня немножко похожа? Какъ странно! Вѣрно, живописецъ меня гдѣ-нибудь видѣлъ? Глаза въ особенности. Посмотри? Не правда-ли?

Сержъ. Ну нѣтъ, гдѣ-же? На портретъ совсѣмъ не та экспрессія.

Дама. Что-жь, по вашему, у меня въ глазахъ нѣтъ экспрессіи что-ли? Небось у вашей Минны Ивановны больше? Что-жь по вашему, я уродъ, что-ли?

Сержъ. Ахъ какая ты! сейчасъ и расходишься! Я тебѣ говорю только, что не та экспрессія, это совсѣмъ не то значить, чтобъ не было экспрессіи.

Дама. Подите пожалуста! Мнѣ кажется, вы за тѣмъ и пригласили меня на выставку, чтобы наказать мнѣ обидныхъ вещей.

Сержъ. Ну, ну, полно! Дай мнѣ ручку!... Какая миленькая ручка!

Господинъ съ усами (проходя). L'acheterai ça.

Сцена III.

Зала подь литерами А.Д.

Толпа народу передъ картиною Васильева: «Нападеніе русскихъ войскъ на французскій лагерь при Тарутинѣ.» Между нею кандидатъ въ литераторы. Голоса изъ толпы.

— Убитые совсѣмъ ненатурально сдѣланы. — Очень-хорошо убитые изображены. — Лошади очень-хороши, но лица солдатъ

очень-дурны. — Лица солдатъ очень-хороши, но за то лошади очень-дурны. — Не хорошо, знаете, скандальныя сцены въ сраженіи представлять: вонъ тамъ какъ этотъ казакъ на марки-тантку кинулся. — Очень хорошо сдѣлалъ художникъ, что оживилъ батальный родъ эпизодами; этотъ казакъ съ маркитанткой дѣлаютъ прекрасный эффектъ. — Прекрасно! — Очень-слабо! —

Кандидатъ въ литераторы. — И что это за сюжеты выбираютъ! Нѣтъ, чтобы изъ Гоголя что-нибудь нарисовать.

Господинъ съ усами. Je n'acheterai pas ça.

Маменька, (толкая впередъ дочекъ, остановившихся передъ картиной Икара). Проходите, проходите скорѣе! Смотрите направо!... Если-бъ я знала, что здѣсь будутъ такія гадости показываться, ни за что-бы васъ сюда не взяла. —

Маленькая дѣвочка. Машенька! Что это тамъ такое внизу нарисовано.... (Голосъ исчезаетъ вдали.)

СЦЕНА IV.

Зала подь лиферами Г.Г.

Муножество народу передъ копіей Дмитріева съ картины Брюлова—Послѣдній день Помпеи.

Знатокъ, качая головою. Нѣтъ! я вамъ скажу!... Не слѣдуетъ, совѣмъ не слѣдуетъ въ маленькомъ видѣ Помпею рисовать. Совѣмъ нѣтъ той граціозности, величіе пропадаетъ.

Господинъ Хамелеонъ. Да, да, конечно!

Другой знатокъ (по уходѣ перваго). Знаете-ли, что картина Брюлова несравненно болѣе выигрываетъ въ такомъ маленькомъ видѣ? Какъ-то лучше, схватывая все части вдругъ, постигаешь ихъ величіе, лучше оцѣниваешь высокія красоты подлинника. Непремѣнно надобно дѣлать копіи въ уменьшенномъ видѣ.

Господинъ Хамелеонъ. Да! да! Непремѣнно!

Провинціалъ (останавливаясь съ удивленіемъ передъ картиной). Что-же это, батюшка? Развѣ это Помпея-то? Что-жъ мнѣ говорили, что она пребольшущая картина.

Нѣкто съ пальто. Она и была прежде большая, да комната въ Академіи по ней не приходилась, вотъ ее взяли да и сократили.

Провинціалъ (съ недоверчивостью смотритъ на пальто, не зная, въпритъ ему или нѣтъ, но обидѣй смѣхъ рѣшаетъ его недоумліе).

Онъ оборачивается къ пальто и говоритъ ему съ-гнѣвомъ). Не на того напали, батюшка! Стройте шпильки другимъ! Вы думаете, мы, провинціалы, такъ ничего и не смыслимъ. Поумиѣе васъ найдутся, батюшка! (Отходитъ съ негодованіемъ и попадаетъ на литографированный портретъ Императрицы Екатерины). Вотъ ужъ это и безъ распросовъ видишь, что этому здѣсь совѣмъ не слѣдъ быть! Говорять, что выставка, такъ и выставляй рисованныя картинки, а печатныхъ-то совѣмъ не нужно выставлять! Это не штука! Ихъ въ каждой типографіи дѣлаютъ.

Господинъ Хамелеонъ. Да! да! разумѣется!

СЦЕНА V.

Античная галлерей.

Большая толпа передъ картинами Басина.

Коломенскій моншеръ (своему пріятелю). Чтò ты смотришь, моншеръ, на эти картинки безъ красокъ? что ты въ нихъ нашель хорошаго? Посмотри лучше, какъ тамъ пагая женщина нарисована: просто, прелесть, чрезвычайно-заманчиво!

Второй моншеръ. Съ-чего ты взялъ, что я на картины люблюсь... Я, моншеръ, на живыя картинки смотрю! Взгляни-ка сюда лѣвѣе... вотъ, братъ, личико-то, въ черной шляпкѣ, въ бархатной мантилкѣ съ шеншилой... Просто, деликатесъ...

Дама, (съ шляпкѣ *à la Polka*, картавитъ невыносимо юношѣ въ очкахъ). Посмотрите, Вгадимігъ Петговвчъ, какая жалость! Эти кагоны совершенно заслонили пгекгасныя гисунки Гафаеля.

Юноша (съ увѣренностію). Это сзади-то-съ? Нѣтъ-съ! это не Рафаеля.... вонъ съ-боку даже и надпись видна... Это какого-то *d'Урбино*... Да и по манерѣ видно сейчасъ, что не Рафаеля! Колоритъ совѣмъ не тотъ!

Дама. А какъ-же мнѣ сказали, что это Гафаеля?

Два офицера передъ картиной Зельгейма: Сраженіе подъ Варшавой.

Первый офицеръ. Ты, братецъ, былъ, кажется, подъ Варшавой. Что, похоже нарисовано?

Второй. Очень-похоже! Чрезвычайно-вѣрно!... Дымъ тамъ этотъ, лошади... все чрезвычайно-хорошо.

Господинъ съ усами (проходя) J'acheterai ça.

Два чиновника передъ картиной Стречкова: Солдатъ съ рюмкой и штофолъ вина.

Первый чиновникъ. Вотъ, батюшка, нарисовано-то, такъ просто, прелести! Брюловская штука, я вамъ скажу. Итальянская живопись.

Второй чиновникъ. Ну, итальянская не итальянская! До Рафаэля, я вамъ скажу, далеко... Знаете тамъ какую-нибудь Мадонку этакъ, потрудитѣ нарисовать будетъ. Даже и Цицианъ-Карреджій получше будетъ! Вотъ что!..

Первый. Ну да, конечно! Оно тамъ у всякаго своя манера.

Сцена VI.

Круглый залъ.

Густая масса передъ дагеротипными рисунками.

Господинъ съ значительной миной (другому-господину съ сладенькой физиономіей). Я вамъ скажу, про дагеротипы больше кричать, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ значать. Всякій портретъ лучше выходитъ. Сходства никакого нѣтъ. Лица выходятъ безо всякаго значенія. Какъ-то все это, знаете, невыразительно....

Господинъ съ сладенькой физиономіей. Точно такъ, ваше превосходительство... Дагеротипы эти, просто, никуда не годятся.

Помыщикъ (одному пальто). Позвольте спросить васъ, батюшка, я все-таки никакъ этого въ толкъ не могу взять! Какъ же это солнце самó портреты пишетъ?

Пальто (съ достоинствомъ). Это очень-просто. Надобно только знать немножко химію. Видите-ли, берется іодистая доска, покрытая серебряннымъ растворомъ, и вставляется въ камеру-обскуру.

Отъ этого лучи солнца, проходя сквозь стекло, отражаются на доскѣ нѣсколько выпукло, хоть это и незамѣтно сначала. Потомъ стоить эту доску окунуть въ ртуть, и портретъ самъ-собою тотчасъ же выходитъ.

Помпыщикъ (глядя подбородокъ). Вотъ чтó-сь. Ну теперь оно понятно, по-крайней мѣрѣ, а то мнѣ давеча толковалъ кто-то о свойствѣ нѣкоторыхъ растворовъ поглощать солнечные лучи.... оно вотъ и похоже на то, чтó вы говорите, да не такъ ясно, знаете.

Пальто. Да, конечно-сь. Все дѣло, видите-ли, въ умѣннн объяснять.

СЦЕНА VII.

Первая зала по третьей линнн.

Группа мужчинъ передъ картиною Майкова: Полунагая эсепципа, расчесывающая косу передъ зеркаломъ.

Усы. Тѣло очень идеально сдѣлано, за то волосы пехороши. *Бакенбарды.* Волосы то какія удивительныя, жаль, что тѣло ненатурально.

Вице-мундиръ. Нѣтъ! это все ничего! посмотрите, какъ зеркало сдѣлано.... Искусство-то какое.

Красный носъ. Жаль, что она только спивою, а не передомъ нарисована.

СЦЕНА VIII.

Вторая зала по третьей линнн.

Передъ Вакханкою Тыранова также бездна народу, все мужчины. Дамы, проходя мимо ее, краснѣютъ и отворачиваются.

Художникъ (съ бородкой). Не понимаю, чтó хорошаго находить въ этой Вакханкѣ. Вездѣ только и слышишь похвалы ей. Никакой природы нѣтъ! Поза самая неестественная, тѣло писано слишкомъ яркими цвѣтами! Къ-чему это красное покрывало на колѣняхъ и какъ оно драпировано?... Грудь слишкомъ дѣвственна для Вакханки.... По лицу нельзя узнать, какое чувство волнуетъ ее въ эту минуту.... Глаза довольно-выразительны, полуоткрытой ротъ очерченъ недурно, но остальная часть лица, на которомъ

не шевелится ни одинъ мускуль, несколько не гармонируетъ съ глазами и ротомъ.

Любитель. Можетъ-быть, вы и правы въ художественномъ отношеніи. Я объ этомъ не могу спорить. Но позвольте вамъ замѣтить, что вы слишкомъ строго смотрите на эту прекрасную картину. Много-ли вы найдете лучше ее на этой выставкѣ? Почему-же нибудь да производить она впечатленіе на всю эту разнородную массу, мимоходомъ сказать, не весьма-образованную въ эстетическомъ отношеніи. Вы сами говорите, что она *всѣмъ* правится, а помните, что сказалъ Талейранъ: «Есть нѣкто, кто гораздо-умнѣ меня и Наполеона, — это *всѣ!* (tout le monde)».

Художникъ. Позвольте замѣтить вамъ, что въ художественномъ отношеніи это совершенно-не-справедливо. Я докажу вамъ.

Любитель. Доказательства ваши будутъ напрасны, — оставьте меня при моемъ заблужденіи. Въ этомъ случаѣ мое невѣжество доставляетъ мнѣ гораздо больше-удовольствія, чѣмъ ваша ученость.

Художникъ. Какъ вамъ угодно! (*Съ насмѣшкой отъ него отворачивается*). *Дама (съ открытой шеей и волнообразными движеніями стана), проходя мимо Вакханки, своей подружкѣ:* Непонимаю, какъ можно выставлять въ Академіи такія неприличныя картины. Ихъ мѣсто у какой-нибудь мадамъ Б — рь. Порядочнымъ женщинамъ, просто, показываться здѣсь нельзя. (*Проходитъ, дѣлая глазки одному усачу*). *Дама скромно, но мило одѣтая, смотря издали, схватываетъ за руку женщину пожилыхъ лѣтъ*). Ахъ, Мама, какъ хороша эта картина! Я не могу на нее насмотрѣться.

Пожилая женщина. Тише пожалуста! Не изъясляй такъ громко своего восторга, а то тебя примутъ Богъ знаетъ за кого!

Господинъ съ усами и въ венгеркѣ останавливается передъ картиной съ раздвинутыми ногами, разинутымъ ротомъ и кричитъ во все горло: J'acheterai ça! J'acheterai ça.

Сцена IX.

Четвертая зала по третьей линіи.

Господинъ въ бекешѣ проходитъ съ цѣлою кучею знакомыхъ мимо рисунковъ Дессена, говоря: Ну, тутъ смотрѣть нечего. Это все маленькія картинки.

Одна изъ знакомыхъ (смотря въ книжку). Скажите пожалуйста, Василій Петровичъ, что это значить, что тутъ у нѣкоторыхъ картинокъ написано *бистромъ и гвашию*.

Господинъ въ бекеши. Это такъ, знаете, акварели разныя!

Группа знакомыхъ передъ портретомъ одного господина.

Первый знакомый. Скажите, пожалуйста, какъ похожъ Илья Васильичъ-то!

Второй знакомый. И въ-самомъ-дѣлѣ! Какъ похожъ! Да какъ это онъ на выставку попалъ?

Третій знакомый. Есть что и выставлать, признаться. Что за интересъ? Мы его навзусь знаемъ.

Четвертый знакомый. Ну вѣтъ! все-же пріятно знакомаго увидать!

(Проходятъ).

Почтенный человекъ (пріятелю). Не понимаю право, что за страсть у нѣкоторыхъ лицъ выставлать свои портреты на удивленіе всей публики. У этого господина еще есть какое-нибудь выраженіе въ лицѣ, а сколько есть такихъ, на чьи лица и въ натурѣ-то даже смотрѣтъ непріятно. Въ заднихъ комнатахъ, напримѣръ, есть портретъ господина, сидящаго на красныхъ креслахъ. Комната и все ея принадлежности сдѣланы прекрасно, но взглянувши на самого господина, станеть досадно, что онъ заслонилъ своею неинтересной фигурой чудесное красное кресло.... Не понимаю, что за цѣль выставлать лица, рѣшительно никому неизвѣстныя и ничѣмъ незамѣчательныя.... Для меня гораздо интереснѣе портретъ собаки, испугавшейся рака, чѣмъ всѣхъ этихъ фраковъ, пуговицъ и жилетовъ, съ принадлежащими къ онымъ лицамъ.

Пріятель. Развѣ ты не знаешь, что Петербургъ зараженъ страстью къ извѣстности. Въ немъ есть множество лицъ, которые изъ кожи лѣзутъ для того, чтобы сдѣлаться чѣмъ-нибудь замѣтнѣе другихъ, приобрести популярность. Смѣшнѣе всего, что многіе изъ львовъ большого свѣта бьются только изъ того, чтобы объ нихъ узнала Коломна. Эта страсть къ извѣстности заставляеть многихъ пѣть въ концертахъ ихъ учителей или играть сиегтакли въ пользу бѣдныхъ выставлать себя на позорище чиновнической публики!... А знаешь-ли ты, какъ пріятно сказать

знакомымъ: «Были вы на выставкѣ? Видѣли мой портретъ? Не правда-ли похожъ?»

Почтенный человекъ. Да, ты правъ! Страсть къ извѣстности не одного порядочнаго человека сдѣлала смѣшнымъ. Избави насъ Богъ отъ этихъ знаменитостей!...

Сцена X.

Зала Брюлова.

Нѣсколько эксцентриковъ передъ пейзажами Кассамы.

Первый эксцентрикъ. Право, я ничего не вижу хорошаго въ этихъ портретахъ воды и деревьевъ. Сѣро, мутно, желто, зелено и все тутъ.

Второй эксцентрикъ. Мнѣ гораздо-больше нравятся портреты грушъ и рѣны. По-крайней-мѣрѣ, сейчасъ можно судить, похоже или нѣтъ.

Третій эксцентрикъ. Да! А попробуй сказать художнику, что малиноваго неба и лиловыхъ облаковъ не бываетъ въ природѣ, такъ, тебѣ же, глядишь, осмѣетъ, скажетъ: не наблюдали природу, сударь, не проводили въ созерцаніи красоту ея цѣлыхъ дней.... Вотъ и тутъ одна половина камня красная, а другая желтая; — скажи что этого быть не можетъ, тотчасъ живописецъ скажетъ: такая бываетъ игра свѣта, въ натурѣ отраженія лучей еще страннѣе. Послушаешь, да и пойдешь прочь, не смѣешь спорить, потому что, чертъ его знаетъ, можетъ-быть, въ самомъ-дѣлѣ оно тамъ такъ и нужно.

Первый эксцентрикъ. Правда твоя, братецъ. И интересу никакого нѣтъ въ этомъ родѣ живописи. Земля да небо, зелень да вода. Да это на каждомъ шагу встрѣтить можно! Хочешь рисовать, такъ рисуй Венеръ, да цыганокъ! Это будетъ, по-крайней-мѣрѣ, картина, живопись!

Всѣ эксцентрики хоромъ. Конечно! конечно.

Бездна народу передъ картиной «Переходъ черезъ Березину.»

Одинъ знатокъ (въ очкахъ, съ обезьянней физиономіей, смотря съ кулакъ на картину). Прелесть, чудо! brava! c'est charmant!

délicieux! portreifflich! very well! barzo dobrze! przedzivno! вай миръ, какъ хорошо!

Дама съ слабыми нервами (Полю съ усали). Ахъ Поль, пойдемте Поль! Я не могу видѣть человѣческихъ страданій... Это невыносимо!... Смотрѣть, какъ люди умирають! Это ужасно, Поль, пойдемте Поль.

Поль (въ усаяхъ). Постой, матушка, ты мнѣ такъ сжала руку, что, я думаю, спянки будутъ. Видишь, какая слабая.

Купецъ (толкая другаго). Савельичъ! глянь-ко! Березина!

Другой купецъ. Гдѣ? гдѣ?

Первый купецъ. Гдѣ! гдѣ! олухъ Царя небеснаго! Не видишь што-ль, картина у него подъ носомъ, а онъ еще «гдѣ» спрашиваетъ.

Другой купецъ. А нешто это все Березина!

Первый купецъ. Вѣстимо все!

Другой купецъ. Ишь ты! подитка! Все Березина! Эко дѣло!

Молодой человекъ (старуха, въ простой куцавейкѣ и въ платкѣ, повязанномъ на голову, которая горько плачетъ, смотря на картину). Ты о чемъ, старуха, плачешь? Что тебя картина что-ли такъ разстроила? Или ты подъ Березиной была?

Старуха. Нѣтъ, батюшка! У меня тамъ сына убили!...

Три чиновника передъ портретомъ одной дамы.

Первый чиновникъ. Хмыренко! Смотри-ко сюда! скорѣе! Въдѣ это графиня В.

Второй чиновникъ. Въ самомъ-дѣлѣ она! — И какъ похожа! И платье то на ней что-то знакомое одѣто.

Первый. Да! Мнѣ самому кажется, что я гдѣ-то видѣлъ ее въ этомъ платьѣ... И прическа ея! Все очень-похоже.

Второй. Въ послѣдній четвергъ однакожъ она была à la Polka причесана.

Первый. Ну то было у себя дома, на вечерѣ, запросто, а вотъ въ пятницу въ Итальянскую оперу она ѣздила въ этой самой прическѣ.

Второй. Да! и въ червой мантильи-муаре! Какъ-же!

Третій чиновникъ. А что, господа, часто вы бываете у графини В.

Первый (смотря на третьяго съ удивленіемъ). Мы совѣмъ незнакомы съ нею.

Третій. А судя по вашимъ словамъ, мнѣ показалось, что вы ее очень-хорошо знаете.

Второй. Да! мы знаемъ ее очень-хорошо. Развѣ нельзя знать человека, не бывая у него въ домѣ?

Первый (стараясь замять разговоръ). Прекрасный портретъ, неправда-ли?

Господинъ (въ усахъ и венгеркѣ проходя). J'acheterai ça!

Сцена XI.

Парадная лѣстница Академіи. Толпы народа поднимаются вверхъ, другія сходятъ въ сѣни, берутъ шинели, палки, зонтики, оставившись, разговариваютъ, здороваются, прощаются.

Дама (въ шляпкѣ à la Polka). Пойдемте, Владиміръ Петровичъ, я ужъ насмотрѣлась! Очень-мало, знаете, идилліи, все такіе себѣзные предметы!

Юноша въ очкахъ. Да-съ! Знаете, не то время! Нѣтъ Рафаелей и Микель-Анджелей! Живопись совершенно падаетъ.

Чиновникъ (другому). Просто удивительно, какъ нынче живопись съ каждымъ днемъ улучшается. Сколько удивительныхъ талантовъ! Этотъ солдатъ съ рюмкой, крестьянская дѣвушка, харчевня, русскій курьеръ — просто, хоть-бы какому гению такъ написать.

Другой чиновникъ. Да! батюшка, погодитко еще годиковъ десятокъ, такъ мы всякую тамъ Италію за поясъ заткнемъ.

Помѣщикъ (надвывая шубу). Признательно сказать, гораздо больше ожидалъ я отъ выставки. Ничего, знаете, такого нѣтъ, что-бы за душу ущипнуло.

Пальто. Да, конечно!.. Знаете, тону древнихъ картинъ нѣтъ! Клеръ-обскюръ соблюдать не умѣютъ.

Красный носъ (вице-мундиру). Пойдемъ брать въ Балабинское, гуликнемъ на-последяхъ.

Вице-мундиръ (красному носу). Пойдемъ; эта прогулка по Академіи, знаешь, какъ-то аппетитъ возбуждаетъ!

(Коломенское семейство укутывается въ салоны и шинели.)

Первая дочка. Что вамъ больше всего понравилось, Машенька?

Вторая дочка. Чересы! Помните, ихъ тамъ цѣлая картина была нарисована. Прелесть, просто!

Третья дочка. А мнѣ такъ портретъ капитана.

Четвертая дочка. А мнѣ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ.

Пятая дочка. А вы, Катенька, совсѣмъ на картинки не смотрѣли! Все посторонямъ зѣвали. Зачѣмъ вы и въ Академію-то ходите?

Шестая дочка. Не ваше дѣло за мной замѣчать,—смотрѣли-бы за собою. Вы все тому офицеру на ноги становились, будто нарочно.

Папенька. Полноте-же вы тамъ, трещотки! Одѣвайтесь что-ли скорѣе! Чтобы васъ совсѣмъ и съ этой Академіей! Мочи нѣтъ накупило.

Тетушка. Нѣтъ, кой-какія штучки порядочныя очень были, нельзя сказать.

Дама съ визиткѣ (проходя мимо Коломенскаго семейства). Что за народъ пускается сюда, c'est dégoutant, впрочемъ по нимъ и выставка! П'уа que des atrocités.

Бородатый кавалеръ. Ну, нѣтъ! ты слишкомъ строго судишь. Мой портретъ очень-хорошо сдѣланъ и нисколько не флатировать! Vraiment!

Господинъ въ бекешѣ (ведя знакомыхъ). Вотъ и все осмотрѣли-съ. Какъ вамъ понравилось?

Знакомые (хоромъ). Очень! очень! покорно васъ благодаримъ за ваше безпокойство!..

Господинъ въ бекешѣ. Помилуйте-съ! Очень-пріятно! Тутъ не было никакого безпокойства!..

(Группа купцовъ спускается съ лѣстницы.)

Первый купецъ. Что, какъ вамъ выставка, Карпъ Ивановичъ?

Второй. Да такъ съ, Никаноръ Петровичъ, не то, чтобы очень.

Третій. Да, оно тово... небольно важно!

Четвертый. Не шемить, Кононъ Кононычъ, вотъ ей-ей не шемить ни на столічка.

Пятый. Живописности много, но чувствительности на сердце не производитъ.

Нѣсколько воинственныхъ лицъ.

Первое лицо. Пріятно, знаете, господа, этакъ воинственные подвиги видѣть.

Второе. Да! да! страшеня въ нѣкоторомъ родѣ славу отечества напоминають.

Третье. Наваринское укрѣпленіе невѣрно сдѣлано, очень невѣрно! Я самъ былъ на Кавказѣ, все знаю.

Четвертое. Досадно, что курить въ залахъ не позволяютъ. Смерть хочется затянуться.

Толстая дама (въ шляпкѣ à la Poméla). Ну, Сержъ, что же вамъ на выставкѣ больше всего понравилось?

Сержъ. Я не видалъ никого, кромѣ васъ. Погодите, я отыщу вашу цыганку (*Отходитъ*).

Никто въ пальто (подходя къ толстой дамѣ). Такъ сегодня вечеромъ?

Толстая дама (очень-скоро). Да, въ 12 ть часовъ, я его сегодня отправлю домой.

Толпа знатоковъ и художниковъ, въ числѣ ихъ господинъ Хамелеонъ.

Первый знатокъ. Но мнѣ кажется, что колорить Рубенса...

Первый художникъ. Какъ это можно! Еще у Вавъ-Денка можно кое-что занять, но Рубенсъ даже зачастую грѣшитъ противъ свѣто-тѣни.

Господинъ Хамелеонъ. Да! да конечно!

Второй знатокъ. Я нахожу, однако-же, что на выставкѣ было кой-что очень порядочное.

Третій знатокъ. Даже очень!

Господинъ Хамелеонъ. И мнѣ тоже кажется.

Второй художникъ. Какъ это можно, господа, отзываться такъ объ искусствѣ? Помилуйте ради Бога, что вы нашли во всемъ этомъ хорошаго? Собраніе носовъ, лошадей, кресель, деревьевъ, вывихнутыхъ рукъ, скорченныхъ ногъ и глазъ свѣтло-лосиноваго цвѣта, называется картинками! — Ни одной идеи, ни одной позы.

Господинъ Хамелеонъ. Да, да, конечно!

Провинціалъ (вслушиваясь). Вишь какъ сами Питерцы своихъ земляковъ отдѣлываютъ. Ну что-жь, своего мѣстна нечего скрывать. Коли не правится, отъ-чего не сказать; ну пусть и меня спросятъ: хороша-ли выставка? Я тожь скажу, что никакой идеи, ни какой позы нѣтъ, право, скажу.

Кандидатъ въ литераторы. И хоть-бы что нибудь изъ Гоголя... (*Уходя въ отчаяніи толкаетъ господина съ значительной миной*)

Господинъ съ значительной миной (чрезвычайно обидясь). Милостивый государь, смотрите, кого толкаете. Что это за народъ! Хоть-бы для порядочныхъ людей особый подъездъ сдѣлали.

Господинъ съ сладенькой физиономіей. Нужно-бы, очень-нужно-бы, ваше превосходительство.... Позвольте, я вамъ помогу шубу надѣть, ваше превосходительство.

Дама съ слабыми нервами (повиснувъ на руку Поля съ усами). Поль, Поль! пройдемте скорѣе! Здѣсь невыносимо нахвѣтъ! Столько народу! Я не вынесу... Я на-силу на ногахъ стою.

Поль съ усами. Позволь, матушка, на одну минуточку, дай мнѣ вздохнуть, ты мнѣ, рѣшительно, всю руку отдавила. Ужъ коли ты такъ слаба, такъ за-чѣмъ было ходить въ компанію?

(Уходятъ; за ними бѣгутъ два коломенскіе моншера).

Первый моншеръ. Ну, ступай-же скорѣе, моншеръ! Вѣчно, копаешься! По твоей милости опять потерялъ изъ вида хорошенькое личико.

Второй. Догонимъ еще! Вѣдь она не выставка, всякій день даромъ видѣть можно.

Дама (съ открытой шеей). Чтѣ же это? они оба за мной шли, а вдругъ пропали! А, вотъ они! Подожду ихъ на набережной.

(Уходитъ).

(Усы и бакенбарды, торопясь за нею, сталкиваются въ дверяхъ):

Усы. Пстой, братецъ! Она мнѣ сейчасъ такъ значительно мигнула.

Бакенбарды. Вотъ еще, братецъ. Это совсѣмъ не тебѣ, а мнѣ.

Усы. Поди, братецъ. Съ чего ты взялъ? Вотъ сейчасъ самъ увидишь.... *(Исчезаютъ).*

Группа эксцентриковъ проходитъ, ругая на-повалъ живопись вообще, и выставку въ-особенности. За ними идетъ старуха и горько плачетъ. Любитель послѣднимъ выходитъ изъ залы съ дамою скромно-одѣтою. Въ сплнхъ одѣваются почтенный человекъ, его пріятель и господинъ съ усами и въ венгеркѣ.

Любитель. Не правда-ли, что выставка доставила вамъ много пріятныхъ минутъ?

Дама. О, да! Меня очень радуетъ еще и то, что на выставкѣ были картины, писанныя женщинами.

(На льстницу бѣжитъ со всѣхъ ногъ господинъ Кстати).

Любитель (останавливаетъ его). Куда ты такъ торопишься?

Господинъ Кстати. На выставку, братецъ, на выставку. Ты знаешь, я любитель....

Любитель. Но ужъ половина пятого. Залы заперли!

Господинъ Кстати. Въ-самомъ-дѣлѣ?... Ну, я другой разъ пріѣду, пріѣду непременно другой разъ. У меня много дѣла!.. Дѣла-то, вотъ видишь, у меня очень-много, братецъ. Ну, чтѣ жъ,

посмотрю хоть лѣтницу... Хорошая лѣтница! Лѣтница очень-хорошая!

Господи въ усахъ и въ венгеркѣ. Facheterai ça!

Почтенный человекъ (выходя послѣднимъ). Желалъ-бы знать, за-чѣмъ все эти люди ходятъ на выставку?...

О СЫ.

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ВСЯКАЯ-ВСЯЧИНА,

АЛЬФОНСА КАРРА И ДРУГИХЪ.

Каждый парижскій гражданинъ обязанъ прослужить известное число лѣтъ въ парижской національной гвардіи. Всякое упущеніе по службѣ подвергаетъ виновнаго строгой ответственности, какой однажды подвергся и Альфонсъ Карръ, знаменитый творецъ «Ось». Вотъ-какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ постигшемъ его несчастіи:

Полно толковать мнѣ о чужихъ дѣлахъ — мои плусть очень-дурно. Предметъ неависти моихъ согражданъ, изгнанникъ, бѣглець, — я пишу эти строки изъ Сент-Жермена. Вчера, возвратясь домой, я получилъ услужливое письмо, въ которомъ меня убѣждали, что я присужденъ къ аресту за нехождение на службу національной гвардіи. Увы! сказалъ я самъ-себѣ что пользы ждать! Я самъ сдаюсь въ плѣнъ; мнѣ это гораздо-легче сдѣлать, чѣмъ трепетать при малѣйшемъ шумѣ, принимать на улицѣ честныхъ людей Богъ-знаетъ за кого. Кстати, я окончу тамъ мои томяки, которыхъ отъ меня ждетъ достопочтенный книгопродавецъ Дюмонъ.

Дѣйствительно, съ наступленіемъ дня я отправился въ путь, располагая перевезти свои пожитки на другой день, когда, проведя двѣнадцать часовъ подъ арестомъ, я увижу потребности моего новаго жилища. Я печально простился съ моимъ садовникомъ, съ моими цвѣтущими акаціями и съ моими розанами, готовыми разцвѣсть.

Я пустился въ путь пѣшкомъ. Перешедъ нѣсколько вовсе мнѣ неизвѣстныхъ кварталовъ, побродивши предъ лавками со всякою всячиною я очутился у Парижской Божьей-Матери и, взобравши на башню, глядѣлъ оттуда внизъ, какъ міриады маленькихъ людей поднимали свои ручки и ножки, толпились, встрѣчались, сбивали на улочкахъ другъ-друга съ ногъ, спѣша къ своимъ дѣлшкамъ и удовольствиямъ.

Входя на высоту, чувствуешь, что оставляешь внизу мірскія страсти и печали, чувствуешь, что только духовная сторона человѣка можетъ существовать въ высшихъ слояхъ атмосферы, и съ высоты смотришь на интересы, волновавшие минуту назадъ. Признаюсь, что на высотѣ несчастье униженія и заключенія мнѣ казалось ничтожнымъ, въ-особенности, когда я разглядѣлъ внизу какія-то красныя точки, принятыя мною за солдатиковъ національной гвардіи, можетъ-быть, тѣхъ самыхъ, которыхъ крошечный гнѣвъ былъ причиною моего ареста.

Сойдя съ высоты, я снова надѣлъ на себя свои заботы, какъ надѣваетъ крестьянинъ свои жесткіе башмаки за дверями богато-убранной комнаты, которой онъ не осмѣлился ни запачкать, ни испортить дорогаго ковра.

Дошедши до Аустерлицкой пристани, я на минуту остановился и предался глубокимъ думамъ.

Первая дума.

Кажется, подумавъ я, что въ платимыхъ нами налогахъ заключается часть, предназначаемая на содержаніе арміи изъ 400,000 настоящихъ солдатъ, гораздо-способнѣе насъ оберегать городъ. Если насъ заставляютъ оберегать городъ или, лучше оказать, городскія будки, то почему не заставляютъ чистить улицы и зажигать фонари?

Вторая дума.

Солнечный лучъ, выглядывая изъ-за облаковъ, дразнитъ меня. Отсюда, по колѣна въ травѣ и облитый солнечнымъ сіяніемъ, я гляжу на черную рѣшотку оконъ; эти двери растворятся и затворятся за мною: я буду плѣнникомъ.

Третья дума.

Есть что-то устрашающее въ тюремномъ входѣ. Едва запрется за мною дверь, какъ мнѣ уже будетъ казаться, что со мною могутъ сдѣлать все, что захотятъ, что мой голосъ и мои жалобы будутъ также въ плѣну за рѣшоткою, и что тюремщику ничто не будетъ препятствовать разрѣзать меня на мелкія части и сдѣлать изъ нихъ прогъ, который будетъ сдѣланъ на патриотическомъ празднествѣ, при громкихъ тостахъ въ честь національной гвардіи.

Четвертая дума.

Вотъ-что ужасно: солнце прячется. Что это за ужасы, которыхъ оно не хочетъ освѣщать? Для чего эта тюрьма такъ отдалена? Шумъ, мною слышимый здѣсь, не имѣетъ ничего общаго съ шумомъ, который я привыкъ слышать. — Это не стукъ экипажей, не крикъ моихъ сосѣдей. Ничто не говоритъ мнѣ, что я — во Франціи. — Не хотѣли-ли, по утонченному варварству, къ мукамъ заточенія, присоединить муки изгнанія?

Пятая дума.

Я уже гнилъ на сырой соломѣ тюрьмы національной гвардіи. Однажды я посаженъ былъ въ тюрьму на шесть часовъ, и помню все мои страданія. Номеръ моей тюрьмы былъ 12-й. Онъ имѣлъ четыре шага въ длину и столько-же въ ширину, и былъ окрашенъ снизу до верха краскою шоколаднаго цвѣта. Въ окнѣ было шесть оконницъ. Мебель состояла изъ жѣзной кровати, стола и стула.

Шестая дума.

Перь....

Седьмая дума.

Это было зимою, а 12-й номеръ обращенъ къ сѣверу.

Утѣшительныя слова тюремщика.

- Тюремщикъ, сказалъ я, какъ здѣсь топать?
 — Здѣсь, сударь, желѣзная печь, отвѣчалъ тюремщикъ.
 — Но, тюремщикъ, нагрѣта-ли она? сказалъ я.
 — Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ тюремщикъ.

Восьмая дума.

Я не упоминаю уже о томъ ужасѣ, какой мнѣ внушаетъ краска шоколаднаго цвѣта, которою окрашена большая часть тюремъ.

Нѣкоторые цвѣта меня радуютъ или печалютъ, возвышаютъ или унижаютъ мой умъ.

Бываютъ цвѣта грустные, веселые, молодые и проч.

Лилловый цвѣтъ — это сладостная и поэтическая мечтательность.

Розовый — юность, веселость, безпечность.

Голубой — ясность, спокойствіе, счастье.

Зеленый — мысль.

Свѣтло-голубой — задумчивость.

Но шоколадный цвѣтъ — глухой цвѣтъ. Шоколадный цвѣтъ — скука.

Скука врагъ человѣку. Война, отчаяніе, голодь, лихорадка не убиваютъ столько умныхъ людей, сколько убиваетъ ихъ скука, къ довершенію зла — не убивая глупцовъ.

Девятая дума.

Не быть цѣлый мѣсяць дома, цѣлый мѣсяць въ продолженіе котораго мой слуга и мои пріятели будутъ увѣрены, что я не могу возвратиться. Страшно подумать, какимъ я подвергаюсь несчатіямъ.

Мои прекрасныя розы уже почти всё отцвѣтуть; та, которую садовники поручили мнѣ назвать, и которой я далъ имя В... В..... уже готова развернуть свои лепестки такого богатаго желтаго цвѣта.... Чрезъ мѣсяць она отцвѣтетъ. Я уже жду ее цѣлый годъ — придется ждать еще годъ. Выкурятъ остатокъ моего левантскаго табаку; сдѣлаютъ моихъ голубей учеными: они будутъ умѣть дѣлать разныя штуки и играть въ домино. Изловятъ всю рыбу въ бассейнѣ сада.

Мѣсяць не быть на солнцѣ, когда луга покрыты цвѣтами; мѣсяць не кататься на лодкѣ между берѣзъ, мѣсяць не плавать съ моимъ другомъ Гатаемъ. Лѣто проходить такъ незамѣтно, а въ жизни такъ мало лѣтнихъ мѣсяцевъ, если считать только лѣтвіе мѣсяцы въ молодости.

Десятая дума.

О святая свобода! Ты воздвигла свой тронъ на мху лѣсовъ, подъ зеленымъ шатромъ изъ дубовыхъ вѣтвей! — Проезжаетъ кабриолетъ. «Кучерь, стой!» Я сажусь: «на желѣзную дорогу!» и я лечу въ Сень-Жерменъ, гдѣ я теперь поселился. Я иногда буду тихонько прѣзжать поглядѣть на мои розы-одалиски, стерегомыя страшными свухами, которыхъ зоркость я стараюсь обмануть.

Я иногда говорилъ недоброжелательно о кузенахъ. Одинъ изъ нихъ оказывается мнѣ радушное гостепрѣимство. Лѣсъ — чудесный; я ѣзжу верхомъ и боюсь разжирѣть въ моемъ изгнаніи.

Одну даму осуждали за то, что она не ласкова съ однимъ изъ своихъ почитателей, который, надобно сказать, принадлежитъ къ числу тѣхъ тяжолыхъ и несносныхъ людей, о которыхъ всегда должно помнить, что они самые благороднѣйшіе люди, чтобы имѣть возможность хоть одну минуту сносить ихъ присутствіе.

Онъ вамъ такъ преданъ, говорили ей, что бросился-бы въ воду, спасая васъ. — Что мнѣ въ этомъ? отвѣчала она: я никогда не тонула, а онъ мнѣ надоѣдаетъ всегда.

Одинъ начальникъ, отдавая полную справедливость двумъ своимъ подчиненнымъ, выразился о нихъ такъ: одинъ — сумасшедшій, а другой — плутъ.

- Это ему такъ не пройдетъ, сказалъ одинъ изъ обиженныхъ.
- Что-же ты ему сдѣлаешь? замѣтилъ товарищъ его несчастія.
- Я вызову его на дуэль.
- Онъ не выйдетъ на дуэль съ своимъ подчиненнымъ.
- Ну, такъ я подамъ въ отставку.
- Ты — сумасшедшій.
- Что, что ты сказалъ?
- Полно. Ты не затѣваешь-ли ссоры и со мною?
- Нисколько. Но я прошу тебя повторить то, что ты сказалъ.

— Я сказалъ, что ты сумасшедшій.

— А, въ такомъ случаѣ, я уже не считаю себя обиженнымъ. Въдь онъ сказалъ: одинъ изъ нихъ — сумасшедшій, а другой... значить этотъ другой... значить ты долженъ быть въ претензіи, а не я.

Нѣкто, извѣстный своей безпорядочною жизнью, наконецъ женился. По окончаніи брачнаго обряда, теща, отвела его въ сторону, шепнула ему: Ну, все кончено; я надѣюсь, что вы больше не будете дѣлать глупостей. — О конечно. любезная маменька, увѣрю васъ, что это была послѣдняя.

Господинъ, по одеждѣ, котораго не трудно догадаться, что онъ провинціалъ, приходитъ къ одному своему знакомому петербургскому жителю.

— А я вчера былъ въ Александринскомъ-театрѣ, говоритъ онъ.

— Что тамъ давали?

— Одну очень-миленькую піесу. Сколько было народу.

— Какъ же называется эта піеса?

— Знаю, что премиленькая піеса, но названіе я позабылъ.

— Не помните-ли содержанія этой піесы?

— Не слишкомъ-хорошо. Знаю только, что въ ней есть какой-то лакей Петрушка, котораго господинъ его бранить за то, что онъ съ разодранымъ локтемъ.

— Ахъ, да это — «Горе отъ ума».

— Да, можетъ-быть... Какъ вы называете ее? Сдѣлайте одолженіе пожалуйста мнѣ лоскутокъ бумаги, я запишу это названіе: «Горе отъ ума».

Одинъ больной, страдавшій чрезвычайно худощавостію тѣла, пришелъ къ доктору при минеральныхъ водахъ и просилъ откровеннаго его мнѣнія на счетъ своей болѣзни.

— Увѣрены-ли вы, что мнѣ помогутъ минеральныя воды? говоритъ онъ

— Непремѣнно, непремѣнно, — купайтесь и вы пополнѣете.

Больной кушается, кушается, и не полнѣетъ. Онъ жалуется доктору.

— Ахъ, но вѣдь надобно терпѣнія и времени, — купайтесь, купайтесь и вы пополнѣете,

Въ одинъ день больной, следуя предписанію доктора, сидѣлъ въ своей ваннѣ. Вдругъ онъ слышитъ за стѣною разговоръ и узнаетъ голосъ своего доктора.

— Непремѣнно, говорилъ докторъ.

— Но отъ-чего-же, отвѣчалъ кто-то, какъ я ни купаюсь, я нисколько не худѣю. Напротивъ того, мнѣ кажется, что я сталъ еще чудовищнѣе съ-тѣхъ-поръ, какъ началъ принимать ванны.

— Ахъ, но вѣдь надобно терпѣнія и времени, — купайтесь и вы поху-дѣете.

Больной, пользовавшійся отъ худобы, приподнимается и съ ужасомъ глядитъ на самаго-себя: ему кажется, что онъ еще болѣе похудѣлъ. Онъ выходитъ изъ своей ванны и убѣгаетъ.

Деревенская жизнь — простая, нецеремонная. Сосѣдъ прѣзжаетъ къ сосѣду, не съ коротенькимъ визитомъ, а погостить денька два, три, и хозяинъ, если и не радъ этому посѣщенію, долженъ терпѣливо ожидать той минуты, когда гостю придетъ счастливая мысль — оставить его.

Домъ помѣщика В., украшенный присутствіемъ молодой прелестной хозяйки, привлекалъ съ себя всю мѣстную молодежь. Хозяинъ, сохраняя все уваженіе къ старикамъ, почему-то не любилъ молодыхъ. Какъ онъ ни старался дать имъ понять, что не желаетъ часто видѣть ихъ у себя, молодые люди ничего не замѣчали и продолжали посѣщать его. Въ одно утро докладываютъ ему о прѣздѣ гостя, одного изъ самыхъ неутомимыхъ его посѣтителей. Взбѣшенный В. напрасно отыскиваетъ какой-нибудь предлогъ отдѣлаться отъ этого, конечно продолжительнаго посѣщенія; вѣлѣтъ сказать, что никого нѣтъ дома — поздно; не принять — но въ деревнѣ нельзя смѣть этого и подумать. Вдругъ лицо его просіяло, онъ самъ спѣшитъ на встрѣчу къ *дорогому* гостю, дружески привѣтствуетъ его и говоритъ: «Ну, ужъ какъ хотите, а до-обѣда не уѣдете; пользуясь правомъ хозяина, рѣшительно не отпущу васъ. Иное дѣло послѣ обѣда, не смѣю и просить, поѣзжайте съ Богомъ, даже самъ провожу васъ». Бѣдный молодой человѣкъ, располагавшій погостить по-крайней-мѣрѣ недѣлю, смущается,

увѣряетъ, что ему нѣтъ времени, и остается обѣдать, ради усиленной просьбы гостепріимнаго хозяина.

О ДРУЗЬЯХЪ.

— Другъ — это вооруженный человекъ, съ которымъ вы должны сражаться безъ оружія.

Человѣкъ, знающій какимъ ударомъ вѣрнѣе поразить васъ.

Человѣкъ, которому извѣстны лѣстница, ведущая къ вашей женѣ, минуты супружеской холодности, время, когда не бываетъ васъ дома, и часть, въ которой вы возвращаетесь изъ гостей.

Другъ — это Юдпѣя, которая, усыпивъ васъ въ своихъ облятіяхъ, наконецъ умерщвляетъ.

Далила, которая знаетъ тайну вашей силы и вашей слабости.

Если кто имѣетъ двухъ друзей, то это для того, чтобы каждому изъ нихъ поочередно жаловаться на другаго.

Человѣкъ, имѣющій друга, представляетъ двойную поверхность для ударовъ несчастья: у него можно переломить четыре руки, разломить двѣ головы; онъ будетъ носить трауръ по двумъ отцахъ, ему предстоятъ мученія отъ двухъ женъ. Изъ двухъ людей, между собою связанныхъ узми дружбы, бываетъ только одинъ другъ.

Изъ всѣхъ враговъ самый опасный — вашъ другъ.

При концѣ жизни вы узнаете, что ни отъ кого такъ не страдали, какъ отъ вашего друга.

О ЖЕНЩИНАХЪ.

О красотѣ должно судить не по математическимъ размѣрамъ тѣла и лица, но по впечатлѣнію, какое она производитъ. —

Любить такое счастье, что странно слышать, когда женщины требуютъ благодарности за свою любовь, какъ-будто они мало вознаграждены тѣмъ, что ихъ любятъ, и въ-особенности тѣмъ, что онѣ любятъ. — Влюбленная

женщина не может не почувствовать минутной досады на своего побѣдителя, какъ-бы онъ ни былъ обожаемъ ею.

Женщина менѣе любить своего любовника за умъ, какой въ немъ признаетъ она, чѣмъ за умъ, какой въ немъ признають другіе.

Ничего нѣтъ затруднительнѣе, какъ быть за-просто съ любимою женщиною: самыя важныяпріяты — теряются; ничего нельзя понять, не возможно быть понятнымъ. Пожатіе руки не имѣетъ никакого значенія. Захотите — васъ даже поцѣлуютъ. Пожмете-ли руку — на это не обратятъ никакого вниманія. Чтобъ дать знать, что вы влюблены, вамъ надобно прямо сказать: я васъ люблю; даже, можетъ-быть: я *влюбленъ* въ васъ.

Другъ женщины, пользуясь случаемъ и удобною минутою, можетъ покорить ея сердце, но человекъ, котораго она никогда не видала, въ тысячу разъ болѣе можетъ этого надѣяться. У женщинъ только одинъ законъ, одна религія, это *то, что имъ нравится*. То, что имъ нравится, для нихъ священо. Онѣ жертвуютъ ему всею съ самымъ трогательнымъ героизмомъ.

Женщины не прощаютъ только двухъ обидъ: сна и дѣлъ. —

СМЪСЪ.

О ТАКЪ НАЗЫВАЕМОЙ «КЛАССИЧЕСКОЙ» ТРАГЕДИИ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ, ПО ПОВОДУ БЛАГОРОДНЫХЪ СПЕКТАКЛЕЙ ВЪ ПОЛЬЗУ БѢДНЫХЪ.

Есть въ литературѣ извѣстные *loca topica*, есть вопросы, о которыхъ можно сказать: *tritum pertritum*. Къ числу *таковыхъ* принадлежитъ, *блаженной памяти*, вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ.

Но есть также одно, очень простое обстоятельство, которое было упущено изъ виду разрѣшателями этого вопроса. Классицизмъ и Романтизмъ выросли оба на почвѣ западной, на почвѣ сложившейся изъ двухъ слоевъ, слоя *римскаго*, ветхаго, и слоя *прибылаго*, *германскаго*. Вѣтъ Римъ до того крѣпко възялся своею ржавчиною въ германскую основу, до-того неразлитно развивался съ нею, что элемента часто германскаго нѣтъ и не было. Только далеко, на пустынномъ сѣверѣ, уцѣлѣлъ этотъ элементъ во всей его чистотѣ, и выразился весь въ трагической, суровой религій Одина. Въ другихъ странахъ — Романо-германскихъ, какъ Франція или Германско-романскихъ, какъ Германія, тотъ и другой элементъ выражались *отрывками*.

Такъ-называемый *классицизмъ*, или, точнѣе, романтизмъ былъ отрывкою римскаго элемента, какъ, на оборотъ, германизмъ, выявился въ *романтизмъ*. Оба эти явленія — слѣдствіе болѣзненнаго разстройства организма, и въ этомъ смыслѣ, оба они равно нелѣпы, хотя, разумѣется, съ тѣмъ вмѣстѣ оба же и равно необходимы, имѣютъ равное значеніе.

Классицизмъ принадлежитъ Франціи, странѣ романо-германской,

и такъ непосредственно вылился изъ ея сущности, что доселѣ еще, не-смотря на огромное разстояніе времени, отдѣляющее настоящую эпоху отъ эпохи Людовика XIV, Французы болѣе сочувствуютъ старому классику Корнелю, чѣмъ романтику Гюго. Романтизмъ имѣлъ тамъ сначала успѣхъ блестящій, но слишкомъ-кратковременный: теперь для Французовъ остались опять только М-ле Рашель съ старымъ Корнелемъ, милліоны лѣтучихъ водевилей и арабскія сказки въ родѣ «Графа Монте-Кристо», придуманныя для занятія утомленнаго и празднаго любопытства. И они правы! Романтизмъ съ его обвѣщальными тенденціями, съ его готическими страстями, не носитъ въ себѣ зерна жизни, не носитъ въ себѣ даже мысли: въ самомъ высокомъ представителѣ романтизма, въ В. Гюго, мысль застыла на степени грустнаго скептицизма, — когда, напротивъ, изъ за ложныхъ, черезъ чуръ риторическихъ формъ Корнеля и Расина, возстаютъ великіе человѣческіе образы, свѣтлое и благородное возрѣвіе на жизнь, завѣщанное строгимъ Римомъ и божественною Элладю. Когда мы говоримъ о романтизмѣ, то разумѣемъ поэтовъ Франціи и Германіи новой эпохи. Ради Бога не смѣшивайте съ романтиками Шекспира и Байрона, Гёте и Шиллера, Купера и Заида: скажемъ еще болѣе, мы имѣемъ въ виду собственно германскихъ романтиковъ — Гофмана, Вернера и проч. Романтики Французы практическимъ чутьемъ своимъ поняли, что на средневѣковомъ и фантастическомъ далеко не уйдешь, они вздумали поиграть на струнѣ, доселѣ еще нетронутой, на струнѣ ужаснаго и отвратительнаго — и этимъ самымъ, хотя, можетъ-быть, безсознательно, шагнули слишкомъ далеко впередъ.

Но обращаемся къ классицизму и къ опредѣленію его. Сущности въ немъ собственно нѣтъ, а есть только формы, святаыя съ древней сущности; классицизмъ есть тѣло, оболочка древней трагедіи, безъ ея живительнаго духа.

Древняя трагедія была непосредственно связана съ ученіемъ мистерій, — была богослуженіемъ высшей, таинственной религіи, совершенно-отличной отъ грубыхъ вѣрованій толпы. Древняя трагедія у ея высшихъ представителей Эсхила и Софокла, является всегда трилогією, связанною въ трехъ частяхъ своихъ тройственною мыслию *паденія, страданія и возстановленія*. Боги Греціи, эти дивныя мраморныя изваянія, эти пластическія видѣнія цвѣтущей Эллады, въ ученіи мистерій и въ богослуженіи трагедій, являются представителями различныхъ силъ, въ чловѣкѣ самомъ лежащихъ, силъ прекрасныхъ въ своемъ высшемъ развитіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣлыхъ, какъ судьба, или точіѣе, какъ та бездна, которая служитъ имъ источникомъ. Люди въ греческой драмѣ только орудія этихъ силъ, или точіѣе — обожествленія извѣстной, обладающей въ индивидуумѣ силы. Они борются между собою, эти силы, и падаютъ одна отъ другой, смотря потому, какова ихъ *судьба*, т. е. смотря потому, сколько

лежитъ возможности въ одной силѣ быть выше другой. Чисто-языческое понятіе, чисто-атенетическая безнадежность господствуютъ въ міросозерцаніи древнихъ трагиковъ, *bellum omnium contra omnes*, перевѣсъ силы, правой или неправой — все равно, — вотъ состояніе, въ которомъ у Эхила и Софокла является человѣчество.... И древній духъ протестовалъ уже противъ этого, и недовольство подобнымъ неправомъ, составляетъ сущность Эхилова и Софоклова паоса — и оно-то порождаетъ надежду, такъ ярко высказанную въ Промеевѣ.

Христіанство есть религія безсмертія, религія надежды, и духъ христіанскихъ народовъ не могъ увести себя такого безотраднaго воззрѣнія. Духъ этотъ, на грани среднихъ вѣковъ, произнесъ правда страшное, раздражающее слово сомнѣнія устами большого Гамлета, — на грани новой исторіи, всталъ, правда, на титаническую борьбу съ существующимъ, въ лицѣ Байрона — но въ этомъ сомнѣніи, въ этой борьбѣ, лежитъ зерно жизни, зерно надежды на иное, лучшее.

Что касается до классицизма, или до французской трагедіи по греческимъ формамъ, — то въ немъ силы или страсти человѣческія являются лишенными ихъ глубокаго смысла, ихъ древней религіозности — являются колесами, пружинами для произведешя эффекта, пружинами безъ смысла и безъ личности, всегда почти однообразными.

Меден, Эдипы, Аяксы древнихъ были для нихъ не представителями извѣстныхъ страстей, какъ-то ревности и проч., не носили на себѣ ярлыковъ съ наклейками, — но были живыми индивидуальными силами, были обожествленіями, въ которыхъ масса вѣровала.

Классицизмъ сдѣлалъ логическую абстракцію. Онъ взялъ у древнихъ не Меден, но діалектическое развитіе страсти ревности, которое онъ назвалъ именемъ Меден, и этимъ самымъ обобщилъ, опомнилъ образъ, имѣвшій смыслъ и религіозное значеніе.

Классическая драма есть не что иное, какъ діалектическое развитіе извѣстной, произвольно взятой страсти, столь-же произвольно названной древнимъ именемъ, развитіе искусное, но холодное. Отсюда — однообразіе лицъ во всѣхъ классическихъ трагедіяхъ, неизбѣжные наперсники, и проч. Даже стѣспительное правило трехъ единствъ, за нарушеніе котораго въ «Сидѣ» Академія и Скудери, какъ за преступленіе, обвиняли великаго Корнеля, — даже это правило тѣсно слилось съ классической трагедіей. Діалектически страсть можетъ быть всегда развита въ одномъ дѣйствіи (action), въ одинъ день и въ одномъ мѣстѣ.

Отсюда-же вытекаютъ и великія достоинства Корнеля, Расина и Вольтера: никто лучше ихъ, — не выключая даже и великаго Шиллера, — не овладѣлъ тайною реторики страстей, никто лучше ихъ не идеализировалъ различныя душевныя движенія. Классическая трагедія точно тоже, что итальянская музыка: лица, люди

для нея только средства для того, чтобы ласкать ухо прекрасными мотивами, и точно также какъ Итальянцы отъ своей музыки, Французы имѣютъ полное право приходить въ восторгъ отъ тирады Терамена, отъ отвѣта старика Горація, отъ фрондированій Вольтера. Послѣдній въ особенности, своимъ всеобъемлющимъ умомъ, понявъ глубокую сущность классическаго паоса, и умѣль, посредствомъ его, служить своевременно, какъ истинный жрецъ, искусства.

Разсказывать исторію классической драмы было бы слишкомъ долго и притомъ предметъ этотъ чрезвычайно избитъ. Замѣчательно то, что революція, скосившая съ французской почвы все преданія, не скосила классической трагедіи и до 27 годовъ настоящаго столѣтія на сценѣ царилъ тѣже Агамемноны (Lemeter), тѣже Маріи (Marius à Minturnes). Наполеонъ, понимавшій Шекспира, любилъ однако великаго Корнеля, любилъ въ немъ величавые образы героевъ стараго Рима, и понималъ пользу этихъ могучихъ образовъ для воспитанія народа... Прошелъ фуроръ романтизма съ матерубійствами и отравленіями, и опять Французы бѣгутъ съ восторгомъ смотрѣть своего стараго Корнеля.

Остается намъ сказать нѣсколько словъ о классической драмѣ на нашей почвѣ, — но право, она была у насъ такъ жалка и пошла, такъ неародно, что и говорить о ней совѣстно. Для насъ, мысль о классицизмѣ, всегда сливается съ мыслью о чемъ-то крайне смѣшномъ. Разъ только классическая трагедія *сказалась* русскому сердцу, въ незабвенную эпоху 12-года, многими удачными стихами Дмитрія Давыдова.

И вотъ опять, въ лѣто отъ Р. X. 1846, привелось намъ видѣть мирно-почившую классическую трагедію, исполняемую на славу обществомъ любителей, и больше еще — исполняемую великою артисткою.

Мы видѣли «Медю».

Тому назадъ нѣсколько лѣтъ, мы слышали дивную Пасту, слышали ее уже устарѣвшую, но всегда глубокопластическую, всегда потрясающую Норму. Мы забывали, что Паста не въ цвѣтъ молодости, мы трепетали отъ звуковъ этого могущественнаго голоса.

И здѣсь была передъ нами артистка, равная Пастѣ, одна изъ величайшихъ артистокъ нашего вѣка, которой каждое слово — нота, каждая интонація — совершенство, каждая поза — пластика, которой страстный шопотъ можно сравнить развѣ только съ тихими нотами Рубини...

Мы удивлялись холодно.

Миръ тебѣ, русская классическая трагедія!

1846 года.

Мая 12.

А. ТРИСМЕГИСТОВЪ.

НЕДЕЛЯ РАБОТНИЦЫ.

*(La semaine de l'ouvrière).**(РАЗСКАЗЪ ТАКСИЯ ДЕМОРДА).*

Bon jour, la gentille fermière, qui passe sur le grand chemin! que tu es heureuse d'être jeune, et belle, puisque ta jeunesse et ta beauté sont à toi! Moi j'ai une maîtresse impitoyable — la misère... Entendez vous le bruit de la machine?...

Complainte des fileuses de Manchester.

I.

Добрые люди, воспитавшіе меня, не могутъ болѣе держать у себя ученицы. Дѣла идутъ плохо. Имъ должно кормить дѣтей своихъ. Они дали мнѣ въ руки ремесло, какъ они говорятъ, и я могу жить теперь своимъ трудомъ. И я буду жить имъ! Нынче вечеромъ почтальионъ увезетъ меня. Онъ обѣщалъ мнѣ мѣсто въ своей карриолѣ (*). Онъ такой добрый и зналъ меня еще ребенкомъ. Сегодня я ребенокъ — а завтра буду работница! Въ городѣ не достаетъ рукъ. Работы на прядильнѣ начались. Какъ я буду счастлива въ Парижѣ! Но что это?... Я, кажется, слышу деревенскій колоколь? Отъ-чего такъ сжалось мое сердце?... Вотъ подружки мои идутъ, въ своихъ праздничныхъ платьяхъ, къ обѣднѣ. Вечеромъ онѣ будутъ танцовать подлѣ ливама... И я пойду туда въ послѣдній разъ! Цѣтъ, я останусь здѣсь, молиться Богу, чтобы онъ не покинулъ сироту...

Я слышу стукъ колесъ; почтальионъ хлопаетъ кнутомъ, извѣщая меня, что пора въ дорогу. Какъ я долго молилась! Прощайте, добрые люди, замѣнявшіе мнѣ отца! Жакъ и Жаклина, поцѣлуйте еще разъ сестру вашу! Прощай, матушка! Не плачь, мы увидимся. Я буду писать къ тебѣ. Не бойся за меня, я сильна и здорова; Небо не оставитъ меня.

Тележка катится... Мы проѣзжаемъ мимо липъ. Я слышу скрипку... Вотъ мы у мельницы. Шумъ воды заставилъ меня плакать. Какъ тихо мы ѣдемъ, — почтальионъ! Наконецъ съ-рарая лошадка пустилась рысью. Деревня уже далеко. Сердце мое отдохнуло немного. Глаза мои смыкаются. Я очутилась передъ нашей церковью. Я вижу священника. — Онъ велитъ мнѣ подойти къ себѣ. Онъ прошепталъ мнѣ нѣсколько словъ, и погро-

(*) Родъ одноколки.

зиль пальцемъ. «Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Клянусь вамъ, Пьеръ...» Въ эту минуту я проснулась. Гдѣ мы? — Въ Парижѣ, отвѣчаетъ почтальионъ. Вотъ я и въ Парижѣ!

Добрая женщина, которой меня рекомендовали, ждала меня у заставы. Я должна тотчасъ-же явиться на фабрику. Завтра, можетъ-статься, будетъ уже поздно. Рукъ явится слишкомъ-много. Я вижу чернѣйшій дымъ отъ паровой машины. Вотъ я у входа. Это ужъ не скромная прядильня моей деревни. Какой шумъ, какое движеніе, какая огромность! Прибѣжала толпа мальчиковъ и дѣвочекъ. Отъ-чего у нихъ такой страждущій видъ. Они худы, печальны. Блѣдность ихъ напоминаетъ мнѣ розовыя щеки моего маленькаго брата Жака и моей маленькой сестры Жаклины.

Прикащикъ, веселый толстякъ, посмотрѣвъ на меня, улыбнулся. Моя покровительница рекомендовала ему меня. Вечеромъ она придетъ за мной, чтобы проводить меня на квартиру. Разставаясь со мной, она сказала мнѣ, что должно работать усерднѣй, ежели я хочу, чтобы она въ воскресенье показала мнѣ все замѣчательное въ Парижѣ. Какъ будто нужно подстрекать меня къ работѣ!

Товарищи мои поютъ и смѣются. Не знаю, отъ-чего ихъ радость наводитъ на меня тоску. Эти лица, или блѣдныя и впалыя, или здоровыя и румяныя, эти взоры, или потухшіе, или наглые, эти голоса, эти жесты — все такъ пугаетъ меня. Однажды шумъ сдѣлался больше обыкновеннаго. Всѣ громко захохотали. Мальчикъ лѣтъ 10-ти кончилъ пѣсню, которую онъ пѣлъ на какой-то странный, необыкновенный голосъ. Меня спросили, отъ-чего я не смѣюсь съ другими?

Я ничего не поняла въ его пѣснѣ, отвѣчала я. Мы пѣли не такъ въ деревнѣ. Будешь понимать, будешь, закричали мнѣ со всѣхъ сторонъ. Будешь понимать, въ тоже время произнесъ кто-то тише другихъ. Я оглянулась. Это была моя сосѣдка, работавшая рядомъ со мной. Она казалась старѣе своихъ лѣтъ. Черты ея были изнурены. Голубые глаза и улыбка выражали кротость. Я долго смотрѣла на нее со вниманіемъ, чего она, по-видимому, не замѣчала. Мысли ея были далеко отъ мѣста, гдѣ мы находились; лицо ея оставалось спокойно, и только тѣло было въ движеніи. Работы кончаются. Настаетъ часъ-ропуска. Всѣ оставили мастерскую. Старушка проводила меня на квартиру, которую она наняла мнѣ. Она принесла мнѣ добрую вѣсть; прикащикъ доволенъ моею ловкостію и я буду получать по двадцати су въ день. Жаль только, что она тутъ-же испортила эту вѣсть, сказавъ, что она должна на нѣсколько дней покинуть Парижъ. — А я было привязалась къ ней. Вотъ и прошелъ мой первый день! Пора молиться Богу. Отъ-чего это, засыпая, я все думаю о словахъ моей сосѣдки: «Будешь понимать!» Они не выходятъ у меня изъ головы!

II.

Противъ меня живетъ молоденькая цвѣточница. Я нынче утромъ разглядывала въ окна ея комнату, всю уставленную цвѣтами, въ которыхъ играли солнечные лучи; я увидѣла тамъ васильки, и вспомнила нашу деревенскую пѣсенку:

Въ полѣ василёчекъ
Грустно наклонился,
Миленькій дружочекъ,
Что ты не явился!..

Слезы полились ручьями изъ глазъ моихъ... Полно-же! Еще одинъ, послѣдній взглядъ этимъ цвѣтамъ. Счастливица та, кто ихъ дѣлаетъ. Сидитъ себѣ цѣлый день одна за маргаритками, да за лилеями, въ своемъ уголкѣ! А я? Боже мой, за-чѣмъ не научили меня этому ремеслу! Увы! у меня нѣтъ родныхъ; а тѣ, которые воспитали меня, слишкомъ-бѣдны для этого. Въ деревнѣ ненужны цвѣточницы!

Воздухъ, которымъ я дышала утромъ, такъ чистъ, на фабрикѣ онъ тяжолъ и душенъ. Сосѣдка моя еще не приходила. Я не знаю ее, но безъ нея мнѣ чего-то не достаетъ. Другіе всѣ холодны, равнодушны. — Что-то теперь дѣлается въ деревнѣ... дома? Брюво въ полѣ, Маргарита прядетъ, Жакъ въ полѣ или поетъ за обѣдней. А священникъ? Добрый человекъ! Онъ только разъ побранилъ меня, когда ему показалось, что Пьерръ поцѣловалъ меня. Я увѣряла его, что нѣтъ. О! это ложь, которую бы онъ, вѣрно, простилъ мнѣ! Развѣ Пьерръ не обѣщалъ жениться на мнѣ, когда онъ разбогатѣлъ!

Въ полѣ василёчекъ
Грустно наклонился,
Миленькій дружочекъ
Что ты не явился!

— Что это за пѣсню затянула намъ эта дѣвочка! Эй, голубушка, повтори-ка свою пѣсню! — Дай мнѣ адресъ того, кто тебя научилъ ей. Я хочу, чтобы эту пѣсню пѣли на моихъ похоровахъ.

Всѣ надо мной смѣются. Меня окружаютъ... мальчишки... дѣвочки... Я покраснѣла. О! тебя не услышатъ болѣе изъ устъ моихъ, родная пѣсенька!

Не знаю, чѣмъ-бы кончилась эта сцена, если-бы не пришелъ прикащикъ. Къ-счастью, онъ защитилъ меня. Всѣ ушлись по мѣстамъ, и больше не тревожили меня цѣлый день; только одна работница, кончившая вмѣстѣ со мною, сказала, указывая на меня

своей подругѣ: «Теперь онъ до нее добирается!» О комъ она говорила?

Прикащикъ, кажется, человекъ хорошій; я разгадала его съ перваго раза. Нынче вечеромъ, когда я одна печально сидѣла за ужиномъ, кто-то постучался ко мнѣ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Это я... отойдите.

Послышался голосъ прикащика. Я впустила его.

— Дитя мое, сказалъ онъ мнѣ: женщина, которой васъ поручили, просила меня занять на нѣкоторое время ее мѣсто. Я согласился охотно, потому-что вы мнѣ кажетесь скромною.

— Я всегда постараюсь быть такою.

— И притомъ, вы очень-милы.

Я, молча, опустила глаза.

— Эта квартира вамъ неудобна. Мы найдемъ вамъ другую. Если работа васъ утомляетъ, вы можете отдохнуть, не ходить на фабрику.

— О, нѣтъ! Я хочу работать, чтобы жить своими трудами.

— Можно обойтись и безъ этого.

И онъ посмотрѣлъ на меня съ такой быстротою, что я невольно смутилась, и въ груди моей родился какой-то безотчетный страхъ. Онъ, кажется, замѣтилъ это, и прибавилъ гораздо-спокойнѣе:

— Вы правы, дитя мое. Но не нужно убивать себя. Вы имѣете во мнѣ друга, который печется объ васъ, и который васъ не допуститъ до этого.

Онъ вышелъ, оставивъ меня удивленною и тронутую.

III.

Нынче третій день, какъ я въ Парижѣ. Окна у цвѣточницы не отворялись, и я не видала моихъ васильковъ.... Солнце спряталось. Вдоль крышекъ стелется туманъ. Недавно еще я была одна, а теперь нашолся человекъ, который беретъ во мнѣ участие.... Отъ-чего-же я чувствую себя грустиѣ обыкновеннаго? Можеть-быть, работа поразгонитъ дурныя предчувствія.

Мѣсто моей сосѣдки опять было пусто. Не больна-ли, бѣдная женщина. Я спросила, отъ-чего ее не видать на фабрикѣ? Та, къ которой я обратилась, отвѣчала мнѣ съ удивленнымъ видомъ: Что ей здѣсь дѣлать? Если Марты нѣтъ здѣсь, значитъ она *справляетъ свадьбу*.

Я не смѣла разспрашивать болѣе; надо мной-бы стали смѣяться — отъ-того, что я не поняла. Но, что за шумъ раздастся вдругъ въ глубинѣ мастерской? Мальчики громоздятся на скамьи, женщины толпами покидаютъ свои работы. Бѣгутъ, толкаются,

какъ-будто сѣшать на какое зрѣлище. Толпа хлынула въ мою сторону. Всѣ съ визгомъ и хохотомъ тѣснятся около какой-то женщины. Она восклицаетъ задыхающимся голосомъ: «Работу! Отдайте мою работу!» Она дѣлаетъ нѣсколько шаговъ. Силы ея оставляютъ, и она безъ чувствъ падаетъ на землю. Я узнала мою сосѣдку. Въмѣсто того, чтобы помочь ей, толпа удваиваетъ свои крики: «Пьяница! какъ она нашла дорогу на фабрику! Марта, прочти намъ наставленіе! Только два свадебныхъ дня — и вотъ до чего дошла!» — Никто и не думаетъ поднять ее. Я выхожу изъ толпы, и подойдя къ Мартѣ, приподнимаю ея голову. Глаза ея мало-по-малу открываются. Она, кажется, узнаетъ меня. Наконецъ она встала, и я тихо повела ее на скамейку. Мнѣ послышалось даже, что она благодаритъ меня.

Въ-продолженіе цѣлаго дня, Марта была предметомъ насмѣшекъ и разговоровъ своихъ товарищей. Но она оставалась нечувствительна ко всему. Собравъ послѣднія силы, она съ какой-то лихорадочной быстротой принялась за работу. «Завтра я буду голодна», шептала она: «голодна! Вертись-же, вертись колесо несчастія».

Оставивъ фабрику, Марта послѣдовала за мной.

«Ты добра, сказала она, и я должна поговорить съ тобою. Я расскажу тебѣ всѣ мои несчастія, потому-что онѣ будутъ и твоими, если у тебя есть сердце. Ты не избѣгнешь ихъ, и дѣти твои тоже, если ты имѣешь дѣтей. Какъ ты, я была молода, хороша, неопытна. Смотри, что стало со мной? А мнѣ нѣтъ еще и тридцати лѣтъ. Когда отецъ и мать мои умерли, я находилась въ ученьи. Нѣкому было платить за меня, и мнѣ еказали чтобы я шла искать работы. Тогда-то вступила я на эту проклятую фабрику. Я была хороша. Прикащикъ смотрѣлъ на меня, какъ на свою добычу. Ласки, угрозы, онъ употреблялъ всё, чтобы соблазнить меня. Я противилась, потому что любила — такового простолюдина, какъ и я, бѣднаго солдата, убитаго послѣ въ Африкѣ. Когда я узнала эту новость, прикащикъ съ болѣею силою началъ настаивать. Но я хотѣла остаться честною и покинула фабрику. Тогда я употребила всё, чтобы добыть себѣ хлѣба. Умѣя нѣсколько шить, я принялась за бѣлье. Я лежала поздно, и вставала рано, но, не будучи въ состояніи шить въ день болѣе 2-хъ рубашекъ, я получала только отъ 15 до 18 су въ день; да и то должна была покупать на эти деньги свѣчи и нитки. Часто работы не случалось вовсе, и когда я ходила просить ея, то мнѣ отвѣчали, что въ тюрьмахъ и монастыряхъ берутъ гораздо-дешевле, и что все ужъ отдало туда.

Я не могла наняться въ услуженіе, потому-что нѣкому было за меня поручиться. Однажды, не имѣя хлѣба, потерявъ всякую надежду, я предалась совершенно отчаянію, и рѣшилась послѣдовать его мрачнымъ совѣтамъ... Скоро жаровня задымилась въ моемъ чердакѣ, и я заснула съ намѣреніемъ не просыпаться бо-

лѣе. Отъ-чего Небу не угодно было допустить этого? Прикащикъ не терялъ меня изъ виду. Онъ разсчитывалъ на мою бѣдность и сторожилъ добычу — Онъ наблюдалъ за мною, и я не подозрѣвала этого! Я не понимала, какимъ образомъ онъ узналъ о моемъ покушеніи; но на другой день я проснулась не въ своей комнатѣ. У моего изголовья стоялъ докторъ, и первыя слова, которыя я услышала, были: она спасена! Напротивъ того, я была погублена! Я думала, что я была любима, и то, къ чему не могли меня принудить преслѣдованія, я сдѣлала изъ состраданія! Три мѣсяца спустя, другая жертва замѣнила меня. Изнуренная первой попыткой, я уже не находила болѣе силы въ отчаяніи, на которое разсчитывала, какъ на вѣрнаго друга! Я почитала себя слишкомъ-счастливою, сохранивъ мѣсто на фабрикѣ, куда я прихожу каждый день зарабатывать хлѣбъ, орошенный слезами. Я мало-по-малу усвоила себѣ привычки людей, меня окружающихъ. Чего ты не понимаешь, я уже понимаю. Опозоренная, смущенная, я утѣшаюсь въ несчастіи — порокомъ!... Ты видѣла вынче, какъ дорого я плачу за забвеніе... Берегись, и тебѣ угрожаетъ таже опасность! Ты ему нравишься. Взгляни на меня, и умѣй остаться твердою. — Марта разсталась со мной, и я утѣрла слезы, катившіяся по щекамъ моимъ.

IV.

Я встрѣтила у воротъ цвѣточницу, которая разсказывала привратнику, что она получила богатый заказъ. Она, расцѣвая, зажгла свою свѣчку, и весело и легко побѣжала по лѣстницѣ. Она тотчасъ-же приметя за работу! Славная дѣвушка! сказала дворникъ, провожая ее глазами, всегда за работой; и только по воскресеньямъ уходитъ гулять съ своимъ милымъ, который долженъ на ней жениться, какъ только они накопятъ довольно денегъ на хозяйство.

И у меня также былъ милый, съ которымъ я ходила въ рощу рвать цвѣты :

Въ полѣ василечекъ...

Вотъ я и опять зашла, вмѣсто того, чтобы помолиться на ночь. Какъ мнѣ грустно сегодня вечеромъ! Слова Марты тяжолымъ камнемъ легли мнѣ на сердце. Нѣтъ, нѣтъ! участь ея не будетъ моею. Я снова увижу Пьера и мою деревню, и матушку, и священника. Я снова буду танцовать подъ липами. Буду гулять по этимъ лугамъ, усѣянными весенними фіалками. Я снова услышу звонъ деревенскаго колокола, и журчаніе мельницы. Я оставляю Парижъ, фабрику, прикащика. Я могу еще быть счастливою! Не такъ-ли, мой Боже?

Письмо Розы къ Матюринѣ.

Добрая матушка.

Здоровы-ли вы съ тѣхъ-поръ, какъ я васъ не видала? Здоровы-ли дѣти и Брюно? Я дѣлаю все, что вы приказали мнѣ. Я работаю усердно, и каждый день молюсь Богу. Но я не могу больше оставаться въ Парижѣ. Я страдаю... Я несчастна... Мнѣ нельзя всего высказать вамъ въ письмѣ; но я боюсь оставаться здѣсь долѣе. Я готова глѣтать въ деревнѣ все; даже пахать землю, если это нужно, только бы мнѣ не жить розно съ вами. Если-бы вы знали... О! я очень-несчастлива! Ради Бога скажите почтальйону, онъ прїѣдетъ за мной, и я снова обниму васъ.

Преданная вамъ дочь
Роза.

Сердце мое умчалось съ этимъ письмомъ. Идя на фабрику, я чувствую себя веселѣе. Цвѣточница улыбнулась мнѣ, увидя меня подъ окномъ моей комнатки. Никогда цвѣты ея не казались мнѣ свѣжѣе и лучше. Это хорошій признакъ!

Прикащикъ остановилъ меня на дорогѣ, съ вопросомъ: каково мнѣ въ Парижѣ. — Очень-хорошо, отвѣчала я съ искренностью, которая, кажется, ободрила его. «Въ такомъ случаѣ вы позволите водить васъ по воскресеньямъ гулять?»

Конечно!

И онъ остался въ восторгѣ.

Въ воскресенье я буду на дорогѣ въ деревню, и почтальйонъ, сидя на козлахъ и хлопая кнутомъ, будетъ болтать мнѣ о деревенскихъ новостяхъ.

V.

Первой заботой моей, когда я проснулась, было уложить все имѣние, чтобы почтальйонъ нашелъ меня на готовѣ. Потомъ я отправилась, по-обыкновенію, на фабрику; но она была заперта. Работники гурьбою собрались у входа. Со всѣхъ сторонъ раздавались слова: «Прекращеніе работъ! Торговый кризисъ!» На всѣхъ лицахъ были написаны страхъ и уныніе.

Триста несчастныхъ оставались безъ куска хлѣба!....

Марта сидѣла на землѣ, закрывъ лицо руками. Я подошла къ ней. Она подняла голову.

— Ты видишь, молвила она грустно, мы безъ работы! Я при-выкла къ этому несчастью. А ты? Что будетъ съ тобою. Съ нынѣшняго дня ты начнешь бороться съ нуждой. Мнѣ жаль тебя, бѣдный ребенокъ!

— Успокойтесь, отвѣчала я ей. Въ воскресенье я возвращаюсь въ деревню. — А вы?... Она улыбулась горько.

— Я стану просить милостыню. Меня посадятъ въ тюрьму. По крайней-мѣрѣ, мнѣ будетъ что ѣсть, не пятная себя, какъ столько другихъ. И ты, — избѣгая бѣдности, избѣгаешь также стыда. Благодарн дважды небо!

Въ эту минуту, я услышала звонъ. Въ сосѣдней церкви благовѣстили къ обѣднѣ. Я пошла туда и, ставъ на колѣни, шептала: «Боже мой, Боже мой, сжался надъ бѣдной Мартой и надъ всѣми, которыя согрѣшили, какъ и она. Вина ихъ сдѣлалась-бы, можетъ-быть, и моею, если-бы Ты не вложилъ въ меня желанія ухъать отсюда. Эта недѣля будетъ мнѣ памятна. Я стану вспоминать о ней только для того, чтобы благословлять Тебя, и молить за несчастныхъ, не имѣющихъ довольно твердости противиться искушенію.»

У воротъ дома меня ждалъ прикащикъ. Не знаю, слова ли Марты были тому причиною; но лицо его показалось мнѣ въ этотъ разъ отвратительнѣе, чѣмъ когда-либо. Коварство ясно изображалось на немъ. Онъ сказалъ мнѣ ласковымъ голосомъ: «Не пугайтесь того, что вы видѣли нынче утромъ.» Шабашъ будетъ продолжаться недолго. Но впрочемъ я не перестану о васъ заботиться, какъ это сдѣлала-бы та, которой нѣтъ здѣсь теперь. Скоро вы оставите этотъ гадкій чердакъ. Покуда возьмите вотъ это.

И онъ опустилъ мнѣ въ руку монету.

— Никогда! никогда! воскликнула я, бросая деньги.

— Не сердитесь; я дѣлаю для вашего-же добра. Я думалъ быть вашимъ другомъ. Когда вы узнаете меня короче, вы примете, можетъ-быть... Но теперь мнѣ некогда разговаривать съ вами.... Прощайте, до воскресенья!

Онъ хотѣлъ взять мою руку. Я отдернула ее.

О да! Я оставлю этотъ ненавистный домъ, но не для того, чтобы за тобою слѣдовать. Я возвращусь въ мою деревенскую комнатку, съ бѣлыми занавѣсками.

Какъ медленно идутъ часы!

Вотъ наконецъ и ночь.... Завтра суббота. Я получу отъ ма-тушки письмо. Сонъ смыкаетъ мои рѣсеницы. Какъ-бы я хотѣла, чтобы нынче было воскресенье!

VI.

— Письмо, сударыня, письмо. Этотъ крикъ привратницы поднялъ меня съ постели. Я быстро схватила письмо и прочла громко:

Отвѣтъ Матюрины Розѣ.

Милое дитя мое!

Сколько несчастій, съ-тѣхъ-поръ какъ мы не видались! Брюно себя ранилъ, рубя въ лѣсу дрова. Жаклина больна. Нужно жить и платить лекарю; а у насъ на это только день Жака, который нанялся каменщикомъ. Намъ невозможно принять тебя. Священникъ, прочитавъ письмо твое, сказалъ, что дѣвочки всегда жалбуютъ въ первые дни о своей деревнѣ. Работай, другъ мой. Ты ужъ велика, разсудительна. Богъ не оставитъ тебя, на него вся надежда любящей тебя

матери Матюрины.

Я упала въ изнеможеніи на кровать.

Такъ нѣтъ болѣе надежды! Такъ эта недѣля будетъ для меня цѣлою жизнью! Нѣтъ убѣжища отъ стыда? Что со мной будетъ? Да! Я и забыла средство Марты!

Умереть молодою! Ужасно.... Но развѣ существованіе, что теперь предо мной — лучше смерти? О! я умру!....

VII.

Я всю ночь молилась. Утромъ, при лучахъ солнца, я увидѣла на занавѣскахъ цѣточницы двѣ тѣни. Нынче воскресенье; женихъ ея повезетъ ее съ собою въ деревню. Она будетъ счастлива цѣлый день, и возвратится домой съ чистой совѣстью. Но стучатся въ дверь.... За мной идутъ. Это оцъ.... Да защититъ меня воспоминаніе о Мартѣ....

Боже мой.... Ты не допустилъ меня отворить ему?

ОПЕРАТОРЪ.

(Истинное происшествіе).

Докторъ Джонъ Абернетти, одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей лондонскихъ, возвратился подъ вечеръ домой, усталый, измучен-

ный посѣщеніями своихъ многочисленныхъ пациентовъ. Покуда откладывали лошадей и старая экономка Сара накрывала на столъ, докторъ раздѣлся, накинулъ теплый, спокойный халатъ и усѣлся близъ пылающаго камина, передъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами.

Еще при входѣ доктора въ кабинетъ, его привѣтствовали разные странные голоса. Потомъ, когда онъ усѣлся, къ нему начали являться странные его домочадцы: во-первыхъ, сова, сидѣвшая на шестѣ въ углу комнаты, прилетѣла и сѣла къ нему на плечо, вслѣдъ за нею прибѣжала съ своими ласками красивая ньюфундендская собака, а за собакою явилась рѣдкой породы обезьяна, помѣстилась у доктора въ ногахъ, и смотрѣла на него съ презабавными гримасами.

Абернетти поочередно приласкалъ каждого изъ своихъ любимцевъ: погладилъ толстую голову совы, пожелалъ добраго вечера гримасницѣ обезьянѣ и нагнулся дружески къ своему ньюфундендеру; потомъ всталъ и подошелъ къ шкафу; при видѣ этого жесты и крики его маленькаго звѣринца сдѣлались еще громче и радостнѣе.

Докторъ досталъ изъ шкафа кусокъ мяса и подаль его совѣ, а обезьянѣ съ собакою онъ далъ большой кусокъ сахару, который онѣ и раздѣлили между-собою довольно дружески.

На каминѣ у доктора стояли большіе красивые часы; вдругъ часы эти какъ будто-бы зашевелились, прекрасная тигровая змѣя, спавшая, свернувшись, на самомъ куполѣ ихъ, проснулась, спустилась съ часовъ и поползла, высуня свой черный раздвоенный языкъ, прямо къ доктору.

— А! и ты здѣсь, Псилма! сказалъ докторъ, протягивая къ ней руку: ты завистлива, и ты тоже хочешь, чтобы я поласкалъ тебя.

Змѣя какъ-будто понимала, что говоритъ докторъ; она обвилась вокругъ руки его, и дотрогивалась своею гладкою чешуйчатою головою до его щеки.

Старый эскулапъ забавлялся еще нѣсколько времени со своими любимцами; потомъ онъ стукнулъ палкою объ полъ и закрычалъ:

— По мѣстамъ. Мнѣ пора работать.

Странные домочадцы доктора разошлись, заняли прежнія мѣста свои и въ комнатѣ водворилась тишина, изрѣдка нарушаемая только скрипомъ пера и переворачиваньемъ листовъ, потому что докторъ тотчасъ-же сѣлъ къ письменному столу и принялся рыться въ книгахъ и писать.

Черезъ часъ вошла въ кабинетъ Сара и объявила, что готовъ ужинъ.

Докторъ, углубившійся въ свои занятія, не слышалъ этого.

— Ужинъ готовъ, повторила экономка.

Докторъ все-таки не слышалъ.

Сара подождала нѣсколько минутъ, и въ третій разъ пригласила своего господина ужинать, но опять тщетно.

Абернетти продолжалъ писать. Наконецъ, минутъ черезъ десять онъ положилъ перо, схватилъ колокольчикъ и громко зазвѣнелъ.

— Что, развѣ мнѣ не дадутъ сегодня ужинать! вскричалъ онъ: чортъ побори старыхъ нерадивыхъ бабъ!

И обернувшись при этихъ словахъ, онъ увидалъ мистриссъ Сару, стоящую сзади его съ салфеткою въ рукахъ. Мистриссъ Сара, привыкшая къ подобнымъ вспышкамъ своего господина и не думала оправдываться въ несправедливомъ упрекѣ его. Докторъ всталъ съ своего кресла, и въ тоже мгновеніе поднялись съ своихъ мѣсть и всѣ его питомцы. Обезьяна въ одинъ прыжокъ очутилась возлѣ него, сова спустилась съ своей палки, Ньюфундлеръ всталъ и потягивался, Пемла сползла съ часовъ съ необыкновенною скоростію, и все это отправилось вслѣдъ за докторомъ въ столовую. Тамъ сова усѣлась на спинкѣ докторовыхъ креселъ, собака помѣстилась возлѣ него и положила морду къ нему на колѣни. Пемла всползла на столъ и обвилась около подсвѣчника, обративъ голову къ мискѣ съ молокомъ, а обезьяна Никъ съ свойственною ему безсовѣстностію усѣлась противъ доктора въ другое кресло къ самому столу и завладѣла тарелкою. Мистриссъ Сара хотѣла было воспротивиться этой дерзости, но забавникъ Никъ сдѣлалъ изъ себя такую забавную фигуру, что старая экономка по-неводѣ расхохоталась. А кто заставить смѣяться старую домоправительницу, у того дѣло въ шляпѣ. Въ слѣдствіе этого Никъ рѣшился еще далѣе простереть свою дерзость. Онъ схватилъ вилку, поддѣлъ на нее большую изжаренную картофелину и преспокойно принялся ее кушать.

— Мистеръ сегодня вечеромъ поѣдетъ со двора? спросила Сара у доктора, который прилѣжно управлялся съ сочнымъ кускомъ ростбѣфа.

— Я сегодня вечеромъ со двора? Развѣ вы не слышите, мистриссъ Сара, какой на дворѣ ливень? Развѣ вамъ мало кажется, что я сегодня съ пяти часовъ утра и до шести вечера таскался по моимъ больнымъ?

— Помилуйте, да не я-ли каждый Божій день упрашиваю васъ беречь свое здоровье и не изжурять себя.

— Беречь! не изжурять! гнѣвно вскричалъ докторъ: по вашему я долженъ ѣздить только къ такимъ больнымъ, которые хорошо платятъ, а къ бѣднякамъ ни погою, не такъ-ли?

— Напротивъ, мистеръ, я часто....

— Да, знаю, прервалъ докторъ: вамъ хотѣлось-бы, чтобы я лечилъ только нищихъ, да рабочихъ! Вотъ славное-бы средство содержать себя, въ-особенности при такихъ огромныхъ расходахъ по дому; да, Мистриссъ Сара, расходы эти очень-велики; съ по-

рядкомъ и бережливостью ихъ можно-бы гораздо и гораздо поуменшить.

Мистриссъ Сара не могла скрыть слезъ, выступившихъ у ней на глазахъ при этомъ несправедливомъ упрекъ.

— Ну вотъ, вы опять съ своею чувствительностію. Вы каждое необдуманное, въ горячкѣ вырвавшееся слово, сейчасъ принимаете къ сердцу, какъ-будто-бы вы не привыкли уже къ моимъ вспышкамъ. Или мнѣ въ тысячу первый разъ повторять опять, что вы въ моихъ глазахъ самая разсудительнѣйшая и самая почтеннѣйшая Сара, во всѣхъ трехъ королевствахъ! Еще стаканчикъ гроку, мистриссъ Сара, — и миръ.

Докторъ весело протянулъ ей свой стаканъ, но мистриссъ Сара, вмѣсто того, чтобы налить ему гроку, взяла со стола бутылку и спрятала въ буфетъ.

— Я прошу еще стаканъ гроку, вскричалъ Абернетти.

— Ваша милость уже выпили два, отъ третьяго вы будете нездоровы.

— Что, что? старая баба будетъ мнѣ предписывать правила дѣтетки?

— Ваша милость часто ходите на дорожный столбъ съ надписью, который показываетъ настоящую дорогу, а самъ никогда не идетъ по ней.

— Стало-быть, я не господинъ въ своемъ домѣ. Стоило же оставаться холостякомъ. Я нарочно не женился, чтобы не ограничивать своей свободы, и вотъ я все-таки рабомъ самой упрямѣйшей изъ дочерей праматери Евы, какую я только знаю. Ну, дѣлать нечего, мировая, такъ мировая, мистриссъ Сара.

Докторъ всталъ изъ-за стола и отправился въ своей кабинетъ, а за нимъ и все его семейство, исключая мистриссъ Сары, которая принялась прибирать со стола, и обжорливой совы, оставшейся подбирать крохи, бросаемаыя ей доброю экономкою.

II.

Только-что Абернетти усѣлся у камина, вошелъ слуга и подаль ему два письма.

Абернетти распечаталъ одно письмо, и прочелъ:

«Милостивый государь! Я очень-боленъ. Врачи, съ которыми я совѣтывался, не могутъ опредѣлить этой болѣзни. Въ-слѣдствіе этого я прибѣгаю къ вамъ и усердно прошу посѣтить меня сегодня-же вечеромъ. — Джонъ Эльвееъ.»

— А, ты думаешь, старая скряга, что я для тебя покину свою теплую комнатку, и пушусь къ тебѣ въ такую скверную погоду! вскричалъ докторъ. Ты думаешь, я не знаю, какъ ты отблагодаришь моего почтеннаго учителя, Хунтера? Вотъ я тебя отучу сзывать докторовъ!

И онъ написалъ на-оборотъ этого-же самаго письма:

«Докторъ Абернетти не можетъ иначе посѣтить достопочтеннаго сира Джона Эльвеса, какъ за гонораръ въ 30 фунтовъ стерлинговъ».

— Отдай это письмо лакею, который его принесъ.

— Его принесъ не лакей, а какая-то оборванная старуха.

Абернетти распечаталъ второе письмо. Содержаніе этого письма, казалось, сдѣлало на него сильное впечатлѣніе.

— Скорѣе закладывать лошадей! вскричалъ онъ. Я сію-же минуту ѣду!

Докторъ поспѣшно сбросилъ халатъ, туфли, и одѣлся.

— Чортъ побери всѣхъ этихъ лентяевъ слугъ! вскричалъ онъ, горячась по своему обыкновенію. Мнѣ-бы давно уже надобно было тамъ. Бѣдное дитя!

Онъ сбѣжалъ на дворъ, привялся торопить кучера, и сидѣлъ уже въ каретѣ, хотя лошади еще и не совсѣмъ были заложены. Наконецъ, карета покатила по мрачнымъ улицамъ Сити.

Абернетти велѣлъ остановиться передъ однимъ довольно-бѣдной наружности домомъ и поспѣшно выскочилъ изъ кареты. По темному, длинному корридору, пришелъ онъ къ узкой, крутой лѣстницѣ и вбѣжалъ по ней съ легкостью двадцатилѣтняго юноши; не постучавшись, отворилъ низенькую дверь и вошелъ въ комнату. Печальное зрѣлище встрѣтило его тамъ. Молодая дѣвица, бѣдная, какъ полотно, и въ сильныхъ судорогахъ, лежала на кровати, возлѣ нея стояла пожилая женщина и другая тоже молодая дѣвица, и заглушая свои рыданія, старались ободрять и утѣшать страдалицу. При входѣ доктора онѣ какъ-будто ожили надеждою.

Абернетти, ни слова не отвѣчая на привѣтствія этихъ бѣдныхъ женщинъ, подошелъ къ кровати и пристально посмотрѣлъ на больную. На холодномъ лицѣ его выразились горестное изумленіе и безпокойство. Онъ поспѣшно написалъ рецептъ и подаль знакъ окружающимъ, чтобы онѣ вышли изъ комнаты. Оставшись одинъ съ больною, онъ схватилъ ее за руку, и сказалъ, стараясь сколько возможно смягчить природную грубость своего голоса:

— Миссъ Люси, вы отравили себя опиумомъ.

Больная закрыла лицо руками и горько заплакала, ничего не отвѣчая.

— Давно-ли дочь благочестиваго пастора Гриффита забыла мудрыя наставленія отца своего? продолжалъ докторъ. Вы съ христіанскою покорностію переносили незаслуженную вами бѣдность, она не могла повергнуть васъ въ такое отчаяніе — только одно сердечное страданіе могло совратить васъ съ христіанскаго пути.

— Развѣ позоръ не хуже смерти? прошептала больная. Одинъ молодой человекъ просилъ моей руки, матушка согласилась, и я считала уже его женихомъ своимъ. Онъ увѣрилъ меня, что и его родные также согласны на нашъ бракъ. Но вчера пришелъ къ

намъ отецъ моего Жоржа, и горько упрекалъ мою матушку за ей, какъ онъ называлъ, смѣшное тщеславіе. «Никогда сынъ мой не будетъ мужемъ вашей дочери, прибавилъ онъ наконецъ: теперь Жоржъ давно уже на корабль, который въ концѣ вышедшей-же недѣли отправится въ Индію.» Итакъ, вы видите, что вамъ ничего не оставалось болѣе, какъ умереть.

— Вамъ оставалось отыскать меня и повѣрить мнѣ наше горе! Какъ зовутъ отца вашего жениха?

— Сиръ Джонъ Эльвесъ, членъ парламента.

— Какъ! сиръ Джонъ Эльвесъ! радостно вскричалъ докторъ. А, сиръ Джонъ Эльвесъ! Ну, сиръ Джона-то я усмирю. Успокойтесь, дитя мое, не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ и вы будете женою Жоржа Эльвесъ, положитесь въ этомъ на мое честное слово.

Люсі полудовѣрчиво, полусомнительно взглянула на своего утѣшителя.

— Абернетти никогда не давалъ обѣщанія, котораго не можеть на-вѣрное исполнить, важно сказалъ старый докторъ. Положитесь-же на меня. Состояніе ваше, славу Богу, неопасно. Прописанное мною средство скоро уничтожитъ вредныя послѣдствія принятаго вами яда. Завтра я приду опять.

Онъ кликнулъ мать и сестру Люсі.

— Завтра все пройдетъ, сказалъ онъ имъ. Я такъ увѣренъ въ этомъ, что заказалъ уже нашей больной работу, и вотъ двѣнадцать гиней въ задатокъ. Прощайте, спокойной ночи.

Докторъ сошелъ на улицу, сѣлъ въ карету и искорѣ воротился къ своимъ питомцамъ и своему камину.

III.

Докторъ Абернетти по утрамъ обыкновенно принималъ больныхъ у себя на дому. Богатыхъ и бѣдныхъ, онъ принималъ всѣхъ безъ всякаго различія. Приходящимъ раздавали нумера и каждый долженъ былъ ожидать своей очереди.

Въ числѣ первыхъ лицъ, явившихся въ пріемной Абернетти на другое утро послѣ посѣщенія имъ Люсі Граффитъ, былъ одинъ семидесятилѣтній старикъ, чрезвычайно бѣдно-одѣтый. Хотя онъ, какъ видно, былъ очень-боленъ, однако пришелъ пѣшкомъ и, несмотря на суровую зимнюю погоду, безъ плаща.

Камердинеръ Абернетти узналъ на головѣ этого старика изношенный парикъ своего господина, который онъ наканунѣ выбросилъ за окошко. Пациентъ, видно, нашелъ его на улицѣ и тотчасъ же надѣлъ на голову, хотя онъ и былъ слишкомъ малъ для него, такъ что на его узкой и острой головѣ походилъ скорѣе на крышу китайскаго пагода, чѣмъ на парикъ. Костюмъ этого страннаго старика состоялъ изъ поношеннаго и во многихъ мѣ-

стахъ покрытаго заплатками, грубаго сукна сюртука, длинной жилетки изъ самой грубой шотландки, коричневыхъ плисовыхъ штановъ, голубыхъ бумажныхъ чулокъ и толстыхъ башмаковъ.

Старикъ терпѣливо дожидался, пока дойдетъ до него очередь. Наконецъ его впустили, и докторъ, дорожившій своимъ временемъ, началъ свой обычный поспѣшный допросъ:

— Чѣмъ вы больны? Давно-ли?

— Семь или восемь мѣсяцевъ страдаю невыносимою болью въ правомъ глазу, отвѣчалъ старикъ. У меня постоянное и такое сильное бѣшеніе въ немъ, что какъ-будто все жилы тянутъ.

Абернетти долго и внимательно разсматривалъ лобъ больного.

— Вы мужчина, сказалъ онъ наконецъ: и потому я скажу вамъ всю правду. Болѣзнь ваша непременно умертвитъ васъ, если вы въ самомъ скоромъ времени не прибѣгнете къ операціи. Я берусь сдѣлать вамъ эту операцію. Ступайте тотчасъ-же въ госпиталь Св. Бартоломея, я дамъ вамъ записку и васъ помѣстятъ тамъ въ мое отдѣленіе.

— Я долженъ вамъ признаться, сказалъ пациентъ, что госпиталями всегда винушали мнѣ какое-то отвращеніе. Не можете-ли вы сдѣлать мнѣ операцію у меня въ квартирѣ?

— Нѣтъ; вы послѣ операціи, по-крайней-мѣрѣ, двѣ недѣли должны оставаться подъ надзоромъ избраннаго мною для васъ врача; да кромѣ-того операція эта требуетъ многихъ приготовленій и пособій, которыхъ нельзя имѣть въ лачушкѣ такого бѣдняка, какъ вы.

— Я, конечно, очень бѣденъ, возразилъ пациентъ, съ какою-то странною улыбкою: но могу васъ увѣрить, что вы найдете у меня все нужное для вашей операціи.

— Не заставляйте меня попусту терять время, нетерпѣливо сказалъ докторъ: хотите вы лѣчиться или нѣтъ!

— Безъ сомнѣнія хочу.

— Ну такъ ступайте въ госпиталь Св. Бартоломея; я тамъ только рѣшаюсь на операцію.

— А я не согласенъ иначе, какъ у меня на квартирѣ, возразилъ упрямый старикъ. Я хотѣлъ только узнать ваше мнѣніе на счетъ моей болѣзни, и слава Богу, теперь знаю его. Все врачи съ которыми я совѣтовался, Бликъ, Поттъ, Маршалъ, самъ смѣлый Гунтеръ, не рѣшаются на эту операцію. Я соберу этихъ господъ опять и объявлю имъ ваше мнѣніе.

— Вы хотите созвать славнѣйшихъ врачей цѣлаго Лондона? спросилъ, Абернетти съ удивленіемъ посматривая на нищенской почти нарядѣ страннаго старика.

— Да, отвѣчалъ старикъ: они говорятъ, что случай подобный болѣзни весьма замѣчательнъ и интересенъ для науки, а потому они и хотятъ заняться мною, какъ будто какимъ-нибудь богачемъ. Прошайте господина докторъ.

Старикъ пошелъ-было къ дверямъ; Абернетти кликнулъ его назадъ.

— Такъ-какъ вы боитесь госпиталей, сказалъ онъ ему: я сдѣлаю вамъ операцію у себя дома. За вами будетъ тщательный уходъ, и по выздоровленіи я дамъ вамъ двѣ гиней. Согласны?

— Вотъ что, докторъ, возразилъ старикъ, недовѣрчо смотря на Абернетти. Вы хотите предпринять надо мною операцію, на которую не рѣшается никто изъ другихъ докторовъ. Но ужъ позвольте мнѣ раздѣлять мнѣніе вашихъ сотоварищей; я никогда не рѣшусь на эту операцію.

Старикъ положилъ на каминъ шиллингъ, насмѣшливо поклонился и пошелъ опять къ дверямъ.

— Вы говорите, что созовете докторовъ, холодно сказалъ Абернетти: я берусь доставить вамъ даромъ этотъ консиліумъ. Сегодня въ два часа я соберу къ себѣ своихъ сотоварищей и предложу имъ этотъ почти безпримѣрный случай.

— Подумайте, вѣдь я бѣднякъ и мнѣ нечѣмъ заплатить за этотъ консиліумъ.

— Еще разъ говорю вамъ, что онъ ничего не будетъ вамъ стоить.

— Поклянитесь честью.

— Даю вамъ честное слово дворянина.

Старикъ захохоталъ.

— Благодарю, докторъ; вы хитры и лукавы, но я еще похитрѣ васъ. Вы требовали отъ Сира Джона Эльвеса 50 фунтовъ стерлинговъ за одинъ визитъ, а онъ заплатилъ за это только одинъ шиллингъ. Мало того, вы сегодня на свой счетъ соберете для него всѣхъ славнѣйшихъ лондонскихъ врачей. Вамъ хотѣлось чувствительно задѣть меня. Но, кажется, я задѣлъ васъ еще почувствительнѣе.

— Вы правы, отвѣчалъ спокойно Абернетти: я люблю хитрости, и это одна изъ самыхъ искуснѣйшихъ. Сиръ Джонъ Эльвесь, я сдержу свое слово, пожалуйста сегодня въ два часа ко мнѣ, обязательная консультація непременно будетъ.

— Однакожъ, даромъ!

— Безъ сомнѣнія, даромъ, подтвердилъ докторъ, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ на этомъ словѣ: даромъ.

— Сиръ Джонъ ушелъ въ веселомъ расположеніи духа. Абернетти долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и ворчалъ: Сегодня ты перехитрилъ меня, посмотримъ, кто-то перехитритъ завтра.

IV.

Сиръ Джонъ Эльвесь былъ сынъ богатаго лондонскаго пивовара, по имени Мегго. Пивоваръ этотъ влюбился въ дѣвушку

изъ низкаго класса и женился на ней противъ воли своихъ родныхъ.

Мистрисъ Пегги вдругъ перешла отъ величайшей бѣдности къ огромному богатству, и что же! вмѣсто того, чтобы предаться всѣмъ наслажденіямъ, которыя доставляло ей ея новое положеніе и о которыхъ она едва-ли и мечтати могла въ своемъ прежнемъ состояніи, мистрисъ Пегги предалась, напротивъ, безпримѣрной скупости, и Мегго тщетно старался искоренить въ ней эту постыдную страсть. Мистрисъ Пегги начала съ того, что распустила большую часть слугъ своего мужа, да и оставшимся назначила самое маленькое жалованье и весьма плохо кормила ихъ. Потомъ и столъ самого мистера Мегго поставленъ былъ ею на такую ногу, что онъ не смѣлъ уже больше пригласить когда-нибудь къ обѣду или къ ужину кого-нибудь изъ пріятелей. Сколько ни возставалъ мистеръ Мегго противъ этого скряжничества, ничто не помогало. Рожденіе сына нисколько не измѣнило характера и склонностей мистрисъ Пегги. Богатая пивоварша одѣвалась какъ нельзя хуже, сама закупала на рынкѣ за безцѣнокъ попортившіеся съѣстные припасы, и въ слѣдствіе того часто производила значительныя болѣзни въ своихъ домочадцахъ.

Мегго ушибъ однажды на пивоварнѣ ногу и у него открылась опасная рана. Онъ тотчасъ же приказалъ послать за докторомъ; но мистрисъ Пегги начала увѣрять, что рана совсѣмъ незначительна, и что совсѣмъ не нужно тратить попусту деньги на лекарства. Жалобы, приказанія, угрозы мужа, прикованнаго болѣзнию къ кровати, были бесполезны. Больной впалъ въ горячку и протрадавши съ недѣлю, умеръ жертвою скупости и безчеловѣчія своей супруги.

Съ-того времени постыдная страсть мистрисъ Пегги не знала уже болѣе никакихъ границъ. Мистрисъ Пегги похоронила своего мужа, какъ какого-нибудь нищаго, и работники съ пивоварни покойнаго, сложившись, поставили покойному памятникъ, потому-что она не хотѣла сдѣлать даже и этого. Вдова распустила всѣхъ послѣднихъ слугъ, продала пивоварню и переселилась съ ребенкомъ на самый дрянной-чердакъ въ отдаленной части города. Жадность къ золоту обратилась въ ней въ какое-то безуміе. Въ слѣдствіе разныхъ налагаемыхъ ею на себя лишеній, здоровье ея день-отъ-дня становилось слабѣе, хотя она и утверждала, что можно прожить вовсе ничего не ѣвши, и въ доказательство подвергла себя и ребенка своего такой строгой діетѣ, что въ одно утро ее нашли въ постелѣ мертвою отъ голода. Сынъ ея, голодный и худой, какъ спичка, лежалъ возлѣ нея.

Къ ребенку назначили опекуна. Опекунъ отослалъ маленькаго Джона въ Вестминстерское училище. Молодому Джону не полюбилось классическое ученіе; ему гораздо-больше по-вкусу пришлись гимнастическія упражненія, и онъ скоро сдѣлался не только отличнымъ бѣдокомъ, но и первѣйшимъ кулачнымъ бойцемъ.

Вырвавшись, наконецъ, изъ школы Джонъ со всею пылкостью молодыхъ страстей предался удовольствіямъ житейскимъ. Онъ въ короткое время промоталъ все отцовское состояніе и сидѣлъ по уши въ долгахъ. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи онъ вспомнилъ, что у него есть гдѣ-то въ Суффолкскомъ графствѣ богатый дядя. Къ нему-то отправился Джонъ, одѣвшись въ самый грубый и простой костюмъ, потому-что онъ зналъ, что этотъ любезный дядюшка, обогатившійся лихоимствомъ и купившій себѣ титулъ баронета, былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный братецъ его матушки мистрисъ Перги. Молодой расточитель превосходно умѣлъ поддѣлаться къ почтенному дядюшкѣ, прожнивъ съ этимъ скрягою цѣлыя пять лѣтъ, и, наконецъ, тотъ такъ полюбилъ племянника, что сдѣлалъ его полнымъ своимъ наследникомъ, съ условіемъ, чтобы племянникъ принялъ титулъ и фамилію его Эльвеса. Наслѣдства досталось Джону слишкомъ 200,000 фунтовъ стерлинговъ.

Сиръ Джонъ возвратившись въ Лондонъ никому не слова не сказалъ о своемъ богатствѣ. Чтобы обезопасить себя отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій прежнихъ своихъ кредиторовъ, онъ скупилъ подъ-рукою, и разумѣется за безцѣнокъ, всѣ бывшіе у нихъ на него векселя, и только уже послѣ того открылось, какое ему досталось богатое наследство.

Всѣ ожидали, что онъ, по-прежнему, начнетъ мотать и сорить деньгами—не тутъ-то было: Сиръ Джонесъ сдѣлался скрягою не хуже своихъ покойныхъ матушки и дядюшки. Правда, иногда онъ предавался прежнимъ своимъ глупостямъ, но спекулятивный умъ его и изъ этихъ глупостей умѣлъ извлекать не вредъ, а пользу. Такъ, на-примѣръ, однажды онъ нанунилъ себѣ лучшихъ охотничьихъ собакъ и лучшихъ скаковыхъ лошадей во всей Англій; но подержавши ихъ нѣсколько мѣсяцевъ, продалъ всѣхъ съ большимъ барышемъ какому-то богатому лорду. Онъ самъ продавалъ на Смитъфильдскомъ рынкѣ пригоняемый изъ его помѣтвель снотъ. Случалось-ли ему ѣхать верхомъ, и надобно было проѣзжать въ заставу; въ такомъ случаѣ онъ лучше дѣлалъ десять миль крюку и готовъ былъ сломать себѣ шею на непроѣзжей дорогѣ, только-бы не платить положеннаго пенса пошрины за проѣздъ въ заставу.

Понятно, что при такомъ образѣ жизни состояніе Сира Джона Эльвеса вскорѣ утроблось. Скупность однако не мѣшала ему быть честолюбивымъ; онъ успѣлъ попасть въ члены парламента; но и этотъ успѣхъ на поприщѣ честолюбія стоилъ ему только, какъ онъ самъ послѣ хвалился, три пенса.

Двѣнадцатъ лѣтъ уже былъ онъ членомъ нижняго парламента. Несмотря на безпримѣрный цинизмъ его, онъ приобрѣлъ всеобщую извѣстность своею совѣстливостью и безпристрастіемъ. Во многихъ спорныхъ случаяхъ избирали судьей Сира Джона Эльвеса.

Таковъ-то былъ пациентъ, для котораго докторъ Абернетти обѣщалъ созвать на консилиумъ первѣйшихъ врачей Лондона.

V.

Въ назначенное время Сиръ Джонъ Эльвесъ прежде всѣхъ явился къ доктору Абернетти.

— Прошу пожаловать, сказалъ, встрѣчая его, докторъ: мои товарищи не очень-аккуратны; впрочемъ я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобы принять на счетъ вашъ нѣкоторыя необходимыя мѣры. Вы должны слышать наше совѣщаніе, слышать все ясно и точно, чтобы знать мнѣніе моихъ товарищей о вашей болѣзни, и потому прошу васъ вотъ въ этотъ кабинетъ, оттуда вы можете ясно слышать каждое наше слово. Послѣ консилиума вы скажете мнѣ, на что вы рѣшились.

Сиръ Джонъ отправился въ кабинетъ, и скоро начали являться доктора. Когда всѣ собрались, Абернетти сказалъ:

— Дорогіе мои сотоварищи, сзывая васъ къ себѣ на консилиумъ, я не объявилъ вамъ для кого этотъ консилиумъ — я составилъ его для сира Джона Эльвеса.

При этомъ имени, всѣ собравшіеся врачи явно изъявили свое удивленіе и неудовольствіе.

— Я очень-хорошо знаю, продолжалъ Абернетти, что сиръ Джонъ много виноватъ передъ вами; но онъ просилъ меня поправить свою вину. Мнѣ поручено вручить вамъ отъ его имени каждому по двадцати-пяти гиней.

Сказавши это, онъ подалъ каждому изъ докторовъ банковый билетъ въ эту сумму.

— Теперь приступимъ къ совѣщанію о положеніи нашего пациента. Что вы думаете объ его болѣзни, почтенный мой докторъ Бликъ?

— У Эльвеса, отвѣчалъ старый, глубоко-ученый докторъ Бликъ: въ глазу кровавый паростъ. Не-смотря на мою многолѣтнюю опытность, я не рѣшусь сдѣлать ему операцію, потому-что больной можетъ умереть у меня на рукахъ.

— А если операція не будетъ сдѣлана?

— Пациентъ непременно умретъ, и въ самомъ скоромъ времени, потому-что біеніе большой артеріи уже сильно повредило дугу брови.

— А ваше мнѣніе, любезный другъ Гунтеръ?

— Я согласенъ съ мнѣніемъ почтеннаго Блика.

— И я тоже, прибавилъ знаменитый анатомъ Маршалъ.

— Я то-же самое говорилъ и при первой консультаціи, сказалъ докторъ Поттъ.

— Итакъ, вы боитесь, что пациентъ...

— Не вынесетъ операціи. Врачъ, рѣшившійся на подобную операцію, легкомысленно играетъ своею славою, потому что, если бы операція и удалась, все-таки рѣшиться на нее значитъ выставить себя вполне неблагоуразумнымъ и дерзкимъ.

— Но вѣдь больной не можетъ же остаться въ живыхъ безъ операціи? продолжалъ Абернетти.

— Да, онъ умретъ, можетъ-быть, завтра-же, а можетъ-быть, и сегодня.

— Вотъ вамъ, почтенные сотоварищи, еще по двадцати-пяти фунтовъ стерлинговъ каждому, отъ имени сира Джона Элевеса. Прощайте.

Врачи разошлись, и Абернетти пошелъ къ сирю Джону Элевесу. Читатель можетъ вообразить себѣ, въ какомъ онъ нашелъ его состояніи.

— Я готовъ платить вамъ требуемые вами 50 фунт. стерлинговъ за визитъ, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ напуганный пациентъ.

— Теперь мнѣ этого мало, злобно улыбаясь, отвѣчалъ Абернетти.

Сиръ Джонъ вздохнулъ еще печальнѣе.

— Я заплачу вамъ, что вы отъ моего имени роздали этимъ господамъ, хотя это сдѣлано вами и безъ моего согласія.

Абернетти пристально посмотрѣлъ на стараго скрягу.

— Итакъ, вы полагаете, что я за какія-нибудь сотню гиней, не смотря на совѣтъ моихъ славныхъ сотоварищей, рѣшусь играть моею славою и мѣстомъ оператора!

— Чего-же вы требуете? горячо вскричалъ сиръ Джонъ.

— Такая смѣлая операція стóитъ....

— А именно? вскричалъ сиръ Джонъ, который отъ испугу и ожиданія едва не падалъ въ обморокъ.

— Даже, если эта смѣлость и удался, продолжалъ докторъ: мнѣ все-таки трудно будетъ въ ней оправдаться. Это жестоко поколеблетъ довѣренность въ мое благоуразуміе и осторожность. Меня назовутъ шарлатаномъ, который играетъ своимъ искусствомъ.

— Говорите-же, заклинаю васъ.

— Я требую за операцію шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Сиръ Джонъ всплеснулъ руками.

— Берегитесь, холодно сказалъ докторъ: малѣйшее волненіе можетъ имѣть для васъ очень-плохія послѣдствія; артерія, которая проходитъ черезъ вашъ наростъ, можетъ лопнуть, и вы погибнѣе.

— Никогда, никогда не заплачу я такой суммы, вскричалъ скряга.

— Я требую восемь тысячъ фунтовъ, отвѣчалъ докторъ.

— Вы постыдно пользуетесь моимъ положеніемъ.

— Я требую десять тысячъ фунтовъ.

Сиръ Джонъ подумалъ съ минутою.

— Хорошо, сказалъ онъ наконецъ: я принимаю ваши условия. Мое Девонширское помѣстье стоить шесть тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Я отдаю его вамъ.

— Остальные четыре тысячи вы доплатите банковыми билетами?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни пенса больше шести тысячъ! Не мучьте меня, не заставьте проклинать жизнь.

— Я требую одиннадцать тысячъ фунтовъ, возразилъ неумолимый докторъ.

Сиръ Джонъ, молча уже кивнулъ головою въ знакъ согласія заплатить эту сумму.

— Итакъ, вы даете честное слово дворянина, что заплатите мнѣ одиннадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, если я счастливо кончу операцію?

— Я напишу документъ, отвѣчалъ сиръ Джонъ, опасаясь еще новаго возвышенія требованій доктора.

— Мнѣ довольно вашего слова, сиръ Джонъ; я знаю, что ваше слово свято. Теперь извольте идти домой. Черезъ часъ я явлюсь къ вамъ для операціи. А до тѣхъ-поръ, прибавилъ докторъ съ видомъ истиннаго благочестія: помолимся небу, чтобы оно послало намъ свою помощь при этомъ опасномъ предпріятіи.

VI.

Черезъ часъ, докторъ съ двумя искусными помощниками своими отправился къ сирю Джону Эльвесу.

Придя въ почти нищенское жилище пациента, докторъ прежде всего принялъ нужныя мѣры къ устройству приличной комнаты для больного. Онъ послалъ за мягкой, покойною постелью, разбитыя, заклеенныя бумагою стекла въ окнахъ были замѣнены новыми, на полуизгнившемъ полу посланъ толстый мягкій коверъ. По окончаніи всѣхъ этихъ приготовленій, докторъ, по обыкновенію своему, прочиталъ коротенькую молитву, и смѣло приступилъ къ операціи.

Нѣвыя двадцать минутъ переносилъ Сиръ Джонъ Эльвесъ самую мучительную боль, ни разу не вскрикнувъ и не простонавъ.

Операція была окончена, и Абернетти сказалъ ему:

— Вы спасены, если не встрѣтите какого-нибудь необычайнаго препятствія. Да сохранитъ васъ Всевышній.

— Два мѣсяца спустя Сиръ Джонъ Эльвесъ, совершенно-здоровый, засѣдалъ въ нижнемъ парламентѣ и гремялъ своимъ статорскимъ голосомъ.

Прошло еще нѣсколько дней, и къ доктору Абернетти явился бѣдно-одѣтый старикъ съ большимъ портфелемъ подъ мышкою. Это былъ Сиръ Джонъ Эльвезъ.

— Я пришолъ разсчитаться съ вами, сказалъ онъ спокойно:

Вотъ законный актъ, укрѣпляющій за вами мое девонширское помѣстье; остальная сумма, какъ вы требовали, въ банковыхъ билетахъ.

— Я сейчасъ напишу вамъ расписку.

— Фуй, между такими, людьми, какъ мы съ вами, совсѣмъ нѣтъ надобности въ подобныхъ аккуратностяхъ, прервалъ старикъ съ выраженіемъ благородства, удивившимъ доктора. Прощайте, докторъ. Благодарю васъ. Будемте друзьями.

— Позвольте, позвольте, одну минуточку, возразилъ докторъ. Сколько вы назначаете сыну вашему Георгу въ случаѣ его женитьбы?

— Ничего, рѣшительно ничего, сказалъ сиръ Джонъ. Какъ сыну отца, у котораго два миллиона фунт. стер., ему нетрудно будетъ найти невѣсту.

— Согласны-ли вы будете, если ему найдется невѣста съ приданымъ въ такую точно сумму, какую заплатили вы сейчасъ мнѣ.

— Почему-же нѣтъ, если она хорошаго характера, хорошо воспитана и не будетъ презирать своего свекра.

— Такъ пойдемте со мною, я пашель вамъ такую невѣсту и хочу ее представить.

Оба сѣли въ докторову карету и поѣхали. Карета остановилась передъ домомъ довольно-бѣдной наружности. Абернетти вышелъ и повелъ сиръ Джона вверхъ по узенькой крутой лѣстницѣ. Оба старика едва дышали, взобравшись въ пятый этажъ.

Докторъ отворилъ дверь и ввелъ сира Джона въ маленькую комнатку, въ которой мать съ двумя молодыми дочерьми сидѣла у стола, заваленнаго работою.

— Мистриссъ Гриффитъ, сказалъ Абернетти, почтительно кланяясь матери: имѣю честь представить вамъ сира Джона Эльвеза, члена нижняго парламента. Сиръ Джонъ поручилъ мнѣ просить именемъ его сына Георга руки вашей дочери.

Сиръ Джонъ гнѣвно взглянулъ на доктора и воскричалъ.

— А приданое! а приданое!

— Приданое совсѣмъ не главная вещь, когда женихъ такъ богатъ, а невѣста такъ мила, отвѣчалъ Абернетти. Впрочемъ, это дѣло я беру уже на себя. Миссъ Люси слишкомъ хорошо расположена ко мнѣ, чтобы не принять отъ меня эту малость. Какъ вы думаете сиръ Джонъ, достаточно-ли будетъ для приданого миссъ Люси того гонорара, который я только что получилъ отъ васъ?

— Хорошо, сказалъ сиръ Джонъ: я согласенъ. Пусть мой сынъ женится. Гдѣ же праздновать свадьбу? прибавилъ онъ бросая

взглядъ на бѣдную маленькую комнатку вдовы Гриффитъ: какъ кажется, ни у свекра, ни у тещи будетъ неудобно.

— Въ Девонширскомъ помѣстьи, въ которомъ, вѣроятно, молодая чета поселится вмѣстѣ съ мистрисъ Гриффитъ и съ сестрою невѣсты. Для миссъ Терезы мы тоже, безъ сомнѣнн, скоро найдемъ женнха.

— Ужь не хотите-ли вы и миссъ Терезъ дать преданое!

— Почему-же и пѣтъ, сиръ Джонъ, если вамъ еще разъ понадобится сдѣлать операцію.

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ.

РАЗСКАЗЪ ВѢНСКАГО ПОЛИЦЕЙСКАГО КОММИССАРА.

Какъ вы смѣете марать стѣны? А кажется, еще до старости дожил. Убирайтесь прочь отсюда, — говорилъ полицейскій комиссаръ старику, сгорбленному лѣтами и работою, а еще болѣе, казалось, какимъ-нибудь тяжелымъ горемъ, писавшему на стѣнѣ одного дома углемъ какія-то неясныя строки. Услыхавъ слова комиссара, старикъ молча и съ тяжелымъ вздохомъ удалился.

Это было въ темный, ненастный и холодный осеннй вечеръ; на улицахъ страшная грязь, на небѣ, покрытомъ мрачными тучами ни одной звѣздочки.

Пройдя безъ цѣли еще нѣсколько улицъ, старикъ остановился у забора, окружавшаго какой-то садъ и освѣщаемого тусклымъ свѣтомъ уличнаго фонаря, и снова принялся было чертить на немъ своимъ углемъ; но и тутъ замѣтилъ его почной сторожъ и прогналъ довольно-грубо. И опять молча и съ тяжелымъ вздохомъ удалился старикъ, какъ-будто чувствуя и понимая, что поведеніе его невольно должно возбуждать подозрѣніе.

Въ какую-бы сторону не пошелъ старикъ, порывистый вѣтеръ затруднялъ шагн его, и начавшійся снова проливной дождь хлесталъ ему со всехъ сторонъ прямо въ лицо. Но вотъ бѣднякъ опять остановился. Мѣсто было глухое и уединенное. Старикъ досталъ опять свой уголь, и написалъ на заборѣ, окружавшемъ какой-то вновь-строющійся домъ, двѣ вовсе непаралельныя строки, буквами различной величины и формы, которыя едва-ли могъ-бы прочесть кто-нибудь и днемъ. Покончивъ эту, какъ казалось довольно-тяжелую для него, работу, онъ обратилъ благодарный взоръ

къ небу, и жестокая горестъ, выражавшаяся во всѣхъ чертахъ его, какъ-будто на минуту смягчилась.

Три или четыре часа еще бродилъ онъ такимъ образомъ по улицамъ, и то тамъ, то здѣсь останавливался и чертилъ своимъ углемъ на заборахъ, на воротахъ, на ставняхъ оконъ, словомъ вездѣ, гдѣ только ему было уюбно. Часто его замѣчали, прогоняли, и онъ молча удалялся.

Такъ зашелъ онъ, измученный и промокшій до костей, въ одну отдаленную улицу, и проходя мимо какого-то небольшого домика, услышалъ въ немъ звуки музыки, пѣсней и веселый смѣхъ. Старикъ остановился. — Какой страшный контрастъ между этою громкою радостію и мрачною пустотою въ сердца старца! И это сердце начало однако биться сильнѣе, сильнѣе, и наконецъ даже радостно, когда старикъ между прочими веселыми голосами различилъ голоса дѣтскіе.

Въ домѣ, какъ видно, былъ какой-нибудь праздникъ. Старикъ, подошелъ къ дому и остановился подъ самыми окошками, не взирая на то, что вода съ крыши такъ и лила на него. Онъ прислушивался и по-временамъ радостно улыбался, когда раздавался то тогъ, то другой дѣтскій голосъ. Но скоро радость эта исчезла, и въ сердцѣ его сдѣлалось по-прежнему пусто и холодно. Онъ слышалъ всѣ голоса, всѣ до одного, а того, котораго жаждала душа его, нѣтъ какъ нѣтъ.

Но развѣ не могло быть, что между этими дѣтскими голосами одинъ еще молчалъ? Сладкая надежда въила въ этой идее, и старикъ подвигалъ уже руку, схватился уже за дверную скобку. — Но какъ его тамъ встрѣтить, по какое право имѣеть онъ нарушать своею печалью этотъ веселый праздникъ? Не вправѣ ли его грубо выгнать оттуда. И старикъ снова опустилъ руку, отошелъ отъ двери и сѣлъ на ступенькахъ крыльца.

Спустя нѣсколько времени за однимъ изъ бывшихъ въ домѣ дѣтей пріѣхала карета, потомъ другая и третья — куда всѣ до одного не разъѣхались.

Старикъ съ трепетомъ разглядывалъ каждаго выходившаго изъ дому малютку, и каждый разъ, какъ видно было, надежда его обманывалась. Но вотъ уѣхала послѣдняя уже карета, въ домикѣ воцарилась мертвая тишина. Тогда и старикъ отправился далѣе. Много разъ еще останавливался онъ чертить свои строки, куда наконецъ исписалъ почти весь уголь, и замѣтилъ что начинаетъ уже разсвѣтать, рѣшился воротиться домой, но только что хотѣлъ было онъ еще въ послѣдній разъ начертить остаточкомъ угля свои таинственныя строки, какъ былъ схваченъ грубымъ почтовымъ сторожемъ и, не смотря на просьбы, отведенъ въ ближайшую караульню.

На утро бѣднаго старика представили въ полицію. Обвиненіе противъ него гласило:

Онъ маралъ стѣны и двери домовъ и потому слѣдуетъ отправить его въ неправительный домъ.

И бѣднаго старика хотѣли было вести туда, какъ вдругъ разбивавшему дѣло комиссару пришло въ голову, что, быть-можетъ, слова, писанныя обвиняемымъ, имѣютъ какое-нибудь опасное политическое значеніе.

— Не думаю, сказалъ поймавшій старика сторожъ, потому что у него, какъ кажется, голова-то не совѣмъ въ порядкѣ. Онъ все жаловался, что у него пропала маленькая дѣвочка, будто-бы его внучка.

Эти слова заставили комиссара снова обратиться съ распросами къ старика, и вотъ исторія его въ короткихъ и простыхъ словахъ.

Мать дитяти, его единственная дочь, бѣжала отъ отца еще шестнадцати-лѣтнею дѣвушкою, предавшись порочнымъ наклонностямъ, и умерла гдѣ-то въ госпиталѣ, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, оставивъ послѣ себя малютку дочь. Старикъ отецъ взялъ внучку къ себѣ, надѣясь спасти ее отъ участи, подобной участи ея матери. Онъ страстно полюбилъ ребенка. Онъ былъ старъ, слабъ и почти нищій, однакоже кое-какъ кормилъ трудами своими себя и малютку. И вдругъ ребенокъ пропадаетъ изъ дому, въ то время, какъ дѣдушка ходилъ куда-то за работою. Одни сосѣди говорили, что они видѣли какъ малютка играла на солнышкѣ у дверей своей квартиры; другіе, что они замѣтили, какъ она въ концѣ улицы слушала бродячихъ музыкантовъ; третьи, что они видѣли, какъ она съ дѣтскимъ восторгомъ любовалась картинками, вывѣшенными на окнахъ картиннаго магазина, улицы за двѣ отъ жилища старика.

Вотъ все, что могъ развѣдать отчаянный дѣдушка объ своей милой внучкѣ. Куда теперь обратиться, гдѣ искать ее? Быть-можетъ она похищена какими-нибудь злыми людьми или раздавлена лошадыми. — Публиковать въ газетахъ, напечатать аффиши и прибить по угламъ улицъ, но на это пужны деньги, а у старика не было ихъ почти и на кусокъ хлѣба. — И вотъ отъ-чего онъ цѣлыя три ночи бродилъ по городу, и писалъ на стѣнахъ домовъ углемъ слѣдующія строки.

Потерялась маленькая дѣвочка, Марія-Роза; шести лѣтъ, примѣты: голубыя глаза, мягкіе бѣлокурые волосы, вьющіеся назадъ кудрями, стройная собою, говоритъ скоро и приятнымъ голоскомъ, одѣта въ зеленомъ платьицѣ. Она пропала изъ квартиры дѣдушки ея (тутъ слѣдовало имя и адресъ старика).

И такъ вотъ что чертилъ бѣдный старикъ на стѣнахъ, хотя, разумѣется, не такъ орфографически.

По всему городу бродилъ бѣдный отчаянный старикъ и не хотѣлъ воротиться домой, — онъ не смѣлъ воротиться туда! Холодное пустое жилище показалось-бы ему могилою, и какъ въ могилу потащился онъ, наконецъ, туда, когда его выпустили изъ

полиціи. Чтѣ-бы ему сдѣлать это ранѣе. Тогда-бы послѣдняя почъ, вмѣсто ночи печали и отчаянія, была-бы для него ночью радости и восхищенія. Голубокъ воротился въ свое гнѣздышко. Бѣдная малютка всю почъ не спала, дожидаясь дѣдушки, и только теперь уснула ангельскимъ сномъ, и не чувствовала капавшихъ на нее слезъ восхищенія изъ полуослѣпшихъ глазъ сидѣвшаго надъ нею обрадованнаго дѣда.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ТЕАТРА ВЪ ИТАЛІИ.

Въ древнѣйшія времена не только въ провинціяхъ, но и въ самомъ Римѣ театры были ничтѣ-иное, какъ деревянные балаганы, строившіеся на скорую руку, незадолго передъ открытіемъ спектаклей, подобно нашимъ масл яничнымъ балаганамъ. Вмѣсто декораций, сцену въ этихъ театрахъ украшали зелеными вѣтвями. Но потомъ мало-по-малу начали строить постоянныя, довольно обширныя и довольно-роскошныя зданія для сценическихъ представленій

Театръ Марцелла въ Римѣ, доконченный Августомъ, лѣтъ за 15 до Рождества Христова, былъ, по увѣренію Витрувія, первымъ настоящимъ театромъ тогдашней столицы міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпнѣйшимъ зданіемъ въ своемъ родѣ. Значительные остатки этого зданія, находящіяся въ палаццо Савелли, и теперь возбуждаютъ удивленіе знатоковъ. Кромѣ этого театра, въ Римѣ было еще два, тоже довольно-огромныхъ, а именно театръ Скауруса (Scaurus) и театръ Помпея, но обонхъ этихъ театровъ теперь нѣтъ уже и слѣдовъ.

Начало сценическимъ представленіямъ у древнихъ Римлянъ положили шуты или паяццы изъ Тосканны (Thusci), которые плясали подъ звуки инструмента въ родѣ флейты, съ довольно-пріятною и граціозною мимикою. Потомъ изъ этихъ танцоровъ составились настоящія труппы комедіантовъ и имъ дали названіе Гастріоновъ. Слово (Hister) на языкѣ тосканскомъ значитъ шутникъ, весельчакъ. Слѣдовательно, это тоже, что даваемое послѣ въ Италиіи всѣмъ комедіантамъ названіе Buffoni.

Эти комедіанты не читали уже болѣе со сцены грубыхъ, неприличныхъ импровизированныхъ стиховъ, а играли правильныя пьесы, называемыя ими, «Сатирами,» сопровождаая игру свою причиною мимикою и акомпаниментомъ музыки. Квинтилианъ гово-

рить, что у Римлянъ, какъ и у Грековъ, были школы, въ которыхъ учили жестикуляціи. Искусство это преподавалось по нотамъ и всегда должно было согласоваться съ декламаціею, такъ на-примѣръ начало какой-бы то ни было фразы всегда сопровождалось однимъ и тѣмъ-же жестомъ. На сценѣ обыкновенно находился нѣкто въ родѣ нашего теперешняго капельмейстера; на одной ногѣ у него обыкновенно былъ надѣтъ желѣзный башмакъ и онъ билъ этимъ башмакомъ такты, которому обязанъ былъ слѣдовать непременно декламаторъ.

Такого рода комедіанты существовали до времени поэтовъ Марка Ливія Андроника, Луція и Марка Панувія, которые первые начали писать трагедіи, и съ-этихъ поръ даже и высшія особы стали испытывать свои таланты въ драматическихъ сочиненіяхъ; такъ на-примѣръ, древніе грамматики сохранили намъ, по-крайней-мѣрѣ, хоть имена слѣдующихъ пиесъ: Thyestus, написаннаго Гракхомъ, Alkmaon, Катюла, «Adrastes» Цесаря, «Ajax» Августа, «Octavia» Мепената.

Эти правильныя пиесы мало по-малу вытѣсняли прежніе фарсы, которые иногда только давались еще въ концѣ спектакля послѣ серьёзной пиесы, какъ это водится и въ наше время.

Между-тѣмъ римскіе театры все болѣе усовершенствовались, и число ихъ увеличивалось. Золото, мраморъ, порфиръ, короче, все, что есть только рѣдкаго и драгоцѣннаго, все щедрою рукою разсыпалось для украшенія этихъ театровъ. При нихъ устраивали величественныя галлерей, длинныя крытые переходы, усаженные прекрасными деревьями. По этимъ галлереймъ и корридорамъ прогуливалась публика, дожидаясь начала спектакля, который обыкновенно давался днемъ. Самыя первыя мѣста были въ оркестрѣ, гдѣ садились сенаторы, и устроено было особое мѣсто для императора и его семейства.

Римляне тратили на театры свои огромныя суммы, и артисты, которымъ платилось по мѣрѣ ихъ таланта, обогащались въ самое короткое время. Знаменитые трагическіе актеры Эзопъ и Росцій получали по 60 талантовъ, что на наши деньги составить до 50 тысячъ рублей серебромъ. Въ наше время, едва-ли какой-нибудь артистъ, кромѣ Тальйони и m-lle Эльверъ, да развѣ какихъ-нибудь итальянскихъ пѣвцовъ, получаетъ такое жалованье.

Изъ всѣхъ родовъ представленій Римляне имѣли особенное пристрастіе къ пантомимамъ, въ которыхъ страсти, происшествія, нравы, даже сама малѣйшія обстоятельства и случаи выражались безъ помощи словъ, одними движеніями, знаками, жестами и танцами. Этимъ-то самымъ пантомимамъ мы и обязаны происхожденіемъ нашего балета, который знаменитый парижскій балетмейстеръ Новерре, въ половинѣ прошлаго столѣтія, возвелъ на степень самостоятельнаго искусства. Въ особенності въ царствованіе Августа эти пантомимы были въ большой модѣ такъ, что

почти совершенно вытѣснили правильную комедію, которой были сами обязаны своимъ происхожденіемъ.

О началѣ-же пантомимъ, въ которыхъ актеры играли въ маскахъ, рассказываютъ слѣдующее: поэтъ Ливій Андроникъ игралъ въ одной изъ своихъ пьесъ; — тогда было въ употребленіи, чтобы драматическіе поэты сами и играли въ своихъ пьесахъ. Народъ, заставлявшій каждаго актера повторять по нѣскольку разъ тѣ мѣста, которыя ему нравились, такъ измучилъ этимъ Андроника, что онъ охрипъ, не могъ больше декламировать, и сталъ просить публику, чтобы позволили ему ввести на сцену невольника, который будетъ говорить вмѣстѣ него стихи, а онъ будетъ только жестикулировать при этомъ.

Ему позволили, и нашл даже, что при этомъ случаѣ игра его лучше и одушевленнѣе, потому-что тутъ онъ обращалъ все свое вниманіе и силы на пластическую часть своего искусства. Съ этихъ-то поръ и вошло въ обыкновеніе раздѣлять одну и ту же роль между двумя актерами, которые и должны были, по условнымъ музыкальнымъ правиламъ, прилаживать — одинъ тонъ своего голоса, другой движенія рукъ и положенія своей фигуры.

Мало-по-малу пантомима, по словамъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей, достигла полного совершенства. Между артистами этого рода въ-особенности знамениты были Пиладесъ (Pylades) и Батилусъ (Bathylus). Изъ Рима пантомимныя представленія распространились наконецъ по всей Италіи, гдѣ, какъ комическая пантомима, разумѣется съ большими измѣненіями противъ древней, такъ и импровизированныя комедіи (*comedia dell'arte*), въ маскахъ, существуютъ и до-сихъ-поръ.

Даже и во-время неблагоприятной эпохи переселенія народовъ и безконечныхъ войнъ среднихъ вѣковъ, въ Италіи, гдѣ такъ долго уже процвѣтало драматическое искусство и гдѣ оно было не только главнымъ удовольствіемъ, но даже потребностью народа, вкусъ къ театру не исчезъ, тѣмъ болѣе, что и преданія и развалины древнихъ громадныхъ театровъ напоминали о той степени совершенства, на какой находилось нѣкогда это искусство. Народъ старался замѣнить недостатокъ этого рода удовольствій, по-крайней-мѣрѣ, хотя маріонетками, т. е. кукольной комедіей. По водвореніи міра, опять явились на сценѣ живые артисты, и въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія вышеупомянутая *comedia dell'arte*, въ маскахъ, была въ полномъ ходу.

Это искусство создавать ролю по слегка только очерченному плану, должно было въ глазахъ народа являть гораздо болѣе таланта, нежели самое лучшее исполненіе роли, выученой артистомъ наизусть. Этотъ мимикъ, все счастье котораго зависѣло отъ одобренія публики, тѣмъ тщательнѣе долженъ былъ изучать характеръ этой публики, тѣмъ менѣе онъ могъ обвинять въ неуспѣхѣ своемъ автора комедіи. Умѣть придавать разительную народность характерамъ представляемой пьесы, вводить кетати злыя

насмѣшки, которыя одинъ городъ, въ излишествѣ частнаго патриотизма, непрерывно позволялъ себѣ противъ другаго, усвоить этимъ комически воспроизводимымъ мѣстнымъ характерамъ неизмѣнный драматическій типъ и опредѣленный, выразительный костюмъ, вотъ что сдѣлалось цѣлью и стремленіемъ этого рода артистовъ. Публика пристрастилась къ неизмѣннымъ ролямъ въ чисто-народномъ видѣ, и это дало средство бродячимъ труппамъ артистовъ придать своимъ импровизациямъ вѣкоторую степень драматической полноты, что прежде для нихъ было рѣшительно невозможно. Теперь актеръ разъ навсегда изучалъ избранную имъ роль и только варіировалъ ее, не отступая отъ первоначальнаго типа. Постоянные спеціальныя характеры были тѣже, что и теперь: Арлекинъ, забавникъ-слуга, уроженецъ изъ долины Бергамо; Панталонъ, честный, венеціанскій купецъ; Бригелла, хитрый *factotum* изъ Ферарры; докторъ Балапонни, педагогъ изъ Болоньи; Скопинъ, его слуга, хитрѣйшій плутъ, похожій на плута-невольника въ комедіяхъ древнихъ; Пудычнело, крестьянинъ изъ Апулии, простякъ и весельчакъ; Спавиенто, хитрый и неутомимый солдатъ изъ Неаполя; Гельзоннио, римскій франтъ; Тартали (Занка), выпыльчивый Пиемонтецъ; Стелтаріелло, меланхолическій юноша изъ Флоренціи; Коломбина, единственная женская характерная маска въ старыхъ итальянскихъ комедіяхъ, потому-ли, что Римляне мало выводили на сцену женщинъ, или потому, что въ средній вѣкъ, вѣроятно, запрещено было настоящимъ женщинамъ являться на сценѣ, и женскія роли должны были исполнять переодѣтые мужчины. — Коломбина обыкновенно была дочь Панталона и любовница Арлекина.

Надуанскому поэту Анджео Руппавте первому пришла идея составлять драматическія павы (*scenarii*) для артистовъ *comedia dell'arte*. Эта новость понравилась и нашла подражателей. Но въ это же время появились новыя правильныя комедіи, какъ явились сонеты, мадригалы и пр. и пр.

Итальянскіе государи, въ-особенности блестящій Герцогъ Ферарскій, употребляли все возможное, чтобы пробудить въ драматическихъ поэтахъ и артистахъ благородное соревнованіе. Трудлюбивый компиляторъ Ліоне Алакки издалъ, въ половинѣ XIV столѣтія, каталогъ всѣхъ итальянскихъ произведеній. Тысячами надобно считать помѣщенныя въ этомъ каталогѣ драматическія піесы. Рикобони, въ своихъ «*Reflexions sur les Théâtres*» и пр., насчитываетъ, что отъ 1500 до 1736 года было напечатано въ Италіи около 5000 драматическихъ произведеній.

Комедій являлось гораздо болѣе, чѣмъ трагедій, и комическій театръ скоро превзошелъ трагическій во всѣхъ отношеніяхъ. Тогдашніе трагическіе поэты слишкомъ-рабски подражали греческимъ произведеніямъ Софокла, Еврипида, а еще болѣе холоднымъ и надутымъ сочиненіямъ Сенеки. Отличнѣйшими комедіями въ то время считались произведенія Аріосто, Бибіена, Маккиавеля,

Пьетро Аретино. Хвалять также одну комедию Николо-Бонопарте «La vedova», вышедшую во Флоренции. Въ числѣ трагиковъ особенно уважался: Фриссипо, Ручелла, Чезари, Аллемани, Кампеджи и Буонарелли. «Soliman» послѣдняго (1504) былъ первою итальянскою трагедіею безъ хоровъ.

Естественное народное произведеніе итальянской фантазіи была романтическая пастушеская драма, въ-особенности въ эту эпоху, потому что еще въ 15-мъ столѣтіи творцы сонетовъ и канцонетъ овладѣли пастушескою поэзіею. Николо Кореджіо первый пытался составлять маленькія піесы изъ полудирическихъ, полудраматическихъ разговорныхъ отрывковъ пастушеской поэзіи, которыхъ въ его время являлось несметное множество. Потомъ, въ половинѣ 16-го столѣтія, романтически-преобразованный пастушескій міръ въ полной-мѣрѣ овладѣлъ сценою. Въ 1545 году въ Феррарѣ, въ присутствіи княжескаго дома Эсте, представлена была, со всебъ великолѣніемъ, пастушеская драма Агостини Бекарри, «Il Sacrificio». Вскорѣ за нею слѣдовали «Egle» Джеральди, потомъ «Lo sventurato», Аргенти, имѣвшія успѣхъ. Послѣ Торкватто Тассо, своею «Аминтою», и позднѣе Гварини своимъ «Pastor fido», дали такіе мастерскіе образцы и въ этомъ родѣ драматическихъ произведеній, что все явившееся до нихъ померкло и только три упомянутыхъ выше произведенія остались на счету у литераторовъ, и то не болѣе, какъ первоначальные довольно-удачные опыты въ этомъ родѣ.

Наконецъ въ 16-мъ же столѣтіи явился еще новый родъ драматическихъ произведеній — музыкальная драма или опера.

Когда собственно сдѣлано начало оперѣ, опредѣлить нельзя. Еще въ среднихъ вѣкахъ въ Италіи было множество драмъ съ пѣніемъ между такъ-называемыми драмами религиозными. Первое большое произведеніе этого рода было «Орфей», Авджело Полициано, въ послѣдней четверти 15-го столѣтія. Но въ то время еще не было никакого существеннаго различія между речитативомъ и аріей. Только въ половинѣ 16-го столѣтія соединились флорентійскій поэтъ Оттаріо Ринуччини съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ музыкантовъ и написали знаменитую пастушескую піесу (*favola boscheresca*) «Дафну», представленную въ первый разъ во Флоренціи. Эту то «Дафну» и называютъ первою оперою. Черезъ два года послѣ «Дафны» явилась опера-seria «Euridice», музыка которой написана тремя композиторами — Перри, Корзи и Каччини, и имѣла такой успѣхъ, что съ этого времени опера рѣшительно взяла верхъ надъ всеми прочими родами сценическихъ представленій. Старѣйшая изъ комическихъ оперъ, о которыхъ сохранилось хотя воспоминаніе, есть «l'Antiparnasso», Г. Беки изъ Модены; она была представлена въ Моденѣ въ 1597 году.

Разумѣется, что этотъ родъ музыки былъ весьма-несовершененъ и походилъ болѣе на хаосъ, потому-что таковы были и замыслы либретто. Либреттисты только набрасывали ситуаціи, по-

люобрисовывали чувства, предоставляя воспроизводить ихъ очерки въ картины композитору. Но лучше-ли теперь? Новѣйшіе итальянскіе либреттисты немногіе, — очень немногіе — подражаютъ въ этомъ отношеніи старымъ. По-крайней-мѣрѣ, въ наше время, то служитъ извнченіемъ либреттисту, что онъ часто долженъ бороться съ самыми безумнѣйшими капризами пѣвцовъ, которые перѣдко мучать и терзаютъ не только либреттиста, но и самого маэстро.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НАЗВАНІЯ «НЕЗАБУДКИ».

Въ Майнцѣ есть гробница; имя, когда то начертанное на ней, теперь совершенно изгладилось, и права на нее имѣеть каждый покойникъ. Но такъ-какъ она проста, и не одна фамилія немогла-бы гордиться, приписать ее одному изъ своихъ умершихъ членовъ, то народное преданіе говоритъ, что она нѣмецкаго мѣстреля, поэта и музыканта, котораго даже фамилія не сохранилась.

Имя его было Генрихъ, и такъ-какъ въ своихъ стихахъ, не дошедшихъ до насъ, онъ воспѣвалъ женщинъ, и въ-особенности какую то Марію, то его прозвали Генрихомъ Фрауэнлобомъ, т. е. поэтомъ женщинъ.

Генрихъ былъ бѣденъ, и отправившись въ Германію, чтобы тамъ, своимъ пѣснями и талантомъ, нажить себѣ состояніе, оставилъ въ Майнцѣ дѣвушку, которая ждала его, просыпалась въ ненастныя ночи, и молилась за него.

Черезъ три года онъ возвратился съ богатствомъ и громкою извѣстностію. Еще задолго до его возвращенія Марія слышала имя его, произносимое съ похвалами и удивленіемъ, и въ благородной увѣренности не сомнѣвалась, что ни похвалы, ни удивленіе, не могли бы дать ея возлюбленному столько счастья и гордости, сколько далъ бы ему первый взглядъ дѣвушки, такъ долго ожидавшей его.

Когда Генрихъ издалъ завидѣлъ дымъ майнцскихъ домовъ, то онъ въ волненіи оставилъ себѣ на зеленомъ холмѣ, и запѣлъ пѣсню, простую и грустную.

На другой день, передъ захожденіемъ солнца, колокола вознѣстили о бракѣ Генриха и Маріи, назначенномъ на слѣдующее утро.

Въ это время они ходили вдвоемъ, по аллеѣ, идущей надъ Рей-

номъ. Они сѣли на мховомъ ковръ, и не выпуская изъ рукъ руки другаго, не сводя другъ-съ-друга очей, провели долгія и незамѣтныя минуты, но ничего не говорили, потому что то, что наполняло ихъ души, не могло-быть выражено словами. Багровое сіяніе, оставленное солнцемъ на горизонтѣ, превратилось въ палевое, и небо одѣлось вечерними облаками.

Оба поняли, что время имъ разстаться. Марія хотѣла имѣть что-нибудь на память объ этомъ прекрасномъ вечерѣ, и молча указала рукою Генриху на цвѣты, которые росли на берегу рѣки.

Генрихъ угадалъ ея мысль, и сорвалъ цвѣты; но нога его поскользнулась, и онъ скрылся въ водѣ.

Два раза открывалась пучина, и онъ появлялся на поверхности ея, и два раза она снова поглощала его.

Онъ хотѣлъ кричать, но вода заливала его. Всплывши въ другой разъ на поверхность рѣки, онъ устремилъ послѣдній взглядъ на берегъ, на которомъ стояла Марія и, поднявши руку, бросилъ ей цвѣты, судорожно сжатые рукой. Но это движеніе погрузило его на дно рѣки: вода приняла свое обычное теченіе и поверхность рѣки снова стала гладкою, какъ зеркало. Такъ умеръ Генрихъ Фрауэнлобъ.

Марія умерла дѣвушкою, въ монастырѣ.

Объяснили краснорѣчивое прощаніе Генриха, и голубой цвѣтокъ прозвали: *Vergiß = mein = nicht*; т. е. *не забудь меня*.

ОТЪ-ЧЕГО ПРИШЛА РАЙМУНДУ ВЪ ГОЛОВУ ИДЕЯ НАПИСАТЬ СВОЕГО «РАСТОЧИТЕЛЯ» (der Verschwender).

Раймундъ сидѣлъ въ шинкѣ, въ Перницѣ, близъ Гуттенштейна. Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Раймундъ дождался экипажа, чтобы ѣхать въ Гуттенштейнъ. Извозчику жалко стало лошадей и онъ вздумалъ переждать непогоду. Раймундъ былъ въ отчаяніи; ему хотѣлось къ ночи поспѣть домой. Отъ-скуки онъ принялся разсматривать крестьянъ, собравшихся въ шинокъ, и игравшихъ въ кости и карты. Одинъ изъ нихъ, Поттендорфскій житель, игралъ, бился объ закладъ, подчивалъ всѣхъ виномъ, закусками и смѣялся, какъ сумашедшій, проигрывая деньги полными горстями. Это бѣсило Раймунда, и онъ спросилъ у хозяина: — Что это за осель бросаетъ тамъ, какъ сумашедшій, свои деньги? Если-бы я не зналъ, что здѣшніе крестьяне честные люди, то,

право, счелъ-бы его за вора... — Онъ точно воруетъ, да только у самого-себя, отвѣчалъ хозяинъ. Ему досталось богатое наследство: какой-то родственникъ оставилъ ему домъ и большія хозяйственныя заведенія въ Селмерибъ, да еще что-то много тысячь гульденовъ наличными; вотъ онъ и думаетъ, что деньгамъ-то его и конца не будетъ. Если бы у меня было хоть столько денегъ, сколько онъ передавалъ неотвязному нищему изъ Насвальда — а негодай еще грубить ему и читать наставленія—такъ я въ двадцать лѣтъ нажилъ-бы столько, что и его прокормилъ-бы подь-старость. Только на годъ пусть онъ дастъ мнѣ свои лишнія деньги, только на годъ, и я, право, наживу столько, что прокормлю и его подь старость. — Въ эту минуту вошелъ въ шпнокъ какой-то нищій и сказалъ богачу: Какъ, вы опять играете? Въдъ вы обѣщали мнѣ никогда больше не играть? — Оставь меня! На, возьми твой гульденъ и молчи, сказалъ богачъ, и подаль пѣдную горсть ихъ нищему. Между-тѣмъ Раймундовъ экипажъ подьѣхалъ; онъ сѣлъ и отправился въ Гуттенштейнъ. Черезъ нѣскольکو дней у него уже готовъ былъ планъ его «Расточителя».

КТО ЦѢЛУЕТЪ ЛУЧШЕ ВСѢХЪ ВЪ ЦѢЛОМЪ СВѢТѢ.

Безспорно Англичанки. Горкинсъ въ своемъ «Путешествіи» говорить, что внутреннія чувства английской дамы легче и вѣрнѣе всего узнаешь изъ поцѣлуя. Онъ называетъ этотъ новый способъ объясненія «*мимикою поцѣлуевъ*». Если удалось вамъ получить хотя одинъ поцѣлуй отъ прекрасной миссъ, такъ ужъ нечего и хлопотать о дальнѣйшемъ объясненіи ея чувствованій. Горкинсъ рассказываетъ, что въ Англии искусство цѣловать сдѣлалось, такъ-сказать, необходимою принадлежностію женскаго воспитанія. Любить васъ прекрасная миссъ — она цѣлуетъ васъ, опустивъ глазки въ землю, но такъ быстро и пламенно, какъ будто молнія жжетъ ваши губы. Неравнодушна она къ вамъ — она цѣлуетъ васъ какъ-будто съ сопротивленіемъ, но искренно; равнодушна — цѣлуетъ такъ холодно, какъ будто вамъ къ губамъ прикладываютъ ледъ. Съ подругами это различіе поцѣлуевъ еще сильнѣе, и прощальный поцѣлуй любезной подругѣ ни у одной Британки почти не обходится безъ судорожныхъ движеній. Поцѣлуй Іудинъ въ Англии презирается хуже всякаго уголовного преступленія.

СТАТИСТИКА ТАНЦОРОВЪ ВЪ ВОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ кто то напечаталъ слѣдующую статистику танцоровъ, въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Въ Турціи приходится 1 танцоръ на 20 40 жителей; въ Швеціи и Норвегіи на 211; въ Россіи на 159; въ Давіи на 130; въ Пруссіи на 128; въ Португаліи на 110; въ Швейцаріи на 107; въ Испаніи на 50; въ Саксоніи на 39; въ Гамбургѣ, Бременѣ и Любекѣ на 34; въ Баваріи на 30; въ Франкфуртѣ на 27; въ Нидерландахъ на 26; въ Англии на 25; въ Виртембергѣ на 20; въ Италіи на 15; въ Венгріи на 13; въ Польшѣ на 11; въ Бегоніи на 9; во Франціи на 7; въ Австріи на 3; въ Вѣнѣ на 2!!! Желательно-бы знать, на какихъ данныхъ основалъ этотъ господинъ свои статистическія свѣдѣнія!

ДѢЙСТВІЕ СОВѢСТИ.

Это было въ ноябрѣ 1776 года. Погода была самая ужасная: вѣтеръ, снѣгъ, дождь, на улицахъ гололедица, на деревьяхъ иней... Все, что было порядочнаго во всѣхъ отношеніяхъ изъ числа обитателей городка Лихтфильда, въ графствѣ Варвикъ, въ Англии, все собралось на вечерникъ у графини С**. Большая часть гостей пріѣхала именно за тѣмъ, чтобы увидать знаменитаго Самуила Джонсона, который въ это время посѣтилъ свою родину, и тоже обѣщавъ быть у графини. Долго не сажались обѣдать, дожидаясь этого гостя, но онъ не являлся; наконецъ пообѣдали, а Джонсона нѣтъ, какъ нѣтъ. Время летѣло. Отпили чай, и общество хотѣло было расходиться, какъ вдругъ ожидаемый явился. При входѣ его въ залу, всѣ были поражены странною переменною въ лицѣ его, на которомъ и слѣда не было того гордаго и жесткаго выраженія, которое было причиною, что, несмотря на прочія превосходныя качества этого славнаго мужа, у него было множество враговъ. Джонсонъ былъ, какъ казалось, измученъ и разстроены. Платье на немъ было въ безпорядкѣ и открыто снѣгомъ и инеемъ. Бывшіе въ залѣ молча и съ удивленіемъ поглядывали другъ на друга. Джонсонъ подошелъ къ графинѣ, и просилъ извинить его за то, что онъ такъ долго замѣш-

кался.—Принимая ваше приглашеніе, сказалъ онъ: я незамѣтилъ, что оно было на 21-е ноябра. Но вѣдь вы впрочемъ не знаете, что значитъ для меня день 21-го ноябра: такъ позвольте мнѣ объяснить вамъ это при всѣхъ этихъ господахъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, аккурратно въ самый день 21-го ноябра, старый больной отецъ мой сказалъ мнѣ: «Замъ, мнѣ сегодня что-то не здоровится, сдѣлай мнѣ удовольствіе, заложи телегу и побѣжай за меня торговать на рынокъ въ Вальшталь.»—Глупый гордецъ, надутый своими познаніями и талантами, которыми и обязанъ-то я все его-же жертвамъ, я отвѣчалъ отцу,—я, который въ то время все еще ѣлъ хлѣбъ, добываемый имъ-же въ потѣ лица, отвѣчалъ: *не хочу!* Съ кротостію, при воспоминаніи о которой я теперь плачу горькими слезами, повторилъ старецъ свою просьбу: «Будь добрымъ малымъ, Замъ, побѣжай въ Вальшталь; право, жалко прогумлять торговый день: вѣдь онъ много принесетъ намъ пользы.— Не смотря на всѣ просьбы старика, я рѣшительно отказался, потому что мнѣ стыдно казалось торговать на рынокѣ. Тогда отецъ, не говоря болѣе ни слова, пошелъ заложилъ лошадь и отправился самъ въ Вальштадтъ. Погода тогда была точно такая же, какъ теперь. Когда больной старикъ мой воротился домой, ему сдѣлалось еще хуже, и черезъ нѣсколько дней онъ лежалъ уже въ гробу.—При этихъ словахъ Джонсонъ закрылъ лицо руками и горько заплакалъ. Нѣсколько минутъ онъ оставался какъ-будто погруженнымъ въ самого-себя, потомъ оправился и продолжалъ: Съ того дня прошло уже ровно сорокъ лѣтъ, и въ эти сорокъ лѣтъ я къ каждому 21-му ноябра пріѣзжаю въ Лихтфильдъ. Отсюда я отправляюсь пѣшкомъ въ Вальшталь, куда въ то время не хотѣлъ ѣхать на лошади. Въ Вальшталь, на рынокъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ бывало открывалъ мой отецъ свою лавочку, которой я и обязанъ тѣмъ, что я теперь есть, стою я по два часа съ открытою головою, не смотря ни на какую погоду. Теперь я уже старше моего отца, когда онъ умеръ и... до-сихъ-поръ еще раскаяніе, мучающее меня за мой мерзкій, отвратительный поступокъ, не убило меня. — Джонсонъ громко зарыдалъ, и упалъ на стулъ, нисколько не заботясь объ окружавшемъ его обществѣ. Вдругъ онъ вскочилъ и вскричалъ, засмѣявшись такимъ смѣхомъ, который невольно заставляетъ васъ содрогнуться: «Что пользы въ томъ, что я плачу? Развѣ восклицаніе, вложенное мною въ уста Раффела (*), и которое читавшіе эту книгу, находятъ чрезвычайно-поразительнымъ, не выражаетъ собственного моего ощущенія на Вальштальскомъ рынокѣ? Поздно! поздно!» — Никто не осмѣлился утѣшать чувствительнаго философа, и всѣ присутствовавшіе соединили свои слезы со слезами удрученнаго своимъ бесполезнымъ раскаяніемъ старца!

(*) Романъ Самуила Джонсона.

КЛУБЪ ХОЛОСТЯКОВЪ.

Въ Англии, родоначальницѣ клубовъ и обществъ, существуетъ между прочимъ «Клубъ пустынноиковъ.» Члены этого клуба больше, чѣмъ холостяки: они даютъ клятву, не только всю жизнь провести безъ подружки, но даже не имѣть при себѣ никакого живого существа, хотя-бы и для прислуги. Даръ слова они имѣютъ право употреблять только въ монологахъ, т. е. говорить только съ самими собою. Впрочемъ разнообразить эту бесѣду съ самими-собою они могутъ какъ имъ угодно, могутъ сколько угодно острить и сколько угодно смѣяться своимъ остроумъ. Зато употребленіе зеркала запрещено наистрожайшимъ образомъ, потому-что кто видитъ себя въ зеркаль, тотъ уже не одинъ. Членовъ этого клуба чрезвычайно-много попадаетъ въ знаменитый сумашедшей домъ Бедламъ. Не должно смѣшивать съ этимъ «клубомъ пустынноиковъ» клуба холостяковъ, который существуетъ въ какомъ-то незначительномъ провинціальномъ городкѣ и состоитъ безъ чего-то изъ сорока членовъ, давшихъ обѣщаніе никогда не носить на себѣ брачнаго ига. Нѣкоторые изъ членовъ вступили въ это общество изъ мести за бесчисленное множество неудачъ въ сватовствѣ, причиною которыхъ были или какой-нибудь природный недостатокъ въ ихъ личности, или то, что, какъ по справкамъ оказывалось, у нихъ не было другаго постоянного занятія, крѣмъ биллиардной и картежной игры. Клятва, даваемая членами этого общества, несколько однако-жъ не мѣшаетъ имъ служить Бахусу и Венерѣ. Не давно, во-время пирושки, на которую, по случаю какого-то особеннаго торжества, собрались всѣ члены этого клуба, кто-то вдругъ провозгласилъ тостъ за «прекрасный полъ». Паническій страхъ овладѣлъ всѣмъ собраніемъ. Всѣ ждали, что молнія поразитъ злодѣя, или, по крайней-мѣрѣ, стоявшій въ залѣ бюстъ основателя общества сойдетъ, подобно статуѣ Командора, съ своего пьедестала, чтобы уничижить новаго Донъ-Жуана. Однако страхъ этотъ оказался неосновательнъ: ни молнія не являлась поразить преступнаго, ни бюстъ не трогался съ своего мѣста. Въ десять часовъ вечера президентъ предложилъ обществу разойтись. «Господа», сказалъ онъ членамъ: «будемъ наслаждаться свободою, но не будемъ употреблять ее возло. Мы поклялись, что никогда ни одна изъ дочерей праматери Еввы не будетъ имѣть надъ нами деспотической власти. Но хотя, по счастью, мы всѣ вообще несколько не подложимъ контролю и управленію *домоправительницъ*; но все-таки есть между нами такіе, которыхъ судьба наградила *домоправительницами*. Я и самъ принадлежу къ числу такихъ. Моя домоправительница теперь, безъ сомнѣнія, уже беспокоится о моемъ долговременномъ отсутствіи. Мнѣ кажется, что я отсюда слышу ея жалобы. Она, вѣрно, никакъ не придумаетъ, почему я не возвра-

тился домой въ положенное время, и въ-слѣдствіе этого безпокойства, ей, пожалуй, придетъ въ голову идея отыскивать меня здѣсь, — а въ подобныя случаяхъ она сильно страдаетъ нервами. И потому-то, господа, я предлагаю выпить по послѣднему стакану вина въ честь нашей свободы и потомъ отправиться по домамъ». Предложеніе это было принято съ всеобщимъ одобреніемъ, и общество наконецъ разошлось; въ особенности сѣвши членъ, которыхъ судьба наградила домоправительницами. На другой день носились по городу темные слухи, что въ-которые изъ этихъ независимыхъ господъ, выдержали при возвращеніи домой, довольно-сильную бурю.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

На дняхъ въ фойе артистовъ Французской-комедіи собрался кружокъ, и разговоръ шелъ о вещахъ, хотя совершенно неотнотившихся къ репертуару, но все-таки очень-интересныхъ. — М-ле Броганъ, живая субретка, громко изъявляла свое отвращеніе къ мужчинамъ курящимъ табакъ... Слова эти, какъ замѣтно было, относились къ одному молодому граціозному поэту. — Въ старину, замѣтила м-ме Дешуссо, сохранившая еще много воспоминаній о прекрасномъ прошедшемъ Французской-комедіи: въ старину довольствовалась однимъ нюханьемъ. — Что гораздо непріятнѣе, сказалъ поэтъ. — Но теперь и нюхаютъ и курятъ, возразила дуэнья. — Что за наслажденіе находите вы въ куреньи? спросила субретка. — Одно изъ наслажденій Турка, отвѣчалъ поэтъ. — Но вѣдь отъ этого умираютъ, сказала м-ле Броганъ. Увѣрю васъ, что эта сигара гибельна, прибавила она, адресуясь къ защитнику табаку. — О, возразилъ поэтъ: мой дядя курить, какъ Турокъ, и здоровъ, какъ велья болѣе; ему теперь уже 60-лѣтъ. — А если-бы онъ не курилъ, такъ ему, можетъ-быть, было-бы уже 80-тъ, наввно отвѣчала м-ле Броганъ.

— Старуха княгиня Л... вздумала подарить кому-то свой портретъ. Слышавши много похвалъ таланту живописца Леона Конье, она послала просить его къ себѣ. Но такъ какъ въ Парижѣ два живописца этой фамиліи, то посланный ошибкою и зашелъ не къ тому, къ которому надобно. Явившись къ княгинѣ, артистъ тотчасъ-же догадался, что его пригласили ошибкою:

— Сударыня, скромно сказалъ онъ старухѣ: я не пишу портретовъ.

— А, такъ вы не Леонъ Конье, историческій живописецъ; вы пишете только пейзажи, сказала съ презрительною улыбкою княгиня.

— Извините, сударыня, отвѣчалъ затронутый художникъ: я пишу также и развалины.

— Театръ А. Дюма, говорятъ, непременно будетъ открытъ въ ноябрѣ. Не-смотря на покровительство значительныхъ особъ, Дюма стоило большихъ хлопотъ выхлопотать позволеніе на открытіе этого театра. Въ-особенности Коммиссія королевскихъ театровъ выдумывала пропасть самыхъ пустыхъ препятствій и формальностей. Одинъ изъ членовъ этой Коммиссіи, оспаривая права и титула новаго директора, и удивляясь тому, что ему дозволили открыть театръ, сказалъ:

— Но, наконецъ, для чего вы, милостивый государь, открываете театръ? Остроумный авторъ «Мушкаторовъ» и «Монте-Кристо», отвѣчалъ:

— Потому-что у Шекспира и у Мольера были театры, и это не повредило ни Елизаветѣ, ни Людовику XIV.

— Недавно знаменитый поэтъ Беранже, сидя подъ окномъ, замѣтилъ, что къ нему на дворъ зашелъ какой-то молодой парень съ корзиною пирожковъ въ рукѣ. Подовите-ка его сюда, сказалъ поэтъ: вѣрно кто-нибудь вздумалъ угостить меня пирожками.

Пирожникъ входитъ, ставитъ корзину въ уголъ и говоритъ: Я женюсь, сударь. — Прекрасно. — Да, сударь, на дѣвицѣ Пасии. — А! — Вы, можетъ-быть, знаете ее? — Нѣтъ, но... — Это дочь сторожа, хорошенькая брюнетка, зовуть ее Жозефина. — Но что-же мнѣ до всего этого, другъ мой. — Позвольте минуточку... Вѣдь вы, сударь сочиняете пѣсни? — Я, отвѣчалъ, улыбаясь поэтъ. — Такъ вотъ что, сударь. Намъ хочется отпировать нашу свадьбу, какъ говорится на-славу, и потому-то я пришолъ попросить васъ написать мнѣ на этотъ случай хорошенькую пѣсенку. — Очень-жаль, другъ мой, но я не могу. — Полноте, не больше, какъ три, четыре куплетца. — Я ужъ десять-лѣтъ не пишу пѣсенъ. — Ну, да для меня; я за то вѣдь приглашу васъ и на свадьбу. — Вы очень-любезны, но право не могу. — Вотъ что, сказалъ наивный пирожникъ, но вѣдь я прошу не даромъ, я заплачу вамъ за вашу пѣсенку. — Ей Богу не могу, другъ мой.

Пирожникъ разсердился, ушелъ, и рассказывая за свадебнымъ столомъ свою неудачную попытку, прибавилъ: Эти сочинители всегда такіе лѣнтяи, чуть мало-мальски есть у нихъ копейка, такъ они не хотятъ работать и за деньги.

— Въ парижскомъ драматическомъ свѣтѣ ходитъ рассказъ о довольно-забавномъ происшествіи, роль героини въ которомъ играетъ замужняя актриса, занимающая роли субретокъ въ одномъ изъ водеvilныхъ театровъ Парижа.

Актриса эта, можетъ-быть, и не отличалась особеннымъ талантомъ, но она была молода, хороша собою, а съ этими качествами не такъ-то трудно

составить себѣ родъ нѣкоторой репутаціи. Привычки властвовать на сценѣ, артистка захотѣла того-же и въ домашней жизни. Это повело къ распрямъ, раздорамъ, и наконецъ къ разрыву: супругъ отправился въ сторону, супруга въ другую, и каждый устроилъ, какъ зналъ, собственное хозяйство.

Эта развязка домашней комедіи надѣлала шуму; завистливые подруги стали слѣдить за субреткою, въ надеждѣ, что она не замедлитъ окомпрометировать себя. И точно, вскорѣ замѣтили, что она ходитъ куда-то по вечерамъ, укутавшись вуалемъ, пѣшкомъ и безъ провожатаго. За кулисами пошли толки, распросы, освѣдомленія. Весь Парижъ заговорилъ что у субретки есть любовникъ, любовникъ этотъ былъ князь, баронетъ, перъ, журналистъ, депутатъ, теноръ, комикъ и банкиръ.

И вотъ въ одинъ вечеръ кто-то изъ любопытныхъ вздумалъ слѣдить за артисткою, прокрадся за нею въ самый домъ, куда она вошла, дождался у дверей часа четыре, и наконецъ видѣлъ, какъ подозрѣваемая артистка вышла подъ руку съ мнимымъ любовникомъ.

Любовникъ этотъ былъ — ся мужъ.

Въ одной гамбургской газетѣ напечатано: Недавно наша первая любовница d-ле В., играя въ одной пьесѣ три раза, перемѣняла костюмъ и каждый разъ являлась въ дорогихъ шелковыхъ платьяхъ. Ее принимали съ неумолкаемыми рукоплесканіями. — Видите вы вонъ того господина, который хлопаетъ съ такою яростію и подговариваетъ къ тому-же сосѣдей своихъ на-право и на-лѣво, сказалъ одинъ изъ зрителей своему сосѣду: Это торговецъ суровскими товарами, и d-ле В. одна изъ первыхъ покупательницъ его... — И въ-самомъ-дѣлѣ весь Гамбургъ сознается, что артистка эти обязана своими успѣхами именно только своему туалету. Купцы, обязанные ей тѣмъ, что она вводитъ въ моду ихъ товары и восхищенные, видя вечеромъ, какой богатый эффектъ производить въ театрѣ ихъ матеріи, растрогиваются и невольно начинаютъ хлопать и вызывать артистку. — А критика? Одинъ изъ болѣе всего читаемыхъ здѣшнихъ журналовъ недавно продалъ за извѣстную сумму и на извѣстное время какому-то новому критическому цеху мастеру право распоряжаться рубрикою театральн. критики въ этомъ изданіи. Вотъ вамъ и критика! —

— Пѣвица, пользующаяся весьма-большою славою, гостила на одномъ столичномъ театрѣ, по-несчастью имѣвшемъ капельмейстера съ весьма-плохими музыкальными познаніями и способностями, но за то съ весьма-большими претензіями. На первой-же репетиціи этотъ капельмейстеръ подходить къ пѣвицѣ, и говорить ей: «Надѣюсь, сударыня, вы простите меня, если я попрошу у васъ объясненія на счетъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ вашемъ исполненіи, которыя кажутся мнѣ не совсѣмъ ясными». Пѣвица благосклонно растолковала ему эти неясности; онъ поблагодарилъ ее и прибавилъ: «Теперь, сударыня, позвольте васъ просить не принять въ обиду слѣдующій добрый совѣтъ: у васъ превосходная школа и голосъ вашъ прекра-

сень, но въ обработкѣ все еще чего-то не достаетъ, и потому-то я осмѣлился-бы посовѣтовать вамъ, какъ можно поприлежнѣе упражняться въ скалъ». Артистка такъ поражена была этою грубою неучтивостью, что вдругъ не нашлась, что и отвѣчать, а господинъ совѣтникъ между-тѣмъ откланился. Спустя нѣсколько дней, поставлено было на сцену произведе- ние самого этого г-на капельмейстера, и жестоко было освистано. Это по- дало пѣвщицѣ случай отмстить за себя оскорбившему ее неучу, а именно, послѣ спектакля, встрѣтивъ отчаяннаго маэстро, она сказала ему: «Надѣюсь, что и вы тоже не обидитесь за добрый совѣтъ, который я хочу подать вамъ: я совѣтовала-бы вамъ поприлежнѣе поучиться генераль-басу и контра- пункту, прежде, чѣмъ вы приметесь писать свою вторую оперу». И госпо- динъ композиторъ также не нашелся, что отвѣчать на это совѣтницѣ.

— Еще девятнадцати-лѣтній юноша, попался какъ-то разъ Бѣрне, въ кружокъ жарко о чемъ-то спорившихъ собесѣдниковъ, и по-неволѣ былъ и самъ увлеченъ въ этотъ споръ. Одинъ изъ самыхъ горячихъ спорщиковъ, чело- вѣкъ довольно-пожилыхъ лѣтъ, вдругъ сказалъ Бѣрне, который держался противнаго ему мнѣнія о предметѣ спора: «Вы, молодой чело- вѣкъ, вы смѣете противорѣчить мнѣ? Въ ваши лѣта, я въ такихъ вещахъ былъ, просто, осель». «О, такъ вы чудесно сохранились», отвѣчалъ Бѣрне, и оборотился къ нему спиною.

Многіе нѣмецкіе журналы приглашаютъ къ подпискѣ на сооруже- ніе памятника великому драматургу Лессингу. Страсть ставить памятники такъ овладѣла Нѣмцами, что они забываютъ даже, у кого изъ ихъ великихъ му- жей есть памятники, у кого нѣтъ. Такъ на-примѣръ, Лессингу давно уже поставленъ памятникъ въ Вольфенбютелѣ, а г-да журналисты снова откры- ли подписку на сооруже- ніе памятника этому великому драматургу.

Бѣлокурые волосы были у Грековъ атрибутомъ красоты: Апполонъ сла- вился своею бѣлокурою головою. Ахиллессъ и Меналай у Гомера бѣлоку- рые; Тезей у Овидія и Катулла тоже; Филостратъ описываетъ Язона бѣ- локурымъ. Эдипъ у Эврипида и Ипполитъ у Сенеки бѣлокурые. Поэты воспѣвали бѣлокурыя головки Меркурія и Бахуса. Статуи Венеры украша- лись златовидными кудрями. Александръ Великій былъ бѣлокуръ. Елена, тоже. Бѣлокурый цвѣтъ волосъ, такъ обыкновенный у сѣверныхъ народовъ, составлялъ предметъ честолюбія и гордости у Гречанокъ и Римлянокъ. Чтобы подражать ему, онѣ посыпали голову желтымъ порошкомъ. Мусуль- мане тоже любятъ красить волосы нѣжными колерами; они употребляютъ для этого лавзонію (Ненпе), кустарникъ съ бѣлыми, цвѣтами, чрезвычайно-хорошо пахнущими. Приготовленная изъ этихъ цвѣтвъ краска придастъ волосамъ палевый цвѣтъ. Медя первая вздумала измѣнить естественный цвѣтъ своихъ волосъ. Пифагоръ совѣтуетъ Кротонскимъ дѣвцамъ не по- дражать ей. До покоренія Крыма Русскими, одна бѣлокурая Черкешенка была продана за 14 кошелевъ (35,000 фр.).

— Въ «*Coureur des spectacles*» сообщаютъ слѣдующую, чрезвычайно-интересную новѣсть: Маэстро Россини, упрощенный однимъ славнымъ артистомъ которому, впрочемъ, трудно было-бы и отказать, рѣшился написать новую оперу. Либретто написать взялся одинъ изъ искусѣйшихъ нашихъ либреттистовъ; онъ на дняхъ отправляется въ Болонью, чтобы переговорить и условиться съ знаменитымъ маэстро. Опера будетъ готова, какъ говорятъ, къ слѣдующему-же зимнему сезону. Если г-нъ Леопъ Пилле не увеличитъ цѣну за мѣста, въ такомъ случаѣ онъ сдѣлается миллионеромъ только въ шесть мѣсяцевъ, вмѣсто трехъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

У М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ-проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

(Цѣны на серебро.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

Argent rbls. c.

Bernard. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Pétersbourg, arrangés pour Piano seul:	
№ 17. Bellini. Air de la Norma „Casta diva“	— 30
№ 18. Rossini. Trio favori du Barbier de Seville	— 50
№ 19. Donizetti. Romance de la Linda	— 30
№ 20. ——— Romance de l'Elisire d'amore	— 30
№ 21. Verdi. Air de l'opéra i Lombardi	— 50
№ 22. Donizetti. Cavatine de l'opéra Lucrezia	— 50
№ 23. ——— Sextuor de l'opéra Lucrezia	— 30
Burgmüller. Polka-Cotillon, dansée au théâtre	— 75
Damecke. Cinq mélodies inédites, op. 26. № 1. Un souvenir de Voyage.	
№ 2. L'Espérance. № 3. Chansonnette allemande. № 4. Rêverie.	
№ 5. Barcarolle	1 30
— Arabesque sur un air russe favori, op. 27. № 1	1 —
— Arabesque sur un air de l'opéra „Olga“ de M. Bernard, op. 28	1 —
Frackmann. Canzonetta, op. 8	— 85
Henseit. Frühlingslied. Chanson de printemps, op. 15	1 —
— Air de Balle transcrit	1 —
— Mazurka et Polka	1 —
— Das ferne Land. Mélodie	— 43
Herz (H.) La foi, l'espérance et la charité. Trois choeurs de Rossini transcrits et variés, op. 146. № 1, 2, 3 à	1 —
— Grande fantaisie brillante sur l'opéra Lucrezia Borgia, op. 147	1 72
— Arabesques musicales. Collection de six morceaux faciles sur des thèmes favoris, op. 148. № 1—6 à	— 85
— Les fleurs italiennés, op. 149. № 1. Variations sur un thème de Carafa. № 2. Fantaisie sur un thème de Mercadante à	— 85
— Souvenirs de la Scala, op. 150. № 1. Caprice sur Maria Parilla de Donizetti. № 2. Variations sur Chiara di Rosenberg de Ricci. à	1 —
Hünter. Fantaisie sur l'opéra Romeo et Juliette de Bellini, oo. 138	1 15
— Deux rondos, op. 139. № 1. Hélène. № 2. Angiolina à	1 15
— Souvenirs de Bellini. Fantaisie, op. 140	1 15
Kalkbrenner. Richard en Palestine. Fantaisie brillante, op. 172	1 43
— Les Charmes de Carlsbad. Grand Rondo brillant pour le Piano avec Orchestre, op. 174	2 58
— Idem pour Piano seul, op. 174	1 72
— Grande Sonate brillante (ded. à Thalberg) op. 177	2 29
— Fantaisie brill. sur la Barcarolle, opéra d'Auber, op. 176	1 43
Langer (L.) Chant bohémien „за Ураломъ“ transcrit et varié, op. 12	— 75
Mayer (C.) Nocturne brillant, op. 81	— 60
Mendelssohn-Bartholdi. Sechs Lieder ohne Worte. VI. Heft	1 50
Meyer (L. de) Machmudier. Air guerrier des Turques, op. 22	1 15
— Bajazeth. Air national des Turques, op. 23.	1 15
— Le Carnaval de Venise, op. 31.	1 15
— Fantaisie sur l'Elisire d'amore, op. 32	1 72
— Variations sur Semiramis, op. 37.	1 72

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ

МАЙ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

1) LA FEMME ÉLECTRIQUE (*Электрическая женщина*), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. гг. Жюль Корнье и Клервилл. (Palais Royal).

Всѣмъ извѣстна исторія, которая недавно надѣлала столько шуму въ ученомъ мѣрѣ, и потомъ произвела въ немъ огромный скандалъ. Электрическая дѣвушка, признанная таковою многими знаменитыми учеными, оказалась столько-же электрическою, сколько мы и вы — почтенные читатели. Остроумному г. Клервилю вздумалось объяснить въ водевилѣ, какимъ образомъ сообщаютъ въ нужномъ случаѣ электричество всякому, кому угодно.

Институтъ надували, какъ надуваютъ въ пѣсѣ вѣское москѣ Рондара, который, увидѣвши щету попытокъ сдѣлать *электрическою* свою дочь, хочетъ вознаградить себя за неудачу на москѣ Кокильйо. Кокильйо, молодой человекъ, очень непривлекательной наружности, ѣстъ трюфели и пьетъ шампанское за четверыхъ, и позволяетъ дѣлать съ собою все, что угодно, но никакъ не дѣлается электрическимъ.

Но г. Рондаръ неостанется-же ни при чемъ. Является молодой повѣса, джентельменъ, съ порядочной наружностію, который во-лочится за мамзель Рондаръ, и позволяетъ себѣ разъ обнять ея. Рондаръ въ бѣшенствѣ хочетъ убить Англичанина, но тотъ обя-вляетъ себя электрическимъ, и Рондаръ приходитъ въ восторгъ. О, верхъ блаженства! Въ угодность Рондару, джентельменъ дѣ-лаетъ разные кунштюки, ломаетъ стулья, притягиваетъ къ себѣ столы, притягиваетъ къ себѣ, наконецъ, и самаго г. Рондара, ко-торый въ восторгѣ хочетъ тотчасъ-же представить его въ Ака-демію.

2) LES ENNEMIS (*Враги*), вод. въ одномъ дѣйствиіи, г. Фурнье. (Gymnase).

Лучшій способъ пользоваться своими друзьями, это — об-ходиться съ ними душно. Вотъ мысль водевилля:

У одного секретаря министра есть пріятель, человекъ, ему искренне-преданный, вполне достойный его привязанности. Кромѣ-того, у него есть и врагъ, по-имени Граншавъ — редакторъ по-литическаго журнала, а секретарю хочется быть депутатомъ. И вотъ, въ-слѣдствіе этого, онъ отдаетъ Граншаву мѣсто, которое обѣщаль сыну своего друга. Но зтотъ другъ — рѣдкій другъ въ наше время, не только не сердится, но даже потомъ освобождаетъ его отъ Граншана. Водевиль довольно-пустъ, какъ видите.

3) UNE NUIT AU LOUVRES (*Ночь въ Луврѣ*), драма въ трехъ дѣй-ствіяхъ, въ прозѣ, г. Эмиль Вандербюрка.

Дѣйствіе I. Садъ инфанта въ Луврѣ. Генрихъ Наварскій же-нился на Маргаритѣ Валуа — это день ихъ свадьбы. Катерина Медичи, непримиримая къ своей враждѣ, не перестаетъ мстить Беарнцу. Она знаетъ, что Генрихъ ждетъ съ депешами моло-даго графа Лерана, и препоручаетъ убійцѣ Пикіану, похитить депеши. Кромѣ-того, еще она заставляетъ прекрасную Шарлоту де-Солеблансе, за которою волочится Генрихъ, отвѣчать его любви, и возбуждаетъ такимъ-образомъ ревность Маргариты. Маргарита начинаетъ жалѣть о Леранѣ, другѣ ея дѣтства; но — вотъ, раз-дается стукъ шпагъ, и Леранъ является раненный. На него на-пали убійцы, подосланные королевой матерью. Маргарита, ожи-дая Генриха, скрываетъ Лерана. Генрихъ, желая доказать ма-музель де-Солеблансе, что онъ не любитъ своей жены, заста-вляетъ ее слушать свой разговоръ съ Маргаритой. По уходѣ его, Леранъ падаетъ къ ногамъ Маргариты, а мадузель де-Соле-блансе, которая съ своей стороны, не шутя влюбилась въ Ген-риха, съ радостію слушаетъ его клятвы.

Дѣйствіе II. Брачная комната. Генрихъ, предупрежденный, что въ комнатѣ спрятанъ мужчина, входитъ и скоро глазамъ его дѣйствительно является графъ де-Леранъ; но Маргарита оправдывается, говоря, что скрыла его отъ убійцы, подосланныхъ королевою матерью. Генрихъ тогда самъ хочетъ выпустить Лерана, но Маргарита, убѣжденная, что мужъ ее любитъ мадмуазель де-Соблансе, съ досады назначаетъ Лерану свиданіе на-завтра. Является Катерина Медичи, которая сказала Карлу IX, что Генрихъ провелъ ночь у своей любовницы, и Карлъ IX хочетъ расторгнуть бракъ своей сестры. Но отворяется занавѣсъ постели — и на этой постели король Наварскій, весь въ желѣзѣ.

Дѣйствіе III. Та-же декорация. Молодые супруги помириньсь. Но Генриху надобно бѣжать и Маргарита думаетъ только о средствахъ его спасти. Генрихъ спасается черезъ балконъ — и планы Катерины разрушены.

4) *JUANITA (Хуанита)*, комедія-водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ, гг. *Балра* и *Комберюса*. (Gymnase).

Садъ. Шарансе, французскій офицеръ, плѣнный въ Вильярреаль, давно уже волочится за сеньйорой Хуанитой, женою Дона-Лопеца. Онъ, наконецъ, является къ ней черезъ заборъ, но она его скоро выпроваживаетъ. Но на него нападаютъ гверильясы, и онъ проситъ убѣжища въ домѣ Хуаниты. Донъ-Лопецъ, только что возвратившійся изъ путешествія, не можетъ отказать ему въ гостеприимствѣ. Хуанита умоляетъ Шарансе бѣжать. Шарансе готовъ но не иначе, какъ съ нею, и требуетъ отъ нея рѣшительнаго отвѣта.

Дѣйствіе II. Зала. Донъ Лопецъ напоминаетъ Шарансе, что онъ ему спасъ жизнь. Разумѣется, Вильярреальскій плѣнникъ жертвуетъ любовью благодарности, и притворяется передъ Хуанитой игромкомъ и повѣсой. Но онъ не можетъ противиться своей страсти и открываетъ все Хуанитѣ, которая слѣдуетъ его примѣру и ѣдетъ съ мужемъ въ Мадридъ.

5) *ESNEC ET MAT (Шахъ и матъ)*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ прозѣ, гг. *Фѣлье* и *Бокажиса*.

Зала во дворцѣ Филиппа IV. Носятся дурные слухи о герцогѣ Альбукераскомъ и герцогинѣ Сидоніи Чели. Герцогъ вызываетъ на дуэль капитана Риозборна и тяжело ранитъ его. Потомъ онъ хочетъ жениться на герцогинѣ, и король не только соглашается, но еще награждаетъ его двумя командорствами. Герцогъ скоро угадываетъ, что король влюбленъ въ Сидонію.

Проходитъ три мѣсяца. Снова носятся слухи, что кто-то ночью

являлся подъ окнами герцогини, и капитанъ Рюзборнъ, шпионъ короля и инквизиціи, узнаеть, что это молодой графъ Медіана. Король по-прѣжнему влюбленъ въ Сидонію, и готовъ уже открыть ей это, когда является герцогъ. Но министръ Оливаресъ берется арестовать его.

Герцогъ просить графа Медіану обмѣняться шарфами ихъ шпагъ, на что тотъ соглашается. Потомъ явился капитанъ Рюзборнъ арестовать герцога, но тотъ показываетъ ему одну бумагу, которая можетъ погубить его — и Рюзборнъ соглашается арестовать вмѣсто его графа Медіану. Но Медіана спасается отъ инквизиціи, и уѣзжаетъ во Францію, а герцогъ увозитъ жену въ Эверу, говоря, что онъ былъ *шахъ*, а Медіана *мать*.

6) LE PETIT FILS (*Внучъ*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, г. *Баяра*.

Это тысяча первая исторія внучка, котораго балуетъ до крайности дражайшая бабушка, и который за это надуваетъ ее всевозможными и дозволенными и недозволенными способами, заставляя ее платить своимъ кредиторамъ и проч. Водевиль, впрочемъ имѣлъ успѣхъ, благодаря остроумію автора.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ.

I.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

ВЕНЕФИСЪ Г-ЖИ СОСНИЦКОЙ.

(3-го Мая.)

1) ЭСМЕРАЛЬДА, драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ. — Эсмеральда — г-жа Самойлова 2, Клоде-Фрелло — г. Каратыгинъ 1, Квазимодо — г. Брянскій, Жервеза — г-жа Дюръ, Фебъ — г. Смирновъ.

Эсмеральда — пьеса довольно уже старая на нашей сценѣ; театралы Александринскаго театра еще до сихъ поръ не могутъ забыть Эсмеральды-Асенковой; авторъ этой статьи хранитъ среди своихъ театральныхъ воспоминаній одно прекрасное воспоминаніе о Н. В. Рѣпинной; Эсмеральду же, истинную Эсмеральду, говорившую только не языкомъ, а ногами, видѣлъ Петербургъ въ Талійони.

Эсмеральда, Эсмеральда!... Миѣ помнится то время, — давно-прошедшее, глупое, но милое время, — когда этимъ именемъ, съ множествомъ восклицательныхъ знаковъ, испещрены были поля стараго, пергаментнаго Юлія-Цезаря «De bello Gallico», — когда страшная драма отяготѣла до того надъ молодымъ воображеніемъ, что создала для него цѣлый міръ призраковъ, прекрасныхъ и отвратительныхъ, фантастическихъ и колоссальныхъ!... Да! я былъ на народномъ праздникѣ, съ его студентами и Фламандцами, съ его мистеріей и Королемъ-масляницы, я шелъ за Пьеромъ Греггаромъ по темнымъ улицамъ стараго Парижа, и передо мной мелькала легкая, воздушная, странная цыганка, съ ея бѣлой козочкой, мелькала, какъ радужная бабочка, по сравненію са-

мого поэта, и она спрашивала, слышалось мнѣ, что значить имя Фебюсъ? — у многоученаго Гренгуара, и опредѣляла своей двѣтистой и мечтательной рѣчью любовь и дружбу.... L'amour — un homme et une femme qui se fondent en un ange — c'est le ciel!... И потомъ возникали передо мною колоссальныя мрачныя башни стараго собора, съ его ломаными огивами, съ его мистическимъ порталемъ — этого изсѣченнаго памятника *сомнѣнія*, этого каменнаго ропота, завѣщающаго на диво вѣкамъ тремъ поколѣвнями... И громадный соборъ нависъ всею тяжестью надъ бѣдною, маленькою, слабою Эмеральдою и ловилъ ее своими старыми, костлявыми руками, какъ ловить паукъ маленькую мушку.... И на его мистическій порталъ недвижно устремлено было чье-то высокое, рано облаженное, избороженное слѣдами тяжелой думы чело. Онъ былъ возвышенно-чистъ, онъ былъ тихъ и гордъ, бѣдный Клавдій, онъ былъ добръ и вѣженъ, призрѣвшій страшнаго ребенка-урода, онъ былъ величаво-гордъ и прекрасенъ, проходившій передъ глупою толпою «de honnes âmes», — онъ былъ человѣкъ, — царь и повелитель громадной массы, съ задумчивымъ челомъ стоявшій надъ нею и пророчившій о грядущемъ словами: — «Ceci t'uea seia»!... За что она не любила его, легкая, свѣтлая Эмеральда? за-чѣмъ она осудила его «se tordre les nuits comme un damné»? за-чѣмъ она заставила его проклинать жизнь?... За что? За-чѣмъ? «Arcezi» — чертитъ нозѣ на старыхъ сводахъ стараго храма, и остававляется на одномъ только въ безпредѣльную глубину роющемся сомнѣвнн.... Сомнѣвнн — вотъ слово Гюго, вотъ слово его колоссальнаго, готическаго романа! Ибо, après tout, до чего-жъ мы дорылись или что мы построили? Дорылись до бездны, *поглощающей неудержимо всякій конечный разумъ*, не выраженію одной старой книги, построили — воздушныя замки и мечтательныя утопнн! Созданія Занда и въ особенности послѣднн, не лучшнн-ли признакъ утомленія отъ этихъ воздушныхъ построекъ?... Въ готическихъ храмахъ, якорь спасенія, брошенный въ безконечность, привязанъ къ кресту, къ единому спасающему.... Гюго не забылъ этого, — онъ освѣтилъ свое мрачное созданіе зарею идеи встипно-христіанской; онъ проникъ и просвѣтилъ *любовью* уродливую натуру Квазимодо, и пусть Квазимодо и Эмеральда гибнуть, пусть Эмеральда любить Фебюса — въ таинственномъ сходствѣ ихъ рожденія, въ явной противоположности ихъ, лежитъ мысль примиренія, соединенія въ будущемъ. Фроло — духъ, Квазимодо — тѣло, Эмеральда — душа стараго собора.

Но Боже мой, Боже мой! что-же такое сдѣлала нѣмецкая драма изъ дивной поэмы Гюго? Зачѣмъ она измѣнила ничтожнаго Фебюса въ героя добродѣтели? зачѣмъ она испортила своею приторною сентиментальностью вѣтрениую, беззаботную Эсмеральду, дѣвочку Эсмеральду, маленькую Эсмеральду? Зачѣмъ она, эта нѣмецкая драма, не показала хоть разъ Клавдія Фролло царемъ и властителемъ громаднаго стараго зданія? Неужели и на это зачѣмъ придется отвѣчать словомъ «*Диабли!*»?

Да простятъ намъ читатели, эти, можетъ-быть, слишкомъ-серьезныя впечатлѣнія, которыми мы съ ними дѣлимся послѣ вчерашняго спектакля. Виноваты не мы — а Самойлова, Каратыгинъ и Брянскій, вините же ихъ, если вы въ-силахъ ихъ винить. Мы-же, признаемся, были рады сказать нѣсколько словъ о созданіи великаго поэта, теперь такъ несправедливо унижаемомъ. Гюго укоряють въ нелѣпости и дикости этого созданія, въ отвратительности язвъ, которыя онъ обнажаетъ; — но скажите, ради Бога, развѣ не вдвое болѣе нелѣпаго и дикаго въ созерцаніи мелкихъ эгонизмовъ, до котораго мы теперь добрались? — развѣ не видимъ мы съ ужасомъ, что безконечное анализированіе великаго или малаго равно ведетъ къ безднѣ, что г. *Голдкинъ старшій* страшнѣе Квазимодо, что современныя язвы какого-нибудь Ораса вдвое отвратительнѣе идеальныхъ, общечеловѣческихъ язвъ, созвучныхъ В. Гюго? Гюго упрекали въ безнравственности — но ужъ конечно теперь, когда надъ нимъ почти совершился судъ потомства, никто не упрекнетъ въ этомъ благороднаго, грустнаго скептика, какъ никто не упрекнетъ творца «Гамлета». Говорили наконецъ и, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ даже говорятъ, что Эсмеральда создана поэтомъ подъ влияніемъ Гётевой Миньоны; — не знаемъ, кому пришло въ голову *остроумное* сближеніе мечтательной подружки Вильгельма Мейстера, тоскующей по-дальнемъ, заоблачномъ отечествѣ, этой воплощенной *Sehnsucht*, съ живою, простодушною, рѣзвою цыганкою; знаемъ только, что Эсмеральда сама по себѣ не имѣетъ характера и личности, что Эсмеральда ярка только отъ чудовищной любви Клавдія и Квазимодо, — а ужъ согласитесь, что этой любви не похищалъ ни у кого Гюго, и вообще ненуждающийся въ похищеніяхъ.

Повторяемъ опять наше извиненіе за эти размышленія и обращаемся къ самому спектаклю.

Мы пошли чуть-чуть не съ предубѣжденіемъ. Еще за два года до сего удалось намъ видѣть въ Эсмеральдѣ г-жу Левкееву, и мы остались недовольны: передъ нами какъ-то неволью пор-

хала иная, граціозно-наивная, неподражаемо-простая Эсмеральда. Мы говоримъ о Н. В. Рѣпниной.... Но мы были изумлены, были обрадованы.

Если когда либо захотѣла-бы воплотиться воздушная мысль Гюго, она выбрала-бы для себя г-жу Самойлову 2-ю.

Съ перваго своего появленія на сцену, артистка, какъ истинная артистка, не прибѣгла ни къ одному изъ рутинныхъ фарсовъ, не танцевала даже искусственнаго фанданго. Да и зачѣмъ ей?... вѣдь она помнила очень-хорошо, что она простая дочь природы, ни болѣе, ни менѣе, очаровательная цыганка, плѣнительная не отъ искусственно-заученныхъ танцевъ, а отъ обаянія своего собственнаго существа. И обаяніе было полное, совершенное; въ каждомъ словѣ ея дышала веселость и простодушіе: ужасъ ея, когда Клавдій Фролло выбилъ изъ рукъ ея тамбуринь, былъ художественно-естественъ — художественно, говоримъ мы, ибо есть естественность и не-художественная. Подавая пить Квазимодо, она была дивно-граціозна, она такъ и просилась въ картину, хотя въ то-же время нисколько не заботилась о картинности. Въ сценѣ съ Фебюсомъ было столько увлеченія, abandon, страсти и милого простодушія, — что мы, со стыдомъ признаемся, забыли свои первыя впечатлѣнія, забыли *Репнину*.

Но вотъ блѣдная Эсмеральда въ сырой и темной тюрьмѣ: она блѣдна, глаза ея мутны и дикы, ея длинная коса распущена, она вся сжата холодомъ.... Бредъ во снѣ, ужасъ пробужденія при мысли о смерти Фебюса, все это было такъ хорошо, такъ высоко-просто! Сцена съ Клавдіемъ (въ которой, замѣтимъ кетати, Каратыгинъ истинно прекрасенъ), краткіе отвѣты съ судорожнымъ трепетомъ, глубоко-понятная любовь къ жизни — эта одна сцена говоритъ о великомъ дарованіи молодой артистки. Да! г-жа Самойлова вполнѣ усвоиваетъ и понимаетъ создаваемыя ей роли, она часто дополняетъ, руководствуясь своимъ эстетическимъ тактомъ, иногда нелѣпыя созданія. Такъ видно было, какъ чувство отвращенія къ уродству Квазимодо боролось въ ней съ чувствомъ сожалѣнія и благодарности. Сцена съ матерью была проникнута истиннымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ.

Клавдій Фролло — послѣ Людовика XI, Коріолана и Ляпунова, безспорно, лучшая роль нашего трагика. Не говоримъ о томъ историческомъ изученіи, которымъ онъ отличается вообще; въ сценахъ съ Эсмеральдою — искусство у него становится даже естественностью, хотя форсированною, по характеру самой роли. Повторимъ опять, онъ здѣсь истинно-прекрасенъ.

Брянскій.... Пускай немного устарѣлою кажется намъ дикція знаменитаго артиста, — роль *Квасимодо* создана имъ почти идеально. Изъ частныхъ красотъ, укажемъ, на-примѣръ, на улыбку его, когда народъ поднимаетъ его на плечахъ, на сцену, когда онъ грозитъ осаждающимъ старое зданіе. Онъ былъ въ эту минуту поразительно-хорошъ, онъ былъ дѣйствительно духъ, оживляющій эти старыя стѣны. Но для чего выпускается одинъ эффектъ изъ его роли, — за-чѣмъ занавѣсъ падаетъ тотчасъ-же почти, когда онъ вырываетъ Эсмеральду изъ рукъ палача, зачѣмъ онъ не является съ нею на стѣнахъ ратуши, и съ торжествомъ не показываетъ ее народу, кричащему «*Asyle, asyle!*»

Г-жа *Дюръ* была хороша, даже очень-хороша, если хотите, хотя иногда естественность у нея переходила художественныя грани, (такъ на-примѣръ въ визгѣ, при узнавнн дочери); но впечатлѣнію нашему вредило много воспоминаніе о г-жѣ *Каратыгиной*, исполнявшей эту роль истинно-художнически.

2) Чего на свѣтъ не вываесть? водевилъ въ 1 дѣйстви. — Надежда Петровна Зарѣцкая — г-жа *Самойлова* 1., Загорскій, кавалерійскій полковникъ — г. *Самаринъ*.

Не станемъ рассказывать содержанія этого миленькаго водевиля, тѣмъ болѣе, что наши читатели, вѣроятно, знаютъ его. Скажемъ только, что г. *Самаринъ* былъ очень-хорошъ: — столько неподдѣльной веселости было въ его игрѣ, что эта веселость сообщалась самимъ зрителямъ: кромѣ того, онъ, что у насъ рѣдко, былъ чрезвычайно-порядоченъ, гораздо порядочнѣе-многихъ господъ, сидѣвшихъ недалеко отъ насъ, и сѣтовавшихъ на него за дурной *будто-бы* тонъ. Г-жа *Самойлова* 1-я, какъ и всегда, была очень-мила. Это ея ампула, и въ такихъ роляхъ она несравненно выше чѣмъ въ трагическихъ, которыя, сознаемся искренно — безъ исключенія должна-бы она предоставить г-жѣ *Самойловой* 2.

3) Маскарадъ, комедія въ 1 дѣйстви. — Сенчикинъ — г. *Марковецкій*, Верхуновъ, управляющій конторою — г. *Каратыгинъ* 2, Жена его — г-жа *Сосницкая*, Варивька — г-жа *Левкьева*.

Комедія — такъ себѣ, очень порядочная, какъ pièce de circonstance. На сценѣ, по-крайней-мѣрѣ, не нелѣпости, а современные петербургскіе нравы. Г. *Каратыгинъ* 2-й рѣшительно sublime въ роли управляющаго конторою; г-жа *Сосницкая* — прекрасна, какъ всегда, — г. *Марковецкій* съ каждымъ шагомъ показываетъ новыя стороны своего миленькаго дарованія.

Оркестръ въ антрактахъ игралъ новыя прекрасныя композиціи г. *Кажинскаго*.

ВЕНЕЦІОНСЪ Г-НА МАРКОВЕЦКАГО.

1) *Пансіонерка*, трагедія нашего времени, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ *Эпизодомъ*. — Родіонъ Петровичъ — г. *Брянскій*, Жена его — г-жа *Шелихова*, Софья — г-жа *Самойлова* 2-я, Сеннигъ — г. *Максимовъ*.

Трагедія — да еще трагедія нашего времени! Увы! на грустныя размышленія навела насъ эта трагедія, на размышленія весьма трагическія о судьбахъ нашей русской трагедіи, на размышленія, которыми мы, *pour le moment* по-крайней мѣрѣ, не угрожаемъ нашимъ читателямъ.

Скажемъ только одно: не все то, что годится для повѣсти, вмѣстѣ съ тѣмъ годится и въ драму. Есть повѣсти чрезвычайно-драматическія — но попробуйте-ка сдѣлать изъ нихъ сценическую трагедію! Сколько драматизма въ «Бѣдныхъ людяхъ» г-на Достоевскаго, — но самъ талантливый авторъ романа, вѣроятно, никогда-бы и не выбралъ драматической канвы для изложенія своей мысли! Вѣроятно также, читатели наши помнятъ *Последній визитъ* г. Нестроева, эту полную, грустную, глубокую драму, но драму внутреннюю чисто: — попробуйте-ка перелить ея драматическую основу въ сценическія формы, съ удержаніемъ того же самаго развитія! Скажутъ, масса въ состояніи понять и внутреннюю драму? — Да, если хотите, но надобно чтобы, *указанія* на эту внутреннюю драму были слишкомъ-ярки. «Гамлетъ» — драма чисто внутренняго міра, но — чего въ немъ пѣтъ?... И тѣни, и клоуны, и погрѣбенія.

Все это пришло намъ въ голову, когда мы зѣвали въ продолженіе четырехъ актовъ *Пансіонерки*, пробуждаясь только при появленіяхъ г-жи *Самойловой* 2-й, пришло въ голову потому, что, не смотря на невольную зѣвоту, возбуждаемую «трагедіей нашего времени», мы видѣли въ ней, въ этой трагедіи, не совѣтъ-обыкновенное бенефисное явленіе, а попытку, можетъ-быть, молодого еще дарованія — проложить новую, неизбитую дорогу.

Просто, даже слишкомъ просто содержаніе *Пансіонерки*. Дѣ-

вочку, воспитанную по-пансіонски, т. е. то, что называется *tête exaltée*, матушка, помѣщица, беретъ изъ пансіона. Сцены съ класною дамою, съ подругами — все это очень мило, *comme il faut* даже — настоящій пансіонъ, но драмы нѣтъ несколько въ 1-мъ актѣ. Въ 2-мъ актѣ на сценѣ дражайшій родитель, отставной служака 12-го года: онъ любитъ покричать и пошумѣть на свою любезную половину, но подъ конецъ оказывается именно тѣмъ, тѣмъ Поздравъ зоветъ своего зятя. Дочку онъ любитъ до безумія, да и всѣ ее любятъ, въ особенности ея старая нянька, сцена съ которою очень недурно вылилась у автора, и превосходно передана г-жою Самойловою. Хороша также сцена инвалида (г. Славицъ), являющагося къ барышнѣ и потомъ начинающаго браниться съ дворовой женщиной. Приходитъ матушка помѣщица и увимаеъ ссору по-своему т. е. погрозивши обомъ, и кстати также погрозивши ничѣмъ невинатой петербургской горничной пансіонерки. Первое горькое разубѣжденіе бѣдной дѣвочки! — Тутъ есть, пожалуй, драма, но такая крошечная, такая микроскопическая, что она поневолѣ смѣшна всякому — кромѣ пансіонерки. А отъ-чего? отъ того, что авторъ почему-то не обрисовалъ ярче злой природы помѣщицы, пощадилъ публику отъ густыхъ красокъ, необходимыхъ для драмы, какъ живопись для декораций... Въ третьемъ актѣ — на сценѣ гости. Зачѣмъ они на сценѣ? — для чего собраны они? — этого мы неразрѣшаемъ: портреты или точнѣе силуэты иныхъ губернскихъ оригиналовъ очерчены авторомъ довольно-мило. Но драмы нѣтъ, какъ нѣтъ: — драма, хоть и драма пансіонскаго сердца, начинавшаяся во второмъ актѣ, исчезла, убѣжала. Гдѣ-то она, бѣдная крошечная драма? — жаль мнѣ ее, право, жаль, — а дѣлать нечего, микроскопа со мною не было и я не могъ отыскать даже слѣдовъ бѣглянки. Въ четвертомъ актѣ, — Софью хотятъ отдать замужъ, разумѣется за-мерзавца, за-человѣка *прозаическаго*; — какой-то юноша (г. Максимовъ) умоляетъ отца ея не выдавать *Софью*; старикъ сначала храбрится, но при первомъ визгѣ дражайшій половины оказывается истинно-достоиннымъ прозванія, затѣйливо придуманного Поздравымъ, — и юноша уходитъ съ горестью, ибо выходитъ на повѣрку, что онъ любилъ Софью «безмолвно и вѣжно», какъ пылъ говорится. Приходитъ инвалидъ — но и его убѣжденіе тщетно: старикъ никакъ не можетъ отказаться отъ лестнаго прозванія. Приходитъ Софья и въ отчаяніи читаетъ одной прекрасной душѣ, открытой ею среди губернскихъ барышень, — стихи Кольцова:

Подъ крестомъ — моя могилка,
На крестѣ — моя любовь;

потомъ бросается къ ногамъ матери, но та поражаетъ ее родительскимъ проклятіемъ. Въ эпилогѣ, инвалидъ и няня плачутъ о больной Софѣ, а выходящій изъ ея комнаты докторъ говорить: «Молитесь — мы всѣ тамъ будемъ». — Итакъ, героиня скончалась именно въ ту самую минуту, когда драма должна была начаться.

И вотъ вамъ драма, или точнѣе драмочка — ибо иначе, право, и нельзя назвать ее, благодаря ея микроскопическому взгляду на жизнь. Намекъ на драму есть въ послѣднемъ актѣ: въ положеніи стараго служакки-мужа, въ зломъ характерѣ жены, въ безмолвной любви Сенина, — но и намекъ-то даже неясенъ.

И между-тѣмъ, не смотря на страшную зѣвоту скуки, мы были искренно обрадованы прекраснымъ исполненіемъ. Ансамбль съ нѣкотораго времени таковъ въ Александринскомъ-театрѣ, что мы болѣе и болѣе изумляемся. Г. *Брянскій* былъ дивно-хорошъ въ роли старика-отца, такъ хорошъ, что сообщилъ жизнь этой безцвѣтной роли. *Сосницкій* тоже создалъ прекрасный типъ оригинала помѣщика. *Петровъ* 2-й, прекрасно скопировалъ офицера. Г-жа *Шелехова* (мать) была очень и очень не-дурна. Но — кто удивлялъ насъ, такъ это г. *Славинъ*, игравшій роль инвалида: отчетливо, добросовѣстно, прекрасно, почти-художнически вѣрно. Bravo!... А мы было отчаявались за г. Славина.

Боимся, чтобы публика, не обвинила насъ въ пристрастіи къ г-жѣ *Самойловой* 2-й. Но, увы, что ни скажетъ сія аристократическая публика, а мы каемся, публично каемся, что высокое наслажденіе доставляетъ намъ съ-нѣкоторыхъ-поръ каждая роль, создаваемая прекрасной артисткой. И тутъ, въ микроскопической драмѣ, не выходя нисколько изъ предѣловъ, она умѣла быть наивно-женственною и трогательною. Ни одного жеста, ни одного восклицанія лишняго, неумѣстнаго! Честь и хвала, и многія лѣта прекрасной примадонѣ нашей сцены, — величавой Татьянѣ, — легкой Эсмеральдѣ, грациозно-наивной пансіонеркѣ, кроткой, тихой, задумчивой Дездемонѣ. Искренно, глубоко-искренно желали-бы мы когда-нибудь увидать въ ней Джульету божественнаго мастера Шекспира, или печальную, мечтательную Марію Стюартъ Шиллера.

2) Лото въ клубъ или на который-то номеръ сѣсть, фарсъ во-

девицъ такъ себѣ, ни то, ни сѣ, въ которомъ бенефициантъ — г. Марковецкій былъ очень-милъ.

3) Ворона въ павлиньихъ перьяхъ или слуга графъ, графъ слуга, водевиль, съ удивительнымъ ансамблемъ разыгранный г. Каратыгинымъ 2, г-жою Самойловой 1, г-жою Левкиевой и г. Марковецкимъ, который умѣлъ быть оригинальнымъ и не впасть въ манеру знаменитаго комика нашего Мартынова. Вообще, изъ г. Марковецкаго можетъ выдти что нибудь очень-хорошее. Очень-милъ былъ также г. Толченоеъ 4-й.

Невольно, при концѣ статьи приходится опять благодарить режиссёра, за прекрасный ансамбль, и г. Кажинскаго, за отличное исполненіе оркестромъ увертюры Бетховенскаго «Эгмонта» и его собственныхъ, очень-эффективныхъ композицій, да порадоваться за видимое усовершенствованіе нашего народнаго театра. Авось-либо возобновится его блестящая эпоха! Съ такими свѣжими, постоянно-развивающимися талантами, какъ Самаринъ, Мартыновъ и Самойлова 2-я — отъ него можно ожидать многого и многого.

Горе отъ ума. — Чацкій — г. Самаринъ, Фамусовъ — г. Брянскій.

(Спектакль 17 мая.)

Еще недавно говорили мы нашимъ читателямъ о представленіи комедіи Грибодова, о созданіи роли Чацкаго г. Самаринимъ, который такъ блистательно началъ ею свои дебюты на нашей сценѣ; и вотъ опять, къ величайшему нашему удовольствію, имѣемъ случай говорить о второмъ, еще лучшемъ выполненіи безсмертнаго произведенія. Роль Фамусова игралъ нашъ заслуженный артистъ г. Брянскій, единственный человекъ, который послѣ Щепкина можетъ принять на себя добросовѣстно эту трудную роль.

Но сперва скажемъ нѣсколько словъ о г. Самаринѣ.

Въ прошедшей книжкѣ «Репертуаръ и Пантеонъ» сдѣлалъ артисту нѣсколько замѣчаній, основательныхъ или неосновательныхъ, — судить не намъ, конечно. Выполненіемъ роли Чацкаго во второй разъ г. Самаринъ показалъ намъ, что онъ обладаетъ не

только огромным дарованіемъ, но и истинно-художническимъ стремленіемъ къ совершенству. Повторяемъ опять, основательны или нѣтъ замѣчанія, но — честь скромному артисту, который пользуется всякимъ добросовѣстно-высказаннымъ мнѣніемъ! Натура истиннаго художника всегда слишкомъ далека отъ самодовольства: она носитъ въ себѣ начало жизни, начало сознанія силъ высшихъ, не успокоивается на торжествѣ минуты, и мы радуемся, что такова натура г. Самарина... Высоко-прекрасенъ былъ онъ во все время представленія 17-го мая, не было ни одной минуты, когда-бы мы видѣли въ немъ только актера; нѣтъ, это былъ Чацкій, это было живое созданіе Грибоѣдова, и впервые, можетъ-быть, полененъ былъ характеръ Чацкаго. Да! мы смѣло скажемъ, что если до сихъ-поръ характеръ Чацкаго казался многимъ, даже знаменитѣйшимъ нашимъ критикамъ, неестественнымъ, утрированнымъ, лирическимъ, — если Чацкій казался иногда дѣйствительно сумасшедшимъ, виною этому исполнители, а не поэтъ. Чацкій — типъ своей эпохи, хотя и герой своего времени, какъ Онегинъ; Чацкій — свѣтлая, лучшая, благороднѣйшая сторона своей эпохи, то-же, что J. J. Rousseau въ XVIII вѣкѣ, — и онъ носитъ на себѣ даже клеймо заблужденій этой эпохи, съ ея возвышенными вѣрованіями и нелѣпымъ, китайскимъ славянофильствомъ. И такъ понялъ, и такъ передалъ Чацкаго г. Самаринъ: ни одного движенія лишняго, ни одной интонаціи форсированной: веселый, насмѣшливый и страстный въ 1-мъ актѣ, рѣзкій и жолчный, но въ высокой степени порядочный и приличный съ Фамусовымъ и Скалозубомъ... Но торжество его таланта въ особенности — сцена съ Софьею въ началѣ третьяго акта и сцена съ Молчалинымъ, слѣдующая непосредственно за тѣмъ. Артистъ понялъ глубоко, почему гордой, благородной натурѣ Чацкаго странна даже мысль о любви Софьи къ Молчалину умѣлъ придать словамъ: «она его не уважаетъ» тонъ необычайно-гордаго спокойствія. И потомъ, когда въ 4-мъ актѣ, бѣдный Чацкій узнаетъ, что онъ глубоко ошибся въ своемъ понятіи о женщинѣ вообще, въ своей любви въ особенности — какимъ задыхающимся отъ жолчи, страданія и злобы голосомъ произнесъ Самаринъ слова:

Вы можете его

Бранить, и пеленать, и посылать за дѣломъ...

Мужъ мальчишкѣ, и т. д.

Впервые горькіе стоны великаго поэта нашли здѣсь себѣ до-

стойнаго представителя, и страшная трагедія явилась во всей раздирающей сердце наготѣ. Не говоримъ о послѣднемъ монологѣ: никто, даже самъ Мочаловъ, который только здѣсь, въ этомъ монологѣ былъ иногда истинно-высокъ, никто до-сихъ-поръ не былъ еще равенъ въ немъ г. Самарину.

Еще замѣтка о г. Самаринѣ: роль, кажется, у него какъ-будто не выученною, а выливающеюся прямо изъ сердца: это не актеръ, которому иногда нужно прибѣгать къ сужеру, а живой человѣкъ, усвоившій себѣ мысль поэта. Таковъ на нашей французской сценѣ г. Алланъ, таковъ на русской г. Самаринъ.

Игра Брянскаго въ роли Фамусова стоить слишкомъ-отчетливаго разбора по художнической оконченности ея отдѣлки, — но мы не вдаемся въ этотъ разборъ, боясь увлечься пристрастіемъ къ нашему великому Щепкину. Но вотъ что мы можемъ сказать добросовѣстно: въ г. Брянскомъ болѣе важности московскаго барина, чѣмъ въ Щепкинѣ, — но не ищите въ немъ естественности московскаго комика. Въ монологѣ, на-примѣръ, о Максимѣ Петровичѣ — мы не беремся даже рѣшить, кто изъ нихъ выше: такъ артистически-хорошъ въ этомъ монологѣ Брянскій, такъ дивно-простъ въ немъ Щепкинъ. Брянскій — ровнѣе Щепкина, — но только Щепкинъ, своимъ гениальнымъ чувствомъ, могъ постигнуть, что удареніе въ заключительныхъ стихахъ пьесы должно быть сдѣлано на словѣ «Марья Алексѣвна». Брянскій говоритъ такъ:

Ахъ, Боже мой! *что* станеть говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?

и онъ правъ, по-видимому; завѣсъ падаетъ и удареніе на словѣ «что» полнѣе заканчиваетъ пьесу.

Щепкинъ говоритъ, на-противъ:

Ахъ, Боже мой! *что* станеть говорить
Княгиня *Марья Алексѣвна?*

и потомъ дѣлаетъ дополнительный жестъ рукою. И это такъ: Фамусову нечего спрашивать себя, что именно станеть говорить княгиня Марья Алексѣвна: онъ знаетъ слишкомъ-хорошо, *что* она станеть говорить, и этимъ самымъ открываетъ въ комедіи Грибоѣдова новое лицо, неявившееся на сцену, по рѣзко двумя стихами начертанное поэтомъ. Боимся, право, чтобы это замѣчаніе не показалось слишкомъ-педантическимъ, но оно, по-крайней-мѣ-

рѣ, показываетъ нашимъ читателямъ, какъ мы дорожимъ каждымъ словомъ гениальнаго поэта, и съ какимъ уваженіемъ изучали мы игру двухъ знаменитыхъ русскихъ артистовъ.

Г-жа *Самойлова*... Страшно право намъ и говорить о ней: все хвалить да хвалить, — вѣдь, пожалуй, иные литераторы, допускающіе понятіе литературныхъ шаекъ, назовутъ это пристрастіемъ. Ну да была не была — puisque le vin est tiré il faut le boire! Рассказываютъ, что во-время перваго представленія Мейерберовскаго «Роберта», при первомъ взрывѣ оркестра, послѣ аккомпанированія арфою знаменитыхъ словъ «Grâce, grâce à moi, et grâce à toi — партеръ весь вскочилъ съ мѣстъ, какъ-бы испуганный и пораженный; каемся, что мы чувствовали тоже электрическое потрясеніе при первомъ, тихомъ, отъ негодованія прерывающемся шопотѣ, которымъ Софья встрѣчаетъ Молчалина въ сценѣ 4-го акта.... Больше, право, боимся говорить: вѣдь у насъ до тѣхъ-поръ не признаютъ великаго таланта, пока онъ не переведенъ на чужой языкъ, какъ Гоголь, или пока о немъ не прокричали, крайней-мѣрѣ, roug le moins, толстые журналы.

Чему были мы въ особенности рады, такъ это тому, что публика два раза вызвала Сосницкаго за роль Репетилова. Это удивительно, тѣмъ болѣе, что артистъ, давно-усвоившій себѣ роль ничѣмъ не жертвуетъ въ ней для массы.

Ансамбль былъ очень-хорошъ; даже балъ, въ прошедшій разъ исполненный какъ-то вяло, прошелъ весьма-удовлетворительно.

Разбойники, трагедія Шиллера. — Карлъ Мооръ — г. *Каратыгинъ* 1-й, Францъ Мооръ — г. *Брянскій*, Амалия, г-жа *Самойлова* 2-я.

(Спектакль 20-го мая).

Есть въ литературѣ вещи, которыя поражаютъ своими изумительными недостатками, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій не перестаютъ потрясать человѣчество.

Таково первое произведеніе великаго Шиллера, благороднѣйшаго адвоката человѣчества, вѣчно-юнаго мужа, самаго безукоризненнаго изъ всѣхъ поэтовъ, — таковы его *Разбойники*. Кому,

какой литературной и жизненной посредственности, не замѣтны недостатки трагедіи, ея часто неумѣстные монологи, ея святая съ Шекспира форма, ея чудовищная крайность — и кого изъ людей, сколько-нибудь одаренныхъ живою натурою, не давила ея колоссальная концепція, чью грудь не волновали ея возвышенные образы?..

Было время, когда цивилизація дошла до глубокаго сознанія своего разстройства и разрушенія, когда невѣріе отвергло даже всякую божественную основу жизни, и страсти, лишеныя этой связующей основы, явились тѣмъ, чѣмъ они были-бы безъ нея, въ-самомъ-дѣлѣ, — бичами какой-то карающей судьбы. И два страшныхъ типа завѣщало намъ невѣріе XVIII вѣка, и эти два типа были послѣдними стонами издыхающаго столѣтія. Два этихъ типа — типъ дѣятельный и типъ страдательный, типъ гибели вѣшней и типъ гибели внутренней — *Мооръ* и *Вертеръ*. Мооръ и Вертеръ! намъ уже непонятны теперь эти колоссальные образы, намъ нуженъ сталъ анализъ мелкихъ страстишекъ, мелкихъ индивидуальныхъ существованій. *Dieu abeunt* — какъ во дни стараго Рима, — *dieu abeunt*, но что же до этого? *Les idoles s'en vont, mais Dieu reste*, сказалъ гдѣ-то В. Гюго.

Но и мы — мы, вызвавшіе на-руку существованіе какихъ-нибудь Акакіевъ Акакіевичей, или Макаровъ Алексѣевичей — не можемъ удержаться отъ невольнаго поклоненія идоламъ, отъ какого-то паническаго страха предъ этой страшною средневѣковой цивилизаціей, которая своими майоратами и восточными понятіями о женщинѣ, могла создать чудовищнаго изверга Франца Моора, и заставила лучшаго своего представителя, Карла Моора, искать спасенія въ безднѣ гибели и вызвать разрушеніе на помощь противъ нечисти стараго зданія... Страшная цивилизація, страшная драма, страшный вопль благороднѣйшаго сердца, которое когда-либо билось подъ солнцемъ!

Все это невольно чувствовали мы при сегодняшнемъ представленіи «Разбойниковъ».

Suum cuique! И пусть нѣкоторые благонампренныя литераторы винятъ насъ въ какой-то небывалой враждѣ къ нашему знаменитому трагику, — но мы осмѣливаемся думать, что никто и никогда не цѣнилъ такъ высоко его истинныхъ достоинствъ. Мы удивлялись ему въ *Людовикъ XI*; мы смотрѣли на него съ наслажденіемъ, съ какимъ художникъ смотритъ на античное изваяніе, въ роли *Каріолана*; мы вполне сочувствовали ему, когда въ драмѣ С. А. Геденова явился онъ настоящимъ львообразнымъ

стратигомъ; по каемся, и вновь каемся, что мы не понимали и не поймемъ Гамлета-Геркулеса съ неистовыми эффектами. Это маленькое предисловіе необходимо для того, чтобы оправдать нашу искренній восторгъ отъ Карла Моора: на восторгъ этотъ мы имѣемъ полное право, ибо всегда прямо говорили правду нашему трагику, уважая его великій талантъ. И потому скажемъ, не обвинуясь, что въ Карлѣ Моорѣ онъ во столько-же выше Купста, во сколько Мочаловъ бывалъ выше его, г. Каратыгина, въ роли Гамлета. Были минуты даже, когда онъ былъ недостижимо высокъ: мы боялись перевести дыханіе, когда задыхающіеся голосомъ, поверженный во прахъ отъ ужаса, онъ говорилъ: «Тѣнь стараго Моора» и т. д. И вообще, въ продолженіе всей трагедіи, передъ нами былъ не артистъ, не г. Каратыгинъ 1, а колоссальный образъ, созданный великимъ поэтомъ.

Г. Брянскій въ послѣднемъ актѣ былъ, просто, страшенъ: игра его въ этомъ актѣ *chef d'oeuvre* великаго художника.

Амалия (говоримъ *Амалия*, ибо право, мы забывали, что передъ нами г-жа *Самойлова* 2-я) чудный, прекрасный, но вмѣстѣ строгій и римскій женственный образъ, истинно Шиллеровская женщина, была полна возвышенной простоты и чистоты строгой, дѣвственной; въ сценѣ съ Францомъ, гдѣ она грозитъ ему кинжаломъ, — въ ней явилось то свойство женской природы, которое высказывается даже въ Шиллеровыхъ женщинахъ. Увидимъ-ли мы когда-нибудь Марію Стюартъ поэта, съ ея величіемъ передъ гордой соперницей, съ ея: „*Eilende Wolken — Segler der Lüfte!*“

Остается еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній о публикѣ, ибо послѣ гг. Каратыгина и Брянскаго и послѣ г-жи Самойловой — не хочется какъ-то говорить о прочихъ, не потому что бы эти прочіе были дурны, нѣтъ.. Но обращеніе къ публикѣ: она играетъ важную роль въ каждомъ представленіи и мы хотимъ теперь по возможности сѣдять за нею, для назиданія нашихъ читателей.

Итакъ, вотъ на первый разъ наши замѣчанія:

1) *Верхніе* райскіе слои публики гомерически смѣялись, когда разбойники тащили Франца Мора.

2) Нижніе слои восхищались игрою г. Брянскаго, но по окончаніи пьесы только слишкомъ немногіе *голоса* отстояли его троекратный вызовъ вмѣстѣ съ г. Каратыгинымъ и г-жою Самойловой, которую тоже чуть не забыли вызвать. Публика наша, какъ видно, помнить только послѣднія впечатлѣнія.

Да! — чуть было сами мы не попали въ ту же массу публики и не забыли поблагодарить г. Кажинскаго за его новыя, прекрасныя и — что всего болѣе — соответствующія піесѣ композиціи. Мы, просто, не надивимся плодовитости его таланта.

II.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

а) Нѣмецкіе спектакли.

ДЕВЮТЫ Г-ЖИ БЕРНДОРФЪ.

Das Tagebuch (Дневникъ), комедія въ двухъ актахъ. — Hauptmann Wiese — г. Ладдей, Lucie г-жа Берндорфъ, Lieutenant Born — г. Толлертъ.

Г-жа Берндорфъ — артистка берлинскаго театра, къ сожалѣнію, только пріятная гостя на нашей нѣмецкой сценѣ, но тѣмъ не менѣе мы считаемъ обязанностью высказать о ней наше мнѣніе, sine ira et studio, не увлекаясь, какъ большая часть массы, наполняющей нѣмецкіе спектакли, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отдавая справедливость прекрасному таланту артистки.

Не увлекаясь, сказали мы; да и признаемся, надобно бытѣ Нѣмцемъ, чтобы понять возможность, въ этомъ случаѣ, увлеченія.... Увы! съ тѣхъ-же самыхъ театральныхъ подмостковъ, съ той-же самой сцены, недавно слышали мы звуки иного, пѣвучаго, но иногда до глубины души потрясающаго голоса, — обаятельную рѣчь, страстный шепотъ; на тѣхъ-же самыхъ подмосткахъ являлась намъ дивная артистка, то робкая, женственная и тихая, то величавая, какъ античное изваяніе, то со слезами, то съ оскор-

блженнымъ достоинствомъ во взорѣ. И почему-то, когда мы слушали г-жу Берндорфъ, въ нашихъ ухахъ раздавались слова: «Infâme!.. qu'osez vous dire?... à genoux, Monsieur, à genoux! Да, игра г-жи Берндорфъ пояснила намъ игру Плесси.

Содержаніе первой пьески, въ которой явилась г-жа Берндорфъ если не совсемъ чисто-нѣмецкое, то, по-крайней-мѣрѣ, сильно объѣмчено, *ist ganz verdeutscht*. Капитанъ Визе (г. Ладдей) истинный Нѣмецъ-филлистеръ, для котораго женщина не имѣетъ никакого значенія, если она не знаетъ наизусть «Вильгельма Мейстера», въ отчаяніи, рѣшительно въ отчаяніи, что его *Lucie* (г-жа Берндорфъ) засыпаетъ отъ чтенія. „*Sie ist ganz geistlos!*“ восклицаетъ онъ въ порывѣ негодованія. Другъ его, поручикъ Борнъ (г. Толлертъ) напротивъ находитъ ее черезъ-чуръ „*geistreich*“, послѣ очень-живаго разговора съ нею, и какъ истинно-нравственный нѣмецкій юноша, бѣжитъ отъ искушенія, какъ Юсифъ отъ Далуки. Дѣло наконецъ объясняется. Дневникъ Люціи, въ которомъ она описываетъ со всею нѣмецкою аккуратностью и сентиментальностью свою любовь къ дражайшему супругу, приводитъ его въ восторгъ неописанный. Истинно нѣмецкая пьеса! Филлистерское возрѣніе на жизнь торжествуетъ! —

Г-жа Берндорфъ, не-смотря на свой голосъ, довольно-непріятный, была очень-хороша, особенно въ сценахъ, гдѣ она говорила... *о кухне*, — была пожалуй подѣ-часъ очень-трогательно наивна, но видно ужъ таково свойство нѣмецкой наивности, — ея совершенно не къ мѣсту принимаемыя царственныя позы были театральны, были позами актрисы, а не женщины, ея «*Niemals*», которымъ она останавливаетъ довольно-дерзкаго поручика, дышало непомѣрной аффектаціей, и всякую другую публику, кромѣ нѣмецкой, заставило-бы расхохотаться. Тонъ голоса и поза ея въ этомъ случаѣ напомнили удивительно оскорбленное достоинство парижской публички, которое такъ хорошо умѣетъ передавать *M-me Corrège*.

Г. Ладдей былъ хорошъ; г. Толлертъ невыносимо аффектировалъ.

Гораздо-лучше была берлинская гостя въ другой пьесѣ — *Das Testament des Onkels*. Здѣсь она играла крестьянку, и между-тѣмъ, въ иныхъ мѣстахъ умѣла сохранить гораздо-больше достоинства, нежели когда играла сентиментальную Нѣмку. По мѣстамъ въ ней прорывалось много чувства. *Голландъ*, какъ и всегда, былъ чудесно-хорошъ и въ этой пьесѣ, — простъ, благороденъ и ловокъ, какъ Французъ. *Моръ* былъ уморительно-смѣшенъ: по

крайней-мѣрѣ, такъ можно было заключить изъ гомерическаго хохота пѣмецкой публики.

b) Французскіе спектакли.

О Г-ЖѢ ПЛЕССИ, ПО СЛУЧАЮ ПОСЛѢДНЯГО ЕЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

Грустное чувство овладѣло нами, когда мы прочли на афишѣ, возвѣщавшей бенефисъ г. Готі, эти слова: «Послѣднее представленіе, въ которомъ будетъ участвовать г-жа Арну-Плессі.» Что станетъ съ нашей французской сценой, ежели гениальная артистка не вернется къ намъ вовсе? спрашивали мы себя. Слухи объ ней такъ различны! А ежели и вернется зимою, то что будемъ мы дѣлать лѣтомъ.... Куда не привлекательно петербургское лѣто, — въ особенности для тѣхъ, которымъ судьба не дала въ распоряженіе гдѣ-нибудь на Невѣ прекрасной дачи, уставленной цвѣтами и зеркалами; или, по-крайней-мѣрѣ, модной кареты на лежачихъ рессорахъ, чтобы ѣздить каждый вечеръ любоваться хоть на ту природу, что находится подъ рукой.... Несчастные труженики, остающіеся въ Петербургѣ лѣтомъ и посвящающіе свои утра различнымъ занятіямъ, рады были-бы иногда подъ вечеръ отдохнуть надъ изящнымъ выполненіемъ какой-нибудь изящной комедіи.... Но — на нашихъ сценахъ господствуютъ въ это время старые водевили, вѣчно оканчивающіеся жевитъбой.... Изящное удаляется вмѣстѣ съ любимыми и лучшими артистами.... Нужно-же отдохнуть и имъ!.... Да и притомъ, кто-же остается въ Петербургѣ лѣтомъ? скажете вы, читатель.... И то правда.... Развѣ эти люди имѣютъ право на наслажденіе?...

Мы сказали, что и артистамъ нужно отдохнуть лѣтомъ.... Г-жа Арну-Плессі болѣе чѣмъ кто-нибудь имѣетъ на это право... Въ продолженіе цѣлаго сезона не было ни одного представленія, въ которомъ-бы она не участвовала... Ни одинъ бенефисъ не обхо

дися безъ нея... Г-жа Плессѣй была доброю феей бенефициантовъ. Они на перерывъ старались пригласить ее участвовать въ ихъ бенефисахъ. Репертуаръ ея былъ самый разнообразный. Мольеръ, Детушъ, Андриѣ, Мариво, даже Коцебу—все были возобновлены; и кромѣ-того она еще играла во всѣхъ почти лучшихъ комедіяхъ Скриба и во многихъ маленькѣхъ пѣскахъ, поддерживавшихся единственно ея талантомъ, какъ на-примѣръ: «Les suites d'un bal masqué;» «Une confidence;» «Le code des femmes;» «Faute de s'entendre» и друг. И вездѣ она была очаровательна... хотя и не вездѣ равно правилась нашей публикѣ.— Г-жа Плессѣй принята была ею хорошо, это фактъ; но, нужно однакожь признать, что не такъ какъ-бы слѣдовало принять подобную артистку; далеко не такъ, какъ принята была г-жа Альберъ.

Помните-ли вы этотъ экстазъ при отъѣздѣ г-жи Альберъ... Помните-ли вы представленія нелѣпой драмы «Une folle» или «La nouvelle Fanchon?» Публика Михайловскаго-театра, всегда тихая, скромная, холодная, какъ будто переродилась. Восторгамъ и крикамъ не было конца... Букеты—цвѣточнымъ дождемъ летѣли на сцену... Вспомните это все, и сравните съ представленіями «Une chaîne;» «Le verre d'eau;» «Rodolphe;» «La gageure imprévue;» «Le maniveau...» А между-тѣмъ какое неизмѣримое разстояніе между талантами обѣихъ артистокъ. У г-жи Альберъ все аффектація, все эффектъ. У г-жи Плессѣй, напротивъ, все увлеченіе, все благородство и простота... Это призвакъ всего истинно-прекраснаго. Г-жа Альберъ играла въ бульварныхъ мелодрамахъ, въ родѣ «Fanchon;» «La folle;» «Isore;» и т. п., въ которыхъ часто не доставало смысла, но зато были страшно раздирательныя сцены, и этимъ-то сценамъ г-жа Альберъ преимущественно обязана своимъ успѣхомъ. Все было рассчитано ею заранѣе, чтобы подѣйствовать на первы зрителей... Роли безумныхъ она любила, кажется, всего болѣе, это не даромъ: блѣдное лицо, распущенная коса, неистовый хохоть, все это гораздо-болѣе правится массѣ, чѣмъ естественная, ненапрянутая, исполненная ума и чувства игры г-жи Плессѣй. Даже жестинація г-жи Альберъ, свойственная женщинамъ самаго дурнаго тона, и та правилась необыкновенно нашей публикѣ... Мы-бы не обвинили ее за это, если-бы она, прежде г-жи Альберъ, не видала Бурбье, которая во столько-же разъ выше г-жи Альберъ, во сколько г-жа Плессѣй выше всего, что мы видѣли досихъ-поръ на нашей сценѣ — Но талантъ г-жи Плессѣй доступенъ болѣе тѣмъ, которые ходятъ въ театръ не для того только, чтобы какъ-нибудь убить вечеръ, но которые смотрятъ на

искусство какъ на высочайшее духовное наслаждение, которые привыкли вникать въ сокровеннѣйшія тайны его, требуютъ отъ пьесы не одной занимательности, но вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности, идеи, благотворно дѣйствующей на человѣческую натуру. Потому то многія мѣста, въ которыхъ г-жа Плесси была превосходна, вовсе почти не были замѣчены публикой; многія пьесы, заслуживающія похвалы, были приняты ею довольно-равнодушно. — Возьмемъ, на примѣръ, хоть комедію Скриба «Une chaîne». — Мы не станемъ распространяться о ея достоинствахъ и недостаткахъ (хотя въ ней довольно и тѣхъ и другихъ), но только укажемъ на тѣ сцены, гдѣ игра г-жи Плесси особенно замѣчательна. Содержаніе этой комедіи взято изъ современной французской жизни. Молодой артистъ, выведенный, какъ говорится, въ люди знатною женщиной, долго находился съ нею въ связи, но наконецъ охлаждаетъ къ ней, и влюбившись въ молоденькую дѣвочку, хочетъ на ней жениться. Повровительница его, узнавъ объ этомъ, осыпаетъ его упреками. Можетъ-быть, вы замѣтите, что она его не любила, потому что истинная любовь не только далека отъ упрековъ, но ей еще всегда кажется, что она слишкомъ-мало сдѣлала для любимаго предмета. Видно, г. Скрибъ думаетъ иначе... Но г-жа Плесси, какъ артистка умная и знающая сердце женщины, не могла не понять, что эта сцена не соотвѣтствуетъ остальнымъ положеніямъ ея роли въ драмѣ, гдѣ авторъ постоянно старается доказать страстную любовь своей героини; и потому она въ монологѣ упрековъ останавливается такъ внезапно, какъ-будто вспомнила всю безразсудность своего поступка; — она прикладываетъ руку къ губамъ, — и монологъ кажется вамъ неоконченнымъ. — Сцена, гдѣ она умоляетъ отца молодой дѣвушки не выдавать ее за этого артиста, увѣряя, что онъ не сдѣлаетъ ее счастливою, ведена не менѣе искусно. Намъ не забыть той минуты, когда она цѣлуетъ руку старика, согласившагося на ея просьбу! Уже за эти двѣ сцены г-жа Плесси заслуживаетъ названія первоклассной артистки. И однакоже когда давали «Une chaîne» — театръ всегда оставался далѣко неполнымъ, и вообще къ г-жѣ Плесси публика была въ этой комедіи весьма-равнодушна. Первая изъ указанныхъ нами сценъ вовсе прошла безъ вниманія. — Въ комедіи того-же автора — «Le verre d'eau», въ которой г-жа Плесси дебютировала, она была принята гораздо лучше; — но общее мнѣніе по окончаніи спектакля было: «qu'elle traîne excessivement!»... А согласитесь, что выразить

такое мнѣніе о г-жѣ Плессе, въ роли королевы Анны, значить вѣсье не понять ни идеи автора, ни игры артистки.... А съ какииъ неподражаемымъ некуствомъ, съ какой поразительною вѣрностью передала она намъ королеву Анну; какъ изобразилъ ее Скрибъ! Вы девольво сочувствуете этой женщицѣ, которая страдаетъ — потому что совѣсьмъ не способна занимать мѣсто, дарованное ей мудрымъ рокомъ, которая изнемогаетъ подъ тяжестью короны.... Слабая, подчиненная вліянію ея окружающихъ, Анна скорѣе создана для любви, чѣмъ для управления государствомъ.... Вспомните эту сцену, когда она узнаетъ, что герцогиня назначила Мешему свиданіе, или ту, когда Мешемъ дѣлуетъ ей руку, — вспомните ея смущеніе, ея трепетъ, выраженіе лица ея, — и вы воскликнете со мною: Пріятно быть драматическимъ писателемъ тамъ, гдѣ есть подобное выполненіе....

Прелестная комедія «La gageure imprévue», въ которой главное достоинство состоитъ въ остроумномъ, граціозномъ діалогѣ, понравилась только весьма немногимъ. А г-жа Плессе въ ней лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь! Она такъ естественна, что вы совѣсьмъ забываете, что вы въ театрѣ, а воображаете себя въ гостиницѣ умной и свѣтской женщины. — Роли свѣтскихъ женщинъ настоящее амплуа г-жи Плессе. Не худо-бы нашимъ артисткамъ поучиться у ней манерамъ (объ игрѣ и говорить нечего), тѣмъ болѣе, что наши доморощенные писатели иначе и не берутъ содержанія для своихъ произведеній, какъ изъ свѣтской жизни....

Въ комедіяхъ Мариво, этого человека, о которомъ Вольтеръ сказалъ, что *онъ знаетъ все извилины человеческого сердца, и только не знаетъ большой дороги*, г-жа Плессе не менѣе хороша, какъ и въ «Gageure imprévue»; но и онѣ далеко не пользовались у насъ тѣмъ успѣхомъ, какой стяжали Донъ-Жуанъ, Ненависть къ людямъ и раскаяніе, Rodolphe и Тайна. — Изъ этого вы можете видѣть, что г-жа Плессе болѣе нравилась у насъ въ драмѣ, чѣмъ въ комедіи. — Донъ-Жуана она выбрала въ свой бенефисъ, и тѣмъ показала, что поняла нашу публику, какъ нельзя лучше. Пессе эта есть не что иное, какъ экстрактъ изъ довольно-посредственной, чтобъ не сказать плохой, драмы покойника Делавиня. — Дѣло здѣсь въ томъ, что Филиппъ II, влюбившись въ Донию Флоринду де-Садоваль, хочетъ, во что-бы то ни стало соблазнить ее, и бѣгаетъ за нею нѣсколько минутъ по сценѣ, пока наконецъ прекрасная Донна Флоринда не объявляетъ ему, что она жидовка. Ревностный католикъ отскакиваетъ отъ нея съ ужасомъ. Въ это время въ сосѣдней комнатѣ раздается стукъ. Король бѣ-

жить къ двери — но она растворяется, и спрятавшійся у Флоринды Донъ-Жуанъ бросается на него съ шпагою въ рукѣ, не зная, что имѣетъ дѣло съ королемъ. Подъ конецъ пьесы является Карлъ V, который миритъ братьевъ и уводитъ съ собою жидовку, неизвѣстно куда. Вотъ и все. Тутъ эффектъ на эффектѣ. Г-жа Плесси принимала различныя, весьма-граціозныя позы, даже принуждена была прибѣгнуть къ вскрикиваньямъ, въ томъ мѣстѣ, когда Филиппъ хочетъ обнять ее, и пьеса увѣнчалась торжественнымъ успѣхомъ. — Но чтобы показать вполне, какъ велико могущество таланта, мы должны упомянуть о драмѣ Коцебу «Независть къ людямъ и раскаяніе», стяжавшей у насъ не меньшій успѣхъ. Ничего не можетъ быть пошлѣе этой картины нѣмецкой, сентиментальной филистерской жизни. Тутъ вы услышите безпрестанныя моральныя сентенціи, тутъ порокъ наказывается и добродѣтель награждается; съ перваго акта такъ и вѣтеть на васъ это довольство малымъ, которое такъ свойственно Нѣмцамъ-филистерамъ. Но что сдѣлала изъ этой драмы г-жа Плесси? Въ разсказѣ о своей вишѣ, она трогаетъ васъ до слезъ.... Вы по-неволѣ забываете Коцебу... Мало того, когда этотъ разсказъ кончается, вы готовы снова просмотрѣть сыгранные акты, хотя они и несносно-скучны, чтобы только еще разъ выслушать этотъ монологъ, заглушаемый рыданіемъ... И это рыданіе не поддѣльное, — это вопль, вырвавшійся прямо изъ души!... За то всѣ остальные сцены, гдѣ не является великая артистка, наводятъ на васъ сонъ, ежели вы не расположены особенно смѣяться. «Les deux frères» — носятъ на себѣ всѣ признаки неподражаемаго пера Коцебу. Таже сладость, таже мораль, таже пошлость. Но и тутъ г-жа Плесси поддержала всю пьесу. Однакожь въ третій разъ уже давались только тѣ акты, гдѣ она играетъ....

«Un secret», драма, нелишенная занимательности; въ ней даже есть что-то похожее на идею. Она идетъ на нашей сценѣ весьма-хорошо. Всѣ артисты въ своей тарелкѣ. О г-жѣ Плесси говорить нечего: она можетъ быть въ одномъ лучше, въ другомъ хуже, но нигдѣ не можетъ быть не только дурна, но даже посредственна....

«Rodolphe» — пьеса, заимствованная Скрибомъ изъ Гете, и очень-умно веденная, обязана своимъ успѣхомъ преимущественно послѣдней сценѣ, гдѣ Тереза (г-жа Плесси) узнаетъ, что она не сестра Родольфа и кидается ему на шею. Мѣсто въ-самомъ-дѣлѣ эффектное, въ особенности при игрѣ г-жи Плесси; а такъ-какъ

у насъ вообще очень любятъ объятія, то пьеса постоянно приводима публикѣ въ восторгъ.

Также понравилась, ежели еще не болѣе, комедія «Le code des femmes», сбивающаяся, впрочемъ, ни водевилъ. Тутъ все дѣло въ пощечинахъ, невозможнающихся въ-продолженіе цѣлой пьесы. Г-жа Плесси въ ней безподобна, въ-особенности въ послѣдней сценѣ, когда она даетъ мужу пощечину...

Съ успѣхомъ играла г-жа Плесси: «La tutrice» Скриба, «Le procès criminel», «Estelle» и другія пьески. Въ комедіяхъ же Мольера она не имѣла вовсе успѣха. У насъ не любятъ Мольера. Говорятъ, что онъ устарѣлъ, и притомъ Мольеровскія пьесы здѣсь обставлены очень-плохо... На-примѣръ, роль Тартюфа — занимаетъ г. Удино. Въ этомъ великомъ произведеніи Мольера, г-жа Плесси выказала во всемъ блескъ свою неподражаемую дикцію. — Здѣсь ни одинъ стихъ, ни одно слово не утратило своего истиннаго значенія. Признаемся, мы, гораздо-болѣе любимъ слушать монологи г-жи Плесси, хотя и говорятъ, что *elle traine*, чѣмъ скороговорки нѣкоторыхъ артистовъ, весьма-вправящихся публикѣ. Ужели для того, чтобы казаться натуральнымъ, нужно глотать половину словъ, какъ это дѣлаетъ г. Алманъ, на-примѣръ? Намъ часто случалось слышать въ послѣднее время, что ансамбль на Михайловской сценѣ теперь уже не тотъ, что прежде. Намъ это кажется не совсемъ справедливымъ... Мы никогда не были ревностными поклонниками таланта г. Брессана, бравшаго больше пластикой, чѣмъ игрой; онъ даже возлѣ г-жи Альберъ казался слабымъ; укажемъ хоть на роль Родольфа (въ драмѣ В. Гюго — *Angelo*), исполняемую имъ очень-неудовлетворительно. Что-же касается до Дюфура, то, по нашему мнѣнію, Варле не во многомъ уступаетъ ему. Ансамбль отъ того можетъ казаться дуренъ, что передъ огромнымъ талантомъ г. Плесси исчезаютъ всѣ прочіе, какъ звѣзды передъ разсвѣтомъ. Иныя пьесы дѣйствительно дурно обставлены. Еще недавно давали небольшую остроумную пьеску Андриэ, «Le manteau», гдѣ талантъ г-жи Плесси уже слишкомъ рѣзко отдѣлился отъ лицъ, окружавшихъ ее; въ сценѣ, гдѣ она старается увѣрить мужа, что все, случившееся съ нимъ — онъ видѣлъ во-себѣ, она была также прекрасна, какъ плохо г. Удино, исполнявшій роль мужа.

Да проститъ намъ читатель, что мы отвлеклись отъ предмета нашей статьи, который есть — бенефисъ г-на Готи. Театръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ ложъ бель-этажа, былъ полонъ. Въ партерѣ, какъ говорится, нѣкуда было кинуть яблока. Не знаемъ,

должно-ли это приписать любви нашей публики къ даровитому артисту или магическому имени г-жи Плесси (да и къ чему намъ знать это?), но дѣло въ томъ, что бенефициантъ остался доволенъ публикою; осталась-ли она имъ довольна — это мы тотчасъ увидимъ.

Бенефисъ начался водевилемъ «Les fumeurs,» сработаннымъ г. Поль де-Кокомъ et Cie. Тутъ все состоитъ въ томъ, что мужья тайкомъ отъ своихъ женъ уходятъ курить. Жены сначала подозрѣваютъ ихъ въ измѣнѣ, но потомъ, какъ водится, все объясняется. Первый актъ этого водевиля тянется довольно-вяло; но за-то второй очень-живъ и забавенъ. На сценѣ *tabagie*. Люди различныхъ сословій собираются, чтобы покурить и даже попить и поиграть въ бильярдъ. Но первое мѣсто здѣсь, конечно, принадлежитъ табаку; г. Готі въ этой пьесѣ необыкновенно хорошъ. Нельзя безъ смѣха смотрѣть на него въ той сценѣ когда ему отъ сильнаго куренія сдѣлалось дурно. Онъ едва можетъ произнести эти слова: «*Ma femme, je suis victime du Mariland!*» Вамъ такъ и кажется, что съ нимъ случится что-нибудь *весьма-неприятное*.... Изъ этого видно, что водевиль совершенно въ польдековскомъ родѣ. Г. Готі, вообще, всегда очень-хорошо играетъ роли французскихъ буржуа.... Намъ эти типы не могутъ быть такъ доступны, потому-что мы имѣемъ о нихъ только понятіе изъ романовъ и физиологій; но соотечественники г. Готі высоко цѣнятъ его талантъ. Не менѣе удаются ему роли Англичанъ.

Г-жа Луиза Мейеръ весьма-мило исполнила роль табачницы. Она, какъ и всегда, была наивна и граціозна. По окончаніи водевиля, бенефицианта единодушно вызвали, чего онъ вполне заслуживалъ. За «Курильщиками» слѣдовала трехъ-актная комедія Мазэра: «*Chacun de son côté*». Она принадлежитъ къ старинному репертуару, и въ первый разъ дана была въ Парижѣ, если не ошибаемся, въ 20-хъ годахъ. Эта пьеса не замѣчательна ни въ какомъ отношеніи. Тутъ нѣтъ ни лицъ, ни характеровъ; идеи конечно нечего и искать, какъ и въ большей части французскихъ пьесъ. Но Французы обыкновенно хорошо пишутъ, разговоры въ ихъ комедіяхъ ведены всегда весьма-живо и остроумно; здѣсь нѣтъ даже и этого. Языкъ чрезвычайно-безцвѣтенъ. Содержаніе комедіи г. Мазэра можно рассказать въ немногихъ словахъ. Молодая женщина развелась съ мужемъ за то, что онъ былъ ей невѣренъ. Но эта свобода тягостна имъ обоимъ, потому-что они еще любятъ другъ-друга. Мужъ разоряется — и жена уплачиваетъ его долги. Послѣ такого великодушна-

го поступка, супруги, конечно, соединяются, тѣмъ-болѣе, что мнѣніе свѣта тяготеетъ надъ бѣдною женщиною, мнѣніе свѣта, обвиняющее въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно невинную сторону. Мы не говоримъ, чтобы изъ этого сюжета ровно ничего нельзя было сдѣлать; напротивъ того, мы думаемъ, что ежели-бы онъ попался какому-нибудь Скрибу, то у него-бы вышла премиленькая пѣска — въ родѣ «Les Independants», или «La Tulrice»; тогда какъ эта имѣетъ еще и тотъ недостатокъ, что она иногда впадаетъ въ драму, и что автору непременно хочется вывести изъ нея какую-нибудь мораль. Первое, недостатокъ потому, что она вовсе лишена драматическаго элемента, второе, потому, что всякая мораль, въ сценическомъ произведеніи какъ-то неумѣтна, а ложная кромѣ того вредна... Не играй въ этой пѣсѣ г-жа Плесси, ее не досмотрѣли бы и до половины. (У насъ даже не любятъ смотрѣть и умныя пѣсы, если онѣ лишены занимательной интриги). Но г-жа Плесси сдѣлала ее не только интересною, но даже умѣла придать ей современное значеніе... Она очень-хорошо постигла, что изъ ея роли можно было сдѣлать что-нибудь получше, и потому старалась употребить все, что только зависитъ отъ артистки, чтобы поддержать комедію. И старанія ея увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Публика слушала пѣсу отъ начала и до конца съ удовольствіемъ. Громкими аплодисментами привѣтствовала она артистку-художницу, при ея выходѣ, и въ-продолженіе всѣхъ трехъ актовъ крики и рукоплесканія раздавались безпрестанно. Особенно-хороша была г-жа Плесси въ послѣдней сценѣ втораго акта, когда она, стоя у входа въ свой домъ, запрещаетъ мужу слѣдовать за собою. Слова: «Restez, Monsieur Restez!» были произнесены ею съ необыкновенной энергіей... сколько благородства! Quel air imposant; какъ говорятъ Французы. Въ первомъ актѣ — сцена объясненія съ мужемъ также была исполнена съ большимъ искусствомъ, какъ г-жою Плесси такъ и г. Алланомъ. Мужъ безпрестанно выдумываетъ предлогъ, чтобы снова явиться къ женѣ самому; а она, очень-хорошо понимая его, старается всячески предупредить его выдумки; хотя и видно, что любовь борется въ ней съ оскорбленной гордостію. Эта-то борьба передана г-жою Плесси неподражаемо-хорошо. Но послѣдняя сцена третьяго акта есть полное торжество ея таланта. На вопросъ дяди, чего-же она хочетъ наконецъ: она ему отвѣчаетъ: Mais je veux mon mari, mon oncle, car je l'aime.... И въ голосѣ, которымъ она произнесла эти слова, было столько любви, страсти, одушевленія... что она

подобно электрической искрѣ потрясли зрителей, и единодушный взрывъ рукоплесканій огласилъ залу. По окончаніи комедіи г-жа Плесси была вызвана три раза, и каждый разъ все съ большимъ восторгомъ; — каждый разъ крики продолжались по нѣсколькимъ минутъ; то замолкали, то опять начинались съ новымъ неистовствомъ. Брошенъ былъ *одинъ* букетъ... только *одинъ*!... Впрочемъ мы даже порадовались этому... вспомнивъ, какъ въ бенефисъ одной изъ нашихъ актрисъ — очень-мило играющихъ роли мальчиковъ — букеты летѣли на сцену въ такомъ изобиліи, какаго и хроника Михайловскаго театра едва-ли запомнятъ, съ его основанія... Да и притомъ теперь лѣто, букеты не рѣдкость... А большая часть любить бросать ихъ только въ такое время, когда они рѣдки... и слѣдовательно, чего-нибудь да стоятъ.

Но вообще можно сказать, что въ этотъ разъ г-жа Плесси была принята публикою лучше чѣмъ, когда-нибудь (за исключеніемъ развѣ ея бенефиса, въ которомъ давали Д. Жуана). Здѣсь, какъ говорить Теофиль Готье.

Toutes les voix criaient, toutes les mains frappaient
A force de claquer, les gants blancs se rompaient.

И такъ *résumons nous*. Истинное амплу г-жи Плесси — по нашему мнѣнію, это комедія, стараго и новаго репертуара, и легкая драма въ родѣ: *Rodolphe, Estelle, Un secret*. Мы не можемъ сказать гдѣ она лучше всего; это рѣшить довольно-трудно... она такъ хороша вездѣ; но если-бы непременно пришлось выбрать, то мы указали-бы прежде всего на комедію Скриба *Une chaîne*, и потомъ на слѣдующія піесы: *Le verre d'eau, La Gageure imprevue, le Manteau, le Code des femmes, la fausse Agnès* и *les Independants*... Хотя изъ этихъ піесъ полный успѣхъ имѣли только *Le verre d'eau, le Code des femmes* и *le Manteau*. Роли свѣтскихъ женщинъ. Вотъ для чего создана г-жа Плесси. Въ нихъ она недосыгаемо-высока, и ни съ одной изъ ея предшественницъ — на здѣшней сценѣ, мы не рѣшимся сравнить ее. — Наружность г-жи Плесси не оставляетъ ничего желать. Прекрасный ростъ, граціозныя движенія, глаза, исполненныя необыкновенной выразительности... вотъ что составляетъ отличительныя свойства г-жи Плесси, какъ женщины... Рѣдко соединяются въ артисткѣ такой огромный талантъ съ такой привлекательной наружностію.

Намъ остается только пожелать ея возвращенія... и мы желаемъ его искренно... потому-что онъ не можетъ не имѣть бла-

годѣтельнаго вліянія на вкусъ такъ-называемой массы... и на совершенствованіе нашихъ русскихъ артистокъ... если онѣ захотятъ только учиться, а слѣдовательно, и совершенствоваться.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о шуткѣ 1946-й годъ, которою окончился бенефисъ г. Готи. Основная смыслъ этого забавнаго водевиля весьма удачна. Представить Парижъ черезъ сто лѣтъ. Но авторы воспользовались ей не такъ, какъ бы слѣдовало... изъ этого сюжета также, какъ изъ сюжета предъидущей комедіи, могло-бы выйти что-нибудь лучше... Впрочемъ мы довольны и тѣмъ что-есть; фарсы которыми отъ первой сцены до послѣдней наполненъ водевиль, заставили насъ хохотать отъ души. Къ подобнымъ произведеніямъ не нужно быть взыскательнымъ. Цѣль ихъ летучій успѣхъ хоть-бы даже однодневный; главное достоинство — современность и остроуміе. Нельзя сказать чтобы водевиль о которомъ мы говоримъ былъ современенъ — дѣйствіе происходитъ въ немъ черезъ сто лѣтъ послѣ насъ, но за то остроумія въ немъ довольно; замѣтимъ однако, что мысль, — заставить женщинъ, исполнять должности мужчинъ и на оборотъ, на мужчинъ возложить женскія обязанности заимствована авторами изъ водевиля «Царство женщинъ», нѣкогда пользовавшагося у насъ на обѣихъ сценахъ огромнымъ успѣхомъ. — И тамъ она болѣе умѣстна. — Въ Парижѣ 1946-й годъ, давали болѣе ста разъ сряду, не думаемъ, чтобы здѣсь эта піеска продержалась долго, потому что она слишкомъ-мѣстная.

Г-нъ Руже, являющійся въ красномъ фракѣ, надѣтомъ задомъ на передъ, (такъ будутъ одѣваться львы черезъ сто лѣтъ) — былъ крайне забавенъ. Это молодой артистъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ: неподдѣльный комизмъ, и естественность — вотъ его отличительныя свойства.

Г. Вернэ также много способствовалъ успѣху піесы. Съ нѣкотораго времени онъ началъ пользоваться особеннымъ расположеніемъ публики, и никто болѣе его не заслуживаетъ такого расположенія. Нѣтъ роли, которую-бы г. Вернэ сыгралъ неудовлетворительно. Въ монахахъ онъ особенно замѣчателенъ. — Вообще въ комікахъ у насъ нѣтъ недостатка, нужно только пожелать хорошаго *jeune-premier*; насъ могли-бы очень уволить отъ весьма неграціознаго, китайскаго па, протанцовавшаго посреднѣ піесы пріѣхавшими изъ Пекина на царовозѣ Китайцами, тѣмъ болѣе, что спектакль кончился въ первомъ часу.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ

БЛАГОРОДНЫЕ СПЕКТАКЛИ ВЪ КРЕМЕНЧУГЪ,

Въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ СПБ.)

..... Погода была адская, дороги не было никакой. Сожалѣніе о прошедшемъ, оставленномъ, и, можетъ быть, невозвратномъ; тоска отъ тяжелаго настоящаго; будущее, въ которомъ томительной перспективой тянулось еще нѣсколько сотъ верстъ оставшагося пути; — все это тяжкимъ бременемъ ложилось на душу. Страдая нравственно и физически, добрался я до Кременчуга. Этотъ городъ считается больше и лучше другихъ уѣздныхъ городовъ въ краю. — Тѣло просило отдыха, душа развлечения.... Меня подвезли къ гостиницѣ. На мое счастье нашелся одинъ незанятый номеръ, въ которомъ я расположился, и проспалъ до 7 часовъ вечера.

Физическая усталость прошла; но я хотѣлъ найти какую нибудь умственную пищу. Столичный житель, въ провинціи, въ Кременчугѣ, — неужели я не найду, по-крайней мѣрѣ, посмѣяться надъ чѣмъ-нибудь? — Да здѣсь еще и ярмарка; ящикъ мнѣ это сказалъ, подвозя къ Кременчугу. — Сейчасъ-же отдалъ я своему Личардѣ приказъ отыскать хозяина, который черезъ нѣсколько минутъ стоялъ передо мной въ почтительной позѣ, какую можно увидѣть только въ провинціальныхъ гостиницахъ. *Египетскій дворянинъ* (послѣ узналъ я, что такъ называли этого хозяина издавна), услышавъ въ чемъ дѣло, объявилъ, что я, вѣрно, останусь доволенъ тѣмъ развлеченіемъ, которое онъ предложитъ; что сегодня, въ 8 часовъ, дается благородный спектакль въ пользу жителей города, пострадавшихъ отъ весенняго разлитія Днѣпра. Чего-же лучше? — подумалъ я. Пойдемъ смотрѣть провинціальныхъ любителей драматическаго искусства! Цѣль ихъ прекрасна.

Конечно, нельзя ожидать соответственного исполненія; за то, чѣмъ слабѣе оно будетъ, тѣмъ больше заслуги въ ихъ добромъ дѣлѣ, тѣмъ выше ихъ самоотверженіе.

Съ такими мыслями явился я въ залъ. Спектакль скоро начался. Чѣмъ сильнѣе было мое предубѣжденіе, тѣмъ больше нужно было, чтобы разрушить его, и оно разрушено совершенно. Въ первый разъ, и должно быть, не въ послѣдній, какъ неосновательны и въ свою очередь, смѣшны наши столичные сужденія, которыми все провинціальное объявлено, разъ навсегда, скучнымъ, пошлымъ, чуждымъ взящнаго.... Но къ дѣлу. Аффиска общала два водевила: *Путаница* и *Два женищины противъ одного мужчины*. Вотъ ихъ исполненіе.

Путаница. Роль *Огрызкова* выполнена была чрезвычайно-естественно; исполнена благороднаго комизма.

Веневского — совершенно удовлетворительно; ничего лучшаго нельзя было создать изъ нея.

Феранонта — тоже самое.

Женскія роли: *Старуха Клушина* — была неподражаема. Ея мимика изумительна; сцены съ *Огрызковымъ* исполнены патуры, безукоризненной вѣрности, глубокаго комизма. Вся игра дышала глубокимъ проникновеніемъ тайнъ сценическаго искусства. Прибавьте къ этому, что роль эта выполнена молодой дамой, — и согласитесь, что такое самоотверженіе возможно только въ пользу бѣдныхъ!

Даже и неблагодарная роль *Сашиной* показалась мнѣ лучше. — *Ensemble* былъ превосходный.

Во второй пьесѣ, главная роль (*Мальярда*) была исполнена съ удивительнымъ совершенствомъ. Петербургскіе жители, вѣрно, помнятъ, что это была одна изъ любимыхъ ролей нашего незабвеннаго *Дюра*. Бывъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поклонниковъ покойнаго знаменитаго артиста, не боюсь оскорбить его память, объявляя, что исполнившій здѣсь эту роль могъ-бы оспоривать у *Дюра* пальму. Это не преувеличеніе; если письмо мое попадетъ въ руки кому-нибудь, видѣвшему со мной вмѣстѣ этотъ спектакль, — какъ-бы ни былъ строгъ цѣнитель, вѣрно онъ согласится.

Евгенія и *Марто* были очень-хороши.

Артистическая игра выполнявшей роль *Кларисы* совершенно заставила меня-забыть, что я нахожусь въ ничтожномъ провинціальномъ городкѣ.... Случайно услышалъ я, что завтра будетъ дано другое представленіе; не колеблясь ни минуты, забывъ и

казенную надобность, сѣвшую въ подорожной, я рѣшился про-
вести еще сутки въ Кременчугѣ, — и сейчасъ-же досталъ себѣ
билетъ на завтрашнее представленіе.

Оно состояло тоже изъ двухъ пьесъ: «Барышня-Крестьянка»,
и «Булочная».

Главная роль въ первой пьесѣ, роль *Барышни-Крестьянки*, —
сыграна была съ удивительнымъ искусствомъ; въ каждомъ словѣ
было много натуры, въ каждомъ движеніи — ловкости, граціи и
умѣнья.

Муромскаго — прекрасно; смѣхъ былъ неподражаемо есте-
ственъ, вообще роль выполнена необыкновенно отчетливо.

Алексѣя — также.

Берестова — изумительно. Едва показался онъ, какъ встрѣ-
ченъ былъ непринужденнымъ, единодушнымъ смѣхомъ, который
прекратился только съ опущеніемъ занавѣса.

Настя, горничной — въ высшей степени мило и естественно.

Бубнова — удовлетворительно вполнѣ.

Вторая пьеса, *Булочная*, принята была публикой съ особеннымъ
восторгомъ. Роль *Клейстера* передана съ комизмомъ, очищеннымъ
отъ всякихъ фарсовъ, удивительно-вѣрно.

Роль *Флюгерова* — выполнялъ тотъ самый молодой человѣкъ,
который въ прошломъ спектаклѣ игралъ Мальярда, а въ нынѣ-
шнемъ Берестова. Я желалъ-бы поговорить поболѣе объ этомъ
примѣчательномъ талантѣ, но недостатокъ времени и мѣста не
позволяетъ этого. Замѣчу только, что онъ создаетъ лицо, имъ
представляемое, съ необыкновеннымъ творчествомъ, имѣя непо-
стижимую способность переродиться цѣлымъ существомъ своимъ,
и принять духъ и образъ лица изображаемаго.

Машинька — игравшая вчера Кларису, была неподражаема.
Соперничествуя съ Флюгеровымъ въ игрѣ, она приводила пу-
блику въ восторгъ. Въ первый разъ видѣлъ я Машиньку, выра-
жаясь словами почтеннаго Клейстера: «какая она должна быть,
такую и есть!» Мы ясно видѣли передъ собою русскую Нѣмочку,
образованную у форточки, гдѣ проводитъ она свою безпечную
юность; ясно видѣли, какъ избѣгаетъ она свиданій съ Карлушей, —
какъ мило дурачить Семена Семеновича, — какъ боится и вмѣстѣ
хитрить съ добрымъ Иваномъ Ивановичемъ, какъ любитъ Ша-
гаева: все это было выполнено безподобно, съ совершеннымъ
искусствомъ, исполненнымъ граціи. Главное достоинство этого
рѣдкаго таланта: необыкновенная ровность въ игрѣ. Отъ начала
до конца роли — ни одно мѣсто не было лучше, или хуже дру-

гаго, потому что все было выполнено съ одинаковымъ совершенствомъ.

На *Карлушу* — даже послѣ Мартынова, смотрѣлъ я съ удовольствіемъ; своими естественными, непритворными слезами, онъ совершенно разжалобилъ зрителей.

Прощаясь на другой день съ Кременчугомъ, я вывезъ съ собою самое пріятное воспоминаніе. Независимо отъ наслажденія видѣть превосходную игру любителей (молодыхъ помѣщиковъ Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, какъ узналъ я въ Кременчугѣ), оно произведено еще размышленіемъ о благородной дѣлѣ ихъ. Изящное, употребленное какъ орудіе благотворительности! — Знакомые съ провинціальной жизнью оцѣнять, сколько толковъ, пересудовъ, оужденія, должно было преодолѣть благотворителямъ, чтобы совершить свое дѣло! Но вы будете продолжать начатое, благородные любители искусства: доставляя высокое наслажденіе счастливымъ зрителямъ вашимъ, вы, по-прежнему, будете отирать слезы несчастныхъ, не обращая вниманія на толки:

La charité remplit vos âmes
Et Dieu n'exige rien de plus.
On est admis dans son empire
Porvu qu'on ait seché des pleurs,
Sous la couronne du martyr
On sous les couronnes des fleurs.

Тифлисъ, 18 апрѣля 1846-

ЕЩЕ ОБЪ ОДНОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ СПЕКТАКЛѢ ВЪ КРЕМЕНЧУГѢ.

Случайно прочтя статью о благородныхъ спектакляхъ въ Кременчугѣ, (еще до появленія ея въ нынѣшней книжкѣ «Репертуара и Пантеона»), я невольно вспомнилъ нѣвые времена, которыхъ мнѣ жаль, нѣвые лица, которыхъ я не могу забыть. Въ бытность

мою въ Кременчугѣ, я также имѣлъ удовольствіе быть на одномъ спектаклѣ, данномъ тѣмъ-же обществомъ любителей драматическаго искусства, и такъ-какъ разборъ этого спектакля можетъ служить дополненіемъ къ статьѣ г. *пропъзага* въ Тифлисѣ, то я хочу сказать нѣсколько словъ о немъ. Спектакль этотъ былъ первымъ изъ многихъ, послѣдовавшихъ за нимъ, данныхъ въ пользу бѣдныхъ, и состоялъ изъ двухъ піесъ. Первою изъ нихъ была:

«Отецъ какихъ мало,» водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ. *Катенька*. Для успѣшнаго исполненія этой роли, роли молоденькой дѣвушки, только что вышедшей изъ института, болѣе нужна образованность, чѣмъ глубокое изученіе сценическаго искусства, болѣе нужны наружныя средства, чѣмъ талантъ. Что-же, если эти наружныя средства самыя блистательныя, будутъ вспомошествованы еще и талантомъ! Когда Катенька голосомъ звучнымъ, сладостнымъ, западающимъ глубоко въ душу, пропѣла романсъ, которымъ начинается водевиль, я весь превратился въ зрѣніе и слухъ. Я видѣлъ и слышалъ Катеньку, дѣтски-веселую, образованную, нѣжно любящую своего отца. Какая-то благодать вѣяла вокругъ этого свѣтлаго созданія, еще неомраченнаго злою существенностію. Сколько граціи и наивности! Однимъ-словомъ, исполненіе этой роли было *pas plus ultra* совершенства.

Настасья Марковна. — Милая и натуральная игра любительницы, исполнившей эту довольно-безцвѣтную роль, придала ей много живости и занимательности.

Сисоевна. — Благосклонно взявшая на себя роль старой нянюшки сыграла ее такъ прекрасно, что не оставила никакого сомнѣнія въ томъ, что она могла-бы быть украшеніемъ сцены благороднаго театра и въ другой роли, труднѣйшей и болѣе требующей.

Разгулинъ, отецъ Катиньки. — Игравшій эту роль вѣрно схватилъ всѣ черты гусара былыхъ временъ, этого уже исчезнушаго типа. Въ той сценѣ, гдѣ храбрый воинъ и *дишай собутыльщикъ* робѣетъ предъ глазками сантиментальной вдовушки, онъ былъ неподражаемо-хорошъ. Лучшаго исполненія этой роли нельзя было и желать.

Василій Ивановичъ Пузинъ. — Хотя отставной штыкъ-юнкеръ владѣтель кабинета, въ которомъ есть и «стеариновыя свѣчи» и «Бородинскія картечи», что, по его мнѣнію, даетъ ему нѣкоторое право быть претендентомъ на руку Катеньки, однако-жъ ему не могла и присниться честолюбивая мысль, что онъ будетъ такъ

милъ и забавенъ на сценѣ. Дѣйствительно, исполнявшій эту роль своею игрою, ровною, благородною, очищеною отъ всякихъ фарсовъ, сдѣлалъ изъ Василія Ивановича высокое комическое лицо. Не сводя глазъ со сцены, я удивлялся, что можетъ сдѣлать истинный талантъ изъ самой обыкновенной роли: это тайна, извѣстная немногимъ артистамъ.

Роль *слуги* состояла изъ нѣсколькихъ словъ, и потому о ней не упоминается.

Вторая пѣса была:

«Узкіе башмаки,» водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи.

Луиза и Жервеза. — Ничего не могло-быть милѣе и граціознѣе этихъ маленькихъ поселянокъ, влюбленныхъ въ своихъ жениховъ и ужасно-капризныхъ, когда приходилось надѣвать узкіи башмачекъ. Глядя на нихъ, не можетъ показаться страннымъ, qu'on a vu des tois épouser des simples bergères (*). Сцены съ башмачкомъ, причинявшимъ ужасную боль, по который замѣнить другимъ, болѣе просторнымъ, не позволяло женское тщеславіе, были введены съ необыкновенною естественностію.

Патро и Жюльенъ. — Мученики каприза своихъ невѣсть, или справедливѣе башмачка, такого крошечнаго, что башмачекъ Сандрильионы показался-бы въ сравненіи съ нимъ чудовищнымъ, были чрезвычайно-натуральны и смѣшили собою до слезъ.

Обѣ пѣсы были сыграны съ тѣмъ ансамблемъ, какой бываетъ только на сценѣ лучшаго столичнаго театра.

Радуясь за бѣдныхъ, облагодѣтельствованныхъ благородными спектаклями, я, однако-жъ, несогласенъ съ мнѣніемъ г. *проважана* въ Тифлисѣ, видѣвшаго въ учрежденіи благороднаго театра одну благотворительную цѣль. Я думаю, что бѣдные, какъ и всегда, были только предлогомъ, главною-же цѣлію было собственное удовольствіе; но если основаніемъ ея благородная любовь къ искусству, то она вполне похвальна; а если при этомъ утѣшеніе и бѣдные несчастливцы, то остается только пожелать, чтобы она и на будущее время постоянно одушевляла любителей драматическаго искусства. Миѣ невольно пришли на память эти стихи Пушкина:

Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечеръ скоротенный.

(*). Какъ гдѣ-то замѣчаетъ А. Карръ.

И вашей радости безгечной

Сквозь слезы улыбуся я....

Петербургъ. Мая. 1846.

У. З.

ОДЕССКІЙ ТЕАТРЪ.

Концерты прошли у насъ незамѣтно; можно сказать ихъ и не было. Но впечатлѣнія прошедшаго театрального года заставили меня взяться за перо и передать «Репертуару» ходъ дѣйствій русскаго театра. Невольно вспоминаешь тѣ минуты, которыя такъ часто съ истиннымъ наслажденіемъ, проводили мы въ русскомъ театрѣ, и слушая Сегги-Корси въ «Нормѣ» и «Сафо» (операхъ позапрошедшаго сезона). О прочемъ нечего и говорить: Ломбардцы, Линда изъ Шамуни и опять Ломбардцы!...

Русскій театръ былъ предметомъ многихъ толковъ прошедшаго сезона. Труппа Мочалова уже три года даетъ намъ свои представленія и, кажется, останется навсегда нашею. Въ 1843 году, смѣняя труппу г. Рыкановскаго, она дебютировала: водевилями «Сусанна Спротка» и «Новички въ Любви.» Начиная съ своего дебюта до настоящаго времени она испытала много превратностей. Въ ней, являлись: П. С. Мочаловъ, М. С. Щепкинъ, были въ ней любимцы одесской публики гг. Максимовъ и Миккульскій, которые исчезли со сцены, какъ мимолетныя явленія. Наконецъ, съ началомъ прошедшаго года, казалось, что русскій театръ возродится, и въ своемъ возрожденіи напомнитъ намъ времена былыя! Онъ начался дебютами повопріѣхавшихъ актеровъ гг. Качевскаго, Ленскаго и Бабашина. Первый дебютировалъ въ роль Курскаго, въ водевилѣ «Горе отъ тещи», а другой Камельскаго, въ водевилѣ «Жена какихъ много.» Г. Ленскому трудно было занять ампуа (jeune premier) любимца публики Максимова. Во-первыхъ потому, что это не его ампуа, а во-вторыхъ — являться ему въ роляхъ: Незабудкина, Буцкаго, Сентъ-Анфольса и др.

послѣ Максимова былъ-бы большой контрастъ, видя того и другаго. Скажемъ о его дебютѣ. Роль Камельскаго была выполнена имъ отчетливо, какъ нельзя болѣе требовать отъ дебютанта, — и мимолетныя замѣтки Т. Р. (въ Фельетонѣ Одесскаго Вѣстника) нисколько несправедливы. Г. Ленскій актёръ съ талантомъ, можно сказать рѣдкимъ на провинціальномъ театрѣ, а что роли же не premier не его амплу, съ этимъ я согласенъ. Г. Качевскій. отъ котораго, по наслышкамъ, мы ожидали многоаго, не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго послѣ Микульскаго.

Г. Бабанинъ (Провинціальная знаменитость!) Явился на нашей сценѣ въ роль Князя Вахтанга, въ драмѣ «Майко», и весьма неблагоприятно, что между прочемъ съ нимъ всегда случалось! Да чего ожидать хорошаго отъ такого актера, какъ Г. Бабанинъ: сцена не для него, а онъ не для сцены!

Послѣ этихъ дебютовъ, представленія не переставали даваться; публика, все болѣе и болѣе рѣдѣя, съ нетерпѣніемъ ждала дебюта Рыбакова. Итакъ нашъ дорогой гость явился въ роль Ляпунова, въ драмѣ Н. В. Кукольника «Скопинъ-Шуйскій.» О драмѣ мы не скажемъ ничего: ни о ея постановкѣ, ни о ея исполненіи въ цѣломъ. Наша цѣль была, видѣть Рыбакова — и мы его видѣли, имъ восхищались! Рыбаковъ, дебютируя въ Ляпуновѣ, показалъ намъ свой талантъ, и талантъ истинный, чувства неподдѣльныя. Кто не помнитъ этихъ мѣстъ, такъ глубоко запавшихъ въ память, какъ на-примѣръ, сцены Ляпунова съ Михаиломъ, во второмъ и четвертомъ дѣйствіи, кто не содрогался и не сочувствовалъ Рыбакову, при словахъ: «Что?... Ты заснул?... Князь?... Ты заснул?... Молчи.»

Или, кто не помнитъ той грусти, такъ прекрасно выраженной Рыбаковымъ, когда онъ говоритъ :

«Два солнца наши дружно закатились!» и др.

Словомъ, чтобы постигнуть эти неподражаемыя минуты, нужно было видѣть самаго Рыбакова.

По окончаніи пьесы онъ былъ вызванъ нѣсколько разъ, не говоря уже о томъ, что въ продолженіе всей пьесы онъ былъ осыпанъ громкими, единодушными рукоплесканіями. Но, къ сожалѣнію, театръ не былъ полонъ. Говоря о семъ незапамятномъ вечерѣ, нельзя не упомянуть о Ленскомъ, который въ роляхъ Болотникова и Яши (юродиваго) былъ очень-хорошъ. Во-второй

разъ Рыбаковъ явился предъ нашею публикою Гамлетомъ. Надобно сказать, что на нашей сценѣ на актерѣ трагическомъ лежить весь успѣхъ драмы; это происходитъ отъ-того, что у насъ нѣтъ второстепенныхъ трагическихъ актеровъ, а вторая причина та, что нѣтъ ни одной актрисы, которая посвятила-бы себи собственно драмѣ. А потому, когда дается драма, то публика смотритъ не на драму въ цѣлости, а на одного только героя; поэтому, малѣйшій недостатокъ въ немъ тотчасъ бросается въ глаза. Но несмотря на все это, многія сцены изъ Гамлета запали мнѣ въ память и теперь живо являются воображенію. Мнѣ и теперь представляется его первый выходъ, слышатся слова:

Преступленіе проклятое! зачѣмъ рожденъ я наказать тебя!...

Или переходъ игры Рыбакова, отъ грусти, задумчивости, въ трепеть ужаса, при словахъ:

«О защитите насъ, святые духи неба!»

Разберите многосторонній характеръ Гамлета! Онъ то шутильщикъ, то съ ироніей, то грустный, то вдругъ страшный мститель. Смотрите! Рыбаковъ не былъ-ли такимъ? Сцена съ матерью была сыграна имъ мастерски, а сцена съ могильщикомомъ не лишена была силы и чувства. Однимъ-словомъ, роль Гамлета была выполнена Рыбаковымъ съ чувствомъ и тактомъ его прекраснаго-таланта! Роль Полоней г. Качевскій исполнилъ довольно-дурно. Бабаншичъ, въ роли Клавдія, былъ дурень, даже очень-дурень. Поднятія рукъ и глазъ къверху и неистовое завываніе — ничего ему не помогали. Г. Мочалова (Офелія) была очень-недурна. Гамлетъ былъ повторень въ бенефисъ Рыбакова. Роль Офелии исполняла въ этотъ разъ г. Рыбакова. Она превзошла наше ожиданіе; это была Шекспировская Офелія. Во многихъ мѣстахъ она трогала до глубины души. Сцена сумасшествія была выполнена ею артистически. Романсъ: «Моего-ль вы знали друга», въ устахъ ея потрясъ весь театръ; рукоплесканіямъ не было конца. Въ этотъ вечеръ мы видѣли Гамлета и Офелію! Мы довольны! и шлемъ русское спасибо артистамъ (мужу и женѣ) Рыбаковымъ!

Въ третій разъ Рыбаковъ явился въ роли Роберта Дравинсона, въ драмѣ «Фрегатъ Надежда». Онъ былъ милъ и увлекателенъ. Г. Ленскій, въ роли Границына былъ очень-хорошъ. Г. Новиковъ, въ роли доктора, заставилъ насъ имѣть выгодное о немъ мнѣніе. Прочія лица были ни выше, ни ниже посредственности. Драма «Бахчисарайскій фонтанъ», данная въ бенефисъ Г. Максина,

была довольно-скучна. Да, вообще передѣлки подобнаго рода не производятъ никакого впечатлѣнія на зрителя! Въ заключеніе данъ былъ водевиль «Русланъ и Людмила»; онъ шелъ живо, мило и хорошо. Бенефициантъ (Максимианъ) удостоился единодушнаго вызова послѣ перваго своего явленія.

Послѣ *сего* знаменитаго бенефиса, мы видѣли Рыбакова въ роли Жоржа-де-Жермани, въ драмѣ «Жизнь Игрока.» Драма шла хорошо. Роли были заучены; каждый былъ на своемъ мѣстѣ; каждый старался содѣйствовать Рыбакову. Сцена съ отцомъ была выполнена Рыбаковымъ превосходно; въ каждомъ словѣ, движеніи, видѣнъ былъ талантъ. Онъ прекрасно изобразилъ черты характера, замученнаго пороками, одною страстью — страстью къ картамъ. Кто слышалъ слова: «Амалия! Амалия! гдѣ ты?» Или въ третьемъ дѣйствіи, когда говоритъ ему дочь: «Паненка! у васъ руки въ крови!» «Въ крови!» Тотъ, вѣрно, дастъ Рыбакову пальму таланта истиннаго. Или въ словахъ: «Дайте, хоть стаканъ воды напиться!» онъ высказалъ всю горечь души, горящей раскаяніемъ, просящей милости и сожалѣнія. При словѣ: «Золото» онъ былъ неподражаемъ, глаза у него засверкали, онъ какъ-будто на мигъ проснулся и передъ нимъ явилась картина прошедшаго, — но страшно у Рыбакова было это пробужденіе. Театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. — Г. Качевская роль Амалии сыграла отчетливо. Сцена, когда она узнаетъ сына, была разыграна ею чудесно. Варнера, друга Жоржа, Г. Ленскій исполнилъ съ равнымъ достоинствомъ какъ и Болотникова! Прочія лица были также очень-порядочны!

Наконецъ «Басенокъ» Кукольника, на нашей сценѣ. Рыбаковъ, какъ и всегда, былъ хорошъ. Гг. Мочалова, Качевская и Мочаловъ содѣйствовали Рыбакову. А на проихъ накинѣмъ завѣсу! Среди скучныхъ и однообразныхъ представленій, съ нетерпѣніемъ ждалъ я бенефиса Рыбакова, въ полной увѣренности, что онъ порадуетъ насъ чѣмъ-нибудь новинькимъ. Онъ насталъ. Давали драму: «Сумасшедшій отъ любви». Этотъ бенефисъ былъ бы истиннымъ праздникомъ для любителей русскаго театра, если-бы гг. актеры, за исключеніемъ Рыбакова, хотя прочитали свои роли. Потомъ слѣдовали: Князь, Рука Всевышняго Отечество спасла, Дочь Адвоката, Уголино, и др.

На дворѣ дѣлалось холодно, а въ театрѣ еще холоднѣе! Въ это время, мы, съ сигарами въ зубахъ, припоминали всѣ достоинства и недостатки русскаго театра. Какъ стало сердцу больно

за свое родное. Чтожь дѣлать! актеры невинноваты, — виновата публика! Кричить, требуетъ, а не возьметъ во вниманіе средства русской труппы! Вспомните золотыя времена русскаго театра: тогда была публика образованная, а теперь почти что всегда пусто. Чѣмъ-же измѣнился театръ? Нѣтъ Мочалова и Щепкина? — но они были наши гости! Кого-же прикажете обвинять — разумѣется публику, за ея равнодушіе. Размышляя такимъ образомъ я перебралъ всѣхъ актеровъ, появившихся на нашей сценѣ. *Г. Мочаловъ*, антрепренёръ нашей труппы. Онъ, какъ актеръ съ талантомъ рѣдкимъ, достоинъ уваженія, но какъ антрепренёръ — никакого. Но все-же я его не обвиняю! Поощряйте русскій театръ, ходите въ него почаще, дайте ему средства, и онъ сталъ-бы театромъ самобытнымъ и получилъ-бы крѣпкій оплотъ!

Скажемъ еще нѣсколько словъ о Рыбаковѣ: у него есть маленькіе недостатки, но при его живой и увлекательной игрѣ, они дѣлаются почти незамѣтными. Да кто ихъ не имѣетъ?... *Г. Ленскій* можетъ-быть украшеніемъ всякой сцены; это актеръ талантливый и вполне понамающій дѣло. Лучшія его роли: *Кремневъ*, *Болотниковъ*, *Поль Клифортъ* «Морской Разбойникъ» *Гранцинь*, *Морковкинъ*, «Что имѣемъ не хранимъ,» *Обузовъ* «Женская натура» и мн. др.

Гг. Качевскій, *Бабанинъ*, *Новиковъ*, *Качевская* и *Бардакова* — исчезли!

Г. Максимъ — актеръ незаслуживающій особеннаго вниманія. О немъ тоже можно сказать, что и о *Бабанинѣ*.

Г. Струковъ — актеръ съ изряднымъ талантомъ. Можетъ съ успѣхомъ занимать второстепенныя роли въ комедіяхъ и водевиляхъ.

Г. Зверевъ — молодой человѣкъ, подающій надежды.

Г. Зубовичъ — занимаетъ ампуа слугъ, и перѣдко съ успѣхомъ.

Г-жа Мочалова — о ней было столько говорено, что мы, изъ уваженія къ прежнимъ замѣткамъ, не будемъ говорить о нѣкоторыхъ недостаткахъ, появившихся въ ея игрѣ.

О воспоминаніе!...

Г-жа Данилова — молодая актриса съ недурною наружностью. Если-бы къ ея таланту, въ которомъ мы не сомнѣваемся, присоединить болѣе старанія, то изъ нея вышла-бы прекрасная актриса.

Г-жа Иванова — достойная соперница *Мочаловой*. Явившись въ нѣкоторыхъ роляхъ, сошла со сцены.

Г-жи Орлова, Воронкевичева, Струкова — дополняли составъ труппы.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ явилась новая труппа актеровъ, сформированная Княземъ П. И. Гагаринымъ, и началá свои представленія на особомъ театрѣ, построенномъ на Преображенской-улицѣ. Съ виду онъ и не казится, но за то внутри отдѣланъ со вкусомъ. Новая труппа дебютировала водевилями «Симонъ-Спротинка» и «Стряпчій подь столомъ» и продолжала свои представленія до соединенія съ труппою Мочалова. Разберемъ персонажей новой труппы:

Г. *Полтавецъ*, молодой человекъ, игравшій на московской сценѣ, одаренный недурною наружностью; онъ можетъ съ успѣхомъ занимать амплу *jeune premier*.

Г. *Бороздинъ*: въ немъ видѣнъ отблескъ хорошаго комическаго таланта. Въ Жовьялѣ (Стряпчій подь столомъ) онъ чудесенъ.

Г. *Чистяковъ* занимаетъ второстепенныя роли въ водевиляхъ и драмахъ, и исполняетъ довольно-удачно.

Г. *Деклеръ*. — Что о немъ сказать? Являлся всегда въ незначительныхъ роляхъ, — два, три слова и довольно. Исключая «Дебютапта», гдѣ мы замѣтили въ немъ талантъ, мы болѣе его почти и не видали.

Г. *Островскій* можетъ съ успѣхомъ занимать роли слугъ.

Г. *Марлинекая*, послѣ нѣсколькихъ представлений, сошла со сцены. Мы-бы совѣтовали и прочимъ, подобнымъ ей, послѣдовать благому примѣру.

Г. *Сонина* занимаетъ ампу благородныхъ дамъ. Игра ея натуральна и благородна. Роль Эпселебень въ «Ломоносовѣ» она исполнила прекрасно, такъ, что мы и не ожидали.

Д-ца *Полтавцева* (восп.), оспариваетъ достоинство у актрисъ опытныхъ. Съ каждою ролею она лучше и лучше.

Д-ца *Макарова 1-я* (восп.) О ней, право, не знаю что и сказать, по ея молодости и незначительности ролей, занимаемыхъ ею. Подождемъ, что будетъ дальше!

Д-ца *Макарова 2-я* (восп.), начала свое поприще довольно-удачно, на которомъ современемъ заслужитъ имя артистки. Впрочемъ требовать многого отъ нея еще нельзя: она такъ молода и неопытна!

Соединенная труппа поставила «Велсарія», «Разбойниковъ» Шиллера, повторила «Кина» и поставила драму г. Золотова: «Ма-

тильда или злые совѣты». Эта пѣса уже, кажется, являлась на Александринскомъ театрѣ; слѣдовательно, какъ намъ Одесситамъ, такъ и Петербургцамъ, достоинства ея извѣстны. При хорошей игрѣ актеровъ, она имѣла-бы успѣхъ, но у насъ вышло иначе: не всѣ актеры знали свои роли, почему ежeminутно должны были подбѣгать къ будкѣ, какъ къ единственному своему спасенью. Но не-смотря на это, г. Золотовъ былъ два раза вызванъ.

Наконецъ наступила масляница; представленія начались, какъ и всегда, «Русалкою». Намъ ждалъ праздникъ: бенефисъ нашихъ любимыхъ актеровъ, Мочалова и Рыбакова. Назначенъ былъ Ломоносовъ. Но въ субботу мы, къ крайнему сожалѣнію, узнали, что Мочаловъ заболѣлъ, и потеряли надежду видѣть нашего талантливаго Ивана Лукича въ новой роли Тредьяковскаго! Такъ и вышло! Наступилъ день представленія, а Мочаловъ еще не вставалъ съ постели!

Подходя къ театру, я увидѣлъ множество экипажей, тянувшихся къ подъѣзду; а у самаго подъѣзда меня встрѣтила давка; сердце такъ и забилося. — Ну, подумалъ я, спектакль будетъ великолѣпный. — Вхожу въ театръ, окидываю мигомъ залу — все и вездѣ набито. Ломоносовъ шелъ хорошо. Рукоплесканіямъ и неистовымъ «браво» не было конца. Но на сценѣ какъ будто чего-то не доставало: не было нашего Ивана Лукича! Рыбаковъ былъ вызванъ нѣсколько разъ сряду, публика была въ восторгѣ.

ИВАНЪ ЛУКИЧЪ МОЧАЛОВЪ.

Прекрасное недомогѣно на землѣ!

Февраля 16-го узнали мы о смерти Ивана Лукича Мочалова. Нашъ театръ лишился дорогой жемчужины, украшенія сцены, въ ту самую минуту, когда Иванъ Лукичъ сталъ на свѣтлую точку своего таланта, когда Одесса ждала постоянного русскаго театра — перваго его корифея не стало! Иванъ Лукичъ Мочаловъ выступилъ на сцену въ 1837 году, въ городѣ Скопинѣ (Ряз. губерніи), а на нашу сцену въ 1843, въ роли Интрепида, въ водевилѣ «Сусана сиротка». Обладая обширнымъ комическимъ талантомъ, онъ въ каждой роли увлекалъ собою зрителя. Да! И. Л. любилъ свое искусство, былъ преданъ ему душою! Въ какихъ онъ не являлся

роляхъ, вездѣ былъ хорошъ. Мы не можемъ указать ни на одну роль, въ которой-бы онъ былъ дурень. Было-бы лишнимъ исчислять всѣ роли, въ которыхъ онъ являлся; но долгъ благодарности требуетъ, чтобы упомянуть о тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ своею благородною игрою, доставлялъ намъ истинно-поэтическія минуты!

Кто не помнитъ его Интрепидомъ въ «Суссанъ-Сироткѣ», Наумычемъ «Жена кавалериста», Дармоѣдовымъ «Заемныя жены», Курочкинымъ «Титулярные совѣтники», Патро «Узкіе башмаки», Галкою «Басенокъ», Голубчикомъ «Тѣтушка и добродѣтель», Пузинымъ «Отецъ какихъ мало», Жакомъ «Скупой», Рендомъ «Царство женщинъ». Довольно! Вспомнивши эти, вспомните и другія. Въ послѣдній разъ мы его видѣли въ роли Ильменева, въ драмѣ «Козьма Рощинъ», и Карла, въ водевилѣ «Первая любовь», — а черезъ недѣлю провожали его изъ соборной церкви въ вѣчное жилище. Съ грустію бросили мы кусокъ земли въ могилу артиста!

Если редакція «Репертуара и Пантеона» благосклонно приметъ мою досужную статью, то я не замедлю доставить ей обзоръ о дѣйствіяхъ русскаго театра и за настоящій годъ. (*)

w. w.

Мая 10 дня, 1846 г.

въ Одесса.

(*) Милости просимъ. *Ред.*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Опера «Les mousquetaires de la Reine» имѣеть въ Парижѣ успѣхъ невѣроятный: въ 42 представленія она дала сбору 226,360 франковъ: это неслыханный фактъ въ летописяхъ театра.

— Процессъ г-жи Арну Плесси, съ Французскимъ театромъ въ Парижѣ конченъ: судъ приговорилъ ее къ уплатѣ 100,000 франковъ проторей-убытковъ (dommages-interêts).

— Лейпцигская Музыкальная Газета (Allgemeine Musicalische Zeitung) извѣщаетъ, что композиторъ Верди умеръ въ Венеціи.

— Знаменитый скрипачъ Вьетанъ ангажированъ Дирекціею Императорскихъ С. Петербургскихъ театровъ, на мѣсто Бѣма, въ званіе перваго скрипичнаго солиста.

— 28-го мая, дебютировалъ на нашей Михайловской сценѣ г. *Пешенъ*, въ роли Оскара, въ комедіи «Oscar ou le jeune mari» и въ водевилѣ «Chapoussesse». Признаемъ, что особенныхъ достоинствъ мы въ немъ не замѣтили, судя, по-крайней-мѣрѣ, по первому дебюту. Едва-ли онъ замѣнитъ намъ нашего прежняго любимаго *Брессина*, котораго развитію Петербургъ такъ много содѣйствовалъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ-проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

(Цѣны на серебро.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

Argent rbls. c.

Beyer. (F.) Six morceaux élégants sur des airs allemands favoris, op. 80. № 1—6 à	— 72
— Azalia-polka avec vignette	— 72
Burgmüller (F.) Galop en forme de Rondo sur la Barcarolle d'Au- ber, op. 90	1 —
— Fantaisie brillante sur la Barcarolle d'Auber, op. 91	1 15
— Fantaisie brillante sur: Ernani de Verdi, op. 92	1 15
— Rondino sur un motif de la Sonnambula	— 60
Chopin (F.) Trois nouvelles mazurkas, op. 59	1 43
Choulenikoff (M.) Pensée fugitive	— 60
Döhler (Th.) Trio de l'opéra „Жизнь за Царя“ de Glinka, varié, op. 60. № 1	— 85
— Соловей, air russe d'Alabiéff, varié, op. 60. № 2	— 85
— Trot des Chevaliers-Gardes pour le piano, op. 62. № 1	— 60
— Grand galop de bravoure, op. 61	1 15
Frackmann (V.) Canzonetta, op. 8	— 85
Herz (H.) Souvenirs de la Scala, op. 150. № 1, Caprice sur Maria Padilla. № 2. Variations sur Chiara de Rosenberg à	1 —
— Nouvelle Tyrolienne originale variée, op. 154	1 29
— Les entraînantes. Nouveau quadrille varié, op. 155	1 43
— Mazurka sur le diable à quatre (avec vignette)	— 85
Hüntén (F.) Souvenirs de Bellini. Fantaisie op. 140	1 15
— Fantaisie brillante sur: la Sonnambula de Bellini, op. 141	1 15
— Fantaisie brillante sur: i Puritani de Bellini, op. 142	1 15
Kontsky (A. de) La Cerrito. Mazurka avec vignette	— 72
Langer (L.) Chant bohémien „за Ураломъ“, transcrit et varié	— 75
Liszt (F.) Six mélodies de Schubert, transcrites. № 1. Adieu (72 c.) № 2. Les plaintes de la jeune fille (1 r.) № 3. La cloche des agonissans (1 r.) № 4. La fleur fanée (72 c.) № 5. Toute ma vie (85 c.) № 6. La truite	1 15
Litolff (H.) Invitation à la polka, op. 31	1 15
Mayer (Ch.) Air italien, varié, op. 76	1 15
— Nocturne, op. 81	— 60
— Mazurka, op. 82	1 15
— Troisième Valse-Etude, op. 83	1 15
— La Gentille. Valse	— 50
Meyer (L. de) Airs russes. Fantaisie, op. 43	1 15
— Air bohémien-russe varié	— 75
Mendelssohn-Bartholdy (F.) Antigone des Sophokles, arr. par C. Horsley op. 55	2 —

Prudent (E.) Caprice-étude de concert sur la Somambula, op. 23	1	20
— Caprice-étude de concert sur i Puritani, op. 24	1	43
Rosellen (H.) Fantaisie brillante sur le Comte Ory de Rossini, op. 78	1	43
— Deux fantaisies sur deux romances de Henrion, op. 79. № 1 et 2	1	—
— Fantaisie brillante sur la Lucia di Lammermoor, op. 80	2	—
— Souvenir d'Ernani. Fantaisie, op. 81	1	72
— Polka sur le ballet: le diable à quatre (avec vignette)	—	72
— La Taglioni. Polka (avec vignette)	—	58
Thalberg (S.) Décameron. № 3. Fantaisie sur l'opéra: le prè aux clercs de Herold, op. 57	1	43
— Marche funèbre variée, op. 59	1	15
— La même marche abrégée et facilitée, op. 59	—	58
— Grande fantaisie sur des motifs de l'opéra: le Barbier de Seville, op. 63	1	72
Voss (C.) Sérénade, op. 61	1	29
— Grande mélodie célèbre de Meyerbeer, variée op. 64	1	43
— Esméralda, mélodie espagnole, op. 65	—	85
— Felicité perdue. Fantaisie mélancolique	1	—
— A la plus belle. Nocturne	—	50
Willmers (R.) La Sirène. Scherzo fantastique, op. 38.	1	72
— Grande mazurka, op. 44.	—	58
— Sextuor finale de l'opéra: Lucia di Lammermoor, op. 45	1	15

Выписывающіе потъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.*, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. — Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. — На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ-бы онѣ ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ-же магазинѣ вышла 1-го Іюня 6-я тетрадь музыкальнаго журнала *Нувелистъ*, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы:

Voss, Esméralda, mélodie espagnole. — Choulepnikoff, Pensée fugitive — Gung'l, Kriegers-Lust. Festmarsch. — Prudent, La berceuse. — Mayer, 4-me Valse-étude. — Wolff, 2-me Mazurka originale. — Brunner, Rondo sur un thème de Zampa de Herold — Herz, Variations sur un thème de Caffa. — Гурилевъ, Съ тоской на радость я гляжу. Романсъ. — Henrion, Loin de sa mère, romance. — Музыкально-литературное прибавленіе № 6.

Годовая подписка 10 руб. сер.
Съ пересылкою 11 руб. 50 к. сер.

ГГ. желающіе подписаться на *Нувелистъ* на 1846 годъ получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала вытѣшняго года.

ОГЛАВЛЕНІЕ XIV ТОМА.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

	<i>Стр.</i>
I. Воздушный городъ. Стихотвореніе <i>А. Фета</i>	3
II. МАТЕРІАЛЫ ДЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА. Князь <i>А. А. Шаховской</i> . Статья <i>Р. М. Зотова</i>	4
III. Русская пѣсня. Стихотвореніе <i>А. Д. Алмилуева</i> . . .	41
IV. Старый мужъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, <i>І. Корженёвскаго</i> . Переводъ съ польскаго <i>Ф. И.</i>	43
V. Начнемъ съзнава. (Изъ Беранжэ.) Стихотвореніе <i>А. А. Григорьева</i>	92
VI. Любовь и аферы. Повѣсть <i>Н. Сол.</i>	95
VII. Первый дебютъ или зритель по-неволю. Комедія-водевиль.	117
VIII. Юмористика. Письма петербургской мыши въ Парижъ. — Осы. Юмористическая всякая-всячина <i>Альфонса Карра</i> и другихъ. — Нѣчто о стражахъ чистоты и правильности русскаго языка.	145
IX. Смѣсь. Рожокъ табаку. (<i>Разсказъ Альтароша</i>). — Пляска Виллисъ. (<i>Венгерская легенда</i>). — Спектакли на Востокѣ. — Поединокъ импровизаторовъ. — Замѣтки	

о нѣкоторыхъ современныхъ парижскихъ актерахъ.
(*Г-жа Штольцъ—Левассёръ.—Буффе*).—Нового рода
театральная критика.—Театральныя школы въ Гер-
маніи.—Анекдоты и Мелочи 163

КНИЖКА ПЯТАЯ.

	Стр.
I. Элегія. (Изъ А. Шенье). В. И. Золотницкаго.	193
II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА. С. Петер- бургскіе театры въ 1845 году. 1) Александринскій; 2) Михайловскій (а, Французскій; б, Нѣмецкій); 3) Большой театръ (а, Итальянская опера; б, Русская опера; с, Балетъ).	196
III. Художнику. Стихотвореніе А. Фета	228
IV. Людовикъ XI. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ сти- хахъ. Сочиненіе Казимира Делавиня.	229
V. Философія и исторія музыки. Штейбельтъ. Статья С. К.	329
VI. Метелла. Повѣсть Ж. Занда.	338
VII. Юмористика. Этюды замѣчательнѣйшихъ юмористовъ прошедшаго и нынѣшняго времени. Рабеле.—Осы. Юмористическая всякая-всячина Альфонса Карра и другихъ.	380
VIII. Смѣсь. Четыре стихотворенія актера-поэта П. С. Мо- чалова.—Исторія скрипокъ Оль-Буля.—Прадонъ, со- перникъ Россини.—Балъ, почти баснословный, въ Парижѣ.—Первое представленіе комедіи Бомарше; «Свадьба Фигаро».—Фельетонная критика во Фран- ціи.—Какъ Тартини, авторъ «Сонаты Дьявола», сдѣ- лался музыкантомъ.—Новый Ватель. (Сюжетъ для во- девила.)—Анекдоты и Мелочи.	449

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

	Стр.
I. NOCTURNO. Стихотвореніе <i>А. Фета</i>	481
II. МАТЕРИАЛЫ для исторіи русскаго театра. <i>Василій Ивановичъ Головинъ</i> , одинъ изъ русскихъ драматурговъ первой четверти настоящаго вѣка. (<i>Изъ записокъ М. Н. Макарова</i> ,)	482
III. Вамъ. Стихотвореніе.	495
IV. Одинъ изъ многихъ. Разсказъ въ трехъ эпизодахъ. Эпизодъ первый: Любовь женщины. <i>А. А. Григорьева</i> . .	497
V. Наука и женщина. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. <i>В. З.</i>	548
VI. Пѣстрѣтъ заль... Стихотвореніе <i>В. И. Золотницкаго</i> .	585
VII. Маскарадъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи	586
VIII. Гидальго. Стихотвореніе <i>А. Н. Плещеева</i>	615
IX. Музыкантъ и княгиня. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ . .	617
X. Юмористика. Нѣчто о томъ, какъ Петербургъ занимается изящными искусствами и за-чѣмъ онъ ходитъ на выставку. — Осы. Юмористическая всякая всячина <i>А. Карра</i> и другихъ	649
XI. Смѣсь. О такъ-называемой «классической» трагедіи. Недѣля работницы. (<i>Разсказъ Делорда</i>). — Операторъ. (<i>Истинное происшествіе</i>). — Трогательная исторія, (<i>Разсказъ вѣнскаго полицейскаго комиссара</i>). — Краткій историческій очеркъ театра въ Италіи. — Происхождение названія «Незабудки». — Отъ-чего пришла Раймунду въ голову идея написать своего «Расточителя» (<i>der Verschwen-der</i>)? — Кто цѣлуетъ лучше всѣхъ въ цѣломъ свѣтѣ. — Статистика танцоровъ въ большей части европейскихъ государствъ. — Дѣйствіе совѣсти. — Клубъ Холостяковъ. — Анекдоты и мелочи	678

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МАРТЪ.

	<i>Стр.</i>
I. Иностранные театры.— <i>Парижскіе</i> . Новыя піесы въ февралѣ и въ мартѣ. Les Mousquetaires de la reine, опера, музыка Галеви.— Le vicomte de Giroflée, водевилъ Лорансена и Маркъ-Мишеля.— L'ingénue à la cour, комедія Ампи.— Gentil Bernard ou l'art d'aimer, водевилъ Дюмануара и Клервиля.— Michel Bremond, драма.— Les Dieux de l'Olympe à Paris, фантастическій водевилъ Жюля Кордье и Клервиля	1
II. Русскіе театры. <i>Провинціальные</i> . Таганрогскій театръ.	7
III. Разныя извѣстія.	16
Корреспонденція «Репертуара и Пантеона.»	19

АПРѢЛЬ.

	<i>Стр.</i>
I. Иностранные театры. — Парижскіе. Gèneviève ou la jalousie paternelle, комедія-водевилъ Скриба. — Le carillon de St-Mandè, водевилъ Сирадена и Далвена. — Un mari qui se déränge, водевилъ Кормена и Гранже.— Le nouveau Juif errant, водевилъ Варнера.— Jean Baptiste, драма Мишель-Массона, де-Вильпёва и Фредерика Тома.— Mademoiselle ma femme, комедія водевилъ Лефрана и Лабяша. — Un conte bleu, водевилъ Лафитта и Ф. Тома. — Un homme grave, водевилъ Е. Сувестра. —	

Le lait d'annesse, водевилъ Дюпёти и Габріэля. — Fripette, водевилъ Леграна и Лабиша. — Une fille du Régent, комедія Александра Дюма 25

II. РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

1) ПЕТЕРБУРГСКІЕ. Александринскій театр. Открытіе русскихъ спектаклей. — Новый дирижёръ оркестра В. М. Кажинскій. — Пансіонеръ-артистъ, петербургскихъ театровъ Я. М. Брянскій. — Горе отъ ума и новый дебютантъ, московскій артистъ г. Самаринъ. — Черный Дугласть, драма. — Бенефисъ г. Куликова: Евгенийъ Онегинъ, драматическое представленіе. — Мыльные пузыри, шутка. — Отставной театральнй музыкантъ и княгиня, оригинальная драма. — Артисты между собою или чей фантъ вынется, что тому дѣлать, дивертиссементъ. 34

Михайловскій театр. а) Нѣмецкіе спектакли. Abendunterhaltungen — Г-на Гемузеуса — г-на Горнике — г-жи Ваксъ. б) Открытіе спектаклей. — Le tuteur de vingt ans. — Le major Cravachon. — Бенефисъ г-на Верне: Un procès criminel. — Riche d'amour. — Sur les toits 48

2) ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ.

Воспомяніе о тоганрогскомъ театрѣ. — Тифлисскій театр. 51

III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ 68

IV. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ «РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА» 71

МАЙ.

I. ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ. — Парижскіе. La femme électrique, водевилъ Корнѣе и Клервиля. — Les ennemis, водевилъ Фурнье. — Une nuit au Louvre, драма Вандербюрка. — Juanita, комедія-водевилъ Баяра и Камберусса. — Echec et mat, комедія Фѣлье и Бокажа. Le petit fils, водевилъ Баяра 75

II. РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

- 1) ПЕТЕРБУРГСКІЕ. АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ. Бенефисъ г-жи Сосницкой. — Эсмеральда, драма. — Чего на свѣтѣ не бываетъ? водевиль. — Бенефисъ г. Марковецкаго. — Пансіонерка, трагедія. — Лото въ клубъ или на которой-то нумеръ сѣсть, водевиль. — Ворона въ павлиньихъ перьяхъ или слуга графъ, графъ слуга, водевиль. — Горе отъ ума. — Разбойники, трагедія Шиллера. 79
- Михайловскій театръ. а) Нѣмецкіе спектакли. Дебютъ г-жи Берндорфъ. — Das Tagebuch, комедія. — б) Французскіе спектакли. О г-жѣ Плесси, по случаю послѣдняго ея представленія 93
- 2) ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ. Благородные спектакли въ Кременчугѣ. — Одесскій театръ 105
- III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ 119

7954. 7009.